

Полная история рыцарских орденов в одной книге Предисловие

«Я, имярек, рыцарь ордена, клянусь, моему господину и повелителю, и преемнику князя апостолов, и его наследникам в постоянной верности и послушании. Клянусь, что я не только словом, но и оружием, всеми своими силами буду защищать таинства веры... Обещаю также повиноваться великому магистру ордена и быть послушным, как того требуют уставы... В любое время дня и ночи, когда будет получен приказ, клянусь переплыть все море, чтобы сражаться против неверных королей и князей...»

Слова рыцарской присяги звучали по всей средневековой Европе. Писались уставы, развевались разноцветные плащи и плюмажи — но эта клятва кочевала по городам и странам, неизменная, как текст Священного Писания. Средневековье — эпоха, когда рыцарство не просто вошло в моду; оно стало его «руководящей и направляющей силой». Из-за этой особой роли в жизни давно ушедших столетий, рыцарство и по сей день является главным объектом хулы или похвалы. Ордена — загадочный феномен странной эпохи, в которой причудливо сплелись невежество и благородство, жестокость и отвага, грязь и золото, земля и небо. Именно рыцарство перекинуло незримый мост между этими ипостасями, воплотив в себе непоколебимую твердость земной власти с возвышенностью молитвы. Поэтому, стоит ли удивляться тому, что, зародившись на Святой Земле, ордена очень скоро распространили свое влияние на все территории «христианского мира».

Их создавали монахи и монархи, принцы, бароны и проповедники...

Иоанниты и тамплиеры, Тевтонский и Ливонский ордена, орден Гроба Господня и орден Калатрава, мальтийские рыцари и орден Меченосцев, ордена Алькантара и Валломброза, Ависа и Святого Иакова Голландского, гергардинисты и минимиты, орден Тринитариев и орден Дракона, орден Христа и орден Монтезы, орден Сантьяго и орден Монжуа, орден Святого Лазаря Иерусалимского и орден Святого Духа Монпелье, ордена Святого Фомы Кентерберийского и Святого Георгия Афламского... Если продолжить, то книгу смело можно назвать словарем средневековых рыцарских образований. Под классификацию военных рыцарских орденов, насчитанных историками, попадает более сотни братств, как светских, так и религиозных. И это не считая десятков мертворожденных. Некоторые из

орденов удостаиваются от современных исследователей лишь пары сухих строк. Что и не удивительно: собрались несколько человек на военизированную «корпоративку», помахали мечами — и разошлись навсегда, оставив после себя лишь звучное имя... Два главных регулярных занятия средневековой эпохи — война и религия привели к тому, что ордена создавались до тех пор, пока не осталось ни единой христианской страны, в которой бы их не было.

Реальную историю, однако, творили не более десятка братских объединений — именно они и оставили в «антологии рыцарства» те страницы, которые нам предстоит вместе перелистать...

...Есть такое английское выражение — «potter's field», «земля горшечника». Так назывался тот самый надел в Иерусалиме, что был, как гласит легенда, выкуплен за тридцать иудиних сребреников. Именно на нем много веков спустя, появился госпиталь-приют для паломников, давший начало самому крупному рыцарскому ордену всех времен и народов.

Поговаривают, что оттуда, из самых недр Святой Земли (а вовсе не от инициалов детского друга Джоан Руолинг), и происходит фамилия Поттер, принадлежащая мальчику-волшебнику. И что знаменитые книги пишет вовсе не Джоан, которая на проверку оказывается не кем иным, как Иоанной. В сочетании с фамилией, созвучной со словом «ролл» — «свиток», «список» — мы получаем «свиток иоаннитов», рыцарей древнего ордена, названного так в честь Иоанна Крестителя и известного всем, как мальтийский.

Эти сенсационные разоблачения представили публике авторы книги «АнтиГарриПоттер», вышедшей в России несколько лет назад — в самый разгар царящего вокруг «поттериады» ажиотажа. По их мнению, история Гарри буквально усеяна подробностями, отсылающими «проницательного читателя» к деятельности иоаннитского ордена. Вот Николас Флэмел, добрый друг директора школы волшебников — человек с таким именем действительно жил в XIV веке в Париже. Согласно поверью, он сумел-таки создать философский камень, обращающий металл в золото, а незадолго до смерти начертил загадочные иероглифы на арках Церкви Невинных, принадлежащей мальтийцам....

Вот школьники Хогвартса, по будням носящие черную мантию, а в праздники — бархатную малиновую накидку с белыми пуговицами — без пяти минут братья-рыцари с их черными рясами и красной одеждой с белоснежным крестом на груди. Вот магический камень безоар, с помощью которого начинающему магу удалось спасти своего друга. Вполне реальное вещество — оно образуется в желудках травоядных при недостатке в их рационе минеральных веществ. Когда-то орден неплохо зарабатывал на продаже безоара — дабы получить ценнейшее сырье, монахи кормили коз специальной травой.

Вопрос, для чего понадобилось потомкам древнего ордена выпускать в свет это «программное» фэнтези, остался открытым. Авторы, правда, туманно намекали на зомбирование подростков, вспомнив даже детские крестовые походы за Гробом Господним — но, думается, для большинства романы о Гарри Поттере останутся не более чем занимательным чтивом. Как, кстати, и другой недавний бестселлер — «Код да Винчи», героями которого стали, как мы знаем, извечные друзья-соперники иоаннитов — тамплиеры.

И все же, всплеск интереса к рыцарской теме, несомненно «имеющий место быть» в начале XXI века, отнюдь не случаен. Всегда считалось, что рыцари появляются в нелегкие времена — когда потеряна сама надежда на торжество добра и справедливости.

Перелистывая недавно свой школьный «откровенник» (через увлечение этими толстыми тетрадками-анкетами прошел, наверное, каждый), я обнаружила в нем любопытное место. На вопрос о том, в какой исторический период вы хотели бы жить, моя одноклассница ответила — в эпоху рыцарей. Наверное, в этом было много детского, порожденного книгами о приключениях доблестных благородных идалго — и все же, их философия, простая и действенная, не устаревает уже много столетий.

Мало кто помнит, что смысл рыцарства изначально заключался в том, что, получая от короля кусок земли, воин должен был за счет доходов с него экипировать себя и своих вассалов для защиты государства. Важнее другое — с самого начала рыцари осознали себя, как особое сословие. В условиях средневековой раздробленности (читали сказки о том, как, увидев своего короля, люди не узнавали его в лицо?) можно было выжить, только примкнув к какой-либо корпорации. Такой корпорацией стало и рыцарство. Посвящение было знаковым моментом в жизни каждого юноши, заслужившего право на белый или черный плащ, а рыцарские правила — не игрой, а «нормой жизни». И хотя этика братьев кое в чем противоречила христианским догмам — ища славы, недолго впасть в грех гордыни — они считали себя верными сынами Церкви. Как ее форпост в сражении со злом, на заре Крестовых походов возникли военно-монашеские ордена. Их члены, принимая обеты монахов, в бою вели себя, как настоящие мирские воины.

«...Рыцарю принадлежит меч, имеющий крестообразную форму; это свидетельство того, что он призван побеждать и уничтожать своим мечом противников креста, подобно тому, как Иисус Христос победил на кресте смерть, которой мы были наказаны по вине прародителя нашего Адама. И как меч заострен с обеих сторон, а рыцарство призвано утверждать справедливость, — справедливость заключается в том, чтобы каждому воздавать по заслугам...

Рыцарю принадлежит копьё, что свидетельствует об истине, ибо истина не извилиста, но пряма, и она опережает ложь. А наконечник копья символизирует преимущество, которое имеет истина перед ложью, штандарт же свидетельствует о том, что истина открыта и не страшится лжи и обмана...

Рыцарю принадлежит шлем, символизирующий совесть, ибо бессовестный рыцарь не будет подчиняться установлениям рыцарства. Отсюда следует, что как совесть пробуждает в людях стыдливость и заставляет их опускать глаза долу, так и шлем не позволяет человеку задирать слишком голову и заставляет его смотреть перед собой, и не опускаться слишком, и не воспарять. Подобно тому, как шлем предохраняет голову, самую ценную часть человеческого тела, расположенную над другими, совесть предохраняет рыцаря, предназначение которого, после священника, самое благородное из всех существующих, от подлых умыслов, дабы благородство его духа не запятнало себя низостями, обманом или иными дурными поступками...»

«Книга о рыцарстве» была написана философом Раймоном Льюлем в 1275 году. И хотя многие ученые новейшего времени иронически называют ее «Манифестом коммунистической партии», на протяжении всего Средневековья она воспринималась, как своеобразное пособие для начинающих братьев.

Мир, в который пришли рыцарские объединения, был миром одной идеи — отвоевать гроб Господень и освободить землю, на которой страдал Спаситель. Европейские христиане видели в этой священной битве всеобъединяющую задачу. Ни смерть, ни нужда не пугали их — настолько высокой казалась цель. Эта внутренняя сила, наполнявшая души и простых смертных, и правителей, подобно Вифлеемской звезде, вела первых

рыцарей на Восток. Бытует мнение, что христианский военно-монашеский орден — всего лишь подражание мусульманской организации *ġibat*, укрепленному монастырю, послушники которого боролись с врагами ислама с мечом в руках. Однако, одно различие весьма существенно: если члены *ġibat* уходили в монахи на время, то для европейских братьев рыцарство превращалось в пожизненный добровольный крест. В вооруженной борьбе за правое дело они видели средство спасения душ — не только душ неверных, но и своих собственных. Быть рыцарем означало стремиться к Идеалу, который, являясь недостижимым, как Солнце, отогревал сердце отблесками добра и справедливости.

«...Лишенный любви рыцарь будет жесток и безжалостен, а коль скоро жестокость и безжалостность чужды природе рыцарства, то рыцарю надлежит быть милосердным. Ибо если нет в рыцаре потребности в любви к Господу и к своему ближнему, как сможет он возлюбить Господа и сострадать немощным, и откуда возьмется в нем жалость к побежденному противнику, взывающему к его жалости? Если бы любовь была чужда его сердцу, как мог бы он принадлежать к рыцарскому ордену?»

Этот вопрос задал в XIII веке Раймон Льюль. И сам же себе ответил: «Именно любовь связывает воедино все добродетели и отчуждает пороки; любовная жажда неутолима для любого рыцаря и для любого смертного, чему бы он себя ни посвятил; благодаря любви бремя рыцарства оказывается не столь тяжелым. И как безногий конь не смог бы нести на себе рыцаря, так и лишенный любви рыцарь не смог бы вынести то бремя, которое его благородное сердце взвалило на себя во славу рыцарства...».

Сейчас мы предлагаем вам окунуться в этот полузабытый, и от того кажущийся невероятным, мир рыцарства. Туда, где бушевали яростные страсти, совершались искренние поступки — простые и сильные, глубокие и высокие. Туда, где так естественны были мужская честь, любовь к Отечеству, ненависть к врагу, справедливость и сострадание к ближнему. Может быть, эта книга затронет какие-то затаенные чувства и вашей души?

«...Отныне и впредь носят на своей груди крест...» (Мальтийский орден)

...Маленькая церковь. Перед алтарем — коленопреклоненный мужчина, в его руке горит свеча. Незатянутая, просторная одежда олицетворяет пока еще полную свободу этого человека.

— Обещаешь ли ты заботиться обо всех сиротах, вдовах, беспомощных, бедных и скорбящих?

— Да, обещаю.

— Согласен ли ты повиноваться тому, кто будет поставлен над тобой от имени великого магистра?

— Да, ваша честь.

— Не сочетался ли ты законным браком с женщиной?

— Нет, в браке не состою.

— Не являешься ли ты поручителем по какому-либо долгу и не имеешь ли сам долгов?

— Нет, ваша честь.

— Вот тебе меч, которым ты будешь защищать бедных и поражать врагов веры нашей.

Обнаженный клинок трижды плашмя ударяет посвящаемого по плечу.

— Да будет этот удар мечом для тебя последним! Положи правую руку на молитвенник и поклянись свято блюсти верность Ордену святого Иоанна Иерусалимского.

— Клянусь верой и правдой служить нашему братству!

— Встань, рыцарь, отнеси молитвенник к алтарю и принеси обратно.

— А сейчас сто пятьдесят раз прочитай вслух «Отче наш»...

Обряд продолжается. Претенденту указывают на ярмо, бич, копьё, гвоздь, столб и крест.

— Вспоминай об этих вещах как можно чаще и помни, что все они приносили страдания Господу нашему Христу.

— В знак твоего полного, добровольного повиновения надеваю тебе на шею это ярмо, служи нашему общему делу с покорностью!

Новому рыцарю помогают облачиться в орденское одеяние. Теперь его фигуру окутывает ниспадающий широкими складками плащ. К нему подходит каждый из присутствующих и троекратно целует, как брата...

Этот обряд история сохранила в мельчайших подробностях. Именно так принимали в свои ряды новых братьев рыцари-иоанниты, ставшие «первой ласточкой» в череде военно-монашеских орденов. Правда, это описание пришло к нам уже из XIV века. Именно тогда «ветер перемен» занес Орден на маленький остров Родос неподалеку от турецких берегов. Впрочем, на Родосе всегда дует ветер, поэтому там никогда не бывает изнуряющей жары. Таково уж свойство средиземноморских островов, многим из которых было суждено стать временным приютом для многострадальных рыцарей...

Один из них — Мальта. Собственно, полное название Ордена так и звучит — Суверенный военный Орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родосский и Мальтийский. Песчаный пляж на Мальте найти почти невозможно. Когда стоишь на берегу, где на огромные прибрежные валуны накатывают морские волны, то тихие и ласковые, то грозные и ревущие, кажется, что море ведет со скалами нескончаемый диалог, будто вспоминая происходившие здесь грандиозные события, которых, наверное, хватило бы не только на остров, а на целый континент. Именно в этом месте в Средние века писалась одна из интереснейших страниц истории человечества, и сюда по-прежнему, несмотря на пляжные неудобства, ежегодно приезжают тысячи и тысячи туристов.

Наверное, это забавно, если не сказать — курьезно. Сейчас эти рыцари живут за счет пожертвований и продажи сувениров и почтовых марок, кстати, очень ценящихся в среде филателистов. Еще более неправдоподобно, но факт — в наши дни Мальтийский орден является суверенным государством с экстерриториальным статусом и размещается... в двух итальянских особняках — большой вилле на Авентинском холме и старинном дворце на улице Кондотти в Риме. Это самый невероятный субъект международного права без территории, но с гербом, флагом и конституцией. И поверьте, если бы вы

обладали паспортом этого государства, перед вами были бы открыты любые границы. По своему статусу данный документ негласно стоит даже выше дипломатического паспорта и вызывает у пограничников почтеннейший трепет, значительно больший, чем описывал когда-то Маяковский.

До сих пор существует общепринятое мнение о высочайшей престижности быть членом прославленного Ордена. Впрочем, даже современные мальтийские рыцари, а их насчитывается около десяти тысяч, в своем большинстве — потомки знатных дворянских родов. Существуют даже более категоричные утверждения, что по степени политического веса, финансовой мощи, участию в гуманитарной и образовательной деятельности, словом, по реальному могуществу это почти мифическое государство превосходит даже возможности крупнейших мировых держав. Однако и сейчас, по истечении почти тысячелетия своего существования, Мальтийский орден старается сохранять свою структуру и старые традиции. И, как сотни лет назад, главным своим предназначением считает благотворительность и поддержку христиан.

Да именно с этого все и начиналось... Рождение монашеского братства госпитальеров, на основе которого был создан Орден Святого Иоанна, относят к первой половине XI века. В те времена в Иерусалим стремились попасть тысячи паломников-христиан. Женщины и мужчины, безусые юнцы и седобородые старцы — огромный живой поток заполнил зеленую ложбину меж холмов, по стенам которой раскинулся древний город. Здесь начиналась их Вера. Вот Золотые ворота, через которые вошел в город Спаситель, — еще недавно их заслоняли полчища сарацин... Вот священное место, где находился Гроб Господень. Здесь оплакивали Иисуса жены-мироносицы, когда Ангел, сошедший с небес, сказал им: «Что вы ищете живого среди мертвых? Его нет здесь»...

А рядом — где упали на землю капли крови, пролитой Иисусом, небольшая каменная ваза. Пуп Земли! Где, как не здесь, возликовать о том, что земля эта больше не принадлежит неверным? Словно яркий луч пронзил серую пелену, многие годы застилавшую глаза и сердца христиан, измученных безысходной тоской по истинной вере — ясной и чистой, как небо над Иерусалимом...

Эта вера была тогда столь велика и несокрушима, что люди шли на смертельный риск и тяжкие испытания, лишь бы прикоснуться к ее истокам. А это вам не сегодняшний перелет на современном самолете или комфортабельном океанском лайнере. Чтобы оказаться на Святой Земле, пилигримы переносили многодневные и опаснейшие путешествия по морю, где хозяйничали свирепые и беспощадные пираты. Да и Земля Обетованная не всегда встречала паломников материнскими объятиями. Ждал их долгий, нелегкий путь под палящим солнцем Палестины...

Всячески помогать своим братьям и сестрам по вере задумали несколько купцов, прибывших в Иерусалим из города Амальфи, что находится на южном побережье Италии и слыл в то время крупным центром левантйской торговли. Иерусалим же был во владении египетского халифа. Сохранилось имя одного из купцов, который испросил разрешения у халифа организовать странноприимный дом для бедных и заболевших христиан, что совершали паломничество из Европы к местам последних дней земной жизни Иисуса. Его звали Пантелеон Мауро.

Забавно — но точно такую же фамилию носит «бойфренд» моей старшей дочери. Познакомились они в студенческом общежитии в Париже и вот уже третий год неразлучны. Разумеется, то, что Лука родился недалеко от Амальфи, мне было известно. И

все же, рассказывая про обнаруженное мною совпадение, я и представить себе не могла, что он и впрямь окажется потомком купца Пантелеона. Но — факт остается фактом. И — кто знает — может, через несколько лет я стану счастливой бабушкой крошечного продолжателя рода первого рыцаря-иоаннита...

Пути Господни поистине неисповедимы. И вот в 1048 году в Иерусалиме появилась христианская миссия — hospital. Та к родилось братство, основной целью которого стала забота о безопасности и здоровье паломников. Они получали там, по современной терминологии, полный комплекс услуг — проживание, питание, медицинскую помощь. Причем, в отличие от дня сегодняшнего, — абсолютно бесплатно. Госпиталь был способен принять и обслужить огромное, даже по нынешним меркам, количество людей одновременно — до двух тысяч. Начал действовать при нем храм Святого Иоанна Предтечи, а служивших там братьев стали называть красивым словом «госпитальеры».

С каждым годом возрастало не только число паломников, которых здесь принимали, становилось больше и служителей-подвижников, денно и нощно работавших при госпитале и храме. Как-то незаметно их стали называть братьями-иоаннитами — по имени Святого Иоанна. Через паломников устанавливались и крепились связи с европейским христианским миром. Но рыцарским орденом им еще стать предстояло...

В 1095 году Алексей Комнин, император терзаемой турками-сельджуками Византии, обратился за помощью к римскому папе. Урбан II, встревоженный судьбой детей христовых, созвал во французском Клермоне церковный собор, на который собрались 200 епископов, 14 архиепископов и 400 аббатов. Это внушительное собрание церковных иерархов постановило «ради освобождения Гроба Господня в Иерусалиме» организовать Крестовый поход. Примерно через год на Восток двинулась стотысячная объединенная армия крестоносцев. Средне— и северо-французское ополчение возглавляли брат французского короля Гуго Вермандуа, герцог нормандский Роберт и Роберт Фриз из Фландрии. Южно-французское, или провансальское, шло во главе с Раймундом, графом Тулузским. Норманнское войско, которым командовал Боэмунд, князь Тарентский, двинулось из южной Италии. Армада лотарингцев шла к Иерусалиму под командованием Готфрида (Готфруа) Бульонского, к которому присоединился его брат Болдуин.

Победоносный тон походу задали первая масштабная и кровавая сеча при Дорилее, где сельджуки были наголову разгромлены. В начале 1098 года под натиском отрядов Болдуина сдалась Эдесса — крупный армянский торговый город на пути из Сирии в Месопотамию.

И было заложено первое на Востоке государство крестоносцев — Эдесское графство. Второе — Антиохийское княжество — возникло через несколько месяцев в результате покорения Боэмундом Тарентским города Антиохии. И, наконец, в 1099 году был покорен Иерусалим.

Вот как описывает это событие анонимная итало-нормандская хроника XI века «Деяния франков и прочих иерусалимцев»: «В пятницу 15 июля мы ринулись на укрепления. Была такая бойня, что наши стояли по лодыжки в крови. Войдя в город, крестоносцы гнали сарацин (так воинов-мусульман называли европейцы) до Храма Соломона, скопившись в котором, они дали нам самое жестокое сражение за весь день, так что их кровь текла по всему храму...»

Штурму предшествовала долгая, изнурительная осада. По преданиям, рыцари получали изнутри города поддержку госпитальеров. Впрочем, в чем конкретно заключалась их

помощь, доподлинно не известно. Но сохранилась красивая легенда о том, что бывший провансалец Жерар, поселившийся в Иерусалиме и возглавивший христианскую миссию, совершил чудо, помогая своим единоверцам. К концу многодневной осады в отрядах крестоносцев начался голод. Тогда Жерар стал сбрасывать со стен на головы воинов свежеспеченный хлеб. Увидев это, стражи города схватили его. Но неизбежной казни не последовало, на глазах изумленных судей хлеб чудесным образом превратился в камни.

Предводитель того первого крестового похода Готфруа Бульонский высоко оценил заслуги госпитальеров перед христианами и пожаловал братству щедрые земельные наделы. Преемник Готфруа и его брат, иерусалимский король Болдуин I, тоже покровительствовал госпитальерам и щедро награждал их привилегиями. В ряды братства стали вступать и многие рыцари-крестоносцы. Продолжая бескорыстные каждодневные труды по поддержке неимущих и больных христиан, госпитальеры постепенно начали вести борьбу и с их угнетателями — иноверцами.

Тогда-то у Жерара родилась мысль превратить братство в Орден, который будет копьем и мечом защищать Святую Землю от неверных. Вступающим в него предлагалось отречься от мира, носить монашеское одеяние, им присваивалось рыцарское звание. Получить его, однако, было не так-то легко. Два года претенденты были обязаны провести на боевых галерах, сражаясь с пиратами и неверными, еще столько же ухаживали за больными в госпиталях, выполняя любую, даже самую грязную работу. При этом полученный ранг монаха-рыцаря от этих обязанностей не освобождал. Каждый, кто удостоивался чести быть принятым в рыцарское сообщество, давал три обета — целомудрия, послушания и бедности. Он полностью отказывался от своего имущества в пользу своих наследников, но чаще — в пользу Ордена. В дальнейшем монахов наделили правом приобретать поместья. Однако наследовать их могло только все то же братство...

Вскоре после основания Ордена на месте, где по преданию находилось жилище Святого Захария, братья заложили и возвели храм во имя Святого Иоанна Крестителя. Жерар разработал устав Ордена госпитальеров или, как их иначе стали называть, — иоаннитов. Его эмблемой стал восьмиконечный белый крест. Четыре конца креста символизировали христианские добродетели, восемь их углов — добрые качества христианина, а белый цвет — безупречность рыцарской чести. Впоследствии, когда орден оказался на Мальте, общепринятым стало и название — мальтийский крест.

Цвет и покрой одежды, правила монастырского быта и взаимоотношений с внешним миром отличались от принципов, положенных в основу существования других духовно-рыцарских орденов, что к тому времени стали появляться в Европе. Например, от бенедиктинцев, цистерцианцев или францисканцев госпитальеров сразу можно было отличить по их «фирменному» кресту, который первоначально нашивали на левое плечо черного плаща. Позже рыцари ордена стали носить красные плащи, а крест переместился на грудь. Любопытно, что плащи имели очень узкие рукава — так подчеркивалось отсутствие у членов ордена личной свободы.

Но отличия были не только внешние. Вот что отмечает исследователь средневекового монашества Лев Карсавин: «Аскетический идеал оказывал влияние не только на церковные слои. Он воздействовал и на мирян, и от слияния его с идеалом рыцарства получилась своеобразная форма — рыцарские ордена. Не будучи еще аскетическим и не сливаясь еще с монашеским, рыцарский идеал был уже идеалом христианским. Рыцари были, по мысли идеологов, защитниками слабых и безоружных, вдов и сирот, защитниками христианства против неверных и еретиков. Миссия защиты паломников в Святую Землю, помощи тем из них, которые, больные или бедные, в ней нуждались,

защита Гроба Господня от неверных вытекала из идеала христианского рыцарства. Благодаря господству аскетического мирозерцания она (миссия) сочеталась с принесением монашеских обетов, и так возникли рыцарские военно-духовные (или духовно-рыцарские) ордена...»

Несмотря на суровость монашеского быта, число желающих стать членами ордена все возрастало. Слава госпитальеров достигла римских врат и принесла им высочайшее покровительство Святого престола, который увидел в ордене мощный инструмент для распространения своего влияния в Палестине и в других странах. В 1113 году Папа Римский Пасхалий II специальной буллой объявил об учреждении монашеского Ордена Иоанна Иерусалимского и утвердил его устав. Справедливости ради следует сказать, что это было лишь формальным официальным признанием уже свершившегося факта.

Рыцарь Жерар был заслуженно оставлен на посту руководителя Ордена. Его уважительно называли Основатель, Директор и даже Gerard Beatified — Жерар Благословенный. Умер он, окруженный почетом и уважением, в глубокой старости в 1118 году. А для христиан на Святой Земле наступили нелегкие времена. Воинственные и агрессивные турки-сельджуки повсеместно вытесняли арабов, относящихся вполне терпимо к чужой вере. Война в деяниях Ордена выступает на первый план.

Его глава получает звание Великого магистра или гроссмейстера. Первым это громкое звание начал носить преемник Жерара, герой штурма Иерусалима Раймонд де Пюи из дворянского рода Дофинеи. Он также стал величаться «стражем Иерусалимского гостининого дома» и «блюстителем рати Христовой». Великого магистра торжественно избирали из самых знатных и доблестных рыцарей, он получал это звание пожизненно. Его признавали, подобно монархам, властвующим милостью божьей, и наделяли атрибутами власти — короной, «мечом веры» и печатью с собственным ликом. После избрания Великого магистра извещение об этом событии рассылалось всем европейским государям.

Устав делил членов Ордена на три категории: рыцарей, капелланов и оруженосцев. Претендент на посвящение в класс рыцарей должен был доказать свое дворянское происхождение. Например, «рыцарям по справедливости», которым, как правило, отдавались все руководящие должности в Ордене, положено было иметь восемь аристократических поколений. В различных странах эти требования к таким сведениям были различными — скажем, испанцы и итальянцы могли ограничиться лишь четырьмя. «Рыцарями по милости» принимали в виде исключения за военные подвиги и без доказательств благородного происхождения или тех, у кого отцами были дворяне, а матерями — горожанки. В дальнейшем в структуре Ордена появились «рыцари благочестия», которые вообще не принимали монашеских обетов. Орден госпитальеров, таким образом, стал самым аристократическим во всей Европе.

В другие категории братства могли вступать и не дворяне. Капелланы ведали духовными и религиозными делами. Кроме оруженосцев работали еще служащие по хозяйству. Но все они считались подданными великого магистра и приносили ему присягу в верности. Кроме монашеского, рыцарь принимал обет безбрачия. Снять его, и обязательно персонально, мог только римский папа специальной буллой, что достаточно редко, но все-таки случалось. Правда, и монахами в абсолютном смысле иоаннитов признать нельзя, так как им не предписывалось удаляться от мира. Да и одежда выглядела все же более светской, чем у обитателей монастырей. Рыцарям давались некоторые бытовые послабления. Например, им не предписывалось обязательно жить в монастырских кельях, а дозволялось иметь собственное жилище.

Раймонд де Пюи ввел в Ордене еще одно деление на так называемые «языки», или «ланги». Вначале их насчитывалось семь: французский, итальянский, германский, английский, провансальский, овернский и арагонский. Впоследствии добавился кастильский. Английский язык, правда, был упразднен Генрихом VIII по требованию англиканской церкви. Но был восстановлен в Баварии в 1782 году, хотя именовался уже англобаварским. К нему отнесут и два русских великих приорства, когда Орден начал функционировать в России. Языки возглавляли столпы или конвентуальные бальи. По старшинству в Ордене они стояли за Великим магистром. Затем следовали великие приоры. Все они считались кавалерами Большого креста. За ними шли командоры, замыкали аристократический список просто рыцари.

Власть Великого магистра все же не была абсолютной. Для обсуждения жизненно важных вопросов деятельности ордена он был обязан созывать генеральный капитул или конвент. Правда, его участники вручали главе кошель с восемью динариями, что служило аллегорией отказа рыцарей от земных благ. Пять лет каждый иоаннит должен был провести в общежитии и только потом получал право на отдельное жилье. Но особенно ревностно соблюдались в ордене принципы справедливости. В госпитале Святого Иоанна, где вначале размещалась и резиденция ордена, никто не смел нарушить закона: пища для всех, независимо от звания и родовитости, должны быть одного качества. В день рыцарю полагались фунт мяса, графин хорошего вина и шесть хлебов. Во время поста вместо мяса подавали рыбу и яйца. Для одежды тоже существовали весьма строгие правила. Никому, кроме членов Ордена, не позволялось носить их форменную одежду. Исключение составляли только знатные дворяне и короли, которые жертвовали на нужды братства крупные суммы денег.

Трижды в неделю бедняки получали от госпитальеров бесплатные горячие обеды, им часто раздавали милостыню, оказывали другую безвозмездную помощь. На содержании Ордена находились приюты для подкидышей и грудных младенцев, а в самом госпитале имелось акушерское отделение, где каждый рожденный малыш получал приданое.

Великий магистр разработал подробные правила жизни Ордена, своего рода кодекс чести. Они до того хороши, что приведу их полностью:

«ПРАВИЛА ОРДЕНА ВСАДНИКОВ ГОСПИТАЛЯ СВЯТОГО ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО, установленные Великим магистром Раймондом де Пюи:

Я, Раймонд де Пюи, слуга нищих Христовых и страж Странноприимницы Иерусалимской, с предварительно рассужденным согласиём братьев моих и всего Капитула утвердил следующие правила в странноприимном доме святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме.

I. Каждый брат, который приемлется и вписывается в сей Орден, свято хранит три обета: обет целомудрия, послушания и добровольной нищеты без собственного стяжания.

II. И да не приемлет он большего, чем требуется ему для существования; и да будут одежды его скромны, подобно скромности Господа нашего, слугами коего называем мы себя. Ибо недостойно слуги пребывать в роскоши и гордыне, когда Господин пребывает в скромности и смирении.

III. И да будут его речи достойны; и пусть служат священники в церкви службы в белых одеждах, и да будет в церкви постоянно свет, как ночью, так и днём, и должно священникам посещать больных, неся им плоть Господню.

IV. И, ежели вынуждены братья по делам ехать в город или замок, то не должно им путешествовать в одиночестве, а только вдвоём или втроём, и не с теми, с кем они сами пожелают, но с теми, кого им назначат; и по прибытии должно оставаться им вместе. И пусть не творят они ничего, что смутит окружающих, а только то, что доказывает их святость. И когда они будут в церкви, или доме, или каком ещё месте, где есть женщины, пусть они сохраняют скромность. И не должно женщинам омыwać им головы, ноги или застилать постель. И пусть Господь хранит их от этого.

V. И должно братьям, как духовным, так и военным, собирать пожертвования в пользу бедных. И будучи в поисках крова и пищи, должно им обратиться в церковь, а иначе приобретать ровно столько, сколько им требуется, и ничего боле.

VI. И должно им в кратчайшие сроки передавать собранные пожертвования главе обители, коему вменяется в обязанность также взимать треть доходов с обителей и всё это вкупе передавать бедным.

VII. И не должно братьям, к какой бы обители они ни принадлежали, выступать с проповедями или собирать пожертвования, ежели не получили они на то прямого указания. Но пусть получают посланцы кров, и пищу, и свет в любой обители.

VIII. И не должно братьям носить яркие одежды и меха животных. И не должно им потреблять пищу более двух раз в день, а по средам и субботам — вкушать мясо, кроме тех, кто слаб или болен. И не дозволяется им также спать обнажёнными.

IX. Но если один из братьев (да не случится такого никогда) впадёт в греховное прелюбодейство, позже сохранив сие в секрете, то пусть это так и останется тайной; на него же должна быть наложена соответствующая епитимья. Однако если об этом станет известно и будут представлены неопровержимые доказательства, то в городе, где это свершилось, после воскресной мессы, когда люди будут покидать церковь, должно высечь виновного розгами или ремнями пред лицом других братьев. И должен он быть изгнан из нашего Братства. И ежели затем Господь просветлит душу этого человека, и он вернётся в Братство, признав себя виновным и раскаявшись во грехе, он должен быть принят обратно, но в течение последующего года с ним будут обращаться словно с чужаком, и наблюдать за ним.

X. И, ежели один из братьев вступит в спор с другим, и до прокуратора обители дойдёт жалоба по этому поводу, епитимья должна быть следующей: он должен поститься в течение недели, в среду и пятницу лишь на хлебе и воде, и есть без стола, прямо на земле. А ежели один брат ударит другого, то он должен поститься в течение сорока дней. Если же брат покинет обитель самовольно и после вернётся, то он должен в течение сорока дней есть на голой земле и поститься по средам и пятницам, питаясь лишь хлебом и водой; и пусть в течение срока, равного времени его отсутствия, обращаются с ним равно как с чужаком.

XI. И должно во время трапезы соблюдать тишину, и не дозволяется пить после повечерия. И также должно соблюдать тишину в постелях.

XII. И, ежели брат не будет вести себя должным образом, и будут ему сделаны два и более замечаний, а он, искушённый дьяволом, не исправится, должно послать его пешком с письменным докладом о его прегрешении в магистрат, где он будет наставлен на путь истинный. И для этого должно выдать ему сумму денег, достаточную для того, чтобы он

пришёл сюда. И также не дозволяется рыцарю бить оруженосцев за любые провинности, которые те могут совершить; но то должны решать все братья. И пусть правосудие всегда свершается в полной мере.

XIII. И, ежели один из братьев сокроет от главы обители деньги, а после они будут найдены, должно повязать ему этот кошель на шею и прогнать обнажённым через Иерусалимский госпиталь или то место, где он обитает. Затем должен он быть несильно побит одним из братьев и обязан поститься в течение сорока дней, по средам и пятницам на хлебе и воде.

XIV. И по всем братьям, умершим в обители, должно отслужить тридцать литургий за душу каждого. И на первой из них каждый из братьев должен поставить по свече. И если службу будет вести священник не из Ордена, то должно предоставить ему кров и пищу. И пусть все одежды умершего будут отданы бедным. И пусть каждый из священников прочтёт Псалтырь, а каждый из братьев — 150 раз Отче Наш.

XV. И пусть всё, сказанное выше, соблюдается с должной строгостью, во имя Господа нашего, и Девы Марии, и Святого Иоанна.

XVI. И пусть в обители, куда обратится больной, исповедуется он сперва в своих грехах священнику; после же пусть уложат его в кровать, и кормят так же, как и братьев Ордена, и ухаживают за ним подобно лорду.

XVII. И если кто-либо из братьев из другой обители будет уговаривать взбунтоваться против главы обители, да буден изгнан он из нашего Братства.

XVIII. И если окажутся вместе двое братьев, и один из них сойдёт с пути истинного, предавшись злу и порокам, то другой не должен рассказывать об этом людям или Приору; сперва следует дать грешнику шанс искупить свою вину; и ежели он этого не сделает, то должно наказать его. И только если и после этого грешник не исправится, должно записать его прегрешения и с этой бумагой отправить его к главе обители, кой и выберет должное наказание.

XIX. И не следует одному брату обвинять другого, не будучи способным это доказать; и если один брат обвиняет другого бездоказательно, то он — лжец.

XX. И пусть все братья всех обителей, служащие Госпиталю Святого Иоанна Иерусалимского, отныне и впредь носят на своей груди и также на плащах своих крест в честь Господа нашего и Святого Распятия; и пусть преданностью, трудолюбием и послушанием, как душой, так и телом защищают правоверных христиан от сил дьявола.

Аминь».

Стать членом Ордена иоаннитов почитал за честь цвет европейского рыцарства, в него вступало все больше благородных аристократов. Превратившись в мощный военный союз, госпитальеры Ордена уже не только защищали паломников, но и успешно участвовали в войнах с мусульманскими государствами — Ливаном, Сирией, Палестиной... Они стойко и самоотверженно обороняли Святую Землю от сарацин и османов, которые на протяжении нескольких веков старались получить выход к европейскому Средиземноморью, а заодно и расширить границы своих стран.

В 1124 году иоанниты сумели снять арабскую осаду с главного порта Иерусалимского королевства Яффы и захватить один из богатейших городов Востока — Тир. Спустя несколько лет им была поручена оборона крепости Бет Джибелин, стоявшей на подступах к портовому городу Аскалон на юге Палестины. Только в Леванте они взяли под защиту более пятидесяти крепостей. На всех главных путях паломников от Эдессы до Синая госпитальеры разместили свои неприступные цитадели.

Они использовали знания крупнейших в Средневековье специалистов в области строительства оборонительных сооружений. Крепости, как орлиные гнезда, располагались на возвышенностях, что позволяло контролировать местность в радиусе нескольких километров. А в самих замках обязательно сооружали дополнительную линию укреплений, нередко спасающую гарнизоны в битвах с многократно превосходившим противником. Эти крепости или их руины и сегодня можно увидеть на господствующих над долинами высотах.

На страже южных владений Ордена иоаннитов в Палестине стояли замки Бет Джибелин и Бельвер, северные земли защищали надежные крепости Маргат и Крак де Шевалье. Последний, служивший резиденцией Великого магистра, — грозное сооружение, раскинувшееся на трех гектарах на склоне ливанских гор, — был шедевром средневекового фортификационного искусства. Расположенные внутри крепости здания: палату главы ордена, казармы для двухтысячного гарнизона, хозяйские постройки — конюшни, амбары для зерна, мельницу, пекарню, маслобойню — окружали тяжелые двойные стены с высокими башнями и неведомо как пробитым в скалах глубоким рвом. Искусно проложенный акведук — водопровод — круглосуточно обеспечивал крепость питьевой водой.

К югу от Антиохии, в нескольких десятках километров от моря стояла великолепная крепость Маргат. Она была построена из скального базальта, мощные двойные стены украшали высокие грозные башни. Неприступность делала крепость одним из главных опорных пунктов госпитальеров. Запасы оружия и продовольствия, большое подземное водохранилище давали возможность ее тысячному гарнизону выдерживать вражескую осаду на протяжении пяти лет.

«Палестинский период», изобиловавший доблестными победами, продолжался почти два столетия. Ни одна мало-мальски значимая военная операция на Востоке не обходилась без участия рыцарей. Быстрые, великолепно обученные ратному делу, сплоченные и дисциплинированные воины Орденов госпитальеров и тамплиеров в любую минуту готовы были выполнить боевой приказ и, казалось, делали это с удвоенной силой, которую давала искренняя вера в Христа. Но при этом повсеместно и так же истово исполняли рыцари свое первое и важнейшее предназначение — защиту и всемерную поддержку паломников-христиан. Странноприимные дома — госпитали были открыты в десятках городов Востока и даже в Европе, где госпитальеры к тому времени также владели обширными земельными наделами. Только от короля Арагона и Наварры Альфонса I, не имеющего наследников, Ордену достались по завещанию в 1134 году обширные владения в Провансе.

Воинствующие египтяне, сирийцы, турки-сельджуки, однако, тоже не желали расставаться со своими землями. В декабре 1144 года сарацины отбили Эдессу. А следующий год вернул мусульманам всю долину Евфрата. Боясь растерять владения на Востоке, европейцы двинулись в новый Крестовый поход. Отряды иоаннитов и тамплиеров выступили на стороне французского короля Людовика VII. Под Дамаском мощная боевая машина рыцарей Святого Иоанна перемолола крупный отряд турок,

пришедших на помощь осажденным сирийцам. Великий магистр ордена Раймунд дю Пюи в 1153 году повел войска Иерусалимского королевства на стратегически важный для обороны Египта город Аскалон. Осада затянулась надолго. Против ее продолжения даже начали возражать большинство военачальников и сам Иерусалимский король Болдуин III. Однако настойчивость магистра все же привела к тому, что египетский форпост оказался в руках госпитальеров...

Но время расцвета Ордена на Востоке неумолимо приближалось к закату. Военные предприятия иоаннитов частенько отличались некоторым авантюризмом. Вот и в 1168 году в расчете на легкую поживу они сразу поддержали абсолютно непродуманное решение тогдашнего иерусалимского короля Амори I захватить Каир. Причем, видимо, движимый желанием награть побольше, магистр Жильбер де Ассайли, управляющий Орденом уже шесть лет, убедил короля не просить помощи Византии, что была в ту пору их союзником. Этот поход вполне можно назвать дорогой позора госпитальеров. В лежавшем на пути к Каиру городе Бильбайс они устроили мусульманам кровавую резню. Пощады не было не только имеющим в руках оружие, но и мирным жителям. Господь, видимо, отвернулся в том походе от жестоких рыцарей. Их операция полностью провалилась. Спасаясь от сокрушительных ударов отрядов египетского полководца Ширкуфа, неся огромные потери, горе-захватчики спешно бежали от стен Каира.

И хотя поступающие из Европы огромные средства дали возможность госпитальерам вновь вооружить крупные отряды наемников и держать под своим контролем около тридцати крепостей и замков, их положение в Палестине было уже не таким прочным. Собственно, земля шаталась под ногами не только у госпитальеров, но и у всех участников крестовых войн на Востоке. К власти в Египте, объявив себя султаном, пришел мамелюк Салах ад-Дин (европейский вариант имени — Саладин). Он провозгласил против крестоносцев повсеместный джихад — священную войну.

Это действительно было непримиримое противостояние, в котором представители Европы потерпели полное фиаско. Рыцари никогда еще не знали столь искусного и могучего противника. Поражения, что им наносили одно за другим, были такими сокрушительными, что даже одно имя яростного мамелюка вызывало у крестоносцев страх и уныние. Опасность потерять все стала такой реальной, что оба Великих магистра — госпитальеров и тамплиеров, а также патриарх Иерусалима лично отплыли в Европу просить помощи у монархов. Но общие интересы государств, которые представляло крестовое воинство на Востоке, оказались забыты. Раскошелился на крупную сумму один лишь король Англии Генрих II.

Однако денег, видимо, оказалось недостаточно. И вместо того, чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся катастрофы, магистры, патриарх, высокопоставленные священнослужители и рыцари начали в своем стане междоусобицу. Каждый стремился наложить руки на королевские средства.

А Саладин, тем временем, спешил к Святому городу. 1 мая 1187 года рыцари попытались остановить мамелюков под Назаретом. В этом сражении иоанниты лишились своего Великого магистра де Мулена, но прервать наступление врага так и не смогли. А через два месяца под деревней Хаттин крестоносцев постиг столь ужасающий разгром, что оправиться после него они уже не сумели... Казалось, это поражение инициировало цепную реакцию. Как заколдованные, один за другим открывали ворота перед неприятелем Бейрут, Назарет, Яффа... Не устояли Акра, Сидон, Торон, Аскалон. Второго октября 1187 года на милость победителю сдался Иерусалим. Та к прискорбно завершался для Ордена Святого Иоанна XII век. Франки стремительно теряли свое влияние. Не

помогло даже создание в 1204 году Латинской империи — после того, как крестоносцам удалось с боем взять Константинополь... Города еще не раз переходили из рук в руки. Нарботанное десятилетиями воинское искусство помогало госпитальерам сопротивляться, но бесславного конца было не предотвратить...

В 1244 году под натиском арабов вновь пал Иерусалим, затем последовало позорное поражение в Газе. В числе плененных рыцарей, которых гнали в Египет, шли и Великие магистры орденов госпитальеров и тамплиеров. Предпринятый пять лет спустя очередной Крестовый поход к подножию пирамид вновь обернулся крупной победой мусульман в битве при Мансуре. Теперь позор и унижение плена испытали не только аристократы-рыцари, их Великий магистр, но и сам король Франции Людовик Святой, возглавлявший войска крестоносцев.

В 1285 году мертвая петля затянулась вокруг крепости Маргат. Еще раньше госпитальеры вынуждены были оставить замки Бет Джибелин и Бельвер. Даже их гордость, цитадель Крак де Шевалье, которая выдержала двенадцать сарацинских осад, в 1271 году была все же захвачена войсками египетского султана Бейбарса. К чести рыцарей белого креста — ни одна из крепостей не была ими сдана без упорного сопротивления. Тем не менее, ровно через два десятилетия их присутствию на Востоке был положен конец. Огромная турецкая армия, в которую входили 160 тысяч пехотинцев и 60-тысячная конница, обложила крепость Акру. Этой несметной силе противостояли только 12 тысяч рыцарей — госпитальеров, тевтонов и тамплиеров. Проявленные ими чудеса мужества не помогли удержать город... Жители Акры сумели спастись на кораблях. Остатки рыцарей сначала прикрывали их отход и лишь затем, прорубив себе среди врагов дорогу на галеру, последними навсегда покинули Малую Азию...

Нам с вами еще предстоит сюда вернуться. Ну а в жизни могущественного Ордена иоаннитов начинается совсем новый период.

Львы Родоса

Израженные, но не сломленные рыцари прибыли на Кипр. Здесь им принадлежали крупные земельные владения, а также замки в Никосии и Колосси. Поэтому они оказались в значительно более выгодном положении по сравнению с другими ретировавшимися вместе с ними крестоносцами. К тому же Кипром правил выходец из династии иерусалимских королей Генрих Лузиньян, а благие деяния иоаннитов в Иерусалиме были широко известны. И на острове они получили свое продолжение. Едва позаботившись о безопасности, укрепив новую штаб-квартиру — порт Лимассол на южном побережье, рыцари сразу же приступили к строительству госпиталя. Умения ухаживать за больными было не занимать — на то они и звались госпитальерами. Вполне закономерно, что больница вскоре приобрела репутацию лучшей на Кипре. Сразу пришло и расположение местных жителей, что, конечно, облегчало непростую жизнь в изгнании и помогало Ордену Святого Иоанна вновь набрать силы.

Особенно тяжело гордые рыцари переживали потерю независимости. Орден фактически стал вассалом кипрского короля. Полученный от него в феодальное владение город Лимассол, или, как его тогда называли, Лимиссо, был передан в качестве лена. Поэтому, подчиняясь средневековому ленному праву, рыцари, хотя и могли вести собственные дела, но вынуждены были уплачивать дань и нести воинскую повинность. Сложившаяся ситуация достаточно емко описана в документе, приведенном российскими исследователями Андреевым, Захаровым и Настенко в их «Истории Мальтийского Ордена»:

«В Лимиссе был держан Генеральный Капитул, так что со времени основания Ордена не было такого многочисленного собрания. Некоторые из кавалеров советовали Великому магистру переселиться в Италию, но он и прочие старшие кавалеры, имея в предмете возвратить когда-либо Обетованную Землю, отвергнули предложение первых, а решились на время остаться в Лимиссе. Здесь Великий магистр для бедных и страннопришельцев основал гостиницу, повелел кавалерам вооружить суда, на которых прибыли они в Кипр, и употреблять их на защищение поклонников, кои и по потере христианами Иерусалима не преставали посещать Святые Места. Вскоре после сего кавалеры отправились в море, где, собирая страннопришельцев, провожали их в свое отечество и, сражаясь за оных с корсарами, получали великие добычи, чем увеличили вооружения Ордена так, что в короткое время вышло из гавани множество судов, и флаг Ордена святого Иоанна на всех морях был наконец в великом уважении. По причине непостоянства короля кипрского продолжались беспрестанные у него с кавалерами несогласия, почему Великий магистр решился переменить сие место. Он обратил взор свой на остров, которым владел тогда Леон Галл, отпавший от греческого императора. Галл, собрав турок и сарацин, вооружился и кавалерам в совершенном покорении острова сопротивлялся более двух лет. Острова Ниссаро, Епископия, Колхис, Симия, Тило, Лерос, Калалю и Кос дали также в верности присягу Великому магистру».

Почти за двадцать лет, проведенных на Кипре, госпитальеры сумели восстановить былое могущество. С ними объединился также изгнанный из Иерусалима Орден Святого Самсона. Вновь увеличился приток рыцарей из европейских стран, а с ними и финансовые поступления. Начали приносить немалую добычу морские победы над турками и пиратами. Избранный в 1296 году новый Великий магистр Гийом де Вилларэ был отличным стратегом. И он прекрасно осознавал, что авторитет и почет организации, а стало быть, и безбедное существование могут принести только защита христиан и борьба с врагами веры.

На острове развернулось крупное строительство военного флота. Рыцарские корабли стали совершать регулярные рейды к берегам Сирии и Египта. Перед флотом была поставлена первостепенная боевая задача — охранять на средиземноморских морских путях христианские суда от нападений пиратов и мусульманских военных кораблей. Успехи иоаннитов на этом поприще не только снискали им благодарность и уважение киприотов, но и усилили поддержку и покровительство Святого престола.

Впрочем, кипрский период деятельности Ордена все же не был особенно ярким. Отношения Великого магистра с кипрским королем не устраивали гордого рыцарского главу, и он все чаще задумывался над поиском нового места для себя и своих подопечных. В 1305 году на смену Гийому де Вилларэ пришел его племянник Фульк де Вилларэ. Он еще настойчивее стал искать варианты более достойного и удобного базирования Ордена. И вскоре после избрания не побрезговал вступить в тайный сговор с генуэзским пиратом Виньола Виньоли. Целью этого сомнительного союза был захват Родоса — довольно крупного острова, площадью 540 квадратных миль, который манил своей близостью к юго-западным турецким берегам в теплом Эгейском море. То обстоятельство, что он принадлежал христианской Византии, не смутило новоиспеченного главу госпитальеров. Вполне оправдательным он считал тот факт, что вера у греков не католическая, а православная, а сами они схизматики, значит, Риму — враги.

Летом 1308 года, после затяжной осады, иоанниты захватили остров, и Фульк де Вилларэ объявил Родос владением Ордена. Туда передислоцировались не только монастырь и госпиталь. Остров стал настоящей военно-морской базой госпитальеров, откуда они совершали набеги на турецкие города и селения. Турки-османы, что обосновались в

Малой Азии, со своей стороны тоже ускоренно развернули свои военные эскадры и стали угрожать с моря европейским государствам. И тот факт, что на пути агрессоров часто вставала морская армада госпитальеров, придавало Ордену вес в глазах европейцев. Кстати, это же во многом помогло иоаннитам избежать печальной и страшной участи тамплиеров, но не спасло от отставки самого Великого магистра, погрязшего в материальных затруднениях.

Создание флота, двухлетняя осада Родоса и проснувшаяся у Фулька де Вилларэ неумная страсть к личной роскоши изрядно опустошили орденский кошелёк. Недовольные рыцари сместили магистра, но сводить концы с концами им было все трудней. И уже не впервые неожиданная поддержка пришла от Святого престола. Как и его предшественники, папа Климент V питал слабость к воинственному ордену. В 1312 году он объявил госпитальеров наследниками имущества прекратившего существование Ордена тамплиеров. От жирного пирога, правда, успели откусить изрядные куски европейские государи, уже заполучив немалую часть тамплиерского добра. Но и госпитальерам не только удалось избежать неминуемого финансового краха, но и вернуться к обеспеченной, сытой жизни. С их материальным благополучием в первой половине XIV века не могла сравниться даже казна французского короля. Арагонская же ветвь Ордена, благодаря папскому дару, заметно пополнила ряды местных крупнейших землевладельцев.

Если Иерусалим был материнской колыбелью, то Родос более чем на два века (с 1309 по 1522 год) стал второй родиной госпитальеров. Здесь впервые иоанниты заложили абсолютно независимое и самостоятельное орденское государство, к которому стал применяться такой термин международного права, как суверенитет. И все эти два с лишним столетия они не прекращали тяжелую борьбу с турками. Орден, который ранее располагал, в основном, сухопутным войском, превратился в одну из самых мощных морских держав. Бесчинствующим в Средиземноморье пиратам-берберийцам пришлось на себе испытать, что он столь же грозен на море, как и на суше. В тот период, практически, все морские сражения христианских государств с турками не обходились без участия орденских кораблей.

Даже в обыденной, повседневной жизни Родосских рыцарей действовали принципы железной дисциплины и безоговорочного послушания. До сих пор бытует легенда о рыцаре Теодоре, который в жестоком бою победил дракона, разорявшего села местных жителей. Но «в награду» великий магистр постановил изгнать воина с острова. Провинность состояла в том, что рыцарь не попросил у него разрешения вступить в схватку с чудовищем. Только челобитные благодарных островитян заставили главу Ордена сменить гнев на милость и оставить Теодора в товариществе. Вообще во всем незамысловатом организационном устройстве Ордена госпитальеров фигура Великого магистра являлась самой могущественной и непререкаемо авторитетной. Следует, правда, признать, что именно его умение быстро принимать правильные решения, как простые бытовые, так и тактические военные или стратегические политические, напрямую было связано с материальным благополучием Ордена и прочностью его позиций в мире.

Этот авторитет не только базировался на уставных положениях, но и всячески подчеркивался во внешних проявлениях. На Родосе сложился такой ритуал. Перед Великим магистром во время торжественных церемоний проносили штандарт, а каждый, кто хотел лично обратиться к главе Ордена, должен был, встав на одно колено, коснуться губами его руки. Именно на Родосе родилась и своя судебная система госпитальеров. Ее низшей инстанцией служил суд рыцарей, так называемый «эгар», в состав которого входили семь-восемь представителей. Председателя назначал сам Великий магистр. Следующей, более высокой судебной инстанцией был «усиленный эгар», а роль

верховного суда выполнял «эгар бальи». Вердикты самого Великого магистра, очевидно, можно приравнять к решениям суда конституционного. Чтобы завершить рассказ о сложившихся ритуалах и геральдике госпитальеров, нельзя не упомянуть и о гербе Ордена. Он являл собой алый треугольный щит, в центре которого находился уже известный вам серебристый восьмиконечный крест. В XVI веке над щитом была размещена императорская корона, а внизу начертан всеобъемлющий девиз: «Pro fide!» — «За веру!»

Рыцарский Родос в Средиземном море стал для турок бельмом в глазу, от которого те хотели непременно избавиться. Поэтому госпитальеры заложили на этом и всех прилегающих островах многочисленные крепости. Они служили не только защитными сооружениями, отсюда же совершались и частые военные вылазки к вражеским берегам. Столицу Родоса, носившую одноименное название, условно разделили на две части. Одну из них называли «коллахуим», она служила местом обитания рыцарей. Здесь находились их жилища, а также резиденция самого Великого магистра. Вторая, большая часть, именовавшаяся «борго», отводилась для всех остальных островитян. По традиции развернулось и строительство госпиталей. Они были организованы во всех приоритетах.

А вот тут начинается самое примечательное. Теперь мы можем предположить, откуда «есть пошла» великая армия чиновников, которые, как под благодатным дождем, тысячами расплодились во всем мире. Еще в середине XIV века в Париже открылась специальная юридическая школа — «студиум». Для чего бы вы думали? Для профессиональной подготовки орденских чиновничьих кадров. Нужно признаться, что к тому времени Орден Святого Иоанна вновь сильно укрепил свое влияние в мире. Чего стоит только один факт, что правящая верхушка папской курии в своем большинстве вышла из госпитальеров.

Некоторые из европейских стран, участвовавших в Крестовых походах, однако, шли, как говорится, своим путем. Скажем, госпитальеры Португалии прервали отношения с Родосом примерно во второй половине XIV века и действовали как самостоятельная организация. Даже своими главными врагами они признавали не турок-османов, а североафриканских мавров. Поэтому, например, в 1415 году португальские иоанниты примкнули к Ордену Христа для захвата города Сеуты в Марокко.

Однако и сама двухвековая родосская эпопея госпитальеров просто изобиловала военными сводками. Та к как активную борьбу с ненавистным Орденом вели не только турки-османы, но и египетские мамелюки, рыцарям приходилось сражаться, и часто одновременно на двух фронтах.

...В один из дней 1319 года от берегов Родоса отчалил шестипалубный броненосец. За ним двинулась эскадра галер-дромонов, которые составляли главную силу военно-морского флота госпитальеров. Красавец-броненосец «Святая Анна» был его гордостью и флагманом. Флотилия взяла курс к острову Хиос. Великий магистр Элио де Вилларэ рассчитывал разгромить базирующуюся у его берегов крупную эскадру турецких кораблей. Та к и произошло. В развернувшемся морском сражении у турок не оказалось никаких шансов. В следующем году, наоборот, османы, собрав новые силы, на восьмидесяти боевых кораблях подошли к Родосу. Замысел был не только уничтожить флот госпитальеров, но и, высадив десант на остров, одним ударом покончить с ненавистным Орденом. Но удача и на этот раз сопутствовала христианам. На дно легли десятки турецких галер. Те же, что не были потоплены, в спешном порядке убрались восвояси.

Поражение стало столь сокрушительным, что свыше ста лет на штурм острова более не решались ни турки, ни египтяне. Госпитальеры же, напротив, воодушевленные крупными победами, повели повсеместное наступление на своих врагов. В первую очередь, они организовали настоящую травлю морских пиратов. Среди тех, к слову сказать, как раз преобладали турки. Патрулировавшие в нейтральных водах корабли орденового флота охотились на пиратов, как на акул, лишая их малейшей возможности грабить мореходов.

В 1332 году под началом Рима начала действовать антитурецкая коалиция, в которой госпитальеры играли роль главной силы. Вскоре они нанесли туркам особенно чувствительный удар, оккупировав город Смирну (ныне Измир). Этот, как пишет библейская энциклопедия архимандрита Никифора, «знаменитый Ионийский город и один из прекраснейших в Леванте расположен в расстоянии трехсот двадцати стадий от Ефеса и в том же самом расстоянии от морского берега, при устье реки Мелес на западном берегу Малой Азии. Древние считали его венцом Ионии, драгоценным камнем Азии, преизобильным по своему богатству и выдающимся по изящным искусствам... Гавань Смирны очень поместительна и представляет отличное место для стоянки кораблей...» Госпитальеры же разместили в городе свой гарнизон под командованием приора Ломбардии Жана де Бьянара. Отчаянная попытка османского военачальника Умур-паши отбить Смирну, как и многие другие, оказалась неудачной...

Когда читаешь сохранившиеся документы и предания тех легендарных времен, как-то невольно перестаешь понимать, кому изначально принадлежали эти благодатные земли, кто прав, кто виноват, чью сторону принять? Нынешние межэтнические и межнациональные конфликты кажутся детскими играми по сравнению с вулканами бушующих средневековых страстей. В 1365 году время попасть в переделку наступило для знаменитой Александрии. Четвертого октября у ее стен развернулся во всю мощь очередной родосский десант. Как всегда, осада, тяжелые бои — и город переходит в руки католиков. И опять временное затишье, так как на дальнейшее наступление нет ни средств, ни сил. Сказывалась авантюристическая привычка воевать на нескольких фронтах. Как раз в тот год монахи-рыцари пытались, впрочем, весьма безуспешно, удержаться на Балканах и Пелопоннесе.

Турки же, напротив, победоносно наступали в Европе. В 1389 году в жестоком сражении на Косовом поле они наголову разбили храбрых, но неумело воюющих сербов и боснийцев. Сербия тогда потеряла независимость, до сих пор эту позорную битву в стране воспринимают как национальную трагедию. За ней последовали еще несколько блистательных османских побед. В течение семи лет под османов легла Болгария, сокрушительное поражение понесли объединенные в одну армию венгры и валахи...

Похоже, что чаша весов «госпожи удачи» начала сильно склоняться в сторону заклятых противников госпитальеров. Турецкий султан Баязид I приказал блокировать любую торговлю с Родосом. Война, конечно, войной, но куда девать сахар, который иоанниты научились весьма выгодно продавать? А хитроумный Баязид согласился снять ограничения, но при условии, что на самом Родосе будет узаконена работоторговля. Таким образом лукавый мусульманин рассчитывал дискредитировать Орден в глазах старушки-Европы. Но даже угроза денежного краха не позволила гордым рыцарям изменить своим идеалам защитников попавших в беду, и они ответили решительным отказом.

Реванш они снова решили взять на привычном для себя поле брани. В 1396 году 70-тысячное войско крестоносцев, в составе которого, конечно же, были госпитальеры, участвовало в известной битве при Никополе. Но отмщения не произошло. Наоборот, их поражение было ошеломляющим. На земле остались лежать десятки тысяч христианских

воинов. Не счесть было и попавших к османам в плен. Тогда благодаря беспримерной храбрости и самоотверженности госпитальеров остался в живых венгерский король Сигизмунд. А участнику сражения Филиберу де Найяку (Великий магистр Ордена госпитальеров в 1396–1421 годах) пришлось вести нелегкие переговоры о выкупе пленных. К чести Ордена, чтобы спасти своих братьев, он не поспешил на фантастическую по тем временам сумму — 30 тысяч дукатов.

Увы, это была далеко не последняя потеря иоаннитов. В самом начале XIV века орды Тимура до основания разрушили крепость Смирну и многие другие города на Ближнем Востоке. Как смерч пронеслись они по странам, напрочь уничтожая мощнейшие укрепления не только крестоносцев, но и их соседей. Страх перед завоевателем был столь велик, что даже враждующие государства пытались объединить силы для сопротивления. Та к стали временными союзниками Византия, Генуя, Венеция и даже Турция. Но как только войска Тимура передислоцировались в Китай, развалилось и нелогичное содружество. Правда, нет худа без добра. Во время этих трагичных для госпитальеров событий им удалось заключить компромиссный договор с Египтом, в результате чего был возрожден патронат, Ордена над святыми местами в Палестине. Более того, стороны пришли к соглашению, что, задумав нападение, они обязаны известить друг друга не менее чем за три месяца.

Мог ли такой договор действительно соблюдаться, сказать трудно. Во всяком случае, когда египетский султан Барсбей в 1426 году захватил Кипр, то владения госпитальеров были так же безжалостно разорены, как и весь остров. Поэтому они не питали иллюзий и по поводу судьбы Родоса в случае нашествия египтян. Наоборот, возвели дополнительную сеть оборонительных сооружений и готовы были предоставить свои гавани даже пиратам, если предметом их охоты становились египетские или турецкие корабли.

И «судный день» для главного форпоста Ордена Святого Иоанна настал.

В 1440 году египтяне сделали первую, но безуспешную попытку высадить свой десант на остров. Ретировавшись и подновив флот, они заключили Родос в сорокадневную осаду. Рыцари, ведомые великим магистром Жаном де Ласти, снова отбили яростные атаки неприятеля. Но все же главным врагом для госпитальеров оставалась Османская империя. Чтобы сосредоточить силы на этом направлении, Великий магистр даже согласился уступить египтянам остров Каstellориццо, чтобы вновь подписать с ними мирное соглашение. Турки же, потеряв в 1453 году Константинополь, чуть ли не единственным и уж точно основным своим врагом в восточной части Средиземноморья считали орденское государство.

Османские вылазки к берегам Родоса методично нагнетались, как футбольные атаки умелой, высококлассной команды, и численность участвовавших в них воинов все возрастала. В 1480 году на штурм острова двинулась 70-тысячная армия. Храбрость и умелые действия защитников, своевременно возведенные дополнительные укрепления не дали врагу перейти к разрушительным действиям на суше. В следующий раз остров окружили уже 700 кораблей турецкого флота с 200-тысячным войском. Амбициозный султан Сулейман Великолепный был уверен, что такую силу малочисленным госпитальерам не остановить. Прекрасно осознавал это и Великий магистр Филипп Вилье де Лиль Адам. На карту было поставлено само существование Ордена. Допустить его полное уничтожение магистр не мог и вступил с грозным противником в переговоры.

Сулейман оказался не только Великолепным, но и весьма великодушным. Он согласился на достаточно почетные для обреченных иоаннитов условия, дав им возможность

беспрепятственно покинуть остров. В первый день наступившего 1523 года 50 кораблей с остатками орденского воинства, без надежд и каких-либо внятных планов на будущее оставили Родос. Неопределенность и скитания продолжались более семи лет. И только в марте 1530 года Орден принял от короля Карла V, сделавшего широкий жест, особый дар, получив в вечное пользование завоеванные испанцами острова Мальту, Комино и Гозо, а также североафриканский город Триполи. С этого дня начала писаться новая долгая страница истории знаменитого Ордена, получившего в названии дополнение — Мальтийский. Но «вечность» в Триполи для иоаннитов продолжалась лишь два десятилетия, зато мальтийские скалы стали родными более чем на два с половиной века. «Нет, нам просто не повезло»

Когда гуляешь по узким улочкам каменной Валетты, кажется, что машина времени забросила тебя из двадцать первого века в шестнадцатый. Перефразируя поэта, здесь каждый камень рыцарей помнит. О них здесь поведают в любом музее. В строгом кафедральном соборе даже покажут — вот там они, захоронены под полом...

От испанского короля Мальта досталась Ордену убогой и нищей. Конечно, было там немало архитектурных памятников, созданных в разное время — начиная еще с 1500 года до нашей эры. Многие из них можно увидеть и сегодня. Однако рыцари привили на острове самобытную высокоразвитую культуру, какой не возникало ни при каких других завоевателях. И госпитальеры не были бы госпитальерами, если бы с их появлением не начало улучшаться положение обездоленных. Жизнь действительно закипела. Умудренные опытом, иоанниты сразу же взялись за возведение оборонительных укреплений и, конечно же, за строительство госпиталей.

Были активно задействованы мальтийцы. А получив работу, люди получили и хлеб. Возобновилась бойкая торговля, пожертвования вновь потекли к госпитальерам из разных концов Европы. Опять стали рыцари пошалить, нападая на суда богатых купцов-мусульман. Жизнь вошла в привычную колею, в меру сытую, в меру беспокойную.

Через пять лет хорошенько освоившимся на острове и вновь набравшим силенок рыцарям захотелось уже серьезно поиграть мускулами. Вместе с испанцами они направили объединенный флот на турецкую крепость Гулетту. Османов не спасла и помощь крутого алжирского пирата Хайруддина Барбароссы. В результате успешной операции из янычарской неволи освободили около десяти тысяч христианских пленников. Неплохо пополнили рыцари и свой боевой арсенал, захватив около девяти сотен галер и трехсот пушек. Находясь в кураже, крестоносцы мгновенным штурмом взяли и разграбили город Тунис — настолько капитально, что даже не захотели в нем оставаться. Через несколько лет повторный рейд в составе армии Карла V на Тунис, ставший разбойничьей базой североафриканских пиратов, оказался не столь удачен. На подходе к Алжиру испанская флотилия попала в жестокий шторм. На дно ушло около сотни кораблей. Четыре уцелевшие большие галеры иоаннитов и остатки испанских судов флота вынуждены были повернуть восвояси.

Острые десанты госпитальеров чередовались с ответными выпадами янычар. В 1551 году, совершив предварительную разведку, турецкие полки одновременно напали на районы Мальты и Гозо, которые оказались недостаточно укреплены. Свыше шести тысяч островитян были угнаны в рабство. Получившие горький урок иоанниты построили на побережье островов несколько фортов, защищавших подходы к гаваням. И когда вскоре туда снова подошли более сотни турецких галер, многотысячное войско во главе с Синампашой было отброшено от мальтийского берега. Тогда турки повернули к Северной Африке и осадили Триполи. Небольшой рыцарский гарнизон во главе с комендантом —

маршалом Ордена госпитальеров Гаспаром де Валлье, сопротивлялся отчаянно, но не смог удержать город. Попытка иоаннитов вернуть себе дар испанского короля успехом не увенчалась...

Именно в те годы рыцари вынуждены были находиться на постоянном боевом дежурстве, ибо угроза турецкого нападения просто витала в воздухе, не давая расслабиться ни на минуту. После очередного нападения на Грецию заклятый враг госпитальеров султан Сулейман Великолепный, который изгнал их с Родоса, разработал план захвата Мальты. Даже до Европы уже доходили сведения, что Стамбул готовит большое наступление. В начале 1565 года остров посетил вице-король Сицилии дон Гарсиа де Толедо. Он увидел, что гарнизон нуждается в срочном подкреплении. Островные форты Сент-Эльмо и Сент-Анжело, города Биргу и Сенглеа хоть и были хорошо укреплены, но живая сила иоаннитов составляла, по разным источникам, всего от 400 до 700 рыцарей и около семи тысяч солдат и ополченцев. На них же 18 мая двинулась стотысячная турецкая армия под командованием Пиали Капитан-Паши и начала высадку почти с двух сотен десантных кораблей...

За три дня до нападения ожидавший его Великий магистр Жан Паризо де Ла Валетт обратился к своим воинам: «...Это будет великая битва Креста и Корана. Бесчисленная армия неверных надвигается на наш остров. Мы избранные солдаты Креста, и если святые небеса потребуют пожертвовать собой, то нет лучшего случая, чем этот. Поспешим же тогда, братья мои, на этот священный алтарь. Вспомним наши клятвы, выкажем презрение к смерти ради нашей веры, и это сделает нас непобедимыми».

Годы правления на Мальте Жана Паризо де Ла Валетта (1557–1568), а точнее — легендарная фигура самого великого магистра, заслуживают отдельного рассказа. При нем слава Ордена достигла своей высшей точки, а его имя благодарные жители увековечили в названии мальтийской столицы. Великий магистр был действительно великим и остался в памяти потомков как один из самых выдающихся руководителей Ордена Святого Иоанна.

Родился Жан в 1494 году в небогатой, но аристократической семье, в знаменитой французской провинции Гаскони, где появились затем на свет как реальный, так и литературный д'Артаньяны. Конечно, это не имеет прямого отношения к делу, но, как женщина, не могу не упомянуть о том, что Ла Валетта рисуют настоящим красавцем — высоким, голубоглазым, с вьющимися каштановыми волосами. Редкая дама могла перед таким устоять, хотя этим божьим даром рыцарь, практически, не пользовался. Как и подобает госпитальеру, он проводил свои дни в милосердных трудах в госпитале. И отдавался, кроме этого, только наукам и воинскому искусству. Он неплохо разбирался в медицине, знал фармакологию и санитарии. Однако при этом отнюдь не стал «ботаником», а прекрасно овладел шпагой, сделался великолепным моряком. Начинать матросом на галере, а в 23 года получил офицерское звание. Но в истории не скрывается, что романтическую и трагичную любовь этот достойный рыцарь все же пережил.

По легенде, турецкий военачальник Мустафа-Паша, о котором вы еще прочитаете, влюбился в родосскую красавицу. Та же, как раз, была из тех, кого наповал сразило обаяние Ла Валетта. Молодой рыцарь со всей страстью ответил ей взаимностью. Он хоть и вынужден был, согласно уставу, блюсти обет безбрачия, но к сохранности целомудрия, как и многие другие молодые рыцари, относился все-таки не так строго. Но случилось, что возлюбленная Ла Валетта попала в плен во время одного из набегов янычар и ее отдали Мустафе-Паше. В отчаянии юноша бросился на галере в погоню за турецким кораблем, но безуспешно. Отомстить обидчику ему удастся лишь много позже и совсем по другому

поводу. Но, кто знает, может, и для устранения этой сердечной травмы молодости тоже берег его Господь и не брали рыцаря в многочисленных боях ни пуля, ни стальной клинок...

Свою деятельность на Мальте уже умудренный жизненным опытом и титулованный Ла Валетт начал с приглашения на остров знаменитого в Европе военного инженера Бартоломео Ганга. И хотя тот умер прежде, чем началось основное строительство фортификационных сооружений, именно с благословения Ла Валетта оно приобрело широкий размах и сделало остров труднодоступным для врагов. Крупный историк Ордена госпитальеров аббат де Брантон писал о магистре: «Француз и гасконец до кончиков ногтей, он обладал привлекательной внешностью и свободно говорил на нескольких языках, включая итальянский, испанский, греческий, арабский и турецкий».

Даже при жизни о нем складывали легенды, дифирамбы ему пели барды и менестрели, а верующие молились о нем в церквях. Еще один интересный факт — когда Ла Валетт участвовал в защите Родоса, ему не было и тридцати, Великим же магистром его избрали в 63 года. Та к вот, есть предание, что турецкий султан Сулейман Великолепный, позволивший госпитальерам покинуть остров, через много лет горько пожалел о своем великодушии, когда узнал, что среди уплывших тогда воинов находился и Ла Валетт. Этот человек всю жизнь был фанатично предан Ордену и занимался его проблемами столь тщательно и скрупулезно, что за все годы ни разу не нашел времени посетить свое родовое поместье в Тулузе.

Еще до избрания Великим магистром Ла Валетт дослужился до звания адмирала орденового флота. Для него, француза, было сделано исключение, так как традиционно на эту должность назначали только итальянцев. В одном из морских сражений экипаж его корабля оказался в плену, и Ла Валетт целый год был рабом на турецкой галере. Сохранилась легенда, что однажды судно оказалось в море рядом с испанской галерой, на которой среди закованных в цепи гребцов пленный адмирал увидел неустрашимого корсара — грозу Средиземноморья, а затем — крупного военачальника Драгута.

То т был в какой-то мере «зеркальным отражением» Ла Валетта, только с турецкой стороны. Его жизненный путь типичен для мамелюка. Родился он в бедной крестьянской семье. На выделяющегося среди сверстников ребенка обратил внимание проезжавший через деревушку турецкий бей и прихватил его с собой в Египет. Там мальчишка попал на службу к одному из правителей и досконально изучил артиллерийское дело. Оказавшись на военном судне, проявил себя отличным бомбардиром и дослужился до капитана. Накопив денег, стал владельцем собственного небольшого галеота. С того времени его слава, как неустрашимого моряка-корсара, гремела по всему Средиземноморью.

Но сходство Драгута с Ла Валеттом было не только в великолепном знании судовождения и умении вести морские сражения. Искреннее уважение последнего он завоевал своим редким великодушием, щедростью, человеческим обращением с пленниками. Когда турки отбили у госпитальеров Триполи, губернатором города назначили именно Драгута. Правителем он слыл мудрым, справедливым и гуманным. Но так случилось, что непобедимый корсар все же попал в плен к испанцам.

— Такова военная профессия, — философски прокричал прикованный к турецкому борту адмирал Ла Валлетт своему давнему противнику, когда галеры оказались рядом.

— Нет, нам просто не повезло, — ответил привыкший к риску, отчаянный пират.

Ни тому, ни другому отваги и храбрости было не занимать. Судьба распорядилась так, что они еще раз столкнулись в самой решительной и важной в их жизни схватке, ставшей для одного из них последней.

...История Большой или Великой осады так часто и в разных местах передавалась из уст в уста, переписывалась и пересказывалась, обрастала все новыми подробностями, правдивыми и вымышленными, что даже исследовательские труды ученых непохожи и противоречивы в деталях. Сам старик Вольтер со свойственной ему иронией высказался, что ничто на свете не известно так хорошо, как осада Мальты. Мы, разумеется, тоже не беремся судить, где правда, а где вымысел, и уж никак не претендуем на истину в последней инстанции. Расскажем только о признаваемых всеми фактах.

Во время Великой осады Жану Паризо де Ла Валетту было уже за семьдесят. Но и тогда для всего гарнизона служил он примером своей отвагой, мужеством и неведомо откуда берущейся энергией. Находившиеся под началом магистра мальтийские форты Сент-Эльмо и Сент-Анжело замерли в тревожном ожидании. Рано утром 18 мая 1565 года дежурившие на стенах рыцари увидели далеко в море приближающиеся точки. Они выростали настойчиво и уверенно, так что глаз уже не мог охватить огромную вражескую армаду. Можно себе представить ощущения горстки жителей, когда на них надвигались двести неприятельских кораблей. Вспомним, что Мальту защищали всего около шестисот, пусть и доблестных рыцарей с семью тысячами солдат вспомогательного отряда. Самая громкая и славная страница истории Ордена под названием Великая осада началась.

Не будет преувеличением сказать, что туманная картина будущего рисовалась в те дни не только островитянам. За начавшейся осадой Мальты с волнением наблюдала вся Европа. Каждое утро в христианских церквях начиналось с молитвы за победу иоаннитов. Королева Англии Елизавета озвучила общую тревогу: «Если турки овладеют Мальтой, трудно предвидеть, какие опасности могут последовать для остальных христианских государств».

Уверенные в своем превосходстве османы не спешили, словно смаковали свой предстоящий реванш за былые поражения. Подойдя к Мальте, они бросили якоря в удобной бухте на северо-западе острова и спокойно расположились на ночлег. На рассвете 19 мая передовой отряд кораблей, войдя в гавань Мерсамшетт, тут же начал высадку десанта. Редкие пушечные выстрелы с берега, где орудия госпитальеров были наперечет, действовали как комариные укусы на многотысячный осиный рой. Высадка прошла почти беспрепятственно. Но это было только начало. Предстояло взять первую защитную линию — форт Сент-Эльмо. И самонадеянные турецкие янычары с ходу ринулись на штурм. Но осажденные довольно легко отбили первую атаку. Поостыв, турки оценили не такую уж простую для них диспозицию и начали устанавливать артиллерию для обстрела форта.

Проведя артподготовку, нападавшие сумели подобраться к самым стенам форта и вновь бросились на приступ. Как подобное в те времена происходило, мы неоднократно видели в кино. Но почему-то у османов оказались коротковаты осадные лестницы, и им никак было не перемахнуть через стену. Готовые к нападению, вооруженные до зубов, прошедшие не через один в своей жизни штурм воины вновь откатились назад, спасаясь от раскаленной смолы и града сыпавшихся на них камней.

Происходило ли все так на самом деле, мы можем судить только по орденским летописям и преданиям. Может быть, такой взгляд на события все же односторонен? Во всяком случае, Брайан Блуэ, английский исследователь мальтийской битвы и других орденских

эпопей, справедливо замечает, что в многочисленной литературе на эту тему практически отсутствуют ссылки на турецкие источники. Видимо, поэтому в десятках исторических и литературных трудов рыцари непременно доблестны и героичны, а их противники хоть и добивались успехов, но не столько умением, сколько числом. Однако, что есть, то есть, других источников и нам не дано. В конечном результате ведь сомневаться не приходится, историю вспять не повернуть, а детали сегодня скорее интересны для художественного видения. Поди сегодня определи, 100 тысяч янычар атаковали Мальту или только 40, как читаем мы в разных трудах. Соотношение защитников и нападавших, в любом случае, отличалось разительно. А, скажем, турецкий корсар и военачальник Драгут и «орденскими сторонниками» преподносится весьма достойно. Кстати, именно он сумел добиться того, что форт Сент-Эльмо все-таки перед турками не устоял. Но вернемся к прерванному рассказу о великом противостоянии.

Форт Сент-Эльмо, строительство которого завершилось еще за 12 лет до описываемых событий, был хоть и небольшим по размерам, но достаточно мощным, хорошо оборудованным бастионом. И хотя его гарнизон составляли только полсотни рыцарей и чуть более 500 солдат и ополченцев, задача перед нападавшим на них войском стояла непростая. «Блицкрига» не получилось. Взятие форта, с которым османы надеялись расправиться дней за пять, затянулось на целый месяц. При этом под стенами крепости нашли свою погибель более восьми тысяч опытных турецких бойцов.

В дискуссиях историков, старавшихся «объяснить необъяснимое», встречаются такие аргументы. Мол, неудачи турецкой армады на первоначальном этапе были вызваны тактическими разногласиями между командующим сухопутными войсками Мустафа-пашой и адмиралом турецкого флота Пиали. В результате чего оказался утерян эффект внезапности для нанесения удара по главным силам госпитальеров. Может быть, не стоило отдавать столько времени и сил небольшой крепости, а вообще ее обойти? Однако нельзя не согласиться и с другими доводами — и сам форт Сент-Эльмо, и полуостров Шибerras, на котором он находился, имели стратегическое значение. Завладев ими, можно было прицельно обстреливать крепости мальтийских рыцарей Биргу и Сенглеа. К тому же открывался безопасный путь для снабжения войск боеприпасами, продовольствием и всем необходимым. Далекое не везде упоминается и такой факт, что сразу после начала турецкого наступления гарнизон форта получил подкрепление. Посетивший Мальту вице-король Сицилии дон Гарсиа де Толедо сдержал обещание и прислал на помощь испанских аркебузирова, роту которых сразу же направили в Сент-Эльмо.

И хотя масштабы боевых подразделений противников оставались несопоставимыми, турки поняли, что тоже нуждаются в поддержке. Правда, им скорее нужны были умные полководческие головы, преимущество в живой силе и так было подавляющим. И эта помощь появилась в лице знаменитого Драгута, который принял на себя руководство турецкими полками. Началась дуэль выдержки и умов двух великих стратегов. Первый ход сделал бывший корсар. На одном из островных мысов, что с тех пор так и называют Драгут-пойнт, новый военачальник приказал установить дополнительную артиллерию. Развернули батареи и на другой стороне полуострова, где в наши дни находится форт Рикасолли. Таким образом, под контроль была взята вся Большая гавань. И начался массированный артобстрел непокорного форта...

Стволы орудий раскалились от беспрестанного, методичного огня. Солдаты глохли от грома канонады. Драгут же спокойно прохаживался по позициям, уверенный в эффективности избранной тактики. И горстка защитников Сент-Эльмо действительно

дрогнула. В Биргу, где расположился штаб госпитальеров, сумел незаметно переправиться на лодке шевалье Мидрана. Он доложил генеральному капитулу, что силы гарнизона на исходе и дальнейшее сопротивление невозможно. В храбрости и отваге этого рыцаря никто не сомневался, и большинство руководителей Ордена готовы были смириться с потерей важного оборонного бастиона. Не согласился только Великий магистр Жан Паризо де Ла Валетт.

Его мнение и оказалось решающим. Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице шевалье Мидрана, услышавшего приказ защищать форт до последнего. Но когда он вернулся в Сент-Эльмо, среди рыцарей началось брожение. Рыцарская честь и авторитет Великого магистра не позволяли им отказаться от выполнения приказа. Понимая, что они обречены на верную смерть, большинство рыцарей подписали письмо к Ла Валетту: «...если Вы хотите нашей гибели, мы готовы подняться на стены форта, вступить в бой с османами и с честью умереть в бою...»

Вряд ли Ла Валетта мог кто-либо упрекнуть в черствости и безразличии к судьбам своих собратьев. Но на карту было поставлено существование всего Ордена, и верх взяли мудрость и самообладание главнокомандующего. Дождавшись ночи, он направляет в Сент-Эльмо опытных в ратных делах, авторитетных рыцарей, чтобы детально установить подлинную картину. Их решение можно назвать истинно рыцарским. Одиннадцать членов комиссии высказались за то, что крепость можно удержать. Доказать это они решили, лично встав во главе обороны, а гарнизон заменить свежими силами из Биргу...

Как нам знакомо это «ни шагу назад»!.. Признаться, ореол храброго, справедливого, заботящегося о людях Ла Валетта несколько угас в моем воображении в связи с его «посталински» спокойной решительностью распорядиться чужими жизнями. Но все вернулось на место, когда я прочитала о записке, которую он направил защитникам форта. В ней каждому желающему позволялось покинуть Сент-Эльмо. Летописи утверждают, что этим поступком не унизил себя ни один рыцарь.

Как бы там ни было, но в начале лета турецкое войско наглухо заблокировало отчаянных защитников форта. Ни к ним, ни от них прорваться не было никакой возможности. Однако и самим туркам сделать это не удавалось, несмотря на методичное разрушение стен шквальным огнем артиллерии. Любой штурм янычар разбивался о каменную рыцарскую стойкость. Это приводило турок в бешенство, доводило до отчаяния и военачальников, и рядовых воинов. Неожиданно на них обрушилось еще одно несчастье — осколок каменного ядра угодил в Драгута и смертельно ранил главного «архитектора» атак. Турки, казалось, впали в прострацию, армия, практически, оказалась деморализована.

Погибшего полководца с воинскими почестями перевезли в Триполи, где он еще недавно был губернатором. Похоронили знаменитого флибустьера, морехода и военачальника в маленькой мечети, что находится у входа в порт. Неподалеку символически высится триумфальная арка. Правда, сохранилась она еще с римских времен и посвящена победам Марка Аврелия. Личность же Драгута и его место в средиземноморских эпопеях Средневековья, конечно, больше всего интересуют арабских историков. Но их оценки, как это часто бывает в современных суждениях о делах давно минувших дней, диаметрально противоположны. Например, когда институт Джихад, изучающий национально-освободительную борьбу ливийского народа, провел симпозиум «Драгут — страницы священной войны в Средиземноморье», дискуссия на нем разгорелась нешуточная. Ливийский историк и писатель Али Мисурати отстаивал точку зрения, что память о Драгуте как о герое арабской борьбы против европейской экспансии и колонизации должна быть увековечена. Его же оппонент — председатель Общеарабского народного

конгресса Омар эль-Хамди — называл знаменитого корсара чужеземцем и османским наемником. Дескать, он не объединял арабов в великой борьбе, а, напротив, сеял между ними рознь и вражду. И главной его целью было — повсеместное турецкое господство.

Оставим эту волнующую тему арабским ученым. В любом случае, небольшой мусульманский храм в Триполи теперь широко известен как мечеть Драгута, ее отреставрировали и поддерживают в хорошем состоянии. А мы вернемся к прерванному рассказу о великой мальтийской осаде. Кольцо вокруг форта Сент-Эльмо все сжималось. В середине июня командующий турецкими сухопутными войсками Мустафа-паша сделал широкий жест. Он отправил к осажденным гонца с предложением капитулировать, а в ответ гарантировал сохранить всем жизнь и предоставить возможность беспрепятственно покинуть крепость. Но парламентария встретили ружейными залпами и отправили ни с чем восвояси. Тогда в дело вступил адмирал Пиали, он приказал максимально усилить артиллерийский огонь со своих кораблей. Бешеная артподготовка должна была облегчить новую атаку, на успех которой твердо рассчитывал Мустафа-паша. На этот раз передовой отряд штурмующих составляли накурившиеся гашиша айялары. Этим исламским фанатикам было абсолютно все равно — жить или погибнуть во имя аллаха.

То, что даже первая атака безумных фанатиков была отбита, могло показаться чудом. Защитники же Сент-Эльмо выдержали целую неделю непрерывного натиска. Раненые, умирающие — все, кто еще мог хоть как-то держать оружие в руках, стояли на стенах или попросту лежали у бойниц. Наконец, утром 22 июня ослабевший донельзя, немногочисленный гарнизон все-таки не сумел удержать форт. Ворвавшиеся в крепость взбешенные янычары просто озверели и не оставляли в живых никого. Только никогда не забывающие о наживе близкие соратники корсара Драгута ухитрились уберечь от расправы нескольких рыцарей. Они знали, что госпитальеры всегда готовы дорого заплатить за своих попавших в плен братьев. В этот день родилась самая цитируемая всеми историками фраза Мустафы-паши. Абсолютно безрадостный, несмотря на долгожданную победу, он осматривал превращенную в руины совсем небольшую, но сумевшую так долго держаться крепость. И когда взгляд его через простор гавани упал на видневшийся вдалеке другой мальтийский форт Сент-Анжело, полководец произнес: «Боже! Если маленький сын стоил нам так дорого, какую цену придется платить за большого отца?»

«Большой отец» на следующее утро узнал цену турецкой ярости. К стенам форта Сент-Анжело прибило четыре креста с приколоченными к ним безголовыми телами рыцарей. Это Мустафа-паша приказал обезглавить погибших и отправить иоаннитам по воде страшную посылку. О времена, о нравы! Ла Валетт нашел достойный и не менее варварский ответ. Всем турецким военнопленным в Биргу и Сент-Анжело в тот же день отрубили головы. Этими ужасными «ядрами» зарядили две самые большие пушки. Команду «огонь» по турецким позициям отчеканил сам Великий магистр.

Те м временем осада Мальты шла своим чередом. Вдохновенное первой, хоть и тяжелейшей, но все-таки победой, бесчисленное турецкое войско окружило город Биргу. Действия османов продолжились по привычному для них сценарию. За свою смертоносную работу принялась артиллерия. Бастионы города и форта Сент-Анжело подверглись методичному, почти непрерывному обстрелу. Возможно, у этого «фильма» был бы такой же неутешительный конец. Но госпитальерам неожиданно и крупно повезло. Занятые передислокацией войск и организацией нового окружения, турки не заметили и пропустили в Биргу спешивший на помощь иоаннитам с Сицилии довольно крупный военный отряд. Он насчитывал 42 рыцаря и тысячу аркебузирова. Учитывая несопоставимое соотношение сил атакующих и защищающихся и соответствующие

масштабы эффективности их действий, можно было считать, что госпитальеры получили в подкрепление целую армию. Веселый перезвон городских церковных колоколен, оживление и откровенная радость характерно жестикулирующих рыцарей на крепостных стенах дали понять недоумевающим туркам, что у госпитальеров не все так плохо, как им бы хотелось.

Те м не менее, ровно в середине лета и с моря, и с суши началось массированное наступление османов на все позиции иоаннитов. Ответом им были столь же дружные залпы, прореживающие ряды атакующих, как острые ножницы густые волосы. Эффектные кровавые эпизоды сменяли друг друга. Несколько десятков аборигенов — мальтийских жителей, считавших своим долгом помогать рыцарям, — вплавь добрались до галер, с которых ушел на сушу турецкий десант, и, как кур, перерезали всех оставленных охранников. Рыцари тем временем дали десанту достойный отпор.

Осада вновь грозила затянуться. И тогда янычары, как «нормальные герои», отправились в обход главных защитных сооружений. Была отобрана тысяча лучших воинов, которые на десяти галерах обошли остров с юга, где форт Сент-Анжело был менее всего укреплен. Быстрый, хитроумный маневр Мустафы-паши давал ему шанс одним ударом решить исход войны в свою пользу. Но на каждую хитрость всегда найдется ответная. А профессиональный турецкий военачальник недооценил воинское искусство главы Ордена Святого Иоанна. Но как раз на случай обхода Ла Валетт оставил в засаде и замаскировал у южного подножия форта артиллерийскую батарею. Ее командующий французский рыцарь де Гираль даже своим глазам не поверил, когда увидел, как в расставленную мышеловку добровольно заползают «турецкие мышки». Терпеливо выждав и подпустив галеры ярдов на двести, де Гираль в упор расстрелял вражеские корабли одним залпом из всех орудий. Только одно судно из десяти смогло удержаться на плаву, остальные, вместе со всей красотой султанского воинства, нашли свою могилу на морском дне у мальтийского форта Святого Ангела.

Разъяренный Мустафа-паша, сдерживая гнев, решил следующий штурм тщательно подготовить. Пять дней не смолкала оглушительная канонада, все имевшиеся у османов орудия крушили стены и оборонительные редуты Биргу. Седьмого августа янычары ринулись на штурм. Пожалуй, это был решающий момент исторической схватки. Может быть, потому, что мы так далеки от тех событий, меня постоянно тянет на киносравнения. Наверняка многие помнят легендарный фильм братьев Васильевых «Чапаев». Как наступающая огромной колонной белая гвардия под яростным огнем десятками теряла бойцов, но, не дрогнув, механически смыкала стройные ряды и продолжала двигаться вперед. Вот так и турецкая «боевая машина» шаг за шагом продвигалась к стенам города, несмотря на огромные потери. Но и защитники города не отступали ни на шаг. Рукопашный бой разгорался почти в каждой зияющей стеновой пробоине...

Но, как это уже часто случалось в «схватке гигантов», решающую роль сыграла не сила, а ум. В Мдине стоял и терпеливо не вступал в борьбу небольшой резервный отряд рыцарей. Зато они внимательно наблюдали за разворачивающимися событиями. Увидев, что в бой брошены последние турецкие наличные силы, рыцари провели мгновенный бросок в тыл противника. Они беспрепятственно сожгли и разграбили оставленный вражеский лагерь со всеми его запасами продовольствия, амуниции и вооружения. Это вызвало шок у турецкого генералитета. Между адмиралом Пиали и Мустафой-пашой начались разногласия и споры. Адмирал настаивал на возвращении в Стамбул, пока не начался сезон осенних штормов. Сухопутный главнокомандующий в глубине души тоже сознавал, что победа буквально уплыла из рук, а длительная осада, всегда приводившая его к

успеху, сейчас невозможна. Еще неизвестно, кто первым ее не выдержит, ведь без продовольствия их шансы уравниваются.

Отказываясь верить в то, что его многотысячную армию отборных янычар сумела остановить горстка госпитальеров, Мустафа-паша затеял еще одну отчаянную штурмовую атаку на Биргу. А в гарнизоне защитников дела обстояли тоже не лучшим образом: госпитали переполнены ранеными, еда и питье — на исходе, одежда и обувь изодраны, запасов, практически, нет. Ла Валетт чувствовал, что чаша воинской удачи склоняется на их сторону, но понимал — нужен какой-то шаг, который поднимет измученных людей. И тогда он сам встал на стену рядом с рыцарями и ополченцами. Раненный в ногу, он не внял увещанием своего оруженосца отправиться в госпиталь. Его ответ тоже стал исторической цитатой. Направив руку в сторону османского флага, Великий магистр произнес: «Я никогда не покину моих солдат, пока эти знамена развеваются над Мальтой».

Предчувствие не обмануло Ла Валетта. Госпожа-удача продолжала оставаться для них доброй. Вице-король Сицилии дон Гарсиа де Толедо, который благоволил к защитникам Мальты и уже присылал сюда подкрепление, на этот раз лично возглавил восьмитысячный десант. Шестого сентября он высадился на северо-восточном побережье острова. Это стало последним ударом для разрывающихся в сомнениях турецких военачальников. Символом торжества Христовой веры и веры рыцарского духа стал факт, что через два дня, в наступивший праздник Рождества Богородицы осада Мальты была снята. Такое тяжелое для себя решение Мустафа-паша и адмирал Пиали приняли, невзирая на то, что число их воинов более чем вдвое все еще превосходило силы осажденных вместе с прибывшим подкреплением. Но турецкие военачальники все-таки сумели сделать очень важный для себя стратегический ход. Прежде чем повернуть армию к берегам Босфора, они известили султана о своем поражении. И пока остатки турецкого войска добирались до Стамбула, гнев Сулеймана Великолепного слегка поостыл, и головы Мустафы-паши и Пиали остались на плечах.

А над разрушенным городом Биргу гремел набат колоколов церкви Святого Лаврентия. Победный звон неся и над лежавшими в руинах фортами Сент-Эльмо и Сент-Анжело, над всем спасенным островом. «Я не мог поверить, что звук колокола может быть столь приятен для человеческого уха. Три месяца кряду колокола Мальты звали нас только на бой», — это реальное, письменное свидетельство участника легендарной обороны испанского аркебузира Бальби вполне достойно завершить рассказ о Великой осаде.
От Валетта к Валетте

Все-таки недаром существует высказывание, что талантливый человек талантлив во всем. Едва отзвучали последние выстрелы грандиозной баталии, как Ла Валетт, сняв воинские доспехи, «переквалифицировался» в зодчего и даже военного инженера. Предстояла очередная, но уже мирная «великая битва» — строительство новой столицы Мальты, причем с учетом всех требований оборонной фортификации. Какие еще сражения могли ждать госпитальеров впереди? Разрушенные стены Витториозо, как нарекли в память о недавней победе объединенные вместе города Биргу и Сенглеа, не могли служить надежной защитой. И чтобы в будущем взять под полный контроль обе гавани — Большую и Мерсамшетт, Ла Валетт определил местом строительства новой столицы полуостров Шибerras. Его крутые скалистые берега затрудняли создание удобных причалов, к тому же необходимо было дополнительно искать источники питьевой воды. Но перевес взяло стратегическое месторасположение, откуда как на ладони просматривались все подходы с моря.

План Великого магистра получил поддержку Святого римского престола, и папа Пий IV первым делом попросил герцога Козимо Медичи отправить на остров служившего у него известного инженера Франческо Лапарелли. Вместе с мальтийским архитектором Джероламо Кассаром они создали изящную восковую модель будущей столицы. На ней в деталях просматривались эффективные защитные сооружения. Но резонно встал вопрос финансирования. Шутка ли сказать — построить с нуля целый город. Тогда «восковую столицу» послали на одобрение королю Филиппу II Испанскому. Тот высочайшей рукой внес небольшие изменения, но раскошелиться не спешил, впрочем, как и другие европейские монархи. А должны были бы — ведь еще недавно они дрожали перед возможным турецким нашествием и молились за успех защитников христианства. Пришлось поступать по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Благодаря жертвованиям рыцарей и благодарности островных жителей, что безропотно согласились платить на строительство столицы повышенные налоги, 28 марта 1566 года Великий магистр Жан Паризо де Ла Валетт заложил первый камень в основание города.

Престарелый прелат и тут остался верен самому себе. Он ежедневно обходил места строительства, где уже трудились около восьми тысяч добровольцев — сицилийцев и плененных рыцарями рабов. Ла Валетт успел увидеть своими глазами траншеи и стены, рисующие реальные контуры намеченных фортификационных сооружений, и несколько возведенных бастионов. Не ведая того, он даже смотрел на место своего будущего захоронения — построенную первую городскую часовню. 28 августа 1568 года эпоха Великого Человека Ла Валетта окончилась. Впоследствии его прах перенесли из часовни, где он был погребен, в алтарную часть собора Святого Иоанна.

Названный же его именем город уже красовался дворцами и соборами. Выросшие стены окружались глубокими рвами, взметались ввысь мощные башни. Прошло только пять лет со дня смерти основателя, но город уже опоясала стена, длиною более двух миль, с тремя десятками надежно укрепленных бастионов. А преемник Ла Валетта, Пьетро дель Монте по-деловому оценивал панораму гавани Мерсамшетт. Именно туда выходили так называемые Морские ворота столицы, где новый Великий магистр и планировал разместить военно-морской флот Ордена...

Валетту нужно осматривать не спеша, здесь ходишь, затаив дыхание. Аура города так и источает многовековую таинственную давность. Кажется, что и сегодня Валетта почти целиком осталась в рамках архитектурных представлений XVI века. И, безусловно, она заметно отличается от европейских материковых столиц. Улицы, хоть и проложены на склонах усеченного холма, все же пересекаются строго перпендикулярно. Чем-то это мне напомнило Нью-Йорк, только в уменьшенных масштабах. Длинные и широкие «авеню» и короткие, узкие «стриты». Только архитектура — не чета американскому мегаполису — просто праздник какой-то!

Первым делом мы отправились к главной достопримечательности Валетты — собору Святого Иоанна. Он даже расположен как-то непривычно глазу — тянется вдоль улицы, которая носит сейчас имя Республики. А лицевая часть с главным входом открывается в маленьком переулке. Сворачиваем к боковому крылу — там перед корпусом Верховного суда Мальты — памятник героическим рыцарям, выдержавшим Великую осаду. Валетта невелика, тут же неподалеку, уже на площади Республики, открывается величественный фасад Дворца Великих магистров. Есть легенда, что место для своей резиденции Пьетро дель Монте выбирал сразу после торжественного въезда в новый город 15 марта 1571 года. Но участок, который ему понравился, принадлежал благородной мальтийской семье. И ее глава в благодарность за защиту Мальты отдал землю Ордену в вечное пользование, попросив символическую плату — пять зерен пшеницы и стакан воды из колодца...

Но вернемся к собору Святого Иоанна, который мы покинули, чтобы сориентировать вас на местности и хотя бы бегло описать соседние здания. Внешне он, как и сам Орден, по-монашески строг, но поверьте мне — там стоит задержаться подольше. Если в Санкт-Петербурге в соборе Петропавловской крепости лежат под мраморными постаментами государи российские, то здесь похоронены Двадцать шесть Великих магистров, управляющих Мальтийским Орденом. И только двое — Дидье де Сен-Жайль и Фердинанд фон Гомпеш — скончались и нашли последнее пристанище за пределами острова. По делам воздавалась и честь. В крипте под соборным алтарем, рядом с Ла Валеттом — усыпальницы еще одиннадцати Великих магистров. Лежит здесь и «простой» рыцарь — сэра Оливер Старки. При жизни он был секретарем Ла Валетта и оставался последним, представляющим на Мальте ветвь английского «ланга». Этот доблестный рыцарь, находившийся всегда рядом с патроном, снискал себе особую славу во время Великой осады. Но и после кончины Великого магистра он пользовался таким непререкаемым уважением что, когда сам через двадцать лет ушел в мир иной, совет Ордена единодушно решил отдать ему самые высокие почести.

Некоторые Великие магистры похоронены в именных часовнях своих языков. Там им поставлены роскошные памятники. Часовни идут друг за дружкой по периметру в боковых нефх собора. Каждая посвящена своему святому — хранителю того или иного «ланга». В 1603 году Великий магистр Алоф де Виньякур издал декрет, по которому часовни распределялись между языками: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия, Германия, Кастилья, Леон и Португалия. Первую справа от алтаря часовню по старой памяти относят к покровительству мадонны Филермо. Ее древнюю византийскую икону рыцари привезли с Родоса. Но затем сюда перенесли образ мадонны из часовни Святой Екатерины, принадлежащей итальянскому языку. Ее еще называют мадонна Карафа, так как икона была подарена собору семьей Великого магистра Карафы...

Внутри собор, конечно, впечатляет. От такого количества прекрасных картин, скульптур, мозаик, кажется, пойдет кругом голова. Но я не видела, чтобы хоть кто-нибудь не остановился в часовне Арагона у надгробия, где покоится прах Великого магистра Никола Котонера. Его бюст установлен на мраморном постаменте, что опирается на двух полуобнаженных мужчин. Они выточены в полный рост из белого мрамора. Фигуры сгибаются под тяжестью груди оружия, пушек и различных военных трофеев. Позади Великого магистра — мраморная пирамида, с двух сторон которой парят ангелы. Один из них держит в руках герб Котонера.

Композиция была изготовлена в Риме одним из талантливых итальянских скульпторов XVII века Доменико Гвиди, а затем перевезена на Мальту. И привлекает она к себе внимание не только красотой, но и необычностью замысла то ли автора, то ли заказчиков. Например, одна из фигур, поддерживающих постамент, — точь-в-точь запорожский казак, широкие шаровары, на бритой голове — длинный чуб. Почему такой «гость» попал в католический собор? Оказывается, есть две вполне научные версии появления нетипичного образа. Запорожцы ведь тоже были непримиримыми врагами турок. А значит, между ними и рыцарями вполне могли существовать дружеские или военные связи. По другой версии, чужеземец представляет не Украину, а Польшу. Возможно, это князь Радзивилл, попавший к туркам в плен. Освобожденный рыцарями с каторжной галеры, он долго жил на Мальте. Во всяком случае, давние международные связи Ордена Святого Иоанна явно налицо...

Как-то немного не по себе ступать по разноцветной мраморной мозаике пола, ведь на самом деле это тоже надгробные плиты, под которыми покоится прах более 350 кавалеров

Ордена. Искусно выложены благородным камнем картины морских сражений, похоронных процессий. Покой усопших охраняют мозаичные кипарисы, маленькие амур и ангелы с лавровыми венками. Надгробия также венчают рыцарские гербы, на каждом — знаменитый мальтийский крест и золотые надписи девизов. Из одной из стен выступает мраморный рыцарский шлем. Присев на невысокую скамеечку, можно примерить его на себя, что и проделывает незамедлительно дочка-второклассница. Та к и осталась в семейном альбоме эта фотография — большой тяжелый шлем, из-под которого виднеется вздернутый нос и топорщатся медно-рыжие кудряшки...

Здесь каждая деталь — произведение искусства. Особенно хорош алтарь из мрамора и бронзы. Это еще один подарок Великого магистра Карафы, сделанный в 1685 году. Он обошелся в баснословную сумму — четыре с половиной тысячи золотых эскудо. Вообще собор Святого Иоанна всегда был предметом гордости и заботы великих магистров, да и всего Ордена. Каждый новый его глава и любой из рыцарей после перехода в следующий, более высокий ранг должны были преподносить храму богатые дары и делать денежные взносы. Большую щедрость в украшении собора в годы своего правления проявляли великие магистры братья Рафаэль и Никола Котонеры. Поэтому их гербы чаще других можно увидеть на стенах. А Раймонд де Переллос подарил храму роскошные голландские гобелены, сюжеты которых повторяли на тканях картины Рубенса и других известных художников.

Вообще, когда в наше меркантильное время читаешь документы и книги, посвященные Ордену госпитальеров, поражаешься, несмотря на всю жестокость нравов тех лет, их человеческому бескорыстию, искренней заботе о почитаемых всеми ценностях. Чего стоит только одно предложение Маттио Прети не только расписать свод собора, но и декорировать его за свой счет. А ведь это был не рядовой иконописец, желающий прославиться! Когда Маттио Прети приехал в Валетту в 1661 году, он входил в когорту лучших художников Италии. Из-под кисти мастера уже вышли прекрасные фрески в храмах Неаполя, Модены и других городов. Конечно, Совет Ордена с удовольствием пошел навстречу желанию великого живописца. Более того, его посвятили в рыцари, и, став полноправным членом братства, Прети трудился в соборе Святого Иоанна почти сорок лет.

Под сводами — картины, изумительной красоты — девять фресок маслом по камню. Каждую Маттио Прети посвятил одному эпизоду из жизни Иоанна Крестителя. Рукой маэстро выведена и настенная роспись, она рассказывает о деятельности самого Ордена. Стены изящно инкрустированы позолоченным известняком. По эскизам Эль-Калабрезе, как еще называли художника, украшены часовни. Особенно хороша филигранная резьба по камню. Мальта помнит и почитает своих героев. Великий живописец, рыцарь суверенного Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского Маттио Прети тоже похоронен в главном соборе. Если войдете в него, сразу посмотрите налево. А в музее изящных искусств можете полюбоваться колоритным полотном «Мученичество Святой Екатерины»...

История Ордена просто поражает удивительными фактами. Оказывается, его рыцарем был еще один «столп» позднего Возрождения Микеланджело Меризи да Караваджо. Он известен как непревзойденный мастер использования в живописи света и тени и тоже приложил свою гениальную руку к украшению мальтийского собора Святого Иоанна. В капелле правого крыла храма, в которой собирались и обсуждали свои дела именитые рыцари, изюминкой великолепной коллекции картин были именно произведения Караваджо. Не все они остались на месте. Один из написанных им портретов Великого магистра Алофа де Виньякура перекочевал в Лувр, другой — во Флоренцию в галерею

Питти. Нельзя равнодушно смотреть на картину художника «Усекновение головы Иоанна Крестителя» в соборном музее. Недаром церковью в память об этом трагическом событии, описанном евангелистом Матфеем, установлены праздник и строгий пост, как выражение скорби христиан о насильственной смерти...

Творить на Мальте Караваджо начал в середине 1607-го. А ровно через год за заслуги перед Орденом он был принят в его рыцари. Но тут, как говорится, не все сложилось. Известен Микеланджело Меризи был не только как великий художник, но и как ретивый дебошир и скандалист. Среди шалостей «домальтийского периода» живописца значились «швыряние подноса в лицо официанту, ношение меча и кинжала без соответствующего разрешения», а также «битие стекол в доме своего хозяина», забравшего у постояльца, что не вносил квартплату, часть мебели. Но это, как говорится, мелочи жизни. Неоднократно темпераментный художник оказывался в тюрьме. За пять лет, начиная с 1600 года, его имя более десяти раз фигурировало в полицейских протоколах. Да и на Мальту он попал, переезжая с места на место, чтобы укрыться от закона. Тут уж дело было посерьезнее — в драке, возникшей из-за никчемного спора при игре в мяч, Караваджо убил человека.

Мальтийский этап биографии живописца тоже испещрен светлыми и темными полосами. Он писал картины не только для церквей, но и получал частые заказы от рыцарей-иоаннитов. Однако, едва удостоившись за свое искусство чести быть принятым в их братство, Караваджо не поладил с высокопоставленным членом Ордена. Результатом стычки стала тюремная камера. Из-под стражи лихой жизнелюб ухитрился сбежать и отправился на Сицилию. Опасаясь римских властей, боясь мести госпитальеров, загнанный живописец метался из города в город. Та к он снова оказался в своем любимом Неаполе. Там-то его выследили несколько вооруженных незнакомцев — с большой долей вероятности, это были рыцари-иоанниты. Они хладнокровно изуродовали художнику лицо. Весной 1610 года Караваджо оказался в Порто-Эрколе, городке на восточном побережье острова Монте-Арджентарио в Тосканском архипелаге. Там его, по иронии судьбы, арестовали по недоразумению. И хотя вскоре отпустили, жить ему оставалось лишь несколько месяцев. Звезда художника и неудавшегося рыцаря закатилась, как и у многих великих, под цифрой 37. Произошло это не от меча или ножа, а от прозаичной малярии прямо на пляже, под ярким солнцем. Ведь он так любил подвластную ему игру света и тени...

Однако, нас ждет прерванная история другого острова. Рыцарских преподношений главной мальтийской святыне просто не перечислить. Сокровища храма были несметны, но, к сожалению, далеко не все они сохранились. Почти до конца XVIII века собор Святого Иоанна считался одним из богатейших в Европе, пока из него не унесли все, что могли унести, солдаты наполеоновской армии. Знаменитые гобелены, кстати, не пропали, и сегодня вы можете увидеть их в соборном музее.

Еще одна реликвия поистине уникальна и почитаема — это правая рука Иоанна Крестителя. По преданию, первым хранителем фрагмента длани, крестившей самого Христа, был евангелист Лука. Вначале нетленная десница пророка находилась в сирийской Антиохии, затем она попадает в Константинополь. Писания гласят, что император Константин лично передал ее церкви Святого Иоанна в знаменитой Петре. Там м христиане поклонялись святыне, пока Мехмет II не покорил Константинополь в 1453 году. Завоеватель скрыл реликвию от глаз страждущих в сокровищнице своего дворца. Там, однако, она находилась не очень долго. Уже мудрый султан Баязет II в поисках мировых компромиссов с Орденом госпитальеров сделал беспроеигрышный ход. В 1484 году его посол прибыл на Родос и передал Великому магистру Пьеру д'Обюссону бесценный султанов подарок — кипарисовый ларец. В нем на розовой шелковой

подушечке лежала рука пророка, чье имя носил рыцарский Орден. В том, что это действительно подлинная святая реликвия, убеждалась специально собранная комиссия. С тех пор рыцари ее бдительно хранили, с Родоса перевезли на Мальту и, поместив в уникальной красоты золотой «реликварий», созданный Джованни Бернини, передали в носивший имя Предтечи собор. Французы, оккупировав Мальту, не посмели посягнуть на святыню и позволили великому магистру фон Гомпешу увести главную орденскую реликвию с собой...

Интересно, что сам собор тоже является своего рода подарком Ордену, так как возведен он был в 1573–1577 годах на средства Великого магистра Жана де ля Кассьера.

Строительство он доверил помощнику и ученику уже известного вам Франческо Лапарелли, одному из лучших мальтийских архитекторов Джероламо Кассару. Тот имел успешный опыт церковного зодчества на Мальте, построив храм Святого Марка в пригороде Мдины. Собор Святого Иоанна был торжественно освящен 20 февраля 1573 года. Интересно, что его фасад очень похож на один из эскизов Микеланджело, сделанный для проекта церкви Сан-Лоренцо во Флоренции. Но в целом внешний вид собора своей строгостью, если не сказать — суровостью резко контрастирует с внутренним убранством. Над входом — скромный балкон на двух колоннах. Именно он в дни крупных церковных праздников служил трибуной Великим магистрам, обращавшимся к народу. С него, кстати, впервые произносилось и «магистр умер — да здравствует магистр» — так люди узнавали имя очередного главы Ордена. Над фасадом — две квадратные башенки. В путеводителе читаем, что когда-то их венчали восьмигранные шпили. Они придавали собору некоторую схожесть с рыцарскими замками. Но шпили убрали во время Второй мировой войны, опасаясь их падения при налетах немецкой авиации...

По известному выражению из любимого народом фильма, Валетта — город контрастов. Вокруг величественного собора с раннего утра открывается бойкая торговля. Но такого дополнительного назначения в современном туристическом круговороте не избежал ни один сколько-нибудь значимый памятник старины. Вот и здесь не только десятки близлежащих магазинчиков украшают витрины привлекающими путешественников товарами, но и уличные торговцы на небольшой площади стараются перехватить каждого, кто останавливается у соборного фасада. Однако, наши, скажем, Санкт-Петербургские «пахари» торгово-туристического бизнеса не оставляют своих мест с раннего утра до позднего вечера. От стен же храма в Валетте торговцев словно ветром сдувает, как только в час дня прозвучит колокол. Таково правило, действующее ежедневно и беспрекословно...

Пойдем дальше и мы. Но не по стройным улицам Валетты, с ее неповторимыми дворцами, то похожими на крепости, с коваными оградами, то с более поздними завитушками барокко... Читать вам об этом городе — настоящем архитектурном шедевре — все равно, что слушать рассказ о загадочной улыбке Джоконды. Верна народная мудрость — лучше один раз увидеть. Здесь все так же бережно хранят память об отце-основателе. Жаль только, что нет среди реликвий знаменитой шпаги Ла Валетта, которой он разил своих врагов. Легендарным клинком завладел Наполеон, когда завоевал Мальту. Но ходят легенды, что шпага и без хозяина не давала пощады недругам Ордена. Вот и Бонапарт, говорят, с того мгновения, как взял ее в руки, лишился воинской удачи. А сама шпага осталась во Франции и хранится в Лувре. На Мальте можно увидеть только ее копию...

Ну а мы, пока сверкает у подножия Валетты синее-зеленое море и яркое солнце нещадно накаляет камни, вернемся в сумрак Средневековья и коротко расскажем о годах Корсо. Так в своем труде «О хронологии Мальтийского ордена» называют период от снятия

Великой осады до конца XVII века ученые А. Б. Верёвкин и С. В. Чесноков. Почтенное их исследование, реконструирующее события с применением математического и даже микроволнового анализов, всеобъемлюще и вызывает у нас, простых читателей, глубокий трепет. Вот дословно лишь одна цитата: «Исследуем последовательность длительностей правления магистров при помощи комплексного вейвлет-преобразования. Идея этого метода заключается в свертке исследуемого сигнала с финитной базисной функцией[?](t), моделирующей уединенную комплекснозначную волну, называемой вейвлетом (всплеском), и в последующем изучении полученного интегрального преобразования исходной функции... Приведенные расчеты и их результирующее изображение наглядно иллюстрируют наличие внутренних корреляций в хронологии Мальтийского ордена»...

Все же согласитесь, это слишком научно для нашей скромной книги. Поэтому попробуем перевести почерпнутые сведения, а их там, безусловно, много, на доступный язык. Впрочем, термин «Корсо» встречается также в других изданиях — чисто исторических. И, как мне удалось понять, означает он не что иное, как погоню мальтийских госпитальеров в открытом море за пиратскими судами из Алжира, Туниса и Триполи. Как мы помним, на Мальту изгнанные с Родоса иоанниты попали не в лучшем своем материальном положении. Но все же четыре боевых корабля у них было — большая баракка (тип парусно-гребного судна, распространенного в южной Италии) «Санта Анна», на которой эвакуировался сам Ла Валетт, и три крупные галеры. Остальные суда считались да и служили только транспортом. Вряд ли они могли представлять угрозу для пиратов.

И все же «годы Корсо» в итоге вновь позволили госпитальерам стать грозой Средиземноморья. Но несчастья попеременно с удачами продолжали сыпаться на них одно за другим. «Санта Анну», хоть она и была в числе самых крупных и мощных кораблей своего времени, пришлось взорвать. Поддерживать ее в боевой готовности для стесненного состояния новоиспеченных мальтийцев было слишком дорого. А тихоходность и неважная маневренность не позволяла кораблю самому добывать себе содержание в пиратских вылазках. В конце 1553 года обрушившийся на Мальту страшный ураган унес на морское дно почти все орденские галеры с экипажами на борту. Помощи от европейских правителей не предвиделось. Наоборот, конфискация ранее Генрихом VIII владений Ордена в Англии лишь усугубляла его финансовое состояние.

Вот тогда-то свою решающую роль сыграли умелые вылазки на Корсо. Совершались они на всех оставшихся боевых галерах, как минимум, трижды в год. Гонясь за пиратами, иоанниты, по сути, сами вели себя как корсары и, практически, всегда возвращались с богатой добычей. В этой связи достаточно верным, хоть и очень категоричным выглядит вывод, сделанный вышеприведенными учеными в своем «заключении с гипотезами и разоблачениями». Эта их глава, по высказыванию авторов, не содержит математических формул и вычислений, поэтому ее можно назвать гуманитарной. «Итак, мы выяснили, — пишут Верёвкин и Чесноков, — что иоанниты до конца XVII века разбойничали на Средиземном море, что сближает эту компанию с папой-пиратом Иоанном XXIII (Балтазаром Коссой). Видимо, их деятельность началась с Родоса (примерно 1310 год), но папское благословение и статус защитников веры они получили позднее — может быть, при папе Иоанне XXII (якобы в 1316–1334 учредил «орден Христа»), либо при Иоанне XXIII (1410–1415). За полтора столетия на Мальте иоанниты собрали немало добычи и захотели респектабельности. В конце XVII века они нанимают историографов, которые пишут им древнюю историю Ордена госпитальеров и генеалогии до шестнадцатого колена, художников, рисующих портреты блаженных магистров. Эта версия объясняет все закономерности и противоречия, обнаруженные нами в традиционной истории Мальтийского ордена, кроме ответа на вопрос: «Отчего эти моряки избрали себе госпитальную специализацию?»

Действительно, отчего? Под таким углом зрения я бы скорее поставила вопрос чуть-чуть иначе — для чего? Но целью нашего повествования вообще не являются ученые споры и дискуссии. Мы просто рассказываем о существующих, наиболее распространенных версиях деятельности монашеских, рыцарских, военных орденов. А уж в морской «специализации» госпитальеры изрядно поднаторели. И к середине XVI века с капитанами мальтийских галер (пусть даже разбойничающих) мало кто мог сравниться в искусстве судовождения и водных баталий. Поэтому рыцари, помимо охоты на пиратов, часто входили в различные союзнические альянсы и участвовали в экспедициях флотов европейских государств. На помощь испанцам в борьбе против Турции и ее североафриканских союзников они приходили особенно часто. Например, в 1535 году вместе выбивали Хайруддина Барбароссу из Туниса. С испанцами же пытались, правда, неудачно, вновь вернуть Триполи. Этот флотский союз действовал, практически, до конца XVI века. Госпитальеры не раз оказывались решающей силой в военно-морских экспедициях габсбургской Испании против османской империи, извлекая при этом выгоду и для себя. Та к они перестали испытывать острый дефицит в гребцах, получив немало галерных рабов из экипажей захваченных вражеских судов.

Новый век окончательно утвердил военный флот Мальтийского ордена на первом месте в Средиземном море. Быстрые галеры иоаннитов регулярно «выходили на Корсо», привлекая в союзники сицилийские, тосканские и даже ватиканские военные корабли. Они хозяйничали на море, как в собственной ванне. В партнерстве с Венецией и Генуей дважды нагло блокировали Дарданеллы. В 1664 году напали на Алжир, потом помогли испанцам захватить Оран, участвовали в героической обороне Кандии на Крите. Эта «греко-венецианско-турецкая» эпопея достойна отдельного описания, но госпитальеры имеют к ней лишь косвенное отношение. При этом сама Мальта и ее хозяева — иоанниты, особенно в начале XVII столетия, жили в постоянном ожидании нападения османских отрядов. Те из читателей, кто служил в армии и когда-либо находился на долговременном боевом дежурстве, поймут это состояние ежечасной и ежедневной бдительности. Даже вход в Большую гавань между фортами Рикасолли и Сент-Эльмо был перетянут огромной металлической цепью, чтобы не прозевать внезапной вылазки неприятеля. Кто-то из историков, изучавших жизнедеятельность Ордена Святого Иоанна, даже не поленился вывести статистику боевых тревог, объявляемых на Мальте. В нее попадает почти каждый год из первых тридцати в XVII веке.

Однако далеко не каждое из авантюрных предприятий госпитальеров, объединяемых периодом «годы Корсо», оказывалось успешным. Случались и серьезные промахи. 26 июня 1570 года легкая маневренная эскадра из четырех орденских галер под командованием Жана Франсуа де Сент Клемента, покинув Большую гавань, взяла курс на Палермо. Там собирались силы, что намеревались помочь венецианцам, защищавшим осажденный турками порт Фамагуста (нынешний знаменитый город-призрак на Кипре). Сам командир, только недавно назначенный за боевые заслуги главным капитаном орденских галер, рассчитывал на очередной успех. Но удача решила вдруг повернуться к бывалому моряку не самым приятным своим местом. На марше неожиданно умирает капитан одной из галер Сальваторе ля Батте. И командующий, не обращая внимания на возражения других капитанов, поворачивает эскадру обратно на Мальту. Свое решение он объясняет необходимостью доложить о происшествии великому магистру дель Монте. Причина, как выяснилось впоследствии, оказалась абсолютно прозаичной. И уж куда как понятной жителям современной России. Доблестный Сент Клемент по совместительству занимал пост интенданта в арагонском языке. И прихватил для личных нужд в Сицилии на борт своей галеры груз продовольствия и вина, чтобы доставить его домой. В

дополнение уже привыкшие к удачной «охоте на Корсо» капитаны галер заподозрили командира эскадры и в стремлении уклониться от боя со встреченными галеотами.

Как показали последующие события, возможно, все же Сент Клемент опасался не напрасно, ведь неприятельских судов было ни много ни мало, а два десятка. Да и командовал ими знаменитый пират Уджд Али, преемник Драгута. Не прошло и месяца, как злополучная эскадра госпитальеров вновь уходит в плавание. Но потрепанная сильным штормом у острова Гозо, она попадает в распростертые объятия поджидавших в засаде корсаров. Сам командир героически спасся, оставив в плену более тысячи своих моряков, в том числе — восемьдесят рыцарей. Не удивительно, что по возвращении на Мальту он был арестован. Не помогли былому герою даже «рекомендательные письма», которыми он предусмотрительно заручился в Риме. Судьи Мальтийского ордена вынесли вердикт, по которому отважные в прошлом рыцари, герои Великой осады Жан Франсуа де Сент Клемент и капитан одной из галер Орландо Магри приговаривались к смертной казни с исключением из Ордена и конфискацией имущества.

Но, как вы думаете, что послужило главным пунктом обвинения? То т факт, что врагу было оставлено знамя Ордена. Вот так, господа, — честь превыше всего! Случай этот надолго остался в памяти, но лишь по прошествии почти тридцати лет Генеральный капитул Ордена принял постановление, по которому кораблям, направляющимся «на Корсо», строго-настрого запрещалось брать на борт какой-либо дополнительный груз.

А фортуна продолжала плести свои замысловатые узоры, отдавая пальму первенства то одним, то другим действующим лицам на Корсо. Ровно через год после столь трагически завершившегося для Сент Клемента события она снова столкнула в открытом противостоянии пиратов Уджд Али и жаждавших отмщения госпитальеров. За кем осталась победа, попробуйте определить сами. Седьмого октября 1571 года в грандиозном морском сражении в заливе Лепанто был разгромлен и сожжен огромный турецкий флот, состоявший почти из двух с половиной сотен кораблей.

На левом фланге многонациональной коалиции христианской эскадры вели бой четыре галеры госпитальеров под командованием Пьетро Джустиниани. В ходе боя генуэзские парусники бросились преследовать отступавшие корабли неприятеля, но при этом оставили малочисленных иоаннитов лицом к лицу с тридцатью галерами турецкого флота. Ими как раз и командовал опытный Уджд Али, сумевший, почти без потерь, умело лавировать в сражении. В завязавшейся схватке перевес явно был на стороне турок. Корсары взяли на бордаж флагманский корабль госпитальеров и, пользуясь численным превосходством, хладнокровно вырезали весь его экипаж. Когда подоспевшие к месту трагедии боевые суда союзников отбили у пиратов орденскую галеру, на ее борту оставались живыми только три рыцаря, в их числе, одному богу известно как, уцелевший Джустиниани.

А вот как художественно описывает в своей книге «Люди. Корабли. Океаны» картины явно того же сражения известный знаток морских историй, немецкий доктор Хельмут Ханке. Только событие у него сдвинуто на три месяца назад:

«Чего только не случается на море! Давным-давно уже парусники проложили путь в Новый Свет, а тут шестьдесят тысяч весел монотонно шлепают по гребешкам средиземноморских волн. Залив Лепанто переполнен военными галерами.

Турецкий адмирал Али, победитель в битве при Фамагусте, зорко следил за каждым маневром приближающегося противника. Вот раздался сухой треск лопающихся весел,

закричали сражающиеся бойцы. Флоты столкнулись. Венецианские галеасы неожиданно прорвали растянувшийся гигантским полумесяцем походный ордер турок и раздробили весла многих турецких галер.

Вот уже корабль главнокомандующего объединенными флотами, вооруженный до зубов Сфинкс, на дальность полета стрелы сблизился с флагманским кораблем турецкого адмирала. Зарычали пушки. Вслед за ними четыреста крючковатых испанских ружей трижды, раз за разом, выплюнули свой губительный свинец на кишашую лучниками палубу турецкого флагмана. Вдруг стоны раненых перекрыл крик ужаса: черная венецианская галера сцепилась с кормой турецкого корабля на абордаж. Одетые в черное люди посыпались на палубу «турка».

Это были Мстители за венецианца Брагадино, с которого после взятия Фамагусты турки содрали кожу, набили ее отрубями и вывесили чучело на флагманском корабле как победный трофей. Разъяренные мстители пробивались к самому главному виновнику этой гнусной расправы — гиганту в турецкой адмиральской форме. Первых из них Али успел перекинуть через релинг, однако тут же сам повалился на палубу, сраженный мушкетным зарядом. Не желая попасть в руки врага живым, он приставил к своему сердцу кинжал, и в этот момент сын замученного им до смерти противника из Фамагусты прокричал ему в самое ухо имя покойного: «Брагадино!»

Мечь раненому убийце была ужасной. Сын Брагадино собственноручно отсек паше голову. Труп с головой, зажатой между ног, подвесили к грот-рее. На правой руке повешенного болтался на золотой цепочке, сияя в лучах закатного солнца, адмиральский талисман — клык Магомета в оправе из драгоценных камней. Та к и шла черная галера, сея вокруг себя трепет и ужас, мимо боевых единиц османов, пускавших при виде нее в бегство. Пять часов длилась битва при Лепанто. Более половины турецких кораблей вынуждены были капитулировать.

Среди раненых при Лепанто были испанский поэт Сервантес и итальянский художник Вицентино, который увековечил позже это самое кровавое из всех сражений галерных флотов на колоссальном полотне, украшающем с тех пор Дворец дождей в Венеции.

К тому времени Средиземное море уже утратило свою роль форума, на котором решались судьбы политики, поэтому Лепанто не оказало влияния на развитие мореплавания и мировой торговли, прочно переместившейся на атлантическую дорогу, Испания добилась преимущества в западной части Средиземного моря; проникновение турок на континент было приостановлено.

И все же торговля с Левантом была для Европы столь важной, что не только соседние страны, но и атлантические морские державы, Англия и Нидерланды, посылали в Средиземное море свои суда. О масштабах судоходства между средиземноморскими странами свидетельствует и тот факт, что варварийские государства (как называли европейцы магометанские княжества Североафриканского побережья) еще долгое время с огромной выгодой занимались здесь морским разбоем...»

Надо отдать госпитальерам историческую справедливость — их поражения в морских баталиях скорее были исключением из правил. Большая часть столкновений с турками и выходцами из североафриканских стран все же заканчивалась викториями иоаннитов. Причем победы зачастую были столь сокрушительными и подавляющими, что в них трудно было бы поверить, не будь документальных подтверждений. Вот только один пример из начала XVII века, когда рыцарская эскадра неожиданно нагрянула и высадила

десант на западный берег Пелопонесского полуострова. Воины почти без труда овладели турецкими крепостями в Патрасе и Лепанто (средневековое название ныне греческого города Нафпактос). Османы лишились при этом около четырехсот бойцов, включая главнокомандующего, госпитальеры же — лишь двух рыцарей и десятерых солдат. Только за первую половину названного столетия в архивах Мальтийского ордена зафиксировано восемнадцать крупных морских побед и успешных высадок в районах Триполи, Туниса и Алжира.

Но, как говорится, война войной, а обед по распорядку. Флибустьерское разгулье в Средиземном море постепенно стихало. Верх брали трезвый расчет и несомненные выгоды торговых контактов. К тому же, Османская империя после серии тяжелых поражений была уже не так воинственна и могуча. В 1683 году ее войска получили очередной чувствительный удар под стенами Вены. Иоанниты тоже стали осторожнее и старались действовать в содружестве с так называемой Антитурецкой лигой. В нее входили Испания, Венеция, Польша и Ватикан. В результате уже не первой войны за Морею, как еще называли Пелопонесский полуостров в средние века, она досталась Венеции вместе с изрядным куском Далматинского побережья. Та, насытившись, в ответ утратила воинственный дух. Соседняя Генуя и герцогство Тосканское еще раньше потеряли интерес к бряцанию оружием. К концу века постоянное пиратское соперничество в Средиземноморье стало мелким и эпизодичным. Наступала новая эпоха.

После разгрома османов войсками Яна Собесского под стенами Вены в 1683 году начинается новый период средиземноморской истории. Он отмечен постепенным упадком могущества Османской империи, потерпевшей ряд чувствительных поражений в Эгейском и Средиземном морях. В ходе войны за Морею (1683–1699 гг.) госпитальеры действовали в тесном контакте с так называемой Антитурецкой лигой. Она объединяла на первом этапе Испанию, Польшу, Венецию и папское государство. Однако союзники действовали все более вяло. На смену средневековой романтике Крестовых походов приходило трезвое стремление развивать торговые связи в Восточном Средиземноморье. Все реже проявляли готовность бряцать оружием Генуя и герцогство Тосканское. Утолила свой аппетит Венеция, проглотив (по Карловицкому миру 21 февраля 1699 года) вожделенную Морею и лакомый кусок Далматского побережья... Перед суверенным военным Орденом госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, Родосским и Мальтийским замаячил российский период. Интерес оказался взаимным. Уж кто-кто, а Россия была готова в любой удобный момент пощекотать турецкие нервы...
«Губерния Российской империи»

Любителям послушать новости или сегодняшние хроники происшествий наверняка хорошо знакомо название «Институт Склифосовского». Москвичи, попавшие в серьезные передраги, частенько оказываются в его больничных палатах. А многие ли знают, что зародилось это известное учреждение, как... странноприимный дом, подобный традиционным госпиталям, повсеместно открываемым в местах пребывания членов Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Да, не удивляйтесь, заложил его сын знаменитого петровского боярина, военачальника и дипломата Бориса Петровича Шереметьева. Так он продолжил дело отца, с которого начинались российско-мальтийские связи...

В конце XVII века вступивший на престол молодой русский царь Петр Алексеевич во главе Великого посольства колесил по Европе. Задумавший большие перемены на Руси, государь знакомился с традициями и бытом стран — законодательниц моды и прогресса. Но была у Петра I еще одна цель — влить свежую воинственную кровь в Антитурецкую лигу, в которую Россия вступила, однако застала ее в полусонном состоянии. Остров

Мальта — общепризнанный центр борьбы с Османской империей представлял особенный интерес. Туда-то и отправился после посещения Рима боярин Шереметьев вроде бы по личной инициативе. Во всяком случае, в царской грамоте, которая была при нем, значилось, что следует он в Италию и на Мальту по «охоте его». Сам боярин подчеркивал, что отправился в Рим поклониться мощам апостолов Петра и Павла, даровавшим России победу над турками. Мальта же привлекла его желанием «большую себе к воинской способности воспринять охоту». Переводя на современный язык, поучиться у рыцарей воинскому искусству.

Но все же главной, хоть и не явной, его задачей была целенаправленная дипломатия. Ведь у России с Оттоманской империей были свои счета. И наместник Вятский и ближний боярин Петра I имел поручение прощупать настроения Рима перед приездом туда русского Великого посольства. Очень важно было сблизить позиции в «турецком вопросе» российского государя и главы католической церкви. Тот, как и раньше, мог способствовать объединению европейских стран против угрозы с Востока. Порученец Петра I имел для этих целей соответствующие царевы грамоты для папы и Великого магистра ордена госпитальеров. Такие же Петровы посланцы, с намерением заново сплотить партнеров по Антитурецкой лиге, разъехались по Европе и старались взрыхлить боевую почву при дворах в Лондоне, Вене, Праге, Кенигсберге...

На приеме у Его святейшества Иннокентия XII речь Шереметьева и беседы с присутствующими были столь дипломатичны, что сложилось впечатление, будто Борис Петрович признает папу главой Вселенской церкви и сам готов перейти в католическую веру. А посол госпитальеров при папском дворе, сообщая Великому магистру о предстоящем визите боярина, назвал его родственником царя, главнокомандующим войсками, которого милостиво принял Святой отец. К тому времени сорокапятилетний Борис Петрович уже действительно был признанным военачальником, успешно действовавшим в различных кампаниях, включая Крымские походы в 1687–1689 годах.

Нынешний европейский вояж боярина хоть и не мог сравниться с Великим посольством самого Петра I, но тоже проходил весьма внушительно. В его свите было не менее пятнадцати сопровождающих. В Австрии российского вельможу принимал император Леопольд, в Польше — король Август II... Авторитетнейший историк XIX–XX веков, ученый корреспондент Императорской академии наук в Риме, основатель и первый председатель Русского исторического общества в Праге, профессор Евгений Шмурло в своем исследовании о поездке Шереметьева на Мальту писал: «Появлению Шереметьева в Европе современники придавали несомненный политический характер, тем более что сам он, своим поведением, не только не оспаривал такого представления, но, сознательно или бессознательно, давал повод думать, что поездка его предпринята неспроста».

Приезд сановного вельможы из близкого окружения русского царя для чиновников Мальтийского ордена тоже не был рядовым событием. Об этом говорит торжественный церемониал встречи и готовность Великого магистра немедленно приступить к переговорам. Доставила Бориса Петровича Шереметьева на остров галера адмирала мальтийского флота Спинола. Когда судно пришвартовалось в порту Валетты, невзирая на глубокую ночь, с форта Сент-Эльмо его приветствовали оглушительным пушечным салютом. По трапу и до поджидавшей гостя кареты с гербом Великого магистра Раймона де Переллоса его несли в богатом, расписном паланкине. Сам хозяин кареты уже ждал русского посланника. Однако от ночной аудиенции уставший вельможа отказался, сославшись на плохое самочувствие.

Непривычного к морским путешествиям Шереметьева элементарно укачало. Та к что он не покидал предоставленной ему резиденции и весь следующий день. Его встреча с великим магистром произошла только 14 мая. Борис Петрович вручил Раймону де Переллосу грамоту Петра I, призывающую Орден к сближению с Россией в борьбе против общего врага. «Завоевав Казы-Кермень и Азов, — указывалось в документе, — заключив союз с цесарем, королем Польским и республикой Венецейской в целях на тех неприятелей, Турского султана и хана Крымского, войска наши с разных стран водяным и сухим путем войною посылать и государства и юрты их наступательно воевать», мы надеемся, что «по сему нашему объявлению, тот случай в сие удобное время и вас, славных кавалеров, против тех неприятелей наипаче прежнего охотных сотворит»...

Эта дипломатическая победа по своей значимости не уступала боевой. Орден в лице России увидел столь могущественного союзника, что великий магистр даже посчитал необходимым расширить программу чествований ее представителя. Теперь во время осмотра мальтийских укреплений Шереметьева каждый раз встречал салют. Даже посадка его на корабль служила поводом для артиллерийских выстрелов. Под гром почетной канонады посланца далекой северной страны перевозили от форта к форту, провели ему экскурсию по госпиталю. На воскресной торжественной обедне в соборе Святого Иоанна он был посажен на почетное епископское место. Не было отбоя от посетителей и в самой резиденции Шереметьева. Поприветствовать посланца посчитали необходимым почти все члены Генерального капитула и многие рыцари. В день отъезда с Мальты российский подданный Борис Петрович был пожалован в кавалеры Мальтийского ордена. Ему вручили золотой крест с бриллиантами и грамоту на право его ношения. В честь нового рыцаря был дан парадный обед, на котором он сидел по правую руку от великого магистра.

Обласканный и довольный результатами визита вельможный дипломат отбыл с острова в сопровождении двух боевых галер. Ночью за ним погнались пираты, но, слава богу, все обошлось. Во время второй аудиенции у папы римского Шереметьев выглядел вальяжно и независимо, и на деликатный вопрос ответил, что даже не думал переходить в католичество. Поступок такой, впрочем, был вполне ожидаем. Например, сопровождавший боярина будущий архангельский вице-губернатор Алексей Курбатов тайно новую веру принял. Однако даже в наши дни две крупнейшие церкви — православная и католическая — все никак не могут договориться о встрече своих высших иерархов. А уж тогда патриарх Московский и всея Руси Адриан, боровшийся против проникающего влияния Запада в русскую жизнь, осудил ватиканские встречи Шереметьева. Но с приближенным молодого Петра, который сам внедрял немецкие обычаи, он поделаться ничего не мог. А вот дьякону Петру Артемьеву, который писал «Записку» о путешествии Шереметьева, на орехи досталось. Его расстригли и сослали в Соловецкий монастырь.

Впрочем, начавшаяся Северная война уже перебросила Шереметьева на другой фронт. Но Большим крестом Ордена госпитальеров первый в России мальтийский рыцарь и его наследники безмерно гордились. Умер он в 1719 году, занимаясь в Москве в последние годы, согласно новому статусу, благотворительными деяниями. Кстати, его сын отредактировал и издал в 1773 году дневник опального дьякона под названием «Записки путешествия генерал-фельдмаршала российских войск тайного советника и кавалера мальтийского, Святого Апостола Андрея, Белого Орла и прусского ордена графа Б. П. Шереметьева».

Был еще один, менее официальный первопроходец российско-мальтийских связей. Стольник (придворный чин на Руси в XIII–XVII веках) Петр Андреевич Толстой побывал

на рыцарском острове почти за год до приезда туда Шереметьева. Собрав немало сведений о Мальте и ее хозяевах, он собственной рукой подробно описал свое путешествие. Рукопись также была опубликована в журнале «Русский архив», правда, почти два века спустя, в 1888 году.

Толстой служил еще при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Он стал одним из преданных сторонников реформ молодого Петра, и, хотя был уже в достаточно почтенном возрасте, был отправлен вместе с тридцатью семью другими отпрысками знатных русских семей в Европу для изучения военного и морского дела. Впоследствии первый из графов Толстых стал постоянным посланником России в Константинополе, умело исполнял и другие особые поручения государя.

В отличие от шереметьевского, двухнедельное пребывание Толстого на Мальте не было обставлено торжественностью и шиком. Но фортификации он детально изучил, и они произвели на стольника своей добротностью и умелым построением большое впечатление. Был граф удостоен и краткой аудиенции великого магистра. В дневнике напишет, что Раймон де Переллос «принял его радушно, снял шляпу и, поклонившись, говорил: я-де себе почитаю за великое счастье, что ты-де, великого государя человек, из дальних краев приехал видеть охотою мое малое владительство, мальтийский остров». Толстой также немало беседовал с рыцарями (во время европейского вояжа он неплохо выучил итальянский язык), побывал в госпитале, с огромным интересом осмотрел форты Большой гавани. «Мальта, — напишет он, — сделана предивною фортификациею и с такими крепостями от моря и от земли, что уму человеческому непостижимо».

Однако первые попытки установления прямых русско-мальтийских отношений не помогли Петру I в осуществлении далеко идущих замыслов. Мы уже упоминали о Карловицком конгрессе, на котором союзники по Антитурецкой лиге заключили с Османской империей сепаратный мирный договор. И Россия была вынуждена на время оставить борьбу за выход к Черному морю. Впрочем, ей в тот период с лихвой хватало забот на развернувшейся Северной войне. Та к радужно начавшиеся контакты России с Мальтой тут же оборвались почти на полвека. Тем не менее, почти все западные летописцы истории Ордена госпитальеров характеризуют визит Шереметьева на Мальту как явный факт экспансионистской направленности политики русского царизма в Средиземном море. Правда, никто даже не упоминает хотя бы о возможности ее реального проведения. Ведь до самой второй половины XVIII века у России не было кораблей, способных отправиться в Средиземное море, а тем более развернуть там эффективные военные действия. Но мода обвинять или хотя бы подозревать Россию во всех смертных грехах, видимо, зародилась еще в те времена.

Более-менее постоянный характер связи Российской империи и Мальтийского ордена стали приобретать только в царствование Екатерины II. В Национальной библиотеке республики Мальта, которая обладает самым полным собранием документов и книг по истории Ордена, есть удивительный архивный экспонат. Там, кстати, в отличие от наших библиотек, вы абсолютно легко, просто предъявив паспорт, можете получить любой, даже самый древний манускрипт. Та к вот, хранится в библиотеке письмо императрицы Екатерины II к Великому магистру Пинто от 30 июня 1762 года: «Преимущественнейший господин, мы не можем обойтись Вашему Преимуществу через сию нотификацию учинить, каким образом мы праведным и непостижимым Божиим руководством по единодушному всего нашего российского народа желанию 28 сего месяца на Всероссийский Императорский престол щастливо вступили и правительство сей Империи к общей радости верных наших подданных восприяли». То есть написано оно было через

два дня после захвата Екатериной власти. Такое значение новая государыня придавала всему тому, что может помочь России в непримиримой борьбе с Турцией.

Мальтийский архипелаг находится почти в самом центре Средиземноморья — примерно в ста километрах к югу от Сицилии и в двухстах — от побережья Северной Африки. Стратегическое положение острова, служащего первым барьером на пути потенциального агрессора, вполне устраивает и Европу. Ей очень важно не потерять влияния на него, а также не допустить заигрывания с Россией. Все крупные государства — Англия, Франция, Испания, Австрия и другие — к концу XIII века имели на острове дипломатические представительства, причем на уровне послов.

Особенно старалась Франция, чьи корни в Мальтийском ордене были самыми могучими и разветвленными. Как правило, все французские монархи становились протекторами Ордена. Людовик XV, например, даровал рыцарям право жить во Франции. При этом им не только дозволялось служить во французской армии и флоте, но они освобождались от всех налогов, которые вынуждены были платить проживающие в стране иностранцы. Орденский капитул, конечно, не мог не ценить такой «режим наибольшего благоприятствования» для своих рыцарей. Но его благодарность, вполне вписывающуюся в рамки политеса, вряд ли можно считать адекватной. Гурман Людовик XV регулярно получал от Великого магистра сладкие подарки — конфеты из апельсинового сока, а также по два охотничьих сокола в год. Ящики с цитрусовыми посылались и для женской половины царствующей семьи — королевы и дочери.

Париж, напротив, старался держать руку на пульсе серьезной политики и обостренно воспринимал все перипетии дипломатической возни вокруг Мальты. Серьезную тревогу вызвали во Франции настойчивые слухи из Неаполя после визита туда австрийского императора Иосифа II. Распространялись сведения о том, что Королевство обеих Сицилий уступило свои права на Мальту Екатерине II. Об этом, якобы, свидетельствует соглашение между Неаполем и Санкт-Петербургом. Великий магистр Роган назвал эти слухи измышлениями, что, собственно, и было в действительности. Но кто-то же эту «дезу» намеренно запустил, видимо, рассчитывая ухудшить и без того не лучшие сицилийско-мальтийские отношения.

Трения между ними начались еще с того времени, когда госпитальеры перебазировались на остров. Суть заключалась в том, что Неаполь считал своим неотъемлемым правом выдвигать своих людей в орденские архиепископы и другие высокие ранги священнослужителей. Святой престол против этого не возражал. Но великие магистры всегда хотели выступать в роли котов, которые гуляют сами по себе. Самостоятельность глав Ордена, в свою очередь, не очень приходилась по душе папской курии, и она подсадила на остров инквизитора. Тот, создав целую сеть информаторов, держал «под колпаком» весь повседневный быт госпитальеров, сообщая обо всем, вызывающем подозрение, в Рим. Оттуда же, напротив, орденский посол слал депеши на Мальту, что обитающих в Италии рыцарей настраивают против великого магистра...

Вот такие, вполне обыденные интриги для любых стран, времен и эпох, только меняй имена да подставляй года. Свою лепту решила внести и Австрия, также не равнодушная к острову раздора. Министр иностранных дел империи Кауниц менторским тоном выговорил послу Мальтийского ордена в Польше герцогу Саграмозо: «Я рекомендую вам передать Великому магистру, что он должен серьезно заняться делами и навести порядок в своем доме, исправив все упущения и злоупотребления, которые так действуют на дух и обычаи рыцарей, если, конечно, он не хочет заставить нас самих провести реформы на Мальте по нашему собственному усмотрению». Однако магистру, постепенно терявшему

абсолютную власть, хватало забот, чтобы лавировать между внутренними группировками, которые лоббировали интересы той или иной страны...

Вообще, читая книги об этом самом крупном рыцарском Ордене, порой узнаешь удивительные вещи. И пусть они отнюдь не судьбоносные в истории братства, просто невозможно не поделиться ими со своими читателями. Та к вот, пытаюсь хоть немного разобраться в историях интриганства, я прочла фамилию руководителя «профранцузской фракции» командора Доломье. Полное его имя — Дьёдонне Сильвен Ги Танкред де Грате де Доломье. У меня отец — геолог, доктор геолого-минералогических наук. Но даже школьникам, кто хоть когда-нибудь интересовался геологией или минералогией, известно название «доломиты» — есть такие горные минералы. Та к вот, происходит оно, оказывается, от фамилии Доломье. Человек, записанный в Орден в двухлетнем возрасте, в доме которого потом нередко собирались орденские «франкофилы», был в молодости дуэлянтом и повесой, а стал «по совместительству» с рыцарством ученым с мировым именем. Любовь к геологической науке привил ему сам герцог де Ларошфуко. Госпитальер, начавший познавать физику и химию в военном госпитале, изучал вулканы на Сицилии и в Португалии, открыл доломиты и классифицировал песчаники; он также входил в группу ученых, сопровождавших Наполеона в египетском походе. При этом рыцарских обязанностей с него никто не снимал...

Несмотря на то, что Орден переживал не самые лучшие свои времена и, по сути, слава его клонилась к упадку, претендентов на взаимную мальтийскую любовь было немало. Дружба с Мальтой расширяла возможности контроля над всеми средиземноморскими морскими передвижениями, не только военными, но и торговыми. Остров был очень удобен для пополнения запасов судов, курсирующих по Средиземному морю. Этим активно снова начала пользоваться Великобритания. Английские военные корабли на Мальте принимали радушно, хотя после конфискации Генрихом VIII земельных владений госпитальеров в Англии их отношения дружескими назвать было нельзя. Но Великобритания уже была к тому времени крупнейшей колониальной державой в Азии. Поэтому свои позиции на Средиземном море и Ближнем Востоке она старалась постоянно укреплять. И не в ее интересах было продвижение в этом регионе такого грозного соперника, как Россия, что, кстати, и стало там целью английской внешней политики на многие годы вперед.

Великий магистр Роган, который даже воссоздал в Ордене в 1783 году англо-баварский «язык», правда, рассчитывал на то, что новый монарх Георг III вернет ему хотя бы часть конфискованных командорств. Этого не случилось, и взаимопонимание разладилось до такой степени, что когда британские колонии уже в Северной Америке отстаивали свою независимость, многие мальтийские рыцари отправились за океан, чтобы помочь отнюдь не английской короне. Но это уже, как говорится, другая история, а мы вернемся к отношениям мальтийско-российским.

Перед Россией в очередной раз стояла угроза войны с Турцией. Екатерининский посланник в Вене князь Голицын получил в 1764 году от государыни задание подыскать среди опытных корабелов — мальтийских рыцарей — фигуру, умелую не только в ведении морских баталий, но и в постройке галер. Совершенствоваться в морском деле были направлены на Мальту и несколько русских офицеров. Около трех лет прослужили они на орденских военных кораблях и добились изрядных успехов. Некоторые из них даже были назначены капитанами кораблей в составе эскадры адмирала Григория Андреевича Спиридова. Это соединение, как и три другие российские эскадры, вошло в Средиземное море, когда началась русско-турецкая война 1768–1774 годов.

В нашем повествовании эта тема, конечно, косвенная, но не удержусь напомнить о блестящей победе россиян при Чесме 24–26 июня 1770 года, памятник которой вы можете увидеть в Пушкине (бывшем Царском Селе) под Санкт-Петербургом. Русские корабли, далеко не лучшие в мире в ту пору, сокрушили и, практически, уничтожили турецкий флот, заблокировав вход в Дарданеллы. Вот как зафиксированы те далекие события в знаменитом «Курсе русской истории» Василия Ключевского: «Много мы каши заварили, кому-то вкусно будет», — раздумчиво писала она (Екатерина II. — Е. М.) через полгода, когда война разгоралась. Но набегавшее раздумье разгоняли такие лихие головы, как братья Орловы, умевшие только решаться, а не думать.

На одном из первых заседаний совета, собиравшегося по делам войны под председательством императрицы, Григорий Орлов, которого Екатерина представляла Фридриху II героем, подобным древним римлянам лучших времен республики, предложил отправить экспедицию в Средиземное море. Немного спустя брат его Алексей, долечивавшийся в Италии, где его и прихватил Спиридов, указал и прямую цель экспедиции: если ехать, так уж ехать до Константинополя и «освободить всех православных от ига тяжкого, а их неверных магометан, по слову Петра Великого, согнать в поле и в степи пустые и песчаные, на прежние их жилища». Он сам напросился быть руководителем восстания турецких христиан. Нужно было иметь много веры в провидение, чтобы послать на такое дело в обход чуть не всей Европы флот, который сама Екатерина четыре года назад признала никуда не годным. И флот спешил оправдать отзыв. Едва эскадра, отплывшая из Кронштадта (июль 1769 года) под командой Спиридова, вступила в открытое море, один корабль новейшей постройки оказался не способным к дальнейшему плаванию.

Русские послы в Дании и Англии, осматривавшие проходившую эскадру, были поражены невежеством офицеров, недостатком хороших матросов, множеством больных, унынием всего экипажа. Эскадра двигалась медленно. Екатерина выходила из себя от нетерпения и просила Спиридова ради бога не мешкать, собрать силы душевные и не посрамить ее перед целым светом. Из пятнадцати больших и малых судов эскадры до Средиземного моря добралось только восемь. Когда Алексей Орлов осмотрел их в Ливорно, у него волосы поднялись дыбом, а сердце облилось кровью: ни провианта, ни денег, ни врачей, ни сведущих офицеров, и «если бы все службы, — доносил он императрице, — были в таком порядке и незнании, как эта морская, то беднейшее было бы наше Отечество».

С незначительным русским отрядом Орлов быстро поднял Морею, но не мог дать повстанцам прочного боевого устройства и, потерпев неудачу от подошедшего турецкого войска, бросил греков на произвол судьбы. Екатерина одобрила все его действия. Соединившись с подошедшей между тем другой эскадрой, Эльфингстона, Орлов погнался за турецким флотом и в Хиосском проливе близ крепостцы Чесме настиг армаду, по числу кораблей больше чем вдвое сильнее русского флота. Смелчак испугался, увидев «оное сооружение», но ужас положения вдохнул отчаянную отвагу, сообщившуюся и всему экипажу, «пасть или истребить неприятел».

После четырехчасового боя, когда вслед за русским «Евстафием» взлетел на воздух и подожженный им турецкий адмиральский корабль, турки укрылись в Чесменскую бухту (24 июня 1770 года). Через день в лунную ночь русские пустили брандеры (корабли-смертники, набитые бочками с порохом, смолой и зажигательными снарядами), и к утру скученный в бухте турецкий флот был сожжен. Еще в 1768 году по поводу только что предпринятой морейской экспедиции Екатерина писала одному своему послу: «Если богу угодно, увидишь чудеса». И чудеса уже начались, одно было налицо: в Архипелаге нашелся флот хуже русского, а об этом русском флоте сам Орлов писал из Ливорно, что,

«если б мы не с турками имели дело, всех бы легко передавили». Но Орлову не удалось завершить кампанию, прорваться через Дарданеллы к Константинополю и вернуться домой Черным морем, как было предусмотрено. За удивительными морскими победами на Архипелаге следовали такие же сухопутные в Бессарабии на Ларге и Кагуле...

Россия в той войне действовала в союзе с Англией и Данией. Но так называемые державы бурбонского двора — Испания, Франция и Королевство обеих Сицилий — отнюдь не обрадовались (кто бы сомневался?) присутствию в непосредственной близости русского военного флота и по возможности старались препятствовать достижению поставленных перед ним целей. В частности, они старались не допустить возможности России «разыграть мальтийскую карту», хотя Мальта и не считалась «козырной» в колоде стоящих перед русскими стратегических задач в Средиземноморье. Но многие историки утверждают, что именно там Россия желала разместить свою военно-морскую базу. В дипломатических хитросплетениях, конечно, не так просто разобраться. И при Павле I, особо пристрастном ко всему, что связано с Орденом госпитальеров, такой вопрос возникал. Но нет ни одного документального свидетельства, что такая цель ставилась в годы правления его матери.

Во время русско-турецкой войны российский флот базировался в Эгейском море на острове Парос, чтобы держать под контролем вотчину своего врага — Восточное Средиземноморье. И когда на Государственном совете в ноябре 1770 года граф Алексей Орлов докладывал об итогах первых двух лет войны, он подчеркивал выгодное положение не Мальты, а именно островов Греческого архипелага, с которых «можно получать все пропитание». Более того, через несколько месяцев, в том же Государственном совете, при обсуждении условий заключения мира с Турцией Орлов категорично выступил против желания Екатерины II приобрести в собственность России один из островов архипелага в качестве базы для военного флота. Он аргументировал это тем, что «из-за него продолжится война с турками и Россия вовлечется в распри с христианскими государствами. Причем, в архипелаге нет острова, гавань которого не требовала бы сильных укреплений и средств для его удержания. Укрепления эти будут стоить больших денег, которые не возродятся торговлею, ибо торговля так же выгодно может производиться Черным морем в Константинополь». Императрица ответила, что «приобрести остров она желает более для того, чтобы турки всегда имели перед глазами доказательство полученных Россией над нею преимуществ и потому были бы умереннее в своем поведении относительно ее. С другой стороны — для восстановления нашей торговли там и также для доставления пользы нашему мореплаванию. Однако она не хочет, чтобы эти ее желания были препятствием к заключению мира».

Увы, Россия так и не стала обладательницей территории ни в Эгейском, ни в Средиземном морях. Екатерина даже серьезно намеревалась воплотить свою идею в жизнь и искала поддержки в этом других государей. В русско-турецкой войне еще не была поставлена точка. И 19 января 1771 года она обратилась к прусскому королю Фридриху II: «Остров, требуемый мною в Архипелаге, будет только складочным местом для русской торговли. Я вовсе не требую такого острова, который бы один мог равняться целому государству, как, например, Кипр или Кандия, ни даже столь значительного, как Родос. Я думаю, что Архипелаг, Италия и Константинополь даже выиграют от этого склада северных произведений, которые они могут получить из первых рук и, следовательно, дешевле». Ее поддерживал и боевой адмирал Спиридов, чьи корабли уже базировались на Паросе. Правда, его рассуждения, возможно, в преддверии мира, были совсем не адмиральские. «Ежели бы, — писал адмирал, — англичанам или французам сей остров с портом Аузою и Антипаросом продать, то б, хотя и имеют они у себя в Мидетерании свои порты, не один миллион червонных с радостью бы дали».

Впоследствии вопрос о передаче России одного из островов Греческого архипелага все же ставился на мирных переговорах с турками. Однако, вполне ожидаемо, натолкнулся на яростное сопротивление и, в итоге, с повестки дня был снят...

Но еще задолго до объявления мира Россия продуманно выстраивала против врага «второй фронт», дипломатический. На одном из кораблей эскадры адмирала Спиридова, вошедшей в Средиземное море, находился человек, державшийся особняком и к экипажу отношения не имевший. Происходил он из древней венецианской знати, но находился на службе в Министерстве иностранных дел Российской империи. Это был маркиз Кавалькабо, ставший с января 1770 года первым российским поверенным в делах на Мальте. От «первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел» графа Никиты Ивановича Панина он получил подробные инструкции, в которых были даны указания «вручить Гроссмейстеру (Великому магистру) два письма Императрицы и стараться склонить его к вооруженному содействию России против Турции, выставляя на вид, что Орден Святого Иоанна Иерусалимского в самых обетах своих объявил постоянную войну неверным».

Легко, конечно, сказать «склонить». И Никита Иванович, и сама Екатерина II хорошо понимали, какая это непростая задача. «Языки, состоящие из подданных Бурбонских домов, — инструктировал далее Панин, — потребуют осмотрительности с вашей стороны. Вы разъясните им со всей осторожностью истинные причины войны, представляя их лишь временным настроением их двора, увлеченных Министром (французским руководителем МИД герцогом Шуазелем. — Е. М.), действующим так из личных видов и, может быть, принужденным так действовать, чтобы стать необходимым. Вы заметите при том, что большое расстояние, разделяющее оба государства, делает невозможным какие-либо непосредственные столкновения между ними, и что Франция, в прежних войнах Турции со своими естественными и исконными врагами, держала себя с приличными для такой нации достоинством и деликатностью...»

16 января 1770 года маркиз Кавалькабо вручил Великому магистру Мануэлю (Эммануилу) Пинто де Фонсека свои «верительные грамоты» — два письма российской императрицы. В одном из них Екатерина выражала благодарность Гроссмейстеру за радушие, что было оказано ее морским офицерам, посланным на обучение. Во втором — просила оказать такой же благосклонный прием прибывшей эскадре и маркизу Кавалькабо. Россия со своей стороны будет за это помогать Ордену в его экспедициях. И хотя Пинто был португальцем, а не французом, от которых граф Панин опасался противодействия, расчет русских дипломатов все-таки не оправдался.

Великий магистр созвал капитул, чтобы изложить ему предложения русской императрицы. А тот, в свою очередь, назначил для подробного рассмотрения специальную комиссию. Намеренно так произошло или нет, но возглавил ее явно не симпатизирующий России вице-канцлер Магаленц. Не прошло и суток, как Пинто получил от него, а затем вручил российскому поверенному весьма дипломатичное ответное послание Екатерине II. Из него ясно следовало, что Орден в военных экспедициях против Турции Россию поддерживать не будет. «Если бы нам можно было следовать одному влечению сердца, — деликатно объяснялось в письме, — то мы естественным движением души, без рассуждения, с радостью воспользовались бы случаем, который кажется нам вполне сообразным с нашим статусом, но нас удерживает то, что державы решили сохранить строгий нейтралитет, что мы видим из их распоряжений ко всем портам и, в частности, портам Сицилии, которой мы обязаны

оказывать особое внимание, а еще более в положительных представлениях, сделанных Вашему преимуществу, держаться той же политики».

Сей образец дипломатичной витиеватости Великий магистр постарался скрасить большим обедом, устроенным в честь маркиза Кавалькабо. Но в беседе с ним дополнительно подчеркнул невозможность ведения орденом боевых действий на стороне русских. Флот на стоянку и ремонт, однако, принимать согласился, но не более четырех кораблей одновременно...

Как и предсказывал Панин, рыцари из влиятельного французского языка начали активно интриговать против российского посланника. И жизнь его в первые годы на острове была совсем не сахар. Он откровенно жаловался в посылаемых в Санкт-Петербург депешах на вседозволенность французам. «Здесь царствует анархия, — писал Кавалькабо. — Гроссмейстер приказывает, а французы его не слушаются; но он не может ни наказать их, ни даже сделать им замечание, потому что он, во что бы то ни стало, все спускает этой нации».

Однако еще полбеды, если бы все ограничивалось словами и распространением антироссийских настроений. Страдало дело. Когда, например, адмирал Спиридов дал маркизу задание заготовить для экипажей его эскадры несколько тысяч пудов сухарей, то «антирусист» Магаленц сделать этого не позволил. Мол, не собирается он повторять ошибок тосканского великого герцога, что «предоставил слишком много удобств русским кораблям», и заслужил недовольство французского, австрийского и сицилийского дворов.

Но кто, собственно, сказал, что посольская служба проста и состоит из одних удовольствий? Невзирая на прохладную вокруг него обстановку в жарком мальтийском климате, маркиз Кавалькабо одно за другим все же выполнял нужные ему и, главное, России дела. Направленные Екатериной морские офицеры с большой для себя пользой стажировались у опытного орденового морехода, графа Мазена. Кавалькабо сумел найти к нему такой подход, что капитан купил на личные деньги корабль, вошел в состав русского флота и сражался до самого конца войны. Вместе с Алексеем Григорьевичем Орловым дипломат «провернул» еще одну важную операцию. Граф передал около сотни алжирцев, плененных русскими моряками, в распоряжение Ордена, чтобы тот обменял их на христиан, попавших в рабство к северо-африканцам. Великий магистр в знак благодарности предложил послу поставить на ремонт в мальтийский док российское судно «Ростислав».

Изучив не только достоинства, но и слабости Мануэля Пинто, русский поверенный во время празднования в январе 1771 года юбилея правления Великого магистра установил для общего обозрения на балконе своего дома огромную картину. На ней был изображен Гроссмейстер с вознесшейся над ним фигурой Славы. Внизу же (о, искусство дипломатии!) раскинулся порт Валетты с входившим в него кораблем под русским флагом. Тут же, на балконе, разместился оркестр, услаждавший своей игрой рыцарские уши. Сладкая пилюля была проглочена, как сахар вприкуску. Польщенный магистр даже приказал одеть отряд своих телохранителей в мундиры, подобные российским, а барабанщикам выучить русскую дробь. А главное, стало более благожелательным отношение к самому посланнику. Способствовала тому и случившаяся отставка министра иностранных дел Франции герцога Шуазеля. Теперь уж Кавалькабо значительно легче было добиться согласия на ремонт очередного сильно пострадавшего судна «Саратов»...

Тщеславие орденового долгожителя Мануэля Пинто было притчей во языцех. Став госпитальером совсем юным, он прошел многие ступени карьеры, самые значительные из

которых — посты вице-канцлера, а затем великого приора португальского языка. Избранный на высшую должность, Пинто первым из Великих магистров сменил берет с бриллиантовой диадемой на королевскую корону. Но одержим он был не только манией величия, но и строительным зудом. Именно благодаря Пинто средневековая угрюмость Валетты расцвела чудесной архитектурой позднего барокко.

Сказать, что этого властного человека не любили, значит ничего не сказать, настолько неоднозначной личностью он вырисовывается. Суровый, почти безжалостный, он с легкостью отправлял людей на эшафот или, в лучшем случае — на галеры. Однако в народе его хоть и боялись, но признавали дельным управленцем. И в первые годы пребывания у власти он тщательно следил за состоянием бюджета, вникал в различные хозяйственные дела. Например, всячески приветствовал внедрение новой для мальтийского земледелия отрасли — выращивания хлопка и шелка. Сам внимательно следил за уборкой урожая. В результате на острове создан временный период относительного благополучия. Но Великий магистр оставался у власти невероятное количество лет — более трех десятилетий. И, в конце концов, молва возложила на него ответственность за все неприятности и беды, которые достались Ордену в тот непростой период.

Долголетие Пинто вызывало зависть, и недруги повсюду распространяли слухи, что оно связано с колдовством и имеет сверхъестественный характер. Если бы над магистром имела власть инквизиция, то, как пить дать, гореть бы ему в огне за запрещенные занятия. Помните знаменитый фильм Марка Захарова «Формула любви» с Александром Абдуловым и Семеном Фарадой («Уно-уно-уно-ун-моменто...»)? Магического и зловещего графа Калиостро в нем блестяще сыграл Нодар Мгалоблишвили. Та к вот, не только актер, но и его герой — фигуры абсолютно реальные. Известный авантюрист Калиостро бывал на Мальте в годы правления Пинто. И замечены они были в тесных связях. На состоявшемся в Париже судебном процессе по делу великолепного мастера мистических авантюр он многозначительно намекал на то, что является незаконнорожденным сыном Пинто и принцессы Трабезундской и, де, посвящен в оккультные науки самим Великим магистром. Эту басню вам и сейчас расскажут на Мальте. Ну, кто кому давал уроки черной магии, доподлинно неизвестно. Однако абсолютная правда, что во дворце магистра в Валетте имелась алхимическая лаборатория. Подобную он содержал и в другом своем замке. На нее натолкнулись исследователи в одной из многочисленных потайных комнат.

Повинна ли мистика в долгожительстве Эммануила Пинто или он обязан таким подарком судьбы чему-либо другому, так навсегда и останется загадкой. Но за три года до его смерти посланник в Неаполе Вильям Гамильтон отмечал: «Великий магистр, несмотря на то, что он перешел рубеж в девяносто лет, находится в прекрасном здоровье, и ни его ум, ни память ни в чем не подводят его. Беседы с ним весьма полезны и поучительны». Известны и другие свидетельства современников, смело сказанные... после кончины могучего старца: «Это был безнравственный человек, не соблюдавший приличий. Он издевался над всем, запутал все дела, разорил казну». Полагаю, что и то, и другое высказывание — абсолютная правда. Но с тех времен сохранился еще один передаваемый из года в год факт, а, может, и небылица, о непостижимом Пинто. Говорят, что девяностотрехлетний старец встретил смерть, занимаясь любовью. Это, конечно, противоречит рыцарскому обету безбрачия, но каков все-таки был мужчина!

Да, как говорил когда-то Соломон, — все проходит... С кончиной Пинто канули в лету и благоприятные времена для российского дипломата маркиза Кавалькабо. На три года главой Ордена становится выходец из Наварры Хименес де Тексадо. Правил он хоть и не

долго, но «эффективно», и успел довести начатое предшественником дело по развалу Ордена почти до конца. В рыцарской среде царили праздность и разгильдяйство. Коренные мальтийцы стали открыто выражать недовольство установленными порядками, ведь хозяйственные структуры острова оказались в таком же тяжелом кризисе, как и его вершители. Крайне обострились отношения с духовенством...

Народная смута обернулась открытым противостоянием. Конечно, это не была Французская революция, но когда в одно прекрасное утро проснувшийся Великий магистр выглянул в окно, он увидел, что над Сент-Эльмо морской ветер полощет красно-белый мальтийский флаг. Форт, с которого начиналось владычество госпитальеров на острове, был захвачен мятежниками. Разложение рыцарского сообщества сделало возможность бунта простой, как булка с маслом. Накануне рыцари и солдаты шумно отмечали годовщину победы при Великой осаде. Группа мальтийских священников подкупила капрала, под покровом темноты проникла в форт и разоружила «не вязавший лыка» хмельной гарнизон. Другая группа церковных заговорщиков проделала то же самое в Сент-Джеймсе. Мятеж священнослужителей был через два дня подавлен, но только с помощью французских торговцев и местных аристократов. И тем, и другим было что терять. Но в какой боевой готовности пребывало орденское воинство, стало еще раз очевидно.

Маркиз Кавалькабо в мельчайших деталях доложил о произошедшем в Санкт-Петербург. А Генеральный капитул Ордена назначил и провел тщательное расследование заговора. Выводы оказались весьма неожиданными. За восстанием на острове увидели «руку Москвы». Якобы мятежники рассчитывали на поддержку русского флота, который надеялись вскоре увидеть у мальтийских берегов. Впоследствии узнали, что «утку» запустили из Неаполя, — но это уж потом. Но маркизу Кавалькабо такая слава орденской теплоты не прибавила. Ровно через два месяца после восстания священников Хименес скончался. В конце 1775 года на престол вступил новый Великий магистр Эммануил де Роган. Он посчитал, что русскому поверенному слишком много позволено, и решил от него избавиться. Под каким-то незначительным предлогом его арестовали, и Петербург вынужден был посла отозвать. Жить ему тоже оставалось недолго. С острова маркиз отбыл уже серьезно больным и вскорости отправился в мир иной...

На ладан дышал, впрочем, и сам Мальтийский орден. Последняя четверть XVIII века считается расцветом его упадка. По Европе начали проноситься революционные ветры. Консервативное церковно-рыцарское братство пыталось держаться за старые порядки. Но ничего, кроме конфликтов, споров, снижения дисциплины, это не вызывало. Впереди ожидало неопределенное будущее. Овидий Дубле, личный секретарь Рогана, писал об этих днях: «Немало молодых людей, прибывавших из далеких провинций, уже через три или четыре дня можно было видеть на борту галер. Они не имели ни малейшего представления об искусстве владения мечом или мушкетом, не знали навигации и не понимали даже простейших терминов, известных простому матросу. В промежутках между караванами эти молодые люди околачивались на площадях или в кафе, играли в карты и на бильярде, бегали за доступными женщинами, тратя на них свое здоровье и деньги. Неудивительно, что в последние годы галеры редко покидали порт. Я слышал, как капитаны галер заявляли, что они не желают атаковать корсаров Варварийского берега, чтоб избежать расходов и неудобств карантина, который обязан был пройти экипаж каждой галеры, возвращавшейся на Мальту...»

Действительно, почти за четыре десятка лет, предшествующих наступлению XIX века, удачные вылазки некогда грозы морей — иоаннитов «на Корсо» против пиратов можно было пересчитать по пальцам. Состояние Ордена того времени как нельзя более точно

оценил Наполеон, заявив, что братство превратилось в «учреждение для поддержания в праздности младших отпрысков нескольких привилегированных семейств».

Вообще, хотя бы без короткого описания повседневного быта на острове картина, очевидно, будет неполной. Если представить себе собирательный образ мальтийского рыцаря второй половины XVIII века, то он давно уже стал далек от знакомого нам всем героя книг и фильмов, соратника короля Артура, романтического и справедливого Ланцелота, с его стремлением «...неведомо куда спешить неведомо зачем». Мальта, по утверждению какого-то согласного с Наполеоном исследователя, все более напоминала закрытый военный колледж для аристократической молодежи. Самым популярным развлечением для нее стал... театр. Просмотр французских пьес или итальянских опер, как правило, заканчивался приглашением артистов на шумные застолья. Рыцари жили в так называемых обержах. В Валетте эти строгие двухэтажные дома с внутренними дворами можно увидеть и сейчас. Жильцы имели по две комнаты, выходящие в общий коридор. Но это уже был прогресс, так как ранее общими были и спальни. Даже ели, бывало, рыцари вчетвером из одной тарелки.

Изменились не только порядки, но и нравы. Приводится свидетельство некоего протестанта Патрика Брайдона, побывавшего на Мальте в 1770 году и наблюдавшего за отплытием орденских судов в Триполи: «В каждой галере было около тридцати рыцарей, беспрерывно объяснявшихся знаками со своими возлюбленными, которые рыдали наверху, на стенах бастиона; для этих джентльменов обет целомудрия значил так же мало, как для священников».

На популярном Интернет-ресурсе под названием «Мальта для всех» (MaltaVista.ru) рассказывается о необычном экскурсионном туре, который организует Мальтийская Ассоциация гидов. Посвящен он городским проституткам Валетты, а также содержаниям мальтийских рыцарей — и поверьте, гидам есть о чем порассказать. Корреспондент газеты «The Malta Independent», которому довелось посетить экскурсию, подтверждает это.

«Обычная проституция была широко распространена в портовой Валетте, и рыцари, хотя и не в открытую, но постоянно пользовались услугами дам легкого поведения. Если рыцаря видели с проституткой, его могли подвергнуть суду, но такое случалось редко, и на вольное поведение кавалеров начальство смотрело сквозь пальцы. Многие имели постоянных любовниц и вдобавок пользовались услугами проституток. Адюльтер совершался достаточно открыто, и даже некоторые Великие магистры и высшие чины Ордена заводили себе содержанок, с которыми жили буквально годами и которые рожали им детей. Конечно, признать такое отцовство официально не представлялось возможным, однако можно было стать крестным отцом ребенка и на законных основаниях устраивать его жизнь в дальнейшем. Даже у Великого магистра Ла Валетта была незаконнорожденная дочь Изабелла, которой он покровительствовал всю жизнь.

Некоторые Великие магистры считали своим долгом бороться с грехом прелюбодеяния. Пламенный католик Жан де ла Кассьер (на его средства строился собор св. Иоанна) полностью запретил проституцию на Мальте, чем вызвал недовольствие своих подданных. Это явилось, может быть, одной из причин свержения чересчур благочестивого магистра в 1581 году. Когда его, арестованного, под охраной вели в форт св. Анджело, воспрянувшие духом проститутки Валетты наводнили улицы, насмехаясь над своим бывшим преследователем.

Магистр Жан де Ласкарис-Кастеллар запретил проституткам принимать участие в карнавальных гуляниях, но этот запрет долго не удержался. Магистр Антуан Манозль де

Вильена содержал какую-то красавицу на постоянной основе, и именно этот веселый и любимый подданными магистр нашел некое компромиссное решение: он придумал закон, получивший распространение как „Кодекс де Вильены“ и устанавливавший систему штрафов и наказаний за открытое прелюбодеяние. Собранные деньги по большей части использовались в благотворительных целях.

Проститутки в мальтийских городах процветали, несмотря на периодически возобновляющиеся гонения. Одна девушка за год могла заработать столько же, сколько великий художник Караваджо выручил за все свои картины. Вершиной распутной карьеры считалась «должность» постоянной содержанки рыцаря-аристократа, которая приносила дополнительный доход в виде взяток от людей, искавших помощи или покровительства и прибегавших к посредничеству возлюбленной могущественного человека. В целом адюльтер не осуждался, городские семьи даже гордились дочерьми, которым удавалось привлечь внимание рыцарей, — это означало, что в будущем такая девушка сможет скопить собственное состояние, приобрести дом и даже честно выйти замуж, купив себе уважение в обществе. Проституция смогла мирно ужиться с религией — зачастую грешили, предварительно помолившись, причем над кроватью висело огромных размеров Распятие. Проститутки и куртизанки традиционно жертвовали крупные суммы денег Церкви в надежде на взаимопонимание и отпущение грехов, в котором священники им не отказывали. Более того, жрицы любви были обязаны наравне с прочими гражданами регистрировать в приходских книгах свой род занятий. Только в церковных книгах прихода Порто Салво в Валетте по состоянию на 1667 год зарегистрировано 165 проституток — пятая часть населения всего прихода.

К слову сказать, далеко не все проститутки были мальтийками по происхождению — женщины съезжались на „мужской“ остров со всего Средиземноморья. Отличить их от порядочных горожанок было непросто. так как никаких особенных отличительных признаков они не носили, одеваясь довольно скромно. Традиционно приметам проститутки служили только маленький веер из соломки и обувь на платформе. Но лучшей приманкой была золотая монета, блестящая в руке прогуливающегося по улице кавалера.

Неудачливых, состарившихся или раскаявшихся проституток общество не отвергало: Великий магистр Мартин Гаррез учредил в монастыре св. Урсулы приют для кающихся грешниц. Правда, он забыл обеспечить женщин одеждой и едой, и забота о содержании приюта легла на плечи монахинь, которые постоянно протестовали против таких нахлебниц. Тогда Гаррез переместил приют в монастырь св. Магдалины, управлявшийся сицилийскими монахинями-кларитинками, и заставил продолжавших работать проституток платить специальный налог на содержание их бывших коллег, а если действующая проститутка вдруг умирала, то пятая часть оставленного ею состояния отдавалась на нужды приюта.

Проблема с незаконнорожденными детьми проституток решилась путем установки на улице у дверей больницы Сакра Инфермерия специального анонимного круглосуточного „младенцеприемника“. Мать вкладывала новорожденного в специальную люльку-лоток, приводила в действие поворотный механизм, и младенец вместе с люлькой оказывался внутри больницы, где его принимали, обеспечивали уход и позже пристраивали в бездетные семьи. Более взрослых детей проституток отправляли в детский приют св. Эльма. Доктора госпиталя Сакра Инфермерия также лечили венерические заболевания у рыцарей, а женщины легкого поведения предпочитали обращаться за помощью в этом вопросе в небольшую специализированную больницу Катерины Скали.

Во времена британского протектората проститутки переместились в бары, расположенные на нынешней Репаблик стрит, главной улице Валетты. Там они не только зарабатывали своим непосредственным ремеслом, но и получали неплохие комиссионные от хозяев, раскручивая иностранных матросов на выпивку. В каждом баре имелся специальный запас осколков от битой посуды, которые незаметно, не без помощи девушек, рассыпались возле вдрызг пьяного моряка, которого потом обвиняли в дебоше и требовали компенсировать убытки. Если моряк упирался, на разборки звали его начальника, капитана, а проститутка становилась важной свидетельницей.

Ну и, напоследок, расскажем о самой известной мальтийской „Мессалине“ — о Катерине Виталь. Ей было всего 12 лет, когда она вышла замуж за Этторио Виталья, бывшего главным аптекарем Ордена, через 10 лет после Великой осады. Через два года после свадьбы Этторио погиб, и 14-летняя Катерина, как считают некоторые историки, попыталась заменить мужа на поприще главного аптекаря. Она изготавливала лекарства для рыцарей, однако увлеклась магией и незаметно стала уделять все большее внимание приворотным зельям и противозачаточным снадобьям. Молодая богатая вдова спала со всеми подряд, и оба главных направления ее фармацевтической деятельности были весьма востребованы. Постепенно Катерина завоевала репутацию могущественной ведьмы и подверглась гонениям за практику черной магии, но сумела откупиться от преследования, пожертвовав крупные суммы денег Церкви. Мальтийцы до сих пор считают эту женщину главной национальной распутницей».

Не слишком серьезно относились рыцари и к прочим обетам. Когда-то в помещение госпиталя даже сам Великий магистр входил на правах простого рыцаря. Все свои регалии, знаки отличия и шпагу он оставлял у входа. Сохранилась, а может, придумалась, история о том, как живший на Мальте папский инквизитор явился однажды в госпиталь, не обратившись заранее за позволением. Скандал вышел таким, что пришлось даже вмешиваться коронованным особам. Король Франции официально известил папу о самоуправстве его представителя, и тот был вынужден признать действия инквизитора ошибочными.

В госпитале были все равны. Туда принимали на лечение любого обратившегося человека. И каждый, независимо от вероисповедания или расы, простого или благородного происхождения, дворянин он или раб, имел равные с другими права. Все лежали в одинаковых палатах, получали пищу на однотипных, заметьте, серебряных тарелках. Единственным преимуществом рыцарей была вторая простыня. Теперь же название «госпитальеры» стало весьма сомнительным. Работу в госпитале в качестве простых служителей рыцари начали считать обузой и самой неприятной обязанностью. Да и сами помещения стали таковыми, что трудно было признать их медицинскими.

Посетивший мальтийский госпиталь английский посол в Неаполе Вильям Гамильтон увидел там закопченные потолки, несвежее постельное белье, грязную одежду. Даже проводивший обход врач время от времени прикрывал нос платком от неприятного запаха. Правда, неряшливость и расхлябанность не коснулись самих медицинских процедур. В области науки и практики мальтийские врачи могли дать фору европейским коллегам. Например, в Европе еще не помышляли о хирургическом удалении камней из почек, а на Мальте эта сложная операция уже проводилась. Также первыми госпитальеры стали устранять катаракту...

Поразительно, но печать упадка коснулась науки в последнюю очередь. Невольно вспоминается, как стойчески выдержали совсем недавний период «раздрая» российские ученые. Казалось, что в нашей стране разваливается все, а в прессе то и дело появлялись

сообщения об открытиях и невероятных технических новинках, рожденных в институтах. Как и на какие «шиши» ученые это делали, одному богу известно. Видимо, пытливая научная мысль — субстанция, рядовому человеку недоступная. Вот и на Мальте, несмотря ни на что, адмирал де Фреслен и рыцарь Луи де Буажелен раскапывают и изучают замечательные неолитические храмы. Парижская академия надписей воссоздает отсутствующие буквы финикийского алфавита на основе обнаруженных на острове обломков плит с надписями на двух языках — греческом и финикийском. В Валетте на базе иезуитского колледжа закладывается университет. Кроме рыцарей, туда допускаются и молодые мальтийские аристократы. Именно мальтиец Антонио Вассало, ставший профессором-арабистом, создал первый словарь арабского языка и его научную грамматику. Диплом Мальтийского университета начинают признавать в Европе.

Однако, научно-технический прогресс не мешает Мальте оставаться одним из самых крупных центров работорговли в Средиземноморье. Захваченные в плен турки, египтяне, тунисцы, алжирцы здесь теряли свои национальные отличия и становились просто рабами. Кстати, немалое их количество обслуживало Великих магистров. Невольники набирались из тех, кто был взят в плен во время боевых действий и становился собственностью Ордена. Те же, кому не повезло быть плененным кем-либо из рыцарей на Корсо, по большей части продавались с аукциона. Нередко их покупали европейские царствующие особы. А кого-то обменивали в Северной Африке на таких же пленных христиан. Словом, рынок есть рынок. И закрыл его только Наполеон Бонапарт в 1798 году. Он подарил свободу почти двум тысячам мальтийских рабов, то есть пятой части населения острова. Самих рыцарей там проживало всего от семисот до тысячи человек.

Период «разброда и шатаний» на какое-то время сумел остановить другой знаменитый Великий магистр. И только лишь потому, что это был Эммануил Мари де Неж граф де Роган-Полдю — один из самых выдающихся деятелей в истории Ордена. По значительности его можно сравнить разве что с Ла Валеттом. Этот внешне малопривлекательный, чуть ли не уродливый мужчина буквально через несколько минут уже менял отношение к себе у любого собеседника. Таковы были его обаяние, безупречные манеры и блестящая образованность. Поэтому Роган просто обрастал друзьями, свободно общаясь на нескольких языках, включая местный, мальтийский. Эммануил, хоть и родился в Испании, и даже служил при дворе испанского короля, был сыном опального французского дворянина и образование получил во Франции, в колледже иезуитов. Став рыцарем Ордена госпитальеров, он всегда подчеркивал свою принадлежность именно к французскому языку. Поэтому у него был один, общий для всех членов этой группировки недостаток — нелюбовь к России. Его карьера в Ордене развивалась головокружительно. За десять лет Роган успел побывать и адмиралом, и дипломатом, и достиг высшего чина Великого магистра.

Правда, получил он в наследство от предшественника «небольшой» орденский должок — всего-то 1813 456 эскудо. Особенно катастрофическим стало финансовое положение Ордена после Французской революции 1789 года. В одночасье он потерял свои владения и немалое имущество сначала в самой Франции, а затем и во многих других странах. Фактически Орден находился на грани банкротства. Поэтому финансы стали первой и главной головной болью нового Великого магистра. Отдадим должное и этому редкому таланту Рогана, — астрономический дефицит платежного баланса средневековый «Кудрин» сумел уменьшить за четыре года в пятнадцать раз. Конечно же, как и в наши славные деньки, пришлось идти на непопулярные меры, подняв налоги для всех зарубежных командорств.

Но, кто бы вы думали, категорически отказался платить в казну Ордена повышенные взносы? Милые сердцу Великого магистра французы. Те м не менее, он твердой рукой проводил реформы, отредактировал старые и ввел новые параграфы в устав. Появился даже кодекс Рогана, который исследователи сравнивают с Декларацией прав человека. Магистр всячески стремился истребить невежество в рыцарских рядах и лично читал молодым рыцарям лекции по математике. Благодаря его усилиям на Мальте появилась обсерватория, были приведены в порядок палаты госпиталя...

Однако на всякое действие, как известно, имеется противодействие. И если где-то совершается хорошее, то неизбежно найдется место, где творится обратное. Великий магистр старался оградить Орден от новых веяний, принесенных Французской революцией, но неожиданно оказался втянутым в громкую скандальную историю. На сцене снова появился неутомимый авантюрист Жозеф Бальзамо, которого все знают под именем Калиостро. Мы уже упоминали о суде над этим графом, где он прозрачно намекал на то, что является незаконнорожденным сыном великого магистра Пинто. Газетчики сумели раздуть из этой истории целую антиорденскую кампанию. Дескать, покойный магистр и сам тайно грешил алхимией, поэтому и Калиостро приласкал.

По классическим законам желтой прессы вывод из этого делался такой — мол, Орден не платит налогов со своих многочисленных владений во Франции. Роган, конечно, заявил протест на клевету министру иностранных дел Франции Вержену. Газете «Меркюр де Франс» пришлось извиняться перед иоаннитами. Уязвленные журналисты нанесли следующий ответный удар. Во многих газетах были статьи, в которых говорилось, что от Ордена Франции давно уж ни жарко, ни холодно, так как с Турцией у нее сложились нормальные отношения. Сами же госпитальеры только накапливают свои баснословные богатства.

Особенно порезвились газетчики на почве масонства. Дескать, многие рыцари, по сути, давно уже не рыцари, так как входят в различные зарубежные масонские организации. Здесь, как говорится в анекдоте, без «водолаза — Калиостро — тоже не обошлось». Высланный после суда из страны, он преспокойно обосновался в Риме, где благополучно создал собственную масонскую ложу так называемого египетского ритуала. Более того, ее отделения появились не только в городах Италии, но и в самой Франции, в которой авантюрист стал «персоной нон-грата». Зато в Риме он обворожил знакомого нам орденского посла де Лораса и легко втянул его в свои масонские манипуляции.

Посол, наблюдая шикарную жизнь алхимика, уверовал в то, что тот нашел тайну философского камня и способен обращать в золото простой металл. Он восторженно пишет Великому магистру: «Этот необычный человек, устав от бродячей жизни, готов обосноваться на Мальте. Если Ваше преосвященство соизволит обещать ему убежище и протекцию нашего правительства, его приезд на остров не потребует никаких расходов». Мудрый Роган не очень-то поверил в то, что при помощи знаменитого проходимца сумеет решить финансовые проблемы Ордена. То т же не только прожигал жизнь на широкую ногу, но и с таким же размахом вел дела. Он открыто проводил собрания своей ложи в Риме и даже подробно описал масонские занятия в письме французскому Учредительному собранию, в котором просил о разрешении вернуться в Париж.

Письмо перехватили соответствующие службы Ватикана. Калиостро арестовали и упрятали в замок Сент-Анж. В заключении оказались и члены его ложи. Таким образом, Рогану удалось избежать административных санкций, но не скандала, смакуемого в прессе. А его посол Лорас, которому также грозила тюрьма, без паспорта, в чужом

одеянии бежал в Неаполь, а оттуда на попутном судне отплыл на родную, теплую Мальту. Там его ожидала очень холодная встреча. Но эта детективная история, достойная продолжения кинематографической «Формулы любви», лишь малая часть больших неприятностей, которые принесла госпитальерам Французская революция.

Великий магистр вступает в отчаянную, но безнадежную борьбу за сохранение орденских владений. Он даже прибегает к методам не принятого им знаменитого Калиостро, решив согласиться на подкуп членов Национального собрания. Правда, лично в аванюре участия не принимает. Посол Ордена в Париже Брийян на чистом бланке с подписью Рогана пишет от его имени и направляет Людовику XVI письмо, в котором требует не подвергать их командорства секуляризации. (Этот термин, появившийся в XVII веке, означал передачу земельных владений из церковного в светское управление.) Подлог раскрыли и зачитали лжеписьмо в Национальном собрании. Тогда стали раздаваться требования вообще запретить деятельность Мальтийского ордена в стране.

К началу осени 1792 года становится ясно, что революция во Франции уже необратима. Сорвалась попытка королевской семьи бежать за пределы страны. И бурбонский двор оказывается за мощными крепостными стенами Тампля. И Людовик XVI, и королева Мария-Антуанетта через год трагически закончат свою жизнь на гильотине. Магистру Рогану, конечно, за свою жизнь в тот момент цепляться не приходилось, хоть он был болен и страшно устал от всех свалившихся на его голову передряг. Обиженный и оскорбленный пренебрежительным отношением французских смутьянов к рыцарскому Ордену, он рассылает циркулярную (обращенную одновременно к нескольким государствам) ноту. В ней главы европейских правительств призываются встать на защиту госпитальеров, немало послуживших их общим интересам. Но это еще больше обозлило новые революционные власти Франции. И они конфискуют все имеющиеся в стране земельные владения иоаннитов. Орден остается без крупных доходов от своих командорств в Эльзасе, Русийоне, Наварре... Пришлось переходить к режиму жесткой экономии. Было прекращено финансирование всех зарубежных представительств. Даже два оставшихся боевых корабля содержать стало не на что...

Вернемся, однако, к истории любви, а точнее нелюбви этого неординарного главы Мальтийского ордена ко всему российскому. Отправив с острова, фактически, на тот свет поверенного Кавалькабо, начальствующий ученый муж даже слышать не хотел о новом представителе Санкт-Петербурга на Мальте. Ухо и взор его все еще были повернуты только в одну сторону, о которой он совсем недавно так любил повторять: «Версаль — это Полярная звезда Ордена». Но, как показало дальнейшее, еще более позднее развитие событий, кто как не сами французы в лице Наполеона поставили на Ордене большой «мальтийский крест»?

Острожское наследство лучше, чем острог...

Любвеобильной Екатерине, как вы понимаете, питать безответные теплые чувства к Рогану тоже было ни к чему. А тот, лишенный поддержки католических правителей Западной Европы, что равнодушно наблюдали за финансовой агонией Ордена, все же зажал гордыню в кулак и обратился за помощью к российской императрице. Он попросил ее оказать содействие в вопросе по так называемому Острожскому наследству, который безуспешно пытался решить еще магистр Пинто.

Суть дела заключалась в том, что майорат, учрежденный польским князем Янушем Острожским еще в 1609 году в пользу своей старшей дочери, в случае ряда обстоятельств переходил по завещанию к Мальтийскому ордену. Все было довольно запутанно. Не вдаваясь в подробности, скажем, что обстоятельства эти были связаны с прекращением

потомства по прямой линии сначала старшей дочери князя, а затем — младшей. Если это происходило, то майорат получали госпитальеры. Так и случилось. Орден уже был готов с аппетитом проглотить лакомый кусок жирного польского пирога. Но дальние родственники князя Острожского вовсе не хотели отдавать владений, приносивших им немалый доход.

Король Речи Посполитой на неоднократные орденские жалобы не отвечал. И тогда Великий магистр решил действовать через Россию и снова отправить туда бывшего посланника в Польшу, графа Мишеля Саграмозо, который уже занимался ранее Острожским делом. Знатный рыцарь был хорошо знаком с императрицей и даже имел честь исполнять ее некоторые деликатные поручения. Он послал императрице письмо, в котором просил поспособствовать решению «острожского дела» в пользу Ордена. Однако каков привет, таков и ответ. Благоклонного к себе высочайшего отношения Орден за неприязнь к России ожидать никак не мог. И государыня отписала графу Панину: «Прошу Вас дать Кавалеру Саграмозо очень вежливый и лестный ответ, поскольку это лично его касается, так как этот человек выказывал мне много привязанности... Без сомнения, если б его Орден должен был прислать сюда кого-либо, то никто не мог бы мне быть приятнее его, но этот Орден такой w?lsch, он так удалился от своих обетов и выказал нам так мало доброжелательства, что в этом Острожском деле, которое хотят провести при помощи нашего влияния, причем в случае успеха Польские Командорства наполнятся w?lsch'скими тварями, — мне нет ни малейшей охоты беспокоиться для Господ Мальтийцев». (Слово w?lsch, по объяснению русского историка и дипломата А. Алябьева, употреблялось в немецком языке для обозначения романских народов, особенно итальянцев, и имело презрительный оттенок, вроде нашего «немчура»).

Граф Саграмозо, однако, не отступил и добился высочайшей аудиенции. Выходец из древней аристократической семьи итальянской Вероны считался одним из самых умелых дипломатов Ордена. Он был знаком с Фридрихом Великим, представлен королям Дании и Швеции. Граф получил блестящее образование, хорошо разбирался в ботанике и минералогии, изучал философию, прекрасно говорил по-французски и был интереснейшим собеседником. Не удивительно, что ему все же удалось уговорить Екатерину и получить от нее протекцию к польскому королю.

Отправляясь в Варшаву, граф дополнительно заручился поддержкой коронованных особ Австрии и Пруссии. Те предложили полякам для решения вопроса создать специальную комиссию. Король Станислав Август Понятовский в своей политике ориентировался на Россию. К тому же он не мог отказать в просьбе императрице, с которой имел любовные отношения еще в бытность ее великой княгиней. Повлияла и присланная от соседних государств повторная нота. И король, и польский Сейм не признавали прав Ордена на майорат бесспорными, но Великое Приорство Польское с шестью Командорствами все же было учреждено...

Самому Мишелю Саграмозо эта запутанная и сложная история тоже принесла немалую пользу. Общаясь с российской императрицей, он так расположил ее к себе, что Екатерина предложила Великому магистру назначить его постоянным представителем Ордена в Санкт-Петербурге. Однако тот отказался, посетовав на финансовые затруднения и невозможность, в связи с этим, содержания посланника. К тому же он предположил, что лондонский и берлинский монархи могут обидеться на отсутствие послов при их дворах и также потребуют прислать. Граф Саграмозо получил прощальную аудиенцию у Екатерины II. Присутствовали ее сын, великий князь Павел Петрович и его супруга. На представлении об отбытии дипломата императрица написала: «Обыкновенно сверх денег

дается еще подарок; а как граф Саграмозо к тому поведением своим более имеет право, то выберите табакерку с бриллиантами»...

Но будем считать эту пикантную историю лирическим отступлением. А в российской северной столице строились государственные планы относительно теперь уж не военного, а широкого дипломатического присутствия в Средиземноморье. И если с внедрением на Мальту нового поверенного в делах возникли проблемы, то всего за три года представительства России появились во всех крупных городах Ближнего Востока — Александрии, Дамаске, Бейруте, а также на островах Греческого архипелага и в важных портах южной Италии. Мальта, «касательно учреждений консулей», по мнению Российской Коллегии иностранных дел, была не самой важной. Как говорится, ваш, господа, номер — шестнадцатый. В разработанном в 1782 году списке мест, где «нужно и полезно быть может учредить вновь консулей и вице-консулей», Мальта оказалась даже двадцать шестой.

Однако в представлении императрице российское иностранное ведомство подчеркивало, что «...положение сего острова требует не столько по коммерческим, сколько по политическим резонам содержать в нем всегда поверенного человека, как то опытом последней с турками войны доказано. Звание консуля делает меньше огласки, нежели всякий другой министерский характер, а сверх того может оно и само по себе в истинном своем разумении сделаться нужным и по мере умножения в Средиземном море торгового нашего кораблеплавания, а для того всенижайше представляется, не угодно ли будет определить и назначить на Мальту генерального консуля, который бы постоянным своим присутствием приучал тамошнее правительство к вящей с нами связи. По такому образу служения не излишне будет определить на мальтийский пост жалования 1800 рублей, почтовых денег 300 да одного канцелярского служителя на окладе 500 рублей».

Великого магистра Ордена Эммануила Рогана, узнавшего о намерении Екатерины II вновь определить посла на Мальту, совсем не грела мысль о появлении на острове «нового Кавалькабо», который бы умело и целенаправленно проводил российскую политику. Но, понимая, что совсем избежать этого не удастся, он через графа Разумовского, российского посланника в Неаполе, передал предложение императрице назначить на Мальту кого-либо из кавалеров Ордена Святого Иоанна. Дескать, «многие почести и преимущества поверенных в делах других государств, — хитрил мудрый лис, — тесно связаны с их принадлежностью к Ордену». Однако нужно было знать характер Екатерины. Своего решения она менять не собиралась. А посланник ею уже был утвержден. Им стал георгиевский кавалер, капитан второго ранга Антонио Псаро. Грек по национальности, он немало сделал для побед русского флота в последней войне с турками, хорошо с той поры изучил средиземноморский регион, понимал его важное значение для России и для других заинтересованных стран. И поэтому как нельзя лучше подходил на роль государственного поверенного.

Грамота, которой Псаро был снабжен Коллегией иностранных дел, гласила: «Как уже здесь, так сказать, в обыкновение вошло отправлять повсегодно, по Высочайшей Ея Императорского Величества воле, часть морских Ея Величества сил в Средиземном море, для экзерцирования морских служителей и для прикрытия и охранения по оному начинающагося непосредственного кораблеплавания России, и, как опять легко статься может, что военные эскадры и торговые суда наши будут иметь случай заходить на остров Мальту, то Ея Императорское Величество из уважения к сим обстоятельствам изволила признать за нужное учредить своего поверенного в делах при Мальтийском Гран-Магистре и при всем тамошнем обществе». Помимо того, посланнику предписывалось «учтивым, ласковым и скромным поведением делать себя приятным» Великому магистру

и руководству Ордена, что будет полезно для интересов русского мореплавания. Начинаящий дипломат имел исчерпывающие сведения о состоянии отношений России с основными средиземноморскими державами. Вершители российской внешней политики прекрасно осознавали, что Османская империя не останется равнодушной к присоединению Крымского полуострова к России, произошедшее в 1783 году. И вряд ли ее устроит связанное с этим фактом расширение русского мореплавания в Черном море, где турки всегда чувствовали безраздельными хозяевами. Призрак новой русско-турецкой войны снова мог стать реальностью. Поэтому присутствие российского представителя на Мальте — этой «розе ветров» Средиземноморья, как и прежде, может стать неоценимым.

Первым официальным лицом, с которым встретился капитан Псаро, прибыв на остров, был Альмейда, вице-канцлер Ордена. Между ними произошел прелюбопытнейший диалог, который во многом показал, кто есть кто, и каковым станет для госпитальеров пребывание на их территории «нежелательного лица».

— Вы ведь не являетесь кавалером ордена Святого Иоанна, — высокомерно произнес Альмейда, — рекомендую вам не требовать от Великого магистра вашего формального признания, как поверенного в делах Российской империи.

Капитан улыбнулся и указал вице-канцлеру на украшавший его мундир белый эмалевый крест Святого Георгия. Этого высокого ордена, специально учрежденного императрицей Екатериной II «для награждения за храбрость», Псаро был удостоен за героизм, проявленный во время войны с турками 1768–1774 годов.

— Полагаю, этот военный орден теперь затмевает славу мальтийского в борьбе с неверными, — ответил он с достоинством.

Через день Великий магистр Эммануил де Роган принял аккредитацию Псаро. Он был весьма приветлив и ни словом не намекнул капитану о рекомендации вице-канцлера. Забегая вперед, скажу, что, несмотря на всевозможные дипломатические интриги, которыми было наполнено пребывание Псаро на Мальте, у него с первой же встречи сложились доверительные отношения с Великим магистром. Псаро посещал главу Ордена дважды в неделю, а при необходимости и чаще. Они вели полные скрытых дипломатических хитростей беседы и всегда оставались весьма довольными друг другом. Однажды капитан дал собеседнику прочитать свою депешу в Коллегию иностранных дел, в которой он описывал радушный прием, оказанный ему руководством Ордена. Магистр был польщен откровенностью и доверием посланника. Капитан, не медля, запечатал конверт и вручил его Рогану, чтобы тот сам отправил хвалебную депешу. «Это слишком честно!» — растроганно произнес магистр. Он так и не узнал, что на следующий день в Петербург ушло другое письмо, в котором Псаро был более критичен к мальтийским хозяевам. Дипломатия, что тут скажешь?

Сам Великий магистр не просто послал письмо в Россию, но и, воспользовавшись удобным случаем, передал русской императрице подарок — пальмовую ветвь, украшенную искусственными цветами, — как символ ее «бессмертной славы и побед». Сделал он это через Псаро, который отправился на встречу с государыней, совершавшей свою известную поздку в Крым. Но Екатерина, находясь на флоте, торжественно отдала подаренную ветвь князю Григорию Потемкину. Рогану же в ответ отписала: «Я не могла лучше сделать, как вручить ее князю Потемкину-Таврическому, фельдмаршалу моих армий и предводителю моих морских сил на Черном море, оказавшему важные услуги не только своему отечеству, но и всему Христианству. Он поставил ее на корабле, носящем мой собственный флаг; это место назначило ей мое уважение к Вам и к славной

корпорации, которой Вы управляете с таким отличием. Она послужит, кроме того, хорошим предзнаменованием для моего оружия». В посольском зале дворца Великого магистра вы можете увидеть портрет Екатерины II кисти Дмитрия Левицкого, датированный 1787 годом. Вероятнее всего, это был ответный презент императрицы Великому магистру. Кстати, отъезжающего своего постоянного собеседника из России Роган одарил золотой табакеркой с собственным портретом.

В этом же году началась новая, вторая при Екатерине, русско-турецкая война, которая затянулась так, что перешагнула в следующее десятилетие. Поверенного императрицы на Мальте она застала в Санкт-Петербурге, куда он прибыл после херсонской высочайшей аудиенции. Но и здесь мальтийские дела были для дипломата первостепенными. Он направляет вице-канцлеру Александру Андреевичу Безбородко служебную записку, в которой докладывает, что необходимо направить в Средиземное море «по крайней мере, три фрегата, чего было бы достаточно, чтобы прервать подвоз провианта из Египта» (для Турции. — Е. М.). Но, конечно, находиться на Мальте в это беспокойное время для посланника было куда важнее. И он возвращается на остров в июле 1788 года. Продовольствие, разумеется, понадобится и русским морякам, в случае прихода их кораблей. И Псаро активно занялся его заготовками.

Параллельно поступил приказ подыскивать и вербовать опытных моряков для «вступления в русскую службу». Желающих на «вступление» оказалось немало. Но капитан отбирал претендентов очень тщательно и решительно отказывал каждому, в мастерстве и опытности кого начинал сомневаться. Та к Псаро познакомился с графом Джулио Литтой, человеком, можно сказать, знаковым в истории отношений Мальтийского ордена и России, для которого северная страна станет второй родиной. Знакомство произвело на дипломата большое впечатление, и в первом же письме императрице он написал: «Я видел, что граф с жаром ухватился за этот случай отличиться...»

Скорее всего, отличиться доблестный граф желал не только, а может, и не столько на полях войны. Происхождение Джулио Ренато-Литта-Висконти-Арезе вел от древнего аристократического рода. Он был внуком самого неаполитанского вице-короля. А отец служил генеральным комиссаром австрийской армии в Ломбардии. Дети оказались вполне достойны своих высокопоставленных пращуров. Брат Джулио — Лоренцо представлял Ватикан в его дипломатическом ведомстве в Париже. Учитывая многоступенчатые колена знатного происхождения, Мальтийский орден принял Литту в свои ряды, когда ему исполнилось 17 лет. Молодой граф, получивший образование в Риме, в коллегии святого Климента, оказался не только родовитым, но и весьма способным. Через три года он уже был назначен капитаном галеры самого Великого магистра.

Но венец карьеры и личное благополучие Джулио Литта обрел именно в России. И стремился он туда, как уже было сказано, не только из-за открывшейся возможности прославиться на военном поприще. Сильнейшим центром притяжения для него стала русская графиня Екатерина Скавронская, с которой он познакомился в Неаполе и к которой с той поры питал нежнейшие чувства. Путь к ее сердцу для влюбленного был открыт, так как графиня стала вдовой. Ее муж, российский посланник в Неаполе, Павел Мартынович Скавронский, заболел и умер, оставив жене изрядное состояние. Сама Екатерина Васильевна, урожденная Энгельгардт и племянница Потемкина, в родовитости новому поклоннику мало чем уступала. К тому же на ухаживания, питая симпатии к рыцарю-итальянцу, готова была ответить благосклонно.

Джулио Литта приехал в Петербург в 1789 году и был тепло встречен при дворе. Его служба началась успешно. Довольно быстро он получает чин генерал-майора. А за военные отличия на Балтике в составе легкой флотилии кораблей (как известно, параллельно русско-турецкой велась и русско-шведская война) Литте присваивают звание контр-адмирала и награждают орденом Святого Георгия III степени. Царственная тезка его будущей жены посланцу Мальтийского ордена симпатизировала и даже писала в тот момент Великому магистру: «Если Орден чувствует склонность ко мне, то это не напрасно. Никто на свете не ставит так высоко и не любит более страстно, чем я, доблестных и благочестивых рыцарей. Каждый мальтийский рыцарь всегда был объектом поклонения, поэтому, если я могу быть чем-то полезной ордену, я сделаю это от всего моего сердца».

Но фортуна, как всем нам хорошо известно, дама, склонная к изменам. Отвернулась она и от ничего не подозревающего графа. Его сделали одним из крайних, кого обвинили в неудачах русского флота. Уволенный «без выходного пособия», адмирал возвращается на Мальту. Вернемся и мы туда, где оставили в самый разгар активной деятельности другого героя нашей истории — российского поверенного в делах Антонио Псаро.

Если перечитать все многочисленные депеши и письма посланника в адрес Коллегии иностранных дел, то, если бы не устаревший слог, можно решить, что это переписка современных «хозяйствующих субъектов». В течение всех пяти лет пребывания на острове дипломату приходилось заботиться о торговых делах, точнее, об обеспечении в средиземноморском регионе русского торгового мореплавания. Первое русское торговое судно «Надежда благополучия» пересекло Гибралтар еще в 1764 году. С того времени экспедиции стали практически постоянными. И редкий корабль обходил Мальту, предпочитая именно на попутном гостеприимном острове запастись продовольствием или сделать необходимый ремонт. К кому в таком случае обращались русские мореходы? Конечно, к своему, то есть российскому поверенному. Впрочем, на то он и назывался поверенным. И Антонио Псаро честно и добросовестно исполнял порученные обязанности, и даже более. Скажем, дипломатово ли это дело — договариваться с банкиром о кредите русским купцам? Но при содействии Великого магистра Псаро и такой вопрос решил. Кстати, деловое знакомство с финансистом ди Формозо оказалось вдвойне полезней, так как он одновременно служил начальником мальтийской таможни...

Ну, а если какое-либо торговое судно сталкивалось с пиратскими галерами, тут уж приходилось включать умение дипломатических ходов. Это искусство и для себя лично необходимо было держать во всеоружии, так как Псаро постоянно сталкивался с интригами «триумвирата», близкого к Великому магистру и настраивающего его против России. Этот злополучный политический треугольник составляли старые знакомцы, вице-канцлер Альмейда, Саграмозо, действовавший теперь в интересах Неаполя, а также балыи овернского языка Лорас.

Чтобы противостоять интриганам, Псаро переманил на свою сторону балыи Фердинанда фон Гомпеша с его секретарем аббатом Буайе и некоторых других рыцарей, считавших, что слишком тесная близость с Парижем и Неаполем для Ордена хоть порой и полезна, но также и опасна. Это была сложная и запутанная «шахматная партия». Например, «триумвират» сделал сильный ход, направив русскому посланнику в Неаполе графу Андрею Кирилловичу Разумовскому клеветническую записку на Псаро. Не лестно характеризовались в ней и фон Гомпеш с Буайе. Но Разумовский переслал записку Псаро. Своим ответным ходом тот «объявил шах» вице-канцлеру с компанией, обратившись за защитой чести и достоинства к главе Ордена. В эндшпиль партия перешла уже при

участии двух главных «шахматистов» — подлинного Гроссмейстера, то бишь Великого магистра, и ставшего «гроссмейстером» политической игры Псаро. Первый отечески, но, видимо, не совсем искренне, заявил, что клевете не верит. Второй, прекрасно понимая первого, отписал в Петербург: «С этих пор Гроссмейстер удвоил внимание и любезность со мной, чтобы тем лучше постоянно скрывать от меня страшные против меня козни»...

Да, рыцарские бои давно уже переместились совсем на другие, политические поля. А что же наш другой игрок — «международный гроссмейстер», амбициозный граф Джулио Литта? Неужто так и останется прозябать на маленькой Мальте? Отнюдь! Признанные всеми его разносторонние способности снова вернули генерала, адмирала и рыцаря в большую игру. 13 апреля 1795 года Великий магистр теперь уже официально назначил графа Литту посланником ко двору императрицы Екатерины II. В Российской империи он проживет долгие годы, примет русское подданство, женится на своей любезной Екатерине Скавронской, получит высокий (уже гражданский) придворный чин обер-камергера. Смерть застанет Юлия Помпеевича, как на русский манер величали Литту, в 1840 году членом Государственного совета в столь счастливым для него и любимом Санкт-Петербурге.

Но о важнейших в нашей истории поступках графа мы еще будем упоминать. Пока же случилась другая громкая кончина. 6 ноября 1796 года неожиданно приказала долго жить императрица Екатерина Великая. Российский престол унаследовал ее сын Павел I. «Кавалеры с презрением отвергли бы бесчестный сей договор...»

Маленький Павел Петрович «Гарри Поттера» не читал. Зато воспитатель граф Никита Иванович Панин подарил ему книгу с причудливым названием — «История гостеприимных рыцарей святого Иоанна Иерусалимского, называвшихся потом родосскими, а ныне мальтийскими рыцарями. Сочинение г-на Верто д'Обефа, члена академии изящной словесности».

Говорят, мальчик зачитал сочинение аббата Верто до дыр. Особенно сладко и страшно было листать ее вечерами, когда свечи отбрасывали на стены таинственные тени. Вот воин в широкой мантии, а вот — восьмиконечный крест. Чуть дунул ветерок — и в полумгле уже колышутся знамена... Кажется, мужественные и благородные рыцари заменили одинокому подростку отца и мать. И когда эта самая мать действительно скончалась, новоиспеченный самодержец Павел I, наверное, вспомнил любимых героев своего детства — честных и благородных монахов-воинов, сражавшихся за светлое имя Христа. Впрочем, он их и не забывал — «романтический наш император», как назвал его Александр Сергеевич Пушкин, всегда представлял главным средством противодействия революционным идеям не что иное, как распространение рыцарского духа. Уже вторым своим указом Павел отменяет рекрутский набор — рыцарство, а не война, разорявшая казну, одержит победу над вольнодумством, источником которого является Франция.

А в самой Франции творились совсем уж крамольные вещи. Еще пять лет тому назад постановлением Конвента милые его сердцу госпитальеры лишились своих владений в этой стране. Испанское и португальское правительства тоже увеличили для рыцарей налоги, а владениям Ордена в Неаполе и на Сицилии пришлось еще тяжелее. В общем, доходы Ордена в год, когда Павел вззошел на престол, едва ли составляли третью часть от тех, что были десять лет назад...

Возмущал Павла и тот факт, что кавалеры Ордена в числе других дворян были просто-напросто выдворены из Франции — как говорится, в никуда. В общем, стоило Джулио Литте завести в Петербурге разговор о необходимости союза между Мальтийским

орденом и Россией — его голос был тут же услышан. Уже через два месяца, 4 января, состоялось подписание межгосударственной конвенции. С русской стороны свои автографы поставили обер-гофмейстер Александр Андреевич Безбородко и вице-канцлер Александр Борисович Куракин. От имени Ордена под документом значился: «Юлий Рене, бальи, граф Литта, кавалер Мальтийского Ордена Большого креста, кавалер по праву дворянства почетного языка Итальянского, командор разных командорств военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия III степени; польских орденов Белого орла и Святого Станислава кавалер, Российского флота контр-адмирал и полномочный министр знаменитого Ордена Мальтийского и Его Примушества гроссмейстера».

Документ получился весомым — тридцать семь пунктов. Позже к ним было добавлено еще восемь. Согласно статье I, в России учреждалось великое приорство Ордена со «всеми теми отличиями, преимуществами и почестями, коими знаменитый Орден сей пользуется в других местах по уважению и благорасположению государей». Император возложил лично на себя обязанность следить за выполнением законов «братства рыцарей церкви» — ведь, по его мнению, «обязанности мальтийских кавалеров всегда неразлучны с долгом каждого верного подданного к его отечеству и государю». Та к англо-баварский язык пополнился русским, созданным вместо бывшего приорства польского. Тринадцать командорств с бюджетом более 300 тысяч польских злотых должны были возглавляться великим приором, коим назначался исключительно подданный русской империи. Порядок приема в рыцари был оставлен таким же, как и в бывшем польском приорстве — причем поначалу речь шла только о дворянах-католиках. Впрочем, уже в 1798 году последовал высочайший манифест «Об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского», по которому утверждались два приорства: римско-католическое и российско-православное.

Скрупулезный Павел I особое место уделил условиям, которым должен был соответствовать «рыцарь церкви». Столь жестких требований, пожалуй, не предъявлял к своим братьям ни один европейский орден. Кандидат должен быть потомственным дворянином не менее 150 лет. «Вступительный взнос» в орденскую казну составлял 2400 польских злотых, если речь шла об отроке (платили родители, избравшие для сына рыцарскую карьеру). 1200 монет вносил юноша, достигший 15 лет. Для тех же, кто претендовал на звание командора, был разработан целый свод правил. Главное — молодой честолюбец был обязан участвовать в четырех военных кампаниях по полгода каждая: в русской армии или на орденском флоте.

Надо сказать, что современные зарубежные исследователи весьма скептически относятся к той конвенции. Мол, сколь бы ни важна была политическая поддержка великой державы для Ордена, само создание приорства российского полностью противоречило его уставу. Живи Павел I в наше время, он бы весьма огорчился, ознакомившись с официальным «Ежегодником», который издается Мальтийским орденом в Риме. В выпуске за 1989 год на шестой странице читаем: «Провозглашение женатого некаатолика главой католического религиозного ордена было полностью незаконным, неправомерным и никогда не признавалось Святым престолом. Несмотря на то что Павла I признали многие рыцари и ряд правительств, его необходимо рассматривать как великого магистра де-факто, но ни в коем случае не де-юре». А чтобы ни у кого не было сомнений в точности формулировок, этот французский текст переведен на итальянский и на английский.

Но в те далекие времена дипломатическому успеху Литты на Мальте рукоплескали. Величайшая держава взяла Орден под свое крыло — да и финансовые вливания пришлось как нельзя более кстати. Те м более что благодаря экономической хитрости Литты

польский злотый при расчетах между Россией и Мальтой был оценен не в 15 копеек, как следовало бы, а в 25.

Впрочем, оставим в покое мелочные подсчеты. Дальнейшие события показали — Литта втянул и Орден, и Россию в игру по-крупному. Самые значительные фигуры того времени вышли на поле, чтобы разыграть вариант «мальтийской защиты». Польский рыцарь Рачинский отправляется на Мальту с подлинными актами конвенции и сопроводительными письмами Литты. Благополучно достигнув Анкона, он считает себя в безопасности. И в этот самый момент его настигает эскадрон французских войск, одновременно с ним вступивший в город. Содержимое курьерской сумки направляется Наполеону, который тут же представляет их Директории. «Чтение корреспонденции балы Литты не было откровением для членов Директории», — пишет историк Ордена Пьер Редон. Зато оно стало таковым для Великого магистра Рогана, несколько дней спустя развернувшего французскую газету. Именно на ее страницах он ознакомился, наконец, с текстом конвенции, подписанной Литтой в Петербурге. Стоит ли говорить, что публикация сопровождалась ожесточенными обвинениями в адрес Павла I за его разбойничьи виды на Мальту...

Второй курьер с копией соглашения в середине июля все же достигает Валетты. Однако за два дня до того Роган умирает. Членам капитула удалось «по сусекам» наскрести денег на похоронную мессу. Бронзовый бюст на могиле Рогана в соборе Святого Иоанна и по сей день поражает туристов своей скромностью.

Преемником Рогана единогласно был избран великий приор Бранденбурга Фердинанд фон Гомпеш — 52-летний австриец, успевший послужить послом Мальты в нескольких странах. 7 августа 1797 года он, наконец, скрепил своей подписью акт ратификации зимней конвенции. В знак вечной благодарности капитул постановляет: возложить на Павла I титул протектора Ордена. Литту определяют чрезвычайным послом Ордена в Петербурге.

Рачинский пускается в обратный путь. На сей раз обошлось без приключений. И в ноябре император назначает великого приора — им стал принц Конде, живший в эмиграции в России. Утвержденный императором текст конвенции снова отправляется на Мальту в сопровождении Энтони О'Хара, сына ирландца, принятого на русскую службу еще во времена Елизаветы Петровны. Но не этот факт, а знаменитый роман Маргарет Митчелл навсегда прославит фамилию его предков...

Въезд графа Литты в Петербург в качестве полномочного посла выглядел не менее торжественно, чем въезд тамплиеров в Париж. Все связанное с Мальтийским орденом для императора Павла было исполнено особой романтики и таинственности. Немало загадочного было и в том, что графа сначала поселили в Гатчине, и лишь через некоторое время ему было дано указание отправиться в столицу. Вереница из сорока карет подкатила к подъезду Зимнего дворца 27 ноября. Литта, облаченный в красное, сидел в одной из них вместе с сенатором, князем Юсуповым и обер-церемониймейстером Валуевым. По свидетельству очевидцев, карета была запылена так, как если бы она исколесила пол-Европы. Ее сопровождали сорок рыцарей Ордена Святого Иоанна.

Вечером в честь высокого гостя был дан французский балет, а небо над Петербургом озарилось радужными фейерверками...

Впрочем, то, что произошло через два дня, в воскресенье, в тронном зале Зимнего дворца, дает сто очков вперед императорской труппе. Дабы достойно принять орденского посла,

Павел I облачился в парадную мантию. Голову Его Величества венчала корона. Подле трона замерли вельможи и высшее духовенство во главе с митрополитом Гавриилом и архиепископом Евгением Булгарисом. Графа Литту сопровождали секретарь посольства и три кавалера. На подушке из золотой парчи один из них нес священную реликвию — часть десницы Иоанна Крестителя... Три и глубоких поклона — и вот уже граф Литта, вручив верительную грамоту, произносит по-французски приветственную речь. Соболаговолит ли великий император стать покровителем Ордена Святого Иоанна Иерусалимского? Утвердительный ответ, в соответствии с церемониалом, от имени государя, дал граф Ростопчин.

После обмена речами Литта поднес императору специально выкованную на Мальте кольчугу и серебряный крест на толстой цепи. Павел сам надел его на шею — и на мгновение ощутил себя маленьким мальчиком, читающим при свете свечи книгу с обтрепанными листами. Вот из мглы выступает портрет Ла Валетта — возможно, этот крест когда-то принадлежал величайшему из всех магистров... Очнувшись, император взял в руки бант из черной ленты с белым финифтяным мальтийским крестом. Его он прикрепит на левое плечо преклонившей перед ним колено императрицы. Затем к трону подойдет великий князь Александр Павлович — будущий император Александр I, укротитель Бонапарта. Но о грядущих заслугах сына Павлу не суждено будет узнать. Зато ему выпала великая честь — возвести собственного сына в рыцарское достоинство. Он снял с себя корону и мантию, облачился в треугольную шляпу. Трижды ударил обнаженной шпагой по левому плечу коленапреклоненного наследника — и вручил ему эту шпагу как знак посвящения. Возложил на него знак Мальтийского ордена Большого креста и трижды поцеловал — не как сына, а как брата.

Аудиенция была окончена. Графа Литту проводили в зал, где его ждали великий князь Константин Павлович и великие княжны, которым тоже были поднесены орденские знаки. Большие кресты возложили и на князей Безбородко и Куракина, чьи подписи стояли под конвенцией 4 января. Поздравляя «свежих кавалеров», многие перешептывались: негоже это, православных в рыцари принимать...

В то время, когда восхищение и сплетни, переплетаясь, растекались по Петербургу, пятнадцать линейных кораблей и десять фрегатов отчалили от Тулона в сторону Мальты. «Этот остров бесценен для нас», — писал Наполеон в послании руководителям Директории еще в мае 1797-го. А осенью, вскоре после кончины Рогана, на острове появились «бонапартовы шпионы». Чистокровный француз Пуссьельг и столь же чистокровный мальтиец Барабара, не без помощи французского консула, проникли в «святая святых» Валетты и Мдины. Благодаря им, «корсиканский разбойник» был прекрасно осведомлен о положении дел на острове. Он знал, что новый Великий магистр изрядно популярен среди рыцарей, для коих восстановил древние орденские обряды. Знал и о том, сколь мощны фортификации мальтийцев. Но совета покончить с Орденом дипломатическим путем Наполеон не принял. Двенадцатого апреля 1798 года Директория одобрила его кровожадные виды на Мальту. Орден был обвинен во всех грехах за то, что не одобрил Францию после начала революционных войн в 1793 году, за то, что принимал французских эмигрантов и даже назначал их на высокие посты... Упомянули и о том, что Орден готов сдать остров стране, находившейся в состоянии войны с Францией, — то ли Англии, то ли России.

Но, как говаривала своим дочерям незабвенная Мачеха Фаины Раневской: «Чтобы вы не ссорились, крошки мои, я беру этот цветок себе!» И 8 июня 1798 года флот Бонапарта показался на горизонте. «Английский Кутузов», адмирал Горацио Нельсон, бросившийся было наперерез французам, к сожалению, опоздал. «Мальта никогда не видела такого

бесчисленного флота в своих водах, — писал в дневнике Дубле, — море было покрыто на целые мили кораблями всех размеров, чьи мачты напоминали густой лес». День спустя, в четыре часа пополудни, от борта французского флагмана отвалила шлюпка: Бонапарт требовал впустить флот в Большую гавань, чтобы пополнить запасы воды. Собравшийся двумя часами позже орденский капитул дал ответ: в порту Валетты может одновременно находиться не более четырех иностранных военных кораблей. Бонапарт, прочитав записку фон Гомпеша нахмурился: «Они отказали нам в воде? Что ж, мы возьмем ее сами».

Наполеон знал — сделать это не составит большого труда. Ему было доподлинно известно, что остров готовилась оборонять горстка из 300 рыцарей, большинство из которых не держало в руках оружия много лет. Четверть из них составляли больные и старики. Один из них, восьмидесятилетний бальи де Тинье, прикажет вынести себя на носилках на крепостную стену: во время битвы офицер должен быть на поле боя. Такого же возраста, если не старше, были и пушки. Канониры, некоторым из которых ни разу в жизни не доводилось стрелять, с ужасом смотрели на отсыревший порох. Несколько французов-рыцарей заявило, что они «отказываются воевать с оружием в руках против своей родины». Да и других ополченцев сама мысль о том, что им предстоит сражаться с поистине непобедимой армией, приводила в состояние шока.

Позже Бонапарт напишет в мемуарах: «Мальта не могла бы выдержать суточной бомбардировки; остров, несомненно, обладал громадными физическими средствами к сопротивлению, но был абсолютно лишен моральной силы. Рыцари не сделали ничего постыдного; никто не обязан добиваться невозможного». К закату 10 июня весь остров, за исключением Валетты, был в руках генералов Бонапарта.

Многие рыцари оказались достойны памяти отца-основателя ордена. Некто Лорас предпринял отчаянную вылазку против наступавшего неприятеля. Командор Томмази удерживал позиции с практически безоружным отрядом. Отчаянно сражался раненный в руку шевалье О'Хара, ставший русским поверенным в делах на Мальте... Но в Валетте началась паника. Мальтийцы не могли взять в толк, почему должны умирать, сражаясь против тех, с кем, собственно, никогда и не ссорились. «Из-за каждой двери можно было услышать плач женщин, проклинающих и французов, и Великого магистра», — писал очевидец. Звонили колокола. По улицам столицы прошла рыдающая толпа, над которой, покачиваясь, как на волнах, плыла фигура защитника острова — апостола Павла. Уже совсем поздно вечером во Дворце Великих магистров появилась группа высокопоставленных мальтийских дворян. А незадолго перед этим было получено известие — разъяренный народ, набросившись на четырех рыцарей, предал их мучительной смерти... Бальи требовали немедленно повесить пришедших во дворец делегатов как зачинщиков смуты. Гомпеш ответил: «Вешают грабителей и убийц. Депутатов нации, которая может все потерять и ничего не приобретет в войне, следует выслушать»...

Одиннадцатого июня те, кто еще продолжал сопротивляться, покинули боевые позиции. Гомпеш решил сдаться. Над фортами Сент-Эльмо и Рикасолли поднялись белые флаги. Соглашение о двадцатичетырехчасовом перемирии было подписано в зале заседаний орденского капитула быстро. Дальнейшие переговоры велись уже на борту «Орьяна». Гомпеш отправил на них четырех рыцарей и четырех мальтийцев. Штормило, и посланники Ордена, преодолев три мили по бушующему морю, едва держались на ногах. Впрочем, их никто особенно и не ждал. Бонапарта подняли из постели — час был уже поздний. Он, не глядя, подписал статьи договора о капитуляции. Да и о чем было, собственно, спорить? «Вы можете делать сколько угодно оговорок, — сказал он. — А мы ликвидируем их несколькими залпами пушек»...

Дело было сделано — рыцарская Мальта перешла под суверенитет республики. Кавалерам-французам было дозволено вернуться на родину — причем их ожидала не только трогательная встреча с «отеческими пенатами», но и ежегодная пенсия в 700 франков. Прочих иноземцев постигла куда более печальная участь — все священники-иностранцы, кроме епископа, были изгнаны с острова; церкви закрыты. Осталось лишь по одной на каждый приход. Осколки орденских гербов валялись на улицах, носящих новые революционные названия, хрустели под ногами бонапартовых гренадеров-мародеров. Они буквально выметали из дворцов и храмов все, что представляло хоть какую-то ценность. Современные мальтийские ученые скрупулезно подсчитали: французы вывезли с острова 972 840 книг. В целом, награбленное оценено в 27 239 520 мальтийских лир. Не пощадили и реликвии собора Святого Иоанна — все восемь веков существования Ордена в одночасье обратились в тлен...

Швейцарская исследовательница истории Ордена К.-Е. Энжель убеждена: французы выгрузили похищенное добро в Египте. Серебряные и золотые изделия, перелитые в слитки, были проданы на рынках Александрии и Каира. Но есть и другая версия — большая часть этих сокровищ лежит на дне Средиземного моря. Нельсону все же удалось «зацепить» французов, и в битве при Абу Кире нагруженный до бортов «Орьян» затонул молниеносно, вписав еще одну страницу в книгу истории затерянных сокровищ.

На Мальте царило смятение. Все, что казалось незыблемым, было низвергнуто узурпаторами. Рыцарские титулы упразднены. Да что там — за неделю, проведенную на острове, Бонапарт успел даже праздник новый ввести — вместо чтимого мальтийцами дня памяти апостолов Петра и Павла приказал отмечать день взятия Бастилии...

Негодовала вся Европа. Если нынешние исследователи склонны видеть в решении Великого магистра скорее политическую мудрость, нежели трусость, то его современникам виделось одно: барон Фердинанд фон Гомпеш попросту сдал Бонапарту остров. Сам же удрал на австрийском судне в Триест, откуда принялся трубить о том, что, рискуя собственной жизнью, спас три христианские святыни — кусок креста, на котором был распят Иисус, десницу Иоанна Крестителя и чудотворную икону. Означенная «доблесть» нимало, впрочем, не помогла магистру: все в один голос требовали лишить изменника сана. Старый немецкий рыцарь, князь Хайтерсхайм в сердцах заявил, что считает сдачу Мальты личным оскорблением и требует публично судить магистра. Неаполитанский король объявил мальтийского посланника персоной нон-грата и повелел удалить орденский герб с рыцарской резиденции. Сдержанный венский двор посланника оставил, однако конфисковал все имущество и земли Ордена. Да что там — сам Папа римский Пий VI публично заявил, что дела иоаннитов его больше не интересуют.

А что же творилось на берегах Невы? «...Как только весть о взятии Мальты французами достигла императорского двора в Санкт-Петербурге, гневу Павла I не было границ. Он бегал по дворцу, кричал, брызгал слюной, и если бы архипелаг не находился в центре Средиземного моря, а располагался где-то, скажем, недалеко от Новгорода или даже в Сибири, то самодержец всероссийский сам бы кинулся на Мальту, чтобы отвоевать ее у „французских бунтовщиков“. Своими действиями они нанесли жестокое оскорбление русскому царю — протектору религии мальтийских рыцарей, о чем в свое время Павел объявил всей Европе.

— Что? Неслыханная наглость! — кричал он на подвернувшегося под руку канцлера, князя Александра Безбородко. — Гд е ушаковская эскадра? Гд е прохладжается адмирал?

— Павел вплотную приблизился к царедворцу и смотрел на него выпученными от гнева глазами.

Привыкший ко всему Безбородко спокойно отвечал:

— Ваше величество! Осмелюсь напомнить, вы сами отдали приказ Федору Федоровичу крейсировать в Средиземном море.

— Перо! Бумагу! — взорвался Павел. — Пишите мой рескрипт.

И он бросил на стол принесенные слугой письменные принадлежности.

— Слушаю, ваше величество, — голос Безбородко звучал тихо, бесстрастно.

— Командующему Черноморским флотом Ушакову. Действуйте вместе с турками и англичанами супротив французов, яко буйного народа, истребляющего в пределах своих веру и Богом установленные законы... — Он помедлил, хотел было добавить еще что-то, потом махнул рукой и рявкнул, как будто поставив жирную точку: — Павел!». (Борислав Печников, «Рыцари церкви: кто они?»)

Как только первый гнев откатил, Великий Приор Российский выпустил свой царский манифест. Трезвый анализ произошедшего соседствовал в нем с патриотической горячностью — впрочем, вправе ли мы упрекать за то государя, ценившего превыше всего рыцарскую честь?

«...Великий магистр давно извещен был, — писалось в манифесте, — что вооружение французов готовилось против Мальты. С февраля месяца непрестанно представляли ему, словесно и письменно, о нужных предосторожностях и средствах к обороне, но он отвергал все сии, самым разумом внушаемые, средства, и, уснув в неизвинительной беспечности, отвечивал всегда Маршалу Ордена, что все готово, когда напротив того, при высадке французов, ничего не было приготовлено к отпору им...

Быв предварен о скором нашествии на Мальту, Великий магистр долженствовал обратить бдение свое на все предметы, служащие к защите острова, долг его был осмотреть в крепостях артиллерии, исправить у пушек лафеты, изготовить ружья, снабдить зарядами фугасы, экзерцировать земские и регулярные войска, приучить их к строгой подчиненности, перевести порох из загородных магазинов в город, запастись крепости военными и съестными припасами и прочее. Но он, в непростительной своей беспечности не только не рачил сам о всех сих предметах, но не удостоил ни малейшего внимания и того, что многие члены Ордена ему о сем представляли.

Командор Розан, искусный артиллерийский офицер, управлявший последнею осадой Магона, подавал разные представления о способах защиты острова, но его и слушать не хотели.

Если Великий магистр не имел головы начальничьей, то, по крайней мере, долженствовал иметь сердце воина и поручить должность военачальничью тем, которых степень в Ордене к тому призывала, или кого он по праву мог назначить. Сим способом, которого славнейшие Предшественники его не отвергали, корабль правления, в минуту восставшей временной бури, имел бы кормчего, но ничто не могло известить его из его усыпления.

Изнутри чертогов своих, откуда со времени избрания до самого своего отъезда он не выходил никогда, как только на деревенские праздники, принимать рукоплескания народа, Великий магистр поражал всех не деятельностью своею, или, если и давал действовать, то одним предателям Ордена. Башни и крепости остались без провианта, малое количество пороха, розданное войскам, было смешано с землею и толченым углем, лафеты у пушек при первом выстреле рассыпались, и у большей части недоставало зарядов. Не было дано ни одной полевой пушки для защищения ретраншементов, где горсть людей, с двумя или тремя пушками, могли бы задержать дней восемь целую армию. За минуту перед решением о сдаче Маршал Орденский предложил верные способы продлить осаду, представляя о скором прибытии английской эскадры, но Великий магистр отвергнул и сие предложение, коим мог спасти Орден, внимая только крикам мятежников, ускоривших гибель оногo...

Надлежит приметить, что в бесчестном договоре о сдаче Мальты французам говорится только об одних выгодах Великого магистра, а ничего не определено на пользу Ордена. Сие ясно доказывает, что Фердинанд Гомпеш и сообщники его продали Мальту, и одни они получили за то награду. В Совет, определивший сдачу острова, не были приглашены шестнадцать старейших членов полного Совета, такие как бальи Тинье, Томази, Гуржо, Ключьи, Тильет, Бельмонте, Порас, ла Тур Ст. Кентень, ла Тур дю Пень и другие, коих число составит более половины Совета и без коих нельзя было ни на что решиться. Зная, что сии честные Кавалеры с презрением отвергли бы бесчестный сей договор, которым так спешили, за лучшее почли предать их самих, нежели советоваться с ними.

Быв, равно чужды как слепого предубеждения, так и непростительного потворства, терпящего оные, Мы руководствовались в наших исследованиях сего происшествия единственно правилами чести и правоты, на что бы не имели ясных доказательств. Сама истина повсюду открывает нам Фердинанда Гомпеша виновным и уличенным в нерадивости, трусости и неверности...»

...В Санкт-Петербурге на Садовой улице за изящной решеткой стоит роскошный особняк. Великий Федерико Растрелли разместил свое детище в глубине двора — дабы городской шум не тревожил ушей сиятельных обитателей. Первым из них был канцлер Михаил Илларионович Воронцов, дальний родственник императрицы.

В центре дворца располагалась огромная въездная арка, позднее превращенная в крыльцо. По сторонам — колонны, поддерживающие балкон. На замковых камнях — львиные маски, а над всем этим великолепием — фронтоны, украшенные гербом владельца.

Когда над городом светит скупое северное солнце, на фасаде сгущаются тени, и фасад с его колоннами, решетками, скульптурой кажется объемным. Увы, богатое внутреннее убранство не сохранилось — лишь в свидетельствах современников мы читаем о пышной лепке, изящной резьбе, плафонах работы Тьеполо. Говорят, строительство дворца едва не разорило графа. И в 1763 году он продал в казну свой дворец, получив за него от Екатерины II немалую сумму.

1798 год стал годом второго рождения Воронцовского дворца. Павел I подарил его российской ветви Мальтийского ордена — и с той поры желтый особняк близ Невского проспекта стали называть «замком мальтийских рыцарей». Над решетчатыми воротами укрепили орденский герб: на красном фоне белый восьмиконечный мальтийский крест. По велению императора на территории усадьбы соорудили два храма: православную церковь и католическую капеллу. Специалисты в один голос утверждают, что капелла — одна из лучших работ Джакомо Кваренги. Кажется, будто архитектор испытывал к этому

своему творению какую-то особенную нежность. Мягкие линии, округлые профили, тонкая лепнина, игра желто-синего мрамора — капелла и сейчас прекрасна. Увы, осененное бархатом и золотым шитьем место Великого магистра не сохранилось... Но сейчас здесь по особенным дням играет орган... К слову сказать, знатоки не зря называют Петербург «органной Атлантидой» — еще в начале XX века только в городе было пятьдесят органов, и еще столько же — в его царственных пригородах. Этот «католический» вид музыкального искусства прижился в России благодаря мальтийским рыцарям...

В самом же дворце в правление Александра I расположился Пажеский корпус. Его воспитанниками были Евгений Баратынский и Павел Пестель. Окончили его Александр и Григорий Пушкины — сыновья поэта. Как и все прочие, поступая в корпус, они получили Евангелие и Заветы Мальтийских рыцарей:

«Ты будешь верить всему тому, чему учит церковь, ты будешь охранять ее;

Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником;

Ты будешь любить страну, в которой родился;

Ты не отступишь перед врагом;

Ты не будешь лгать и останешься верным данному слову;

Ты будешь щедр и всем благотворить;

Ты везде и всюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла...»

Но воротимся, однако, к Павлу. Выпустив манифест, император погрузился в раздумья. Две недели потребовались ему, чтобы принять окончательное решение. Как русский Император, он прекрасно понимал, что, взяв Орден под свое крыло, он бросает вызов набирающему силу Наполеону. Но, как истинный рыцарь, он просто не мог оставаться в стороне от творящейся несправедливости — тем более что за ним следили все европейские Дворы, коим одно только имя дерзкого корсиканца внушало страх. Вскоре после того, как Бонапарт бескровно овладел островом, в одном из залов «замка мальтийских рыцарей» прошло высокое собрание. Декларация, подписанная императором: «...Мы приглашаем все языки и великие приорства священного Ордена святого Иоанна Иерусалимского и каждого его отдельного члена присоединиться к нашему решению с целью сохранения этого достойного похвалы братства и восстановления его во всем прежнем блеске...» — вызвала у присутствующих бурю восторга. А граф Литта потребовал, чтобы главою ордена взамен предателя Гомпеша был избран российский государь. Предложение направить к Его Величеству депутацию было принято единогласно.

Постановили: «Мы, бальи, рыцари Большого креста, командоры, рыцари великого приорства российского и другие члены Иерусалимского Ордена Святого Иоанна, собравшись в Санкт-Петербурге, столице и резиденции нашего Ордена, как от нашего имени, так и от имени других языков и великих приорств в общем и от каждого из его членов, в частности, тех, кто присоединится к ним в крепкой приверженности к Ордену, провозглашаем Его Императорское Величество императора и самодержца Всероссийского Павла I великим магистром Иерусалимского Ордена Святого Иоанна...» Прямо из

Воронцовского дворца Литта отправился в Гатчину, где Павел, не раздумывая ни минуты, подписал акт «О поступлении острова Мальты под защиту России». Тут же он потребовал к себе президента Академии наук барона Николаи — и повелел в издаваемом Академией календаре обозначить остров Мальту как «Губернию Российской Империи». Дойди эта карта до наших дней, нам не нужно было бы, отправляясь в почти сказочное путешествие по следам мальтийских рыцарей, собирать несчетное количество документов для открытия визы. Впрочем, куда бы тогда наши дети ездили учиться английский?..

Та к или иначе, Мальте не суждено было стать российской губернией. Хотя то, что творилось в Петербурге 29 ноября 1798 года, казалось, вполне могло стать началом такого объединения. Беллетрист (и, по-совместительству, тюремный надсмотрщик) Евгений Карнович, знаменитый своими опусами о графе Калиостро и рыцарях-мальтийцах, красочно описал церемонию. Его рассказ читался в нескольких номерах «Отечественных записок» за 1877 год словно захватывающий современный сериал. Да и проходило все вполне по законам жанра. С утра на всей протяженности от «замка мальтийских рыцарей» до Зимнего дворца в две шеренги построились гвардейские полки. Около полудня из ворот выехала череда карет в сопровождении взвода кавалергардов. Процессия двинулась на Дворцовую площадь, куда уже съехались высокие гости, вынужденные «со скрежетом зубовным наблюдать за святотатствами русского царя».

А вот что записал в дневнике сразу после торжества глава всех католических церквей Российской губернии Станислав Сестренцевич.

«29 ноября. Мы вошли в Георгиевский зал, где Их Величества восседали уже на троне. Государь в Императорской мантии, но без короны. Императрица тоже без короны.

Кн. Безбородко, как байли Ордена, в черной мантии, принес корону, а другие — кинжал веры, печать, оружие, статут...

Были принесены также русский и мальтийский штандарты. Кавалеры в красных бархатных воротниках, с белыми крестами, предшествовали попарно. Дальше шли все те, которые имели большой крест Мальтийского ордена, в черных мантиях, мы же, три епископа, в белом коротком одеянии, застегнутом на все пуговицы, и мантиях, нунций и я с большими полотняными крестами на мантиях.

Монсиньор граф де Берни, архиепископ д'Альби, пожалован кавалером.

Шествие завершал граф де Литта, как наместник Ордена. Когда мы пришли в зал, он произнес речь, в которой заявил, что как Карл V поддержал Орден, изгнанный из Родоса, пожаловав ему остров Мальту, так и наш Император принимает милостиво рассеянных членов Ордена в стенах своей столицы.

Граф провозгласил Императора Магистром Ордена, читая постановление Капитула на французском языке.

От имени Императора ответил вице-канцлер Кочубей, что Государь принял Орден под свое покровительство и будет защищать собственность отдельных лиц, привилегии, честь, религию и уставы Ордена».

Князь Куракин и граф Кутайсов окутали плечи императора черной мантией. Бархатная, подбитая горностаем, она струилась и переливалась, подобно ночному небу над далеким южным островом. Папский нунций Лоренцо Литта, преклонив колена, поднес Павлу

корону магистра, а затем протянул меч с золотой рукоятью — «кинжал веры». Пройдет несколько лет, и Александр I, унаследовавший от отца трон, но не венец магистра, отправит реликвии новому главе ордена Томмази. 21 августа они будут доставлены в Мессину уже знакомым нам кавалером Рачинским. Сейчас, вместе с большой орденской печатью, они выставлены в Мальтийском дворце в Риме. Там же висит и портрет Павла, подаренный Николаем II великому магистру Гогенштейну за девять лет до Октябрьского переворота...

Ежели вы бывали в «вечном городе», то могли видеть эти бесценные экспонаты. Ну, а если отправиться на виа Кондотти, 68, вы пока не планируете — смело покупайте билет в Москву. Корону великого магистра, принадлежавшую Павлу I, вы найдете и там — в Оружейной палате Московского кремля. Споры о том, какая из двух корон — итальянская или русская — является настоящей, не утихают уже много лет. В свое время весомое слово «за наших» замолвил бывший главный хранитель Павловского дворца-музея А. М. Кучумов. До начала 60-х годов прошлого века корона экспонировалась в Павловске, и Кучумову приходилось много раз держать ее в руках. И что же? Тафтяная подкладка короны была засалена и слабо пахла потом — неопровержимое доказательство того, что ее носили!

Разумеется, Павел станет носить золотой венец магистра. Принимая его, он был взволнован столь сильно, что на его глазах даже показались слезы. Вынув из ножен меч, император осенил, нарисовав в воздухе фигуру, наподобие мальтийского креста. Этим он давал присягу на верность орденским статутам. В тот же миг все рыцари, обнажив мечи, потрясли ими в воздухе: пусть трепещут враги Ордена! Мальтийский восьмиконечник навеки слит с двуглавым орлом Российской империи. Вместе они — грозная сила, тягаться с которой не может никто из смертных. Отныне к императорскому титулу должно будет прибавлять: «и Великий Магистр Ордена Св. Иоанна Иерусалимского». Указ об этом подписал сам Павел: «Прокламациею, учиненною пред Нами ноября в 29-й день, Мы, приняв на Себя титул Великого магистра издревле столь знаменитого и почтения достойного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, высочайше повелеваем Сенату Нашему включить оный в императорский титул Наш, предоставляя Синоду поместить оный по его благоусмотрению...»

Петербург был объявлен штаб-квартирой Мальтийского ордена, рыцари всех «языков» приглашались в Россию. Барон Гомпеш пытался протестовать — да зря. Император Священной Римской Империи Франц II, поздравив Павла с инаугурацией, приказал конфисковать у Гомпеша священные реликвии Ордена, которые тот прихватил, убегая от Бонапарта, и передать их новому законному Магистру. А 3 августа 1799 года в Петергофе Павел I принял депутатов Великого Приорства Богемского и Австрийского. Генерал-поручик граф Коловрат и генерал-майор Австрийской службы граф Жюльен привезли акт отречения Гомпеша, а вместе с ним — десницу Иоанна Крестителя, чудотворную икону Божией Матери Филермо и часть древа животворящего Креста. К официальной церемонии их передачи Павел приурочил свадьбы своих дочерей — Елены и Александры. Мальтийскими святынями он, облачившись в полное одеяние Великого магистра, благословит их на долгую счастливую жизнь... Реликвии будут достоянием царской семьи до 1919 года. Затем русские офицеры вывезут их за границу. Лишь в 1993-м они будут случайно обнаружены в Цетинском монастыре в Черногории.

А пока Павел принимает поздравительные письма. Одно из них пришло от Людовика XVIII, жившего в Миттаве. Он попросил у «нашего очень дорогого брата» орденский крест, а своего племянника Дюка де Берри умолял назначить Великим Приором

Французским. Откликнулась и Османская Империя — Сулейман III объявил, что отныне Кавалеры Ордена будут признаваемы за друзей Порты.

Папа Пий VI тоже поздравил дважды венценосного императора. Он нарек его «другом человечества» и, «исполненный чувства признательности и преданности», приказал молиться за него. Впрочем, эти слова так и не были преданы бумаге, дабы не тревожить чувств правоверных католиков. Двусмысленный статус российского приорства вообще был весьма тонкой материей. Постичь степень радикальности этого шага можно, лишь заглянув в историю Великой схизмы 1054 года, расколовшей христианский мир на католический и православный. Именно тогда, как пишут историки, состоялся «обмен проклятиями» между Константинополем и Римом, между Вселенским патриархом и Папой. Преодолеть эту пропасть церковники так и не смогли — для Павла же это оказалось вполне просто.

В 1800 году в Санкт-Петербурге вышло напечатанное в императорской типографии «Уложение священного воинского Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, вновь сочиненное по повелению священного генерального капитула, собранного в 1776 году, под началом его преимущественного высочества великого магистра брата Емануила де-Рогана. В Мальте 1782 года напечатанное, ныне же по высочайшему его императорского величества Павла Петровича повелению с языков итальянского, латинского и французского на российский переведенное». Римско-католический дух этого творения, подкрепленный призывом к главе ордена — «...буди в обладателях царств болий, яко же Иоанн Креститель, защитник сего Ордена. Крестом Предтечи побеждай, сокрушай, низлагай, поражай всех супостатов, измождай плоти их, да дух спасется и буди им страшен паче всех царей земных!» — вызвал тревогу среди русского духовенства. Переводчики, правда, попытались смягчить этот эффект, переводя слово «католический» как «кафолический» — бледный намек на византийскую церковь. Но вышло это весьма неуклюже и лишь усугубило нелепость ситуации.

Но государю-гроссмейстеру до подобных пересудов было не много дела. Он издает указы, выделяет пенсии кавалерам, оказавшимся без средств, назначает новых командоров. Сразу же после торжества граф Литта был пожалован лейтенантом (помощником) Великого магистра. Был объявлен и состав нового капитула Ордена. Кроме нескольких французских рыцарей, находившихся в Петербурге, в него вошли великий князь Александр, дворяне Головкин, Юсупов, Трубецкой, Долгорукий, Игнатъев, Демидов, Нарышкин и польские рыцари Радзивилл, Любомирский, Сапега, Платер, Борщ. Главой канцелярии и казначеем Ордена, по рекомендации Джулио Литты, были назначены французы ля Гуссе и де Ветри. Его брат Лоренцо сохранил за собой прежний пост с орденским жалованием в 36 000 флоринов.

Генерал-прокурор объявил Сенату именной указ «О новом Российском гербе». Сам Николай Иванович Уткин — искуснейший русский гравёр — работал над его изображением в Академии художеств. Гравированные листы рассылались для ознакомления в губернии. И было чему подивиться: цепь с орденом Святого Андрея Первозванного отсутствовала напрочь, щит с изображением Святого Георгия был подвешен на андреевской ленте — и наложен на мальтийский крест под короной Великого магистра...

Появился и новый манифест: «Орден Св. Иоанна Иерусалимского от самого своего начала благоразумными и достохвальными своими учреждениями споспешествовал как общей всего христианства пользе, так и частной таковой же каждого государства. Мы всегда отдавали справедливость заслугам сего знаменитого Ордена, доказав особое Наше к

нему благоволение по восшествии Нашем на Наш императорский престол, установив великое приорство российское... В новом качестве Великого магистра того Ордена, которое Мы восприняли на Себя, по желанию добронамеренных членов его, обращая внимание на все те средства, кои восстановление блистательного состояния сего Ордена и возвращение собственности его, неправильно отторгнутой, и вяще обеспечить могут и, желая с одной стороны явить пред целым светом новый довод Нашего уважения и привязанности к столь древнему и почтительному учреждению, с другой же — чтоб и Наши верноподданные, благородное дворянство российское, коих предков и самих их верность престолу монаршему, храбрость и заслуги доказывают целостность державы, расширение пределов империи и низложение многих и сильных супостатов отечества не в одном веке в действо произведенное — участвовали в почестях, преимуществах и отличиях, сему ордену принадлежащих, и тем был бы открыт для них новый способ к поощрению честолюбия на распространение подвигов их отечеству полезных и Нам угодных, признали Мы за благо установить и чрез сие императорскою Нашей властью устанавливаем новое заведение ордена святого Иоанна Иерусалимского в пользу благородного дворянства империи всероссийской».

На Мальте еще хозяйничали французы — но Павел уже считал ее своей. Он даже назначил туда русского коменданта с тремя тысячами солдат «мальтийского гарнизона» (впрочем, увидеть белые стены Валетты им так и не будет суждено). Зато гвардейцы ордена — почти две сотни человек — поселились в Зимнем дворце. Одетые в красные мундиры, гиганты занимали его внутренние казармы, а один из них повсюду следовал за императором, оберегая его от врагов. Несчетное количество голливудских фильмов снято о муках телохранителей, не сумевших защитить своих высокопоставленных боссов. Что ж — если вспомнить трагический конец императора Павла, его мальтиец вполне мог бы претендовать на то, чтобы стать прототипом одного из них.

Появилась у российских рыцарей и собственная загородная резиденция — Приоратский дворец. Его автором стал Николай Александрович Львов, личность во всех отношениях уникальная. Популяризатор народной музыки, тогда не слишком популярной, поэт, драматург, рисовальщик, он буквально горел страстью к всевозможным техническим новшествам. Вот и берясь за Приорат, он хотел доказать, что и крупные архитектурные сооружения можно создавать по так называемой технологии землебита, доселе в России почти неизвестной. Ее преимуществами были дешевизна и простота, ибо строительный материал — суглинок — был прямо под ногами. Землю засыпали в опалубку, прессовали и, дождавшись, когда она засохнет, добавляли следующий слой.

Описание этой технологии было опубликовано в 1790 году в Париже французским архитектором Франсуа Куантеро — и вскоре Львов опробовал землебит у себя в тверском имении Никольское. Дочь архитектора вспоминала, что император, «разговаривая однажды с Львовым о том, что он заметил в чужих краях, узнал, что он многие постройки сделал у себя в деревне из земли, составленной из малой части известки и песку.

— Я хочу, — сказал государь, — чтобы ты мне построил здесь, в Гатчине, угол избы с фундаментом и крышкою.

Н. А. Львов тогда же выписал двух наших мужиков, Емельяна и Андрея, в Гатчину; стали они работать в саду, куда и государь Павел, и великий князь Александр Павлович с прекрасною его супругою Елизаветою Алексеевною приходили всякий день смотреть их успехи; когда часть стены уже была выведена, Елизавета Алексеевна однажды пришла и острым концом своего парасоля (зонт от солнца) стала стену сверлить; но видя, что едва

со всюю силою могла сделать в стене маленькую ямочку, обернулась к Н. А. Львову, сказала ему:

— Я не ожидала, мсье Львов, что ваша земляная стена может быть также и твердой...

Государь, увидев оконченный угол в саду гатчинском, сказал Н. А. Львову, чтобы он выбрал в Гатчине, где хочет, место и построил бы ему Приорат.

Н. А. Львов отличный был в тогдашнее время архитектор; он нарисовал план Приората, который был государем утвержден; но, несмотря на повеление его дать место Львову для построения Приората, Петр Хрисанфович Обольянинов, который тогда был первое лицо при государе, за разными причинами в отводе места Н. А. Львову отказывал; наконец, эта комедия Львову надоела; он поручил Обольянинову выбрать самому место. Какое же место выбрал он? Вообразите — в котором собака вязла. Н. А. Львов, видя, что все это неудовольствие на него происходило от зависти, сказал Обольянинову:

— Я и тут построю Приорат, только государю стоять будет более ста тысяч рублей, потому что я должен осушить это болото.

— Ну, делай, как хочешь, — отвечал Обольянинов, и Н. А. Львов приступил к работе...»

Таково предание о создании Приората. Есть и другая легенда — о том, что от него к Большому Гатчинскому дворцу идет подземный ход. На самом деле речь идет о канале длиною в 34 метра, который архитектор устроил для отвода болотной сырости. Он блестяще справился со своей задачей. Там, где прежде был овраг с ручьем, вырос целый архитектурный комплекс, расположенный на насыпной террасе. Он напоминает старинный рыцарский монастырь: высокие четырехскатные крыши, башня со шпилем, готические окна. Как и предусматривает технология землебита, высота здания не превышает два этажа, а стены для большей устойчивости слегка расширяются книзу.

Но главная тайна Приората отнюдь не в тонкостях старинной инженерии. Абсолютно асимметричный, он смотрится совершенным — и тем самым производит странное завораживающее впечатление. Долгое время этому феномену не было толкования, и лишь недавно автор проекта реставрации Ирина Любарова попыталась его объяснить. Ключ к загадке она обнаружила в «автографе» Николая Львова, который он оставлял на фасадах всех своих творений: сочетание двух квадратных окон с полукруглым между ними. Их пропорции всегда одинаковы и содержат все элементы Золотого сечения, открытого еще великим Леонардо. Именно этот «код да Винчи» соединяет, казалось бы, несоединимые архитектурные детали в элегантную и торжественную гармонию.

Высочайший осмотр дворца состоялся 22 августа 1799 года. На следующий день вышел указ — «...находящийся в городе Гатчине на Черном озере Приорат со всеми принадлежащими к нему строениями всемилоостивейше» пожаловать Орденом Святого Иоанна Иерусалимского. 2 сентября Павел еще раз наезжает в Гатчину, а год спустя с сыновьями Александром и Константином останавливается во дворце на ночевку во время военных маневров. Между прочим, именно Приорат давным-давно стал символом города Гатчины — его гордый силуэт и сейчас можно увидеть на экскурсионных проспектах, плакатах и перетяжках через проспект, который в начале прошлого века носил имя Великого магистра...

Но день Святого Иоанна Крестителя, который праздновали начиная с 1798 года, отмечался все же не в Гатчине, а в летней резиденции в Павловске. В парадной анфиладе

Павловского дворца был заново отделан Кавалерский зал, предназначавшийся для рыцарских церемоний. В крепости Бип, что высилась в развилке рек Славянки и Тызвы, появилась католическая капелла Святого Иоанна.

Накануне 23 июня в Павловск из бриллиантовой комнаты Зимнего дворца доставлялись регалии Великого магистра. «На находящуюся перед дворцом площадь приехало несколько возов с дровами, хворостом и ельником, и из этих материалов рабочие стали складывать, по указанию одного из членов орденского капитула, большие костры, — читаем у Евгения Карновича. — Костры были вышиною аршина в два, а в длину и ширину имели полтора аршина. Поверх их были положены венки из цветов, а бока их были убраны гирляндами из ельника. Таких костров было приготовлено девять. В некотором от них расстоянии разбили палатку из полотна с черными, белыми и красными полосами. Около пяти часов вечера приведены были на дворцовую площадь гвардейские полки, которые и выстроились по трем сторонам площади.

В этом строю особенно бросались в глаза тогдашние гусары в так называвшихся «барсах». На плечах у гусаров вместо ментиков были накинuty барсовые шкуры головою вниз, подбитые красным сукном с серебряным галуном и такою же застежкой, состоявшею из круглого серебряного медальона с вензелем императора и сдерживавшею на груди гусара одну из лап барса с его хвостом. Гусарская сбруя была черная, отделанная серебряными бляхами. Несмотря на множество собравшихся здесь людей, на площади царила мертвая тишина в ожидании какого-то необыкновенного зрелища. Ровно в семь часов вечера все мальтийские кавалеры, прибывшие в Павловск, явились на площадь и, став попарно, вошли во дворец. Спустя несколько времени они в том же порядке стали выходить оттуда с главного подъезда, причем младшие кавалеры несли в руках зажженные факелы, а старшие несли их незажженными. В числе старших кавалеров были и духовные лица, и между ними первое место занимал архиепископ Амвросий, исправлявший при Великом магистре должность «призрителя бедных».

Торжественным и медленным шагом выступали на площадь мальтийские рыцари в беретах с перьями, в красных супервестах с накинутыми поверх их черными мантиями; такие же мантии, но без супервестов и беретов, были надеты и на духовных особах. В замке рыцарей в одежде Великого магистра с короною на голове шествовал император, держа в руках незажженный факел. Отступая на несколько шагов от него, шли его «оруженосцы», с одной стороны граф Иван Павлович Кутайсов, а с другой — князь Владимир Петрович Долгоруков, шеф кавалергардского корпуса, с обнаженным палахом. За этой процессиею показалась императрица с ее семейством в сопровождении многочисленной и блестящей свиты. Она вошла в приготовленную для нее на площади палатку, чтобы смотреть оттуда на долженствовавшую происходить церемонию. В глубоком молчании, с благоговейным выражением на лицах двигались по площади мальтийские кавалеры. Исполняя установившийся в Ордене Святого Иоанна Иерусалимского обычай — праздновать канун Иванова дня, они, идя по два в ряд, обошли все девять костров по три раза. Солдатики с удивлением посматривали на эту невиданную еще ими «экзерцицию». После троекратного обхода костров император, великий князь Александр Павлович и граф Салтыков зажгли у младших кавалеров свои факелы и потом начали зажигать ими разложенные на площади костры, или так называемые «жертвенники», причем им помогали младшие кавалеры, обступившие со всех сторон костры. От загоревшегося ельника поднялись клубы черного дыма, но, когда дым рассеялся, костры начали гореть ярким пламенем. Кавалеры стояли молча и неподвижно около костров, пока костры, обгорев, не стали разваливаться, и тогда они с тою же торжественностью и тем же порядком возвратились во дворец, где в залах, по которым они проходили, были расставлены кавалергарды.

Рано утром в самый день праздника император произвел парад войскам, собравшимся в Павловске, затем в дворцовой церкви отслужена была обедня».

Мальтийский орден пребывал в России недолго — но из петербургских зданий, помеченных при Павле рыцарской символикой, вполне можно было бы составить небольшой средневековый город. Иоаннитам была отдана церковь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове, где молодые кавалеры принимали присягу. Тут же находилось кладбище мальтийских рыцарей. Но самым известным памятником, связанным с историей Мальтийского ордена в России, был и остается Михайловский замок — последнее пристанище Великого магистра...

«Прадеду — правнук»... На мощенной камнем площади перед Михайловским замком стоит конный памятник Петру I. Голову императора венчает венок из лавра, по бокам постамента — барельефы, воспроизводящие сцены битв при Гангуте и Полтаве. Одна из фигурок в шляпке надраена до блеска. Это одна из новых городских традиций — прикоснувшись к ней, загадать желание. Барельеф расположен почти на уровне человеческого роста, и после осмотра памятника у меня заболели руки — столько желаний возникло у моей маленькой дочки, и столько раз мне пришлось ее поднимать к сияющему, как медный пятак, матросу. Александре Петр понравился — высокий, важный, осанистый, как римский патриций. А вот Павел ей, как и следовало ожидать, не глянулся. Маленький и курносый, нахохлившись, как воробей, он сидит во дворе замка, куда, кажется, никогда не попадает солнце... Его скульптурное изображение появилось здесь совсем недавно, уже после того, как многострадальный замок был наконец отреставрирован. Долгие годы он носил название Инженерного, и его многочисленные залы и комнаты были оккупированы сперва Николаевским инженерным училищем, а позже и вовсе всевозможными «конторами». По стечению обстоятельств, в одном из этих кабинетов я когда-то получала гонорар за свою первую книжку — сборник детских стихов...

Мы с Сашкой бродили по свежевыкрашенным анфиладам. Когда в позапрошлом веке в замок въехал Павел, тот и был таким — новеньким, «с иголочки». Он строил его четыре года, чтобы прожить здесь сорок дней — ровно столько, сколько требуется душе, чтобы отлететь на небо. Это была не просто резиденция — воплощенная мечта. Конечно, он и Зимний дворец повелел именовать замком, но этот был настоящим — средневековая крепость, рыцарская твердыня. Рвы, подъемные мосты, пушки, полубастионы — именно таким должен быть дворец Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Торжественные церемониалы кавалеров будут проходить под сенью восьмиконечного креста, который многократно повторяется в отделке фасада. Вот они поднимаются по широкой парадной лестнице, словно зажатой между стенами... Сдержанную величавость интерьера подчеркивает цветной камень — мрамор и гранит. Взгляд входящего невольно обращается к бронзовому гербу Российской империи, установленному на центральной стене. Исполненный в новом варианте — с белым крестом — он единственная орденская реликвия в замке, сохранившаяся до нашего времени...

Галерея мальтийских кавалеров, контраст красного и черного: ее стены были украшены большими полями «*brescia coralina de Genova* с инкрустациями черного мрамора из Порто-Венере». В торце — мраморные хоры для оркестра. В центре — глубокая ниша с камином, инкрустированным лазуритом и яшмой. Еще четыре ниши против окон облицованы «*gipolino antico*» — редким мрамором, напоминающим зеленое окаменелое дерево... Далее — Мальтийская тронная зала, купол которой поддерживали шестнадцать

атлантов. Увы, в этом царстве пурпура и серебра немногим довелось побывать при жизни Павла. Исключением стала аудиенция датскому министру, генерал-майору, графу Левендалю — а более никаких орденских церемоний в замке не проводилось.

Его кирпичные стены (сродни испанской терракоте) ярким пятном выделяются на фоне пастельно-сумеречного Петербурга. Красный — традиционный цвет Ордена. Правда, некоторые современники связывали его с именем фаворитки императора княгини Гагариной, чью лайковую перчатку он как-то подобрал на балу... Что же, преклонение перед Прекрасной Дамой — тоже черта истинного рыцаря.

«Мне кажется, что у меня шея свернута...»

В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» от 7 июля 2001 года была напечатана небольшая статья. «В начале минувшего апреля петербуржцы и гости города, пересекавшие Дворцовую площадь, могли наблюдать необычную картину. На верхней площадке Александровской колонны виделись фигурки людей. Это были верхолазы, обследовавшие бронзового ангела. Снизу верхолазы казались маленькими гномами и своими кукольными размерами подчеркивали монументальность памятника.

Этим летом исполняется 167 лет со дня открытия Александровской колонны. Автором ее проекта, как известно, был Огюст Рикар де Монферран. Изображений архитектора, дошедших до нашего времени, немного, и все они наперечет. Но вот в 1979 году А. Л. Ротач и О. А. Чеканова, авторы книги «Монферран», вышедшей в серии «Зодчие нашего города», впервые опубликовали новый портрет архитектора, запечатленного на фоне Александровской колонны.

Это изображение вызвало немало вопросов. Да и сами авторы первой публикации отметили, что «облик Монферрана здесь несколько отличается от известных его изображений». Впрочем, это их не насторожило — как не насторожило и обилие высоких наград, которыми усыпана грудь «Монферрана».

Даже на черно-белой репродукции видно, что неизвестный одет в парадный мундир камергера, расшитый золотом, поверх которого накинута мантия с белым мальтийским крестом на левом плече. Мантия является знаком одеяния кавалера ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Через правое плечо пропущена андреевская лента, а на груди изображена звезда высшего российского ордена — ордена Святого Андрея Первозванного. На шее висит крест ордена Святого Георгия III степени; есть и другие награды.

Имел ли эти титулы и ордена Огюст Монферран? Архитектор не был камергером, а как не состоящий на русской военной службе не мог быть и кавалером ордена Святого Георгия. Также Монферран не мог быть кавалером высших российских орденов, которые жаловали чинам первых трех классов, — а он к моменту открытия Александровской колонны имел лишь чин коллежского советника VI класса по Табели о рангах.

Но если не Монферран — то кто?

В Российском государственном историческом архиве хранится фотография с неоконченного портрета работы Карла Брюллова, на котором запечатлен граф Юлий Помпеевич Литта. Черты лица и форма головы идентичны неизвестному на нашем портрете.

Биография Юлия Помпеевича крайне любопытна. Он родился в знатной миланской семье, семнадцатилетним юношей был записан в рыцари Мальтийского ордена. Несколько лет командовал галерой и совершал плавания в Средиземном море, приобретая репутацию опытного и смелого моряка. В 1789 году по приглашению Екатерины II Литта приехал в Петербург. За «храбрость, распорядительность и решительность», проявленные в ходе русско-шведской войны 1788–1790 годов, он был награжден орденом Св. Георгия III степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

При Павле I Ю. П. Литта одно время состоял послом Мальтийского ордена при русском дворе. После принятия русского подданства император возвел его в графское достоинство, пожаловал ордена Св. Александра Невского и Св. Иоанна Иерусалимского... А в декабре 1825 года, будучи членом Государственного совета, Юлий Помпеевич поддержал притязания великого князя Николая Павловича на престол: «Вы одни можете нами повелевать...» После восшествия на трон Николай I пожаловал графу высшую российскую награду — орден Св. Андрея Первозванного, а также назначил старшим обер-камергером своего двора.

Итак, зафиксированные на портрете «Монферрана» ордена действительно принадлежали графу Литте. Но почему же Юлий Помпеевич запечатлен художником на фоне Александровской колонны? Ответ на этот вопрос найти несложно. В 1831 году граф был назначен председателем «Комиссии о построении Исаакиевского собора», отвечавшей и за установку колонны...»

Если появление портрета графа на Александрийском столпе вполне объяснимо, то странная развязка, последовавшая за его небывалым взлетом в России, ставит в тупик. Пожалуй, никто не имел такого влияния на государя, как этот бывший миланский аристократ. Ничтоже сумняшеся, он добился титула российского графа; а после женитьбы на графине Скавронской, которая, по словам современников, была «прекрасна собою» и имела «добрую душу и чувствительное сердце», перед ним распахнулись двери всех домов блистательного Петербурга. Позаботился Литта и о своих близких. Французские рыцари, его друзья, были назначены на высокие посты: де ла Хусайе — начальника канцелярии ордена, а де Витри — директора пенсией палаты госпитальеров. Да и родной брат Юлия Помпеевича, папский нунций Лоренцо (или попросту Лаврентий), получил свою, не вполне понятную, но весьма доходную должность не без его участия.

Как ни странно, именно Лаврентий (поистине роковое имя для российской истории!) невольно оказался причиной политического краха своего брата. К такому выводу пришел Владимир Александрович Захаров — историк и литературовед, старший научный сотрудник МГИМО, автор более тридцати работ по истории госпитальеров, бывший сотрудник Посольства Суверенного Мальтийского ордена в Российской Федерации и, «до кучи», один из старейших участников Российского монархического движения.

В руки ученого случайно попали три письма, полученных Лоренцо Литтой в Петербурге. Первая записка, написанная на латыни от имени Папы, но без его личной подписи, была вполне невинной. Простая благодарность императору за то, что предоставил архиепископу Станиставу Сестренцевичу право носить кардинальское облачение.

Вторая, датированная 20 января 1799 года, тоже написана от имени Пия VI — и на ней тоже нет его подписи. Записка была направлена из некоего монастыря под Флоренцией. Озаглавлена она весьма таинственно — «Pro Memoria», и часть ее текста зашифрована. Впрочем, ученым удалось разобраться, что это не что иное, как советы нунциу Лаврентию об особой осторожности, которую следует применять в разговорах с Павлом I об Ордене.

Несмотря на то, что в обоих документах отсутствует подпись Его Святейшества (а также его печать), ученые никогда не сомневались — обе записки составлены лично Папой. Но стал ли писать их человек, который к этому моменту был настолько болен, что даже не вставал с постели? Владимир Захаров убежден: документы — дело рук архиепископа Одескальчи, флорентийского нунция, который неотлучно находился подле умирающего понтифика. Он никогда не был замечен в особых симпатиях к российскому приорству и абсолютно не одобрял решения о «снятии» Гомпеша: «Следовало не только полностью доказать предъявленные Великому Магистру обвинения, но также, прежде чем приступать к лишению его сана, необходимо было предъявить значительное количество доказательств его вины, а также иметь зрелость суждений и, кроме всего прочего, надо было получить согласие представителей всех «лангов». Та поспешность, с которой Российское Великое Приорство приступило к действию, которое могло совершаться исключительно по решению Апостольского Престола, не могла не удивить Его Святейшество... Следует отметить, что благородная решимость постоять за честь и достоинство Ордена вселила слишком большое усердие в души рыцарей, составляющих Российское Великое Приорство, и они, не удовлетворившись смещением настоящего Великого магистра и не дождавшись ответа Его Святейшества, провозгласили нового Великого магистра.

Подобное быстрое развитие событий не могло не опечалить душу Его Святейшества. Он убежден, что Его Величество Император Всероссийский, оказывая свое высочайшее покровительство Иерусалимскому Ордену и удовлетворяя просьбу рыцарей, составляющих Российское Великое Приорство, не имел в своих чистых помыслах ничего, кроме намерений защитить их права, подтвердить их полномочия и возродить былую мощь Ордена.

С другой стороны, Его Святейшество не может забыть о правах, принадлежащих Апостольскому Престолу на монашеские ордена, правах, возлагающих на него ответственность перед всем миром и в том числе перед членами Ордена, перед правителями государств, в которых находятся его члены, — ответственность за любое действие, ущемляющее права Святого Престола, или противное Уставу самого Ордена. Итак, будучи не в состоянии одобрить или, по меньшей мере, обойти молчанием все действия, совершаемые Российским Великим Приорством, Его Святейшество вынужден напомнить членам, его составляющим, о необходимости их подчинения Святому Престолу, от которого они зависят, согласно Уставу, а также настоятельно им указать, насколько они уклонились от Устава Ордена, как в случае с провозглашением Великим Магистром Его Императорского Величества... Они не должны также забывать о декрете Григория XIII от 1589 года, по которому было установлено, что впредь только Святому Престолу будет принадлежать право решать судьбу Великого магистра Ордена, сколь бы тяжелы ни были его поступки, и что по этому поводу не может быть никакой обиды... Исходя из этих соображений, Его Святейшество должен был бы передать священную истину своему высокому окружению, если бы он санкционировал акции, предпринятые недавно Великим Приорством Российским».

Была и третья записка, датированная 16 марта 1799 года. Ее флорентийский нунций тоже отправил Лоренцо Литте, якобы по указанию Папы: «В довершение к тому, что Великий магистр Гомпеш незаконно был низвергнут из сана, новым Великим магистром Ордена был провозглашен Российский Император... Апостолические постановления оставляют за Святым Престолом исключительное право судить о личности Великого магистра, равно как и определять статус Ордена, в котором устанавливаются точные и неизменные

правила, касающиеся избрания предстоятелей Ордена, изменить которые может только Папа».

Историк убежден — папа не имел ровным счетом никакого отношения к этому документу. Как, впрочем, и к двум предыдущим — водоворот интриг, закрутившихся вокруг русского императора, был вполне способен исторгнуть из недр своих провокацию и не такого масштаба. Но в России не стали подвергать «папские» послания экспертизе. Содержание пакета стало известно канцлеру Безбородко намного раньше, чем он попал к адресату. Есть сведения, что пакет вскрыли еще в Вене, — во всяком случае, в Петербург он попал с надломанной печатью. Скорее всего, о содержании бумаг здесь уже знали.

Тридцатипятилетний граф Федор Васильевич Ростопчин, директор коллегии иностранных дел и великий канцлер Мальтийского ордена не замедлил доложить обо всем Павлу. Рассказ изобилует зловещными подробностями — мол, братья Литта злоупотребляли интересами Ордена, использовали его в корыстных целях, возводили препоны на пути к утверждению католичества в России... Император впал в ярость. 18 апреля 1799 года Лоренцо Литта лишается должности главного капеллана, а еще через двадцать дней его высылают из России. В тот же день, 9 мая, Павел I подписал указ, по которому все решения католической церкви в России могут приниматься «...без всякого постороннего влияния папских булл и посланий, кои, тем менее, считаем Мы нужными, что самая власть, от коей они проистекают, по настоящему положению обстоятельств, пребывает в не действии». 19 мая нунциатура была ликвидирована.

Лишенному звания Джулио Литте также было предписано покинуть столицу. Вместо него лейтенантом Великого магистра назначили графа Салтыкова, а великим канцлером Ордена — Ростопчина. Ставленник последнего, Сестренцевич стал великим капелланом Державного Ордена вместо Лоренцо Литты. Современники отмечают, что митрополит успел-таки у отъезжающего нунция купить роскошное епископское облачение, в котором и стал служить в Приоратском храме Святого Иоанна Иерусалимского...

...В начале марта 1801 года граф Федор Ростопчин получил от Павла депешу: «Вы мне нужны. Приезжайте немедленно. Павел». Ростопчин, не медля, отправился в путь, но застал государя уже мертвым...

Михаил Илларионович Кутузов, будущий командующий русской армией во время Отечественной войны 1812 года, рассказывал графу Ланжерону: «Мы сидели 11 марта вечером за ужином у Императора. Нас было двадцать человек за столом. Он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, придворной фрейлиной. После ужина он беседовал со мной. Посмотрев в зеркало, которое неверно показывало, он, смеясь, сказал: „Удивительное зеркало, когда я смотрюсь в него, мне кажется, что у меня шея свернута...“»

Ланжерон отразил эту историю в своих записках. Быль это или небыль, в общем-то, неважно. То же ночью Павел был убит группой заговорщиков — в том самом замке, который был задуман им как неприступный бастион. Комической гримасой судьбы стало участие в заговоре многих кавалеров Мальтийского ордена.

После смерти императора российский Орден иоаннитов стал не более чем бутафорией. Александр I, видимо, вдоволь наигравшийся «в рыцарей» в детстве, решил освободиться от двусмысленного альянса сана Великого магистра с титулом русского государя. Уже на четвертый день после коронации сын Павла I, всю жизнь смертельно боявшийся отца и им же посвященный в рыцари, объявил, что «в знак доброжелательства и особого благоволения» принимает госпитальеров под свое покровительство, но отказывается быть

их главой: «первый подвиг Нашего покровительства будет содействие к избранию нового Великого магистра, достойного предводительствовать Орденом и восстановить оный в древнее его состояние».

Мальтийский крест исчез из российского герба. А в 1817-м было высочайше объявлено, что «после смерти командоров Ордена Св. Иоанна Иерусалимского наследники их не наследуют звания командоров ордена и не носят знаков Ордена, по тому уважению, что Орден в Российской Империи более не существует». Победивший самого Бонапарта император не предпринимал никаких шагов, чтобы вернуть Мальту (на которой с 1800 года хозяйничали англичане) иоаннитам. Они вновь превратились в странствующих рыцарей, скитающихся по европейским дворам...

Что же касается Великого магистра — на этот пост оба Великие Российские Приорства выдвинули четырех кандидатов. Свой выбор новый папа Пий VII остановил на никому не известном итальянском командоре Фра Томмази. Капитул Ордена, который собрался уже не в Санкт-Петербурге, а в Мессине, признал этот акт законным и постановил отправить Томмази священные регалии и архивы Ордена.

А рыцарские увлечения Павла так и остались в истории: для кого-то сюжетом шуток и анекдотов, для кого-то — поводом для восхищения гениальностью реформатора, недопонятого своей эпохой. Даже его сын — Николай I, сделавшись Императором, никак не мог взять в толк, почему его отец, будучи православным Государем, был провозглашен Гроссмейстером католического Ордена. Известный русский дипломат, барон Филипп Иванович Брюннов, объяснял ему, что «новый Великий магистр смотрел на это учреждение как на послушничество, в котором дворянство всех европейских государств должно было почерпнуть чувства чести и верности, необходимые для того, чтобы противиться воцарению идеи равенства, которое уже готово было охватить все слои общества».

Разумеется, Павел опасался свободомыслия. Хорошо понимал он и стратегическую значимость острова Мальта. Те м не менее, вряд ли это объяснение можно считать единственно верным. Ибо главным советчиком Павла была-таки христианская совесть. Он оказался единственным, кто протянул руку помощи тонущему католическому Ордену. Это была рука православного — но можно ли обвинять за это ее владельца? И стоит ли?

Вот что написал старейший историк Мальтийского ордена граф Мишель де Пьерредон: «Мы должны от всего сердца воздать дань той роли, какую сыграл Император в то время, когда он держал под контролем большую часть Ордена, не открыв кредита для его памяти, которая имеет точное определение. И хотя его избрание произошло не по всем правилам, статутам и законам Ордена, оно было безоговорочно признано. С позиций самого Ордена, следует сказать по правде, что, после падения Мальты, Орден нашел пристанище в Санкт-Петербурге с уцелевшими членами Ордена и, вне всякого сомнения, благодаря этому Орден избежал полного уничтожения. И за это Орден обязан ему благодарностью».

Ну а новые следы пребывания в России Ордена Святого Иоанна Иерусалимского обнаруживаются до сих пор. Не так давно литературовед Михаил Сафонов обнаружил новую версию причин дуэли Александра Сергеевича Пушкина. Разгадку исследователь обнаружил в печально известном пасквиле, который был отправлен поэту незадолго до гибели. Переводя текст, написанный на французском, ученый обнаружил, что его автор, несомненно, был человеком русским, поскольку сочинял по русским калькам. Это исключило из круга подозреваемых в авторстве письма иностранца Геккерена — и отвело

подозрения в неверности от жены поэта, красавицы Натали. В трактовке Сафонова Пушкин назван не магистром ордена Рогоносцев, а магистром ордена неверных супругов — стало быть, сочинитель пасквиля имеет в виду ветренность самого поэта, а не его жены.

Но главное, что обнаружил ученый, — автор, подобно незабвенной Джоан Роулинг, неплохо знал терминологию мальтийцев. Что ж, разгадка этой тайны еще впереди.
«Теперь мы сами нуждаемся в бесплатной похлебке...»

Захват Мальты Наполеоном и ликвидация последнего оплота Ордена в России в который раз поставили госпитальеров перед необходимостью начинать все сначала. Но уже никогда знаменитое братство не сможет набрать былой мощи. С первых лет XIX века Орденом даже управляли Лейтенанты (не путать с младшим офицерским званием. — Е. М.). Римский папа Лео XIII восстановил титул Великого магистра, попутно возведя его в сан кардинала. Сменив несколько временных резиденций, Орден, наконец, тоже обосновался в Вечном городе. Дворец Великих магистров на Авентинском холме и резиденция на виа Кондотти, конечно, не прежние многочисленные и богатые командорства, но верна поговорка, что на безрыбье... Как-никак, это тоже собственность, или, выражаясь официальным «высоким штилем», экстерриториальные владения.

Однако и сам Мальтийский орден давно уже, слава богу, не военный. А знаменитый восьмиконечный Белый крест вполне сравним с Красным, потому что и тот, и другой сегодня относятся исключительно к вспомоществованию и благотворительности. И на этом, может быть, самом человечном поприще деяния Ордена отнюдь не менее масштабны, чем те, что творились с мечом в руке. Чего стоит только одно внедрение в практику передвижных поездов-госпиталей в Первую мировую войну, спасшее сотни тысяч жизней. Есть, конечно, сотни и более поздних, совсем свежих примеров.

Частые гуманитарные акции Орден Святого Иоанна Иерусалимского проводит в республике Сан-Томе и Принсипи. Может быть, тот факт, что все детские сады этого островного государства были обеспечены игрушками, стоит признать самым рыцарским на свете. А госпитальеры еще привозят нуждающимся детям одежду и обувь, передают школам учебники, тетради, рюкзаки, устраивают благотворительные обеды по поводам окончания учебного года и наступления рождества. Поддерживаются проекты детских программ на местном телевидении, выделяются стипендии для лучших студентов педагогического института, финансируются курсы оказания первой медицинской помощи и всевозможные кружки. На острове даже создана молодежная ассоциация Святого Иоанна, в которую входят более трехсот человек. Получают помощь и взрослые: продовольствие, одежду, медикаменты иоанниты передают в дома престарелых, больным, инвалидам и просто нуждающимся.

Если вы заглянете на официальный сайт Order of Malta (Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta), то найдете там немало сообщений о проводимых гуманитарных акциях в Судане, Конго, Шри Ланке и десятках других мест, где нужна их рыцарская помощь. Часто Орден действует совместно с Красным Крестом, Фондом Солидарности и многими другими организациями. Но в основном госпитальерская деятельность ведется через территориальные отделения, то есть через приораты, а также посредством Национальных ассоциаций и Службы помощи Мальтийского ордена.

Почти в ста странах современные госпитальеры имеют собственные больницы и поликлиники. Они содержат дома престарелых и инвалидов, Международный банк крови на Мальте, лепрозории (убежища для прокаженных) в странах Африки и Южной

Америки. Орденские центры сбора и распределения медикаментов, лечения и реабилитации диабета, школы медсестер, сиротские дома можно встретить на любом континенте.

Когда случается беда, сотни тонн гуманитарных грузов от Мальтийской службы помощи на всех видах транспорта тут же отправляются в «горячие точки». Неоднократно лекарства, продовольствие, одежда, медицинское оборудование поступали от госпитальеров и в российские города и селения. В середине девяностых годов прошлого столетия для оперативного содействия жертвам бедствий и катастроф была учреждена Чрезвычайная служба помощи Мальтийского ордена (ЕСОМ — Emergency Corps of the Order of Malta). И без ее мгновенного реагирования, пожалуй, не осталось ни одного свирепого урагана, разрушительного землетрясения или крупного наводнения... Эта международная организация Ордена, основанная на кооперации различных национальных служб помощи, в бедственных ситуациях действует оперативно, профессионально и эффективно.

Если где-либо на земном шаре произошла катастрофа, в течение первых же суток туда отправляется оценочная группа ЕСОМ. Как только от экспертов поступает в координационный штаб сигнал о возможных действиях, формируются группы быстрого развертывания. Врачи, медсестры, связисты, транспортники, «спецы» по материально-техническому обеспечению и т. п., экипированные всем необходимым снаряжением, не позднее чем за тридцать шесть часов должны быть готовы к вылету. Эти группы оказывают только первую помощь. На подготовку групп основной помощи дается сорок восемь часов. И тогда на месте катастрофы разворачиваются крупные лагеря, рассчитанные на тысячу человек каждый, с палатками, кухнями, установками для очистки воды, полевыми госпиталями. Такой лагерь способен автономно существовать в течение четырех недель. Тем временем готовится дальнейший, еще более основательный этап...

Есть географические названия, которые всегда будут звучать в человеческой памяти, как тревожный набат. Такое слово буквально прогремело 7 декабря 1988 года. Спитак — этот армянский город был полностью разрушен страшным землетрясением. Оно унесло жизни десятков тысяч людей. Одними из первых в те тяжелые дни в Армению прибыли отряды служб помощи суверенного Мальтийского ордена. А когда мир узнал о Чернобыле, этом синониме атомного страха — на Украину, в Белоруссию потекли от госпитальеров самые необходимые лекарства. Таиланд, Мьянма, Китай... Кажется, природа в последнее время сошла с ума, разрывая Землю катаклизмами. И повсюду в числе первых откликнувшихся на беду спасателей можно увидеть представителей самого маленького государства с большим отзывчивым сердцем.

Конечно, они не сидят в ожидании катастроф и в любой момент готовы прийти на помощь тем, кто в ней нуждается. Речь, безусловно, идет не о каждом отдельном человеке — такое просто невозможно, — а о нациях и народах, независимо от их вероисповеданий, цвета кожи или политической ориентации.

Моя младшая дочь, по счастью, не знает такого словосочетания — «продовольственные карточки», а вот старшая еще застала это тягостное зрелище — длинные часовые очереди к пустым прилавкам. Если заглянуть в архивы Службы помощи Мальтийского ордена, можно увидеть, что тогда делали госпитальеры для бывших советских граждан. Впрочем, и архивы не нужны — данные давно открыто опубликованы. Вот небольшая выдержка из раздела «Мальтийская помощь России» в детальнейшем труде А. Андреева, В. Захарова и И. Настенко «История Мальтийского ордена» (стиль и правописание сохранены):

«Мальтийская Служба Помощи Германии (MHD) в первый раз организовала зимой 1990/91 г. раздачу пакетов с гуманитарной помощью в Москве. В марте 1993 г. прибыл первый большой самостоятельный конвой с гуманитарной помощью (продукты питания, детское питание, лекарства, оборудование для больниц, предметы первой необходимости для больных, игрушки, одежда) от Службы Помощи Суверенного Мальтийского ордена. Добровольцы занимались раздачей этой гуманитарной помощи непосредственно нуждающимся в Москве.

В 1994 г. более 100 тонн груза с гуманитарной помощью на общую сумму более 1 000 000 немецких марок было доставлено и распределено в Москве почетными помощниками Мальтийской Службы Помощи города Аугсбурга (Германия). Мальтийская Служба Помощи Лихтенштейна пожертвовала продукты питания общей стоимостью около 100 000 немецких марок. Одна из Московских больниц получила 5 аппаратов для диализа с полагающимися к ним расходными материалами.

Французская Мальтийская Служба Помощи пожертвовала в 1994 г. лекарства и одежду общим весом более 24 тонн, а в 1995 г. — 41 тонну, которые были распределены между медицинскими и социальными учреждениями Москвы, Санкт-Петербурга, а также Орловской и Тульской областей. Только в марте 1995 г. немецкая Мальтийская Служба Помощи Аугсбурга доставила в Москву 200 тонн гуманитарного груза (продукты питания, детское питание, игрушки, витамины, перевязочный материал, обувь, одежду и средства оказания помощи инвалидам) и распределила его между 13 250 нуждающимися города Москвы. В октябре 1995 г. в Москве были распределены последующие 140 тонн гуманитарной помощи.

Всего в 1995 г. различные Мальтийские Службы Помощи Германии распределили в Российской Федерации гуманитарную помощь нуждающимся общим весом более 700 тонн. Мальтийская Служба Помощи из Бамберга и Вюрцбурга обслуживает в городе Санкт-Петербурге благотворительную столовую, которая ежедневно раздает нуждающимся более 550 бесплатных обедов. Там же открыт пункт раздачи одежды. Талоны на получение бесплатных обедов, а также на бесплатное получение одежды выдаются совместно с компетентным социальным ведомством Санкт-Петербурга.

Мальтийская Служба Помощи Оснабрюка организовала в Калининграде (Калининградской области) работу столовой по раздаче бесплатных супов, обслуживающей ежедневно более 150 нуждающихся. Мальтийская Служба Помощи Триера осуществляет в Смоленске через Смоленское отделение Русской Мальтийской Помощи помощь нуждающимся продуктами питания, лекарствами и одеждой.

В 1996 г. Мальтийская Служба Помощи доставила в Москву грузы с гуманитарной помощью общей стоимостью около 1 миллиона немецких марок, которая также была распределена среди нуждающихся через добровольцев. В первой половине 1997 г. различные Мальтийские Службы Помощи из Германии доставили и распределили в Российской Федерации 188 тонн грузов гуманитарной помощи на общую сумму около 776 000 немецких марок. В конце сентября 1997 г. в Москву прибыл очередной Мальтийский конвой с гуманитарной помощью из Аугсбурга (продукты питания, детское питание, одежда, средства для оказания помощи инвалидам) общим весом свыше 70 тонн на общую сумму 327 000 немецких марок.

В октябре 1997 г. в Санкт-Петербурге открылась вторая благотворительная столовая, в которой питаются ежедневно около 120 человек. В 1998 — начале 1999 гг. сотни тонн гуманитарных грузов пришли в Москву, в Смоленск и др. города России от Немецкой

Мальтийской помощи (MHD). С 1994 по 1999 гг. по 2–3 больших конвоя гуманитарных грузов в год привозит в Москву из Аугсбурга член Мальтийской Службы Помощи Ральф Линдермайер.

Мальтийские Службы Помощи оказывают поддержку ряду нуждающихся российских учреждений (Православному монастырю с сиротским приютом, домам инвалидов, детским домам, домам престарелых) в проведении отдельных благотворительных мероприятий...

...Нет возможности перечислить все акции Мальтийских служб помощи — это заняло бы не один десяток страниц этой книги. Оказывается помощь большому числу детских больниц, больниц скорой помощи Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

За сухим, на первый взгляд, перечнем цифр и фактов — сотни тысяч жизней и судеб наших соотечественников, разбросанных в различных регионах страны. В своё время наш соотечественник был Великим магистром Мальтийского ордена, а Россия несколько лет содержала Орден. Теперь мы сами нуждаемся в бесплатной похлебке...»

Кто из россиян, двадцатилетних и старше, не помнит этот стыд девяностых годов минувшего столетия. Он позорным пятном остался на совести нашего государства. Между тем, в России также создана Служба помощи суверенного Мальтийского ордена, которая активно участвовала в описанных выше событиях. В 1996 году она была официально зарегистрирована в министерстве юстиции как межрегиональная общественная благотворительная организация. Служба является официальным институтом Ордена госпитальеров и имеет свои отделения во многих регионах нашей страны...

Самое маленькое государство мира (правда, с точки зрения международного права, Мальтийский орден является «государствоподобным образованием», имеет статус наблюдателя при ООН и дипломатические отношения более чем с 80 странами. Россия восстановила их в 1992 году Указом президента РФ и осуществляет на уровне Чрезвычайных и Полномочных Послов (от лица нашего государства — Представитель Российской Федерации при Ватикане). К взаимодействию с этим «государствоподобным образованием» стремятся многие. Год назад подписать протокол об установлении дипломатических отношений с Орденом уполномочил своего посла в Итальянской республике президент Украины...

Любопытный факт. На Мальте, где Орден госпитальеров пережил свое самое цветущее время, большинство межнациональных браков местных мужчин заключается с русскими девушками. Говорят, что уже даже существует целое молодое поколение, говорящее на русском и мальтийском. Конечно, ни нынешние мальтийцы, ни, тем более, их интернациональные потомки к госпитальерам никакого отношения не имеют. Но незримый дух рыцарства, которым так гордятся местные жители, все же над островом витает. И те, кто дышит этим воздухом, возможно, впитывают в себя и крупинцы истории, которые могут обернуться духовным благородством. Кстати, остров не потерял для госпитальеров абсолютно. В конце прошлого века они получили на 99 лет в свое исключительное пользование (с предоставлением статуса экстерриториальности) столь дорогой им форт Сант-Анджело — бывшую резиденцию Великих магистров. Орден на Мальте стал представлять губернатор. Здесь созданы его Международная дипломатическая академия и Центр по оказанию помощи в Средиземноморье.

Еще один интересный факт. Если вам когда-нибудь удастся побывать на Авентине, одном из холмов, на котором построен Рим и где сегодня находится резиденция Мальтийского

ордена, посмотрите сквозь отверстие, которое специально проделано в воротах дворца. Оно появилось не просто так, а по проекту итальянского археолога и великолепного мастера архитектурных пейзажей Джованни Батиста Пиранези. Как утверждает «Википедия» — размещенная в Интернете «свободная энциклопедия», перед вами откроется невиданная картина — купол собора Святого Петра и сразу три государства: Мальта, которой принадлежит резиденция Ордена, Ватикан, к которому приписан знаменитый собор, и Италия, к которой относится все, что в промежутке. Мимо вы не пройдете и не перепутаете это отверстие с замочной скважиной — возле него всегда дежурят двое карабинеров.

Нельзя не сказать несколько слов о современном государственном устройстве этого не имеющего аналогов в мире «образования». Как информирует все та же всезнающая «Википедия», в настоящее время «Итальянская республика признает существование Мальтийского ордена на своей территории в качестве суверенного государства. Глава Ордена — Великий магистр (Grand Master) (с 2008 года — Мэтью Фестинг), глава исполнительной власти — Канцлер. Таким образом, Орден формально имеет территорию, над которой осуществляет собственную юрисдикцию, однако вопрос о фактическом статусе этой территории (собственная территория Ордена или территория дипломатического представительства, временно переданная под его нужды) является предметом для абстрактных юридических дискуссий. Фактически, Орден является крайне влиятельной структурой, и его политические позиции таковы, что вопрос об уточнении статуса его штаб-квартиры вряд ли встанет в ближайшее время...»

Добавлю к этому, что в основу современного герба Ордена положен герб России XVIII века. Видимо, законы кругооборота, порой, относятся не только к природе. Кстати, в древнем Риме холм Авентин заселяли совсем не аристократы, а наоборот — плебеи.

Его Высокопреосвященное Высочество, 59-летний фра Мэтью Фестинг избран 79-м Великим магистром и Князем Суверенного Военного Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родосского и Мальтийского совсем недавно — 11 марта 2008 года. Как сообщается в официально опубликованной биографии, он — потомок кавалера Мальтийского ордена блаженного Адриана Фортескью, замученного в 1539 году, сын сэра Фрэнсиса Фестинга, фельдмаршала и начальника имперского Генерального штаба Великобритании с 1958 по 1961 год. Образование получил в исторической школе бенедиктинцев в Йоркшире и в колледже Св. Иоанна в Кембридже. Проходил службу в гренадерских частях и имеет чин полковника резерва. В 1977 году становится членом Ордена. В 1993–2008 гг. — Великий приор Великобритании. Осуществлял руководство гуманитарными миссиями Ордена в Боснии, Сербии, Хорватии и Косово». Добавим только, что главой государства он будет оставаться пожизненно. И о том, какие еще благие дела совершит на своем пути, напишут уже другие...

В XXI век Мальтийский орден вступил состоящим из шести Великих приорств, расположенных в Италии (Рим, Венеция, Сицилия), Англии и Австрии. Еще один любопытный штрих — Богемское приорство в годы социализма в Чехословакии действовало там подпольно. И только после краха коммунистических режимов в Европе начало вести общественную работу открыто. Самая крупная национальная ассоциация госпитальеров — Французская. В нее входят не только кавалеры Ордена, но и более полумиллиона послушников. Самих же рыцарей в Ордене, как мы уже упоминали в начале книги, немногим более десяти тысяч.

Право на ношение Мальтийского креста госпитальеры признают еще за четырьмя Орденами, ведущими свое происхождение от «родительского» — Святого Иоанна

Иерусалимского и носящими его имя. Один из них — Орден Британской Короны — возглавляет Ее величество королева Елизавета II. Эти, между прочим не католические, организации объединены в «Союз Орденов Иоаннитов». Вместе с «прародителем» они учредили «Комитет по фальшивым орденам». Таковых немало на Мальте, да и не только на ней — вряд ли их кто-то пересчитывал. Православной ветви «отцы-основатели» не признают. Хотя, как вы помните, в России Павел I ввел два орденских «крыла» — католическое и православное.

...Как-то в Санкт-Петербурге в редакцию российской газеты «Аномалия» пришли представители одного Державного (соответствует обозначению «Суверенного») Ордена госпитальеров Святого Иоанна Крестителя православного толка. Принесли проспект с фотографиями и великолепными восьмиконечными крестами. Настоящий это Орден или нет — пусть разбираются заинтересованные лица. А «Молитва рыцаря», напечатанная в проспекте, подойдет, наверное, всем:

...Надо мною и тобою, над полями и лесами

Реет Дух Твой, и, сливаясь с небесами,

Радость ткет — и вечность с нами.

Бог-Дух, Сын и Свят Отец,

Ты ведешь своих овец.

Я молюсь, Тобою вдохновленный

Сын коленопреклоненный...

Тайна Ренн-ле-Шато (Орден тамплиеров и орден Христа)

Кюре Беранжер Соньер был молод и красив. Товарищи по семинарии не сомневались — ему-то точно суждена завидная карьера! Хорошее происхождение, блестящая учеба, незапятнанная репутация обеспечивали приход, если не в столице, то уж, конечно, там, где всю кипит жизнь, — в Марселе или в Лионе.

Слово «Лангедок» прозвучало как гром среди ясного неба. Богом забытый край у самых отрогов Пиренеев, знаменитый разве что своим виноградом, из которого изготавливали Корбьер — вино, весьма уважаемое примерными семинаристами. А уж когда все узнали, что паствой Сорньера станут жители деревушки Ренн-ле-Шато... Да в ней не больше двухсот домов! Но Беранжер объявил — он так решил. В конце концов, он же родился неподалеку — почему бы не отправиться туда, где похоронены его предки? Недоумение друзей разбилось о твердыню непреклонности юного кюре. И, проделав долгий путь, он въехал, наконец, на окраину Ренн-ле-Шато.

Стоял первый день первого летнего месяца 1885 года.

Первые шесть лет Беранжер вел обычную жизнь сельского священника. Вел службы, охотился, удил рыбу в узкой речушке, гулял, на практике изучая историю этих мест. Прошлое манило его, захватывало дух. И было от чего — неподалеку на холме Ле Безу раскинулись руины средневековой крепости, когда-то принадлежавшей тамплиерам. На другом возвышались полуистлевшие стены родового замка Бертрана де Бланшфора. Это он, четвертый великий магистр, превратил еще неокрепший Орден в могучую силу, при упоминании о которой трепетали монархи... Он же принес в дар тамплиерам свои земли. А сделав это, вызвал сюда немецких рабочих, которым поручил разрабатывать золотые шахты, расположенные по склонам горы. Работы велись в строжайшей тайне, общаться с местными жителями заезжим золотоискателям строжайше запрещалось. Откуда было знать полуграмотным пейзажам, что шахты эти опустошили еще римляне почти тысячу лет назад? Но Сорньер-то это узнал! Тогда что же рыли в горе? Подземный ход или кладовую?

...А вот полузаросшая дорога на Сантьяго-де-Компостеллу. По ней в древности передвигались паломники из Европы на север Пиренейского полуострова. По старинному преданию, в Сантьяго-де-Компостелла находилась гробница апостола Иакова — небесного покровителя испанских христиан... Этот путь тоже охраняли тамплиеры — в конце XIII века сюда был вызван небольшой отряд. Собственно, особой необходимости в них не было — по соседству было расквартировано вооруженное и обученное войско. Старики поговаривали, что и здесь не обошлось без блеска «презренного металла». Отряд тамплиеров то ли должен был откопать золото из шахт, то ли закопать его, то ли сторожить то, что уже было спрятано... Об их истинной миссии так никто никогда и ничего не узнал — но рыцари этого приорства были единственными, кто уцелел после разгрома ордена...

Обо всем этом размышлял пытливый кюре, взбираясь с посохом по узкой горной тропинке или любясь с обрыва далекой панорамой крошечной деревушки. Когда-то она была городом с населением в тридцать тысяч человек и — недолго — даже столицей вестготов. За полтора столетия до этого, в августе 410-го, войска вестготского короля Алариха I захватили Рим. Три дня и три ночи грабили победители город. Тогда-то, как утверждает историк Прокопий Кесарийский, Аларих и захватил «сокровища Соломона, царя иудеев, которые были украдены римлянами из Иерусалима». С тех пор сокровища не раз меняли владельцев, пока не попали, наконец, к тамплиерам...

Впрочем, несметные богатства таинственных рыцарей для самого Соньера были не более чем призраком. Ему вполне хватало скромного жалования — около ста пятидесяти франков в год. А если прибавить к этому приношения благодарных прихожан, то жизнь он вел вполне безбедную. И даже нанял себе экономку — восемнадцатилетнюю крестьянскую девушку Мари Денарно, ставшую со временем его верной спутницей.

...Солнце садилось за горы и вставало из-за леса по раз и навсегда заведенному распорядку. До тех пор, пока однажды утром священник не обратил внимание на то, что его храм, стоящий на вестготском фундаменте конца VI века, грозит просто-напросто обрушиться во время службы. Заняв немного денег в приходской кассе, Беранжер принялся за ремонт. Кое-как подперев кольями крышу, он сдвинул алтарную плиту и вдруг заметил, что одна из балок, на которых она покоилась, полая внутри. Соньер просунул внутрь руку — и на свет божий явились четыре опечатанных деревянных цилиндра...

Возбужденный кюре еле добежал до дома и дрожащими руками развернул древний пергамент. О, разочарование! Всего лишь отрывки из Нового Завета, написанные полатыни... Раздосадованный, он хотел было засунуть свиток обратно в цилиндр, но заметил, что на другой стороне слова располагаются без пробелов и в них вставлены лишние буквы. До боли в глазах вглядывался Беранжер Соньер в непонятный текст — и вдруг — о, чудо! Буквы, расположенные выше строк, слились в послание: A DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET II. EST LA MORT (Это сокровище принадлежит королю Дагоберту II и Сиону, и там оно погребено).

Священник немедля отправился в Париж, чтобы поведать о своей находке руководителям семинарии Сен-Сюльпис — аббату Бьелю и его племяннику Эмилю Оффе. Последний, несмотря на молодость, прекрасно разбирался в тайнописи и был вхож во многие масонские круги. О чем беседовал наш кюре с церковными иерархами, осталось тайной. Но только в Ренн-ле-Шато он вернулся другим человеком. Перво-наперво соорудил новую надгробную плиту на могиле маркизы Мари де Бланшфор — хотя прежний камень

был установлен самим аббатом Бигу, личным капелланом семьи Великого магистра! Поговаривают, что все дело в эпитафии, которая являла собой анаграмму странного послания, найденного Соньером. Может, он хотел уничтожить надпись, чтобы другие не проникли в его тайну?

Итак, в Ренн-ле-Шато появился новый священник. Этот пастырь был богат, как король. Стоит ли удивляться, что вскоре неподалеку от деревни появился новый замок, буквально напичканный редкими китайскими вещицами, дорогими тканями, античными мраморными статуями... Рядом благоухала оранжерея и кричали павлины в зоологическом саду. А для своей великолепной библиотеки Соньер задумал построить книгохранилище, подобное огромной средневековой башне, с высоты которой он собирался читать проповеди...

Разумеется, не была забыта и церковь, благодаря которой произошли эти события.

Храм Марии Магдалины был не просто отреставрирован. Он причудливым образом переменялся. Над входом была выбита анаграмма, которую ученые позже расшифруют так: «Катары, альбигойцы, тамплиеры — рыцари истинной церкви». Выше красовалась надпись: «TERRIBI EST LOGOS ISTE» («Место это ужасно»)... Оно и впрямь было ужасно. За порталом возвышалась статуя князя демонов Асмодея, стража скрытых сокровищ и — согласно иудейской легенде — строителя Храма Соломона. На стенах — аляповатые доски с изображением Крестного пути. Детали рисунков словно кричали: Священное Писание — ложь! Ребенок, наблюдающий за погребением Иисуса Христа, был завернут в шотландский клетчатый плед; на заднем плане сияла полная луна, хотя всем известно, что Сын Божий был внесен в пещеру при дневном свете... Что пытался сказать Соньер? Что положение во гроб состоялось не тогда, когда указывает Библия? Или что тело на картине не опускают в могилу, а вынимают из нее?

С той поры все церковные обряды юре совершает не перед изображением Спасителя, а перед статуей Марии Магдалины. Падшая и прощенная, это она первой передала знания от вознесшегося на небо Христа людям, бежав из Святой Земли со Святым Граалем. Таинственный сосуд, который охраняли тамплиеры, открывающий дорогу к всемогуществу... Его величественная тень заставит Рихарда Вагнера перед написанием последней оперы «Парцифаль» совершить паломничество в Ренн-ле-Шато...

Со священным ужасом взирали на перемены прихожане. Впрочем, с причудами «господина» их примиряла его непомерная щедрость — богатые подарки, роскошные угощения кружили головы жителей захолустной деревушки. А тут еще знатные гости зачастили: кроме знаменитой примадонны Эммы Кальве, приход посетил сам эрцгерцог Иоганн Габсбургский, кузен австрийского императора Франца-Иосифа. И не только посетил, но и положил на счет сельского священника солидную сумму, о чем с удивлением узнали все читатели банковских ведомостей.

Как ни странно, церковные власти смотрели на происходящее в Лангедоке сквозь пальцы. Лишь после смерти старого епископа Каркассона новый потребовал объяснений происхождению таинственных денег.

Соньер ответил высокомерным отказом. Реакция последовала незамедлительно — обвинение в спекуляции предметами религиозного культа и отстранение от должности. Впрочем, апелляция, поданная Соньером в Ватикан, тут же сняла с него все обвинения.

Семнадцатого января 1917 года со знаменитым кюре случается удар. Парадокс — но именно это число было высечено на прежнем надгробии маркизы де Бланшфор. Семнадцатое января, праздник святого Сульпиция, чье имя носила семинария, которую возглавляли аббаты Бьель и Эмиль Оффе — это им отвез в свое время Соньер найденный манускрипт. Роковое семнадцатое — а ведь еще накануне он казался вполне здоровым... Однако, судя по дошедшей до нас расписке, еще за пять дней до этого верная Мари заказала для своего хозяина (и, судя по всему, не просто хозяина) гроб.

Священник из соседнего прихода, явившийся соборовать умирающего, не пробыл в его комнате и пяти минут. Он вышел с искаженным лицом и молча покинул дом.

Очевидцы утверждают, что больше никто никогда не видел, как он улыбается. Правда ли это — трудно судить доподлинно, но одно известно точно — в последнем причастии своему собрату он отказал...

Соньер умер, так и не получив отпущения грехов. Тело, облаченное в великолепное платье, украшенное малиновыми шнурами, было усажено в кресло на террасе замка. С раннего утра сюда потянулись люди. Они шли мимо своего кюре, прикасаясь к нему, — некоторые отрывали от одежды кисточки на память. Странная церемония, так мало похожая на католический обряд... По свидетельству жителей деревни, среди тех, кто пришел проститься, было несколько никому не известных лиц, пришедших ниоткуда и исчезнувших в никуда.

Но самое неожиданное произошло потом. В завещании почивший в роскоши Соньер, ко всеобщему разочарованию, объявил, что у него ничего нет. Он покинул этот мир бедным сельским кюре — таким, каким погожим летним утром приехал в деревушку, ставшую его маленьким королевством...

После смерти хозяина Мари осталась в замке. В нем, как в крепости, пережила она и Вторую мировую войну. В 1946 году правительство пускает в обращение новые денежные знаки, обязав всех французских граждан представить декларацию о доходах. Из всех жителей деревни только Мари не сделала этого. Говорят, кто-то видел, как в старом саду она жгла толстые пачки старых денег, подбрасывая их в костер, как дрова...

А вскоре у замка появился новый владелец. Оформляя купчую, Мари обещала перед смертью раскрыть ему некую тайну, которая сделает его богатым и могущественным. Увы, с Мари, как и с ее хозяином, случился внезапный удар, и она умерла, не приходя в сознание...

...Деревенская церковь (антицерковь, как написано во всех путеводителях) и сейчас — главная достопримечательность Ренн-ле-Шато. По-прежнему посетителей встречает косматый Асмодей, князь тьмы. Со стен хохочут саламандры — мифические создания, рожденные в пламени ада. Меж сатаной, явившимся из недр земли, и духами огня стояла прежде святая вода. И над всем этим парят ангелы — порождение чистого духа...

Земля, огонь, вода, воздух — четыре мистические ипостаси Вселенной. Почему Соньер — священник просвещенного XIX века — направляет наш взор к образам средневековой магии? Почему на одном его письме нарисованы три маленьких крестика? Вместе с необычной геометрической фигурой в другом углу они образуют пятиконечную звезду. Маги древности вызвали злых духов под защитой такой звезды. И что означают две крохотные буквы PS на могильной плите Мари де Бланшфор? В парижской библиотеке есть список членов тайного общества Priere de Sion — Приорат Сиона. В него в разные

времена входили Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Виктор Гюго, Клод Дебюсси, Жан Кокто. Тайные «послушники» Сионского монастыря, продолжатели дела тамплиеров — пожалуй, самого могущественного из рыцарских Орденов. Начав свою историю в песках Палестины, он прошел совсем особенный путь...

Жизнь его рыцарей была скрыта от глаз. В резиденции Ордена: в Иерусалиме и Триполи, на Кипре и на Сицилии, в Португалии и Франции, в Нидерландах и Германии, в Италии и Англии, — впускали лишь избранных. Мощные стены и глубокие рвы, окружавшие их резиденции, множили слухи о таинствах, которые там творились...

Говорили, что тот, кто выдаст тайны Ордена посторонним, обречен окончить жизнь в зловещих подземельях. Что Великий магистр отрекся от самого Иисуса Христа, а истинным богом объявил дьявольское отродье — Бафомета, перед идолом которого пьют вино, смешанное с пеплом мертвецов...

А еще ходили слухи, что тамплиеры плюют (и даже мочатся) на распятие, поют перед иконами похабные песни, любят друг друга отнюдь не братской любовью, умеют вызывать покойников с того света. Но главное — что на их сокровища наложено заклятье такой силы, что никто и никогда не сможет их найти. И что несметны богатства тех, кто явился миру под именем Ордена бедняков...

Два всадника на одном коне

Толпы страждущих по-прежнему стекались в Иерусалим, мечтая поклониться Святым местам. И путь к ним был все так же долог и труден. Ни чистые помыслы, ни возвышенные порывы, ни даже помощь госпитальеров не могли защитить паломников. «Лихие» люди — разбойники все так же нападали на тех, кто в поисках надежды пересек Средиземное море, грабили и убивали. Вместо Иерусалима и Вифлеема легко можно было угодить на невольничий рынок. Похищения людей, грабежи, мародерство, работоторговля здесь были столь же обычны, как и моления в храмах. Казалось, кровавым преступлениям не будет конца...

«Когда все: богатые и бедные, юноши и девушки, старики и дети — устремились в Иерусалим, чтобы посетить святыне места, грабители и воры стали появляться на дорогах и чинить обиды паломникам, которые шли вперед, не ведая страха, и обирали многих, а некоторых даже лишали жизни, — напишет полвека спустя епископ Тирский Вильгельм. — И тогда несколько благочестивых и угодных Господу рыцарей, движимых милосердием, отступившись от мира и посвятивши себя служению Христу, последовали голосу веры и торжественным обетам, произнесенным перед патриархом Иерусалимским: защищать паломников от грабителей и кровопийц, оборонять дороги, сражаться во имя господина короля, проводя жизнь, подобно истинным каноникам, во смирении и целомудрии, отрекшись от собственного имущества...»

Девять рыцарей прибыли к королю Иерусалимскому Болдуину II из разных городов, но цель у них была одна. Они предложили взять под свою защиту караваны паломников в самой беспокойной части их пути: из портового города Яффа через ущелье Шато Пелерин. Упоминание каноников в вышеозначенной цитате весьма приблизительно — ведь речь шла отнюдь не о новом монашеском ордена. Рыцари были полны решимости делить свое время между молитвой и вооруженной охраной общественного порядка, между церковными службами и войной. Что заставило их взяться за это опасное дело? Единственная награда, на которую можно было рассчитывать, — вечное спасение на небесах. К трем обетам: бедности, послушания и целомудрия — добавлен был четвертый:

защищать паломников, прибывавших двумя путями — по суше через Византию и Малую Азию или по Средиземному морю. Когда изнуренным путникам, бредущим по дорогам Палестины, томимым голодом и жаждой, только и оставалось, что посылать мольбы Господу, чтобы дал он им силы дойти до конца и уберег от разбойников или злобных сарацин, возникали вдруг на их пути молчаливые фигуры рыцарей, готовых в любую минуту помочь и защитить...

В этом в день Рождества Христова в 1119 году волонтеры торжественно поклялись патриарху в церкви Гроба Господня. И начали трудиться — денно и ночью, на первых порах не получая за свои деяния никакой награды. Как свидетельствует хроника, «они носили одежды, которые давали им верующие в качестве подаяния, и в течение девяти лет несли свою службу в светском платье...» Полунищие, они вынуждены были порой ездить вдвоем на одной лошади. Такова их первая печать — два всадника на одном коне.

Но кто же человек, которого озарила идея создания Ордена монашествующих воинов? История сохранила весьма скудные сведения, но все же о нем известно несколько больше, чем, скажем, о его ближайшем сподвижнике Годфруа де Сен-Омере (фламандский рыцарь — единственное, что мы знаем). Доподлинно известно, что Гуго де Пайен принадлежал к знатному роду из Шампани. Это подтверждает его подпись, которая стоит на двух важных документах графа Труаского. На одном он подписался Гуго де Пэнц, на втором — Гуго де Пэнцинс. А деревня Пайен, название которой стало частью его имени, находилась в двенадцати километрах от Труа, резиденции местных графов.

Судя по всему, он был участником первого крестового похода и сражался в войске, которым командовал граф Труаский и Шампанский. Наверняка он был знаком с Готфридом Бульонским, а также с его кузеном — Бодуэном Бургским, будущим королем Иерусалима. Именно от него Гуго получит впоследствии поддержку при создании Ордена. Именно он лично отведет рыцарям резиденцию — часть собственного дома. Ранее на этом месте стоял Храм иудейского царя Соломона. Скорее всего, именно поэтому братьев начали называть Храмовниками, рыцарями Ордена Храма. Храм по-французски — «тампль», и нам они известны как тамплиеры. Полное же наименование звучало так: «Pauperi commilitones Christi Templicie Salomoniacis» — «Бедные соратники Христа и Соломонова Храма».

О, таинственная тень храма Соломона! Спустя века, в 1956 году в Манчестере ученые расшифруют один из древних Кумранских свитков, найденных на территории Израиля близ Мертвого моря. И узнают, сколь велики, сколь бесценны были сокровища храма, увы, бесследно исчезнувшие перед его разорением римскими легионерами в 70 году после Рождества Христова... В свитках говорилось о миллионах священных сосудов и о некоем невиданном «сокровище», закопанном в подвалах, о том, что храм хранил не только золото, но и генеалогические списки иудейских царей. Многие исследователи считают, что их наследники после разгрома Иерусалима бежали в земли франков и дали начало королевской династии Меровингов — тех самых, что правили в раннем Средневековье большей частью Европы. Последний из Меровингов — Дагоберт II (помните, это имя прочел на своей драгоценной находке сельский кюре?) был предательски убит при поддержке папского Рима. На смену пришли Каролинги, давшие миру Священную Римскую империю, что рухнет тысячелетие спустя по воле Наполеона...

Но обо всем этом не суждено было знать девяти благородным рыцарям, скудно трапезничавшим над руинами легендарного храма. Их удел — настоящее, их девиз — помощь слабым. Личной отвагой они быстро снискали признание. Вскоре тамплиеры не только охраняли пилигримов, но и сопровождали короля в его поездках. Из уст в уста по

всей Европе передавались романтические легенды о бескорыстных героях, готовых прийти на помощь любому попавшему в беду.

Многие стремились примкнуть к ним, чтобы верой и правдой послужить благородному делу. Однако виртуальные ворота Храма были наглухо закрыты для чужаков. Девять лет девять рыцарей свято блюли чистоту своих рядов. Почему — спорят и поныне. Древние хроники почти ничего не пишут о первых годах тамплиеров. С самого начала их история полна недомолвок и странностей. По силам ли было сопровождать паломников сквозь сарацинские разбойничьи гнезда горстке рыцарей? И для чего под зданием ордена были сооружены конюшни на две тысячи лошадей, как поведал нам в середине XII века пилигрим Иоганн фон Вюрбург? Они существуют и по сей день. Что искали рыцари, денно и ночью расширяя таинственное подземелье? Удалось ли им наткнуться на нечто важное, что было погребено в Святой Земле? Именно тогда было положено начало Великой Тайне тамплиеров. Подобно ледяной глыбе, скрывающей свою мощь под толщей океана, они хранили ее веками, словно дав негласный обет молчания...

Между тем, богоугодная миссия требовала официального признания. И в октябре 1127 года Бодуэн II отправляет Гуго де Пайена в Европу, снабдив рекомендательными письмами. Папа Гонорий II отнесся к самоотверженному рыцарю и его детищу весьма почтительно. Однако уклонился от прямого одобрения — ибо суть будущего Ордена являла собой нечто абсолютно новое с точки зрения канонического права. Монах с оружием в руках — такого никто и вообразить не мог! Его Святейшество поручил рассмотрение этого вопроса кардиналу Матвею Альбанскому — ему, французу, бывшему в течение долгого времени настоятелем монастыря Сен-Мартен де Шамп в Париже, «особенности национального рыцарства» должны быть ближе. Одновременно, следуя наставлениям Бодуэна II, Гуго де Пайен вступил в контакт со святым Бернаром, аббатом Клервосского монастыря, к негромкому голосу которого прислушивался тогда весь Христианский мир. У того был богатый «орденский» опыт — едва ему исполнилось двадцать, этот бургундский аристократ, приняв монашество, убедил четвертых своих братьев и три десятка друзей уйти вместе с ним в монахи. Говорят, проповеднический дар Бернара был настолько велик, что «матери прятали от него своих детей, жены мужей, друзья товарищей» — чтобы те не последовали в монастырь...

Так, в свое время, благодаря умелой агитации Бернара на свет появился Цистерцианский орден, а потом и его «столица» — новый монастырь в Клерво в Шампани. Он был основан на земле его дяди, виконта Дижонского, и сам дядя, а также четверо родных братьев и кузен, помогли Бернару в этом. Поистине, святой отец умел убеждать. Доказательством — тот факт, что очень скоро у монастыря было уже около ста «дочерних» обителей. Невероятная цифра — но для аббата Клервосского невозможного не было. Аристократически утонченный юноша, который жил скромно, а ел и спал так мало, что практически всегда находился на грани обморока, превращался во льва, когда обличал или защищал. Поистине рыцарский темперамент прекрасно уживался в нем со способностью найти путь к сердцу каждого. Не в том суть, сколько ты заучил псалмов, — словно говорил он слушателям, — суть в том, насколько чисты твои помыслы... Нося чин преподобного, он говорил, что стремится из Царство Неподобия в Царство Подобия, — и приглашал с собой любого, с кем сводила его судьба.

Именно в Клерво святой Бернар приступил к написанию проповедей о Благовещении. Он уверял, что возлюбил Деву Марию еще в детстве, — божественное откровение снизошло на него после того, как он принял три капли молока из сосцов статуи Черной Мадонны в Шатильонском соборе. Образ Черной Мадонны таинственным образом сплетается в его

проповедях с образом невесты — некоей Марии из Вифании, более известной нам как Мария Магдалина...

Таков был человек, создавший свод правил, по которым будет строиться жизнь тамплиеров. Помимо устава из семидесяти двух статей Бернард написал трактат «*De laude novae militiae*» — «Слава новому рыцарству», или, сохраняя латинские корни, «Слава новой милиции». «...Раз, второй и третий, мой дорогой Гуго, вы просили меня написать наставление для вас и ваших братьев и замахнуться на враждебных тиранов своим стилем, ибо копье запретно мне, — писал Бернар Клервосский Гуго де Пайену. — И вы заверили меня, что я был бы очень вам полезен, если бы оживил своими словами тех, кому я не могу помочь своей военной службой. Некоторое время я медлил с ответом вам — не потому, что не оценил вашей просьбы, но дабы суметь удовлетворить ее, насколько сие в моих силах. По правде, я заставил вас ждать достаточно долго... и теперь моим читателям судить меня, хотя и невозможно понравиться всем...»

Чем же так вдохновили его «бедные рыцари Христовы»? Только ли самоотверженными подвигами в Святой Земле? Или тем, что в их лице свет увидел «новый тип рыцарства, неизвестный прошедшим векам. Он непрерывно ведет войну на два фронта — против зла во плоти и против духовного его воинства на небесах. Если кто-либо сильно противостоит врагу во плоти, уповая лишь на крепость плоти, едва ли я отмечу это, ибо примеров тому множество. Также и когда кто-либо борется с демонами и пороками одной лишь духовной силою, — нет в этом ничего удивительного, хотя и заслуживает похвалы, — ибо мир полон монахов. Но когда видишь человека, мужественно опоясывающего себя обоими этими мечами, кто не сочтет это достойным всяческого удивления, тем более что раньше такого не случалось! Вот это поистине рыцарь без страха, защищенный со всех сторон, потому что душа его защищена броней веры, тогда как тело защищено броней».

Бернар виртуозно соединил, казалось бы, несовместимое. Два идеала: рыцарский и монашеский; два пути: путь защиты святых с мечом в руке и отречения от мирской суеты в уединении монастыря. Воистину непобедим воин, обретший святое в собственной душе. Монашество и война, смирение и звон стали... Бернард писал: «Солдаты Христа... ни в малейшей степени не боятся ни того, что совершают грех, убивая врагов, ни опасности, угрожающей их собственной жизни. Ведь убить кого-либо ради Христа или желать принять смерть ради Него не только совершенно свободно от греха, но и весьма похвально и достойно... Конечно, тот, кто желает умереть, не боится смерти. И как бы побоялся умереть или жить тот, для кого жизнь есть Христос, а смерть — вознаграждение? Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душой врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией!» Велась речь о смерти своей или чужой — Бернард лукаво не уточнял. Впрочем, он не являлся любителем крови. Ненависть к насилию была частью его духовной миссии — и здесь с тамплиерами ему было явно по пути. Прежние рыцари истребляли людей, новые — зло. Затейливый каламбур на латыни: от «гомицида» («человекоубийства») к «малициду» («злоубийству»). Впервые рыцарь взялся за меч не ради земных благ — а просто во имя добра: «...если человек сражается за доброе дело, то не может сражение привести ко злу». Задачей тамплиеров было поддержание мира, и они ее честно исполняли.

Благодаря Бернару их дело быстро продвинулось. Аббат взялся организовать Церковный Собор и избрал местом его проведения город Труа. И вот в 1128 году статус тамплиеров был наконец утвержден. Под вековыми сводами, в сиянии свечей, перед внушительным собранием в одно прекрасное январское утро предстали магистр Ордена тамплиеров Гуго де Пайен со своими единомышленниками. Вспомним тех, кого знаем, поименно: Годфруа де Сен-Омер, Пайен де Мондидье, Аршамбо де Сен-Аманд и братья Жоффруа Бизо и

Ролан. Присутствовал и сам святой Бернар — хотя никто не назначал его председательствующим, именно он руководил всем, что происходило в Труа. Вот что свидетельствует секретарь Собора Жан Мишель: «Вначале мы совместно заслушали устное сообщение магистра Гуго де Пайена об учреждении рыцарского ордена, и, руководствуясь своим ничтожным разумением, мы одобрили то, что показалось нам полезным, и отвергли то, что представлялось безосновательным». Судя по всему, Гуго удалось рассказать на соборе об истории возникновения Ордена и изложить его основные принципы столь красноречиво, что собранию не оставалось ничего другого, как поддержать тамплиеров. Были внесены лишь небольшие поправки. Секретарь добавляет: «То, что мы не могли предусмотреть, мы оставили на усмотрение его святейшества папы Гонория и патриарха Иерусалимского Стефана, который лучше кого бы то ни было знал, какая служба требовалась в Святой Земле».

Итак, отныне это рыцарско-монашеский Орден, которому покровительствует сам Папа. Но... на одном коне далеко не уедешь. Для того, чтобы вести борьбу с «демонами зла», нужна вполне земная вещь — деньги. Содержание боеспособных войск и крепостей требовало фантастических средств, но единственным источником дохода для тамплиеров на Востоке были военные трофеи. Увы, их катастрофически не хватало.

Рыцари отправились в Европу. Они объехали Францию, Испанию, Англию, Германию, Италию. Ученые по сию пору ведут бесконечные споры о том, в какой части континента тамплиеры получили первые дарения. Судя по хартиям, самым ранним было пожертвование 1127 года — от Тибо, графа Шампани и Бри. Заслужил благодарность и сам Гуго де Пайен — за то, что пожаловал Ордену фьеф (земельный надел). Этот кусок земли стал ядром первого командорства. Другое основал на средства, вырученные от продажи своих владений, некий Гуго Бурбутон из Северного Прованса, присоединившийся к тамплиерам в 1139 году. Это командорство остается одним из самых богатых и поныне. По его словам, он поступил так в соответствии с заповедью Христа, которую прочел в Евангелии от Матфея: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее». Шестью годами позже примеру отца последовал и его сын Никола, передавший Ордену все имущество, кроме одной овцы, которую оставил матери. Он заявил: «...Вручаю себя недостойного рыцарству Христа и Храма, обязуясь быть покорным слугой и братом все оставшиеся дни моей земной жизни, надеясь заслужить отпущение грехов моих и обрести жизнь вечную»...

Именно в эти годы появляются первые земельные владения тамплиеров в Лангедоке, Провансе, соседних странах. Гуго де Пайен отправился в Нормандию, чтобы встретиться с королем Генрихом I. Тот устроил ему теплый прием и позволил проследовать в Англию, где магистр собрал немало средств и заложил тамплиерский храм в Хольборне. Затем — Анжу, куда прибыл из Святой Земли граф Фульк, чтобы женить сына на единственной дочери короля Английского Матильде; дальше — Пуату и, наконец, Прованс, где епископ Авиньонский пожаловал тамплиерам церковь Святого Иоанна Крестителя... Повсюду миссии Гуго де Пайена сопутствовал успех. Крупнейшие феодалы переводили в собственность ордена свои имения, замки, поместья. Среди первых дарителей — королева Португалии, французский король, граф Барселоны. Арагонский король Альфонсо Первый по завещанию передал Ордену треть своего королевства на севере Испании. В 1141 году Бретонский герцог Конан оставил ему целый остров близ побережья Франции. Католические иерархи тоже не остались в стороне от благотворительности — они передавали храмовникам земли, церкви, права сбора десятины... Впрочем — с миру по нитке, голому рубашка — братья охотно принимают помощь и от представителей низших классов. Купцы и ремесленники один за другим приносят им в дар свои дома, лавки, части

угодий. Есть и совсем парадоксальные пожертвования: право использовать сено с луга, половина болота, амбар, лошадь, пара сапог... Каждый стремился внести свою лепту, ведь папская булла сулила за это индульгенцию, а важному дарителю еще и оказывалась немалая честь быть похороненным на орденом кладбище. («Каждому, кто жертвует им в год три динария, они гарантируют похороны по христианскому обряду, даже если жертвователю к моменту смерти отлучен», — этот упрек из уст Папы Иннокентия III прозвучит позже...)

Среди тех, кто превратил историю храмовников в дело собственной жизни, — Марион Мельвиль, автор книги «История Ордена тамплиеров». Женский взгляд на тех, кто добровольный отказ от женщин вознес в ранг высших добродетелей, подмечает те детали, которые, возможно, ускользнули бы от документалиста-мужчины. Вот что она пишет: «...В Тулузе, между 1128 и 1132 годами, состоялась одна из первых публичных церемоний сбора средств в пользу тамплиеров. В некотором роде можно воссоздать ее по записи коллективных дарений, сделанных по этому случаю. В центре события — кафедральный собор, где Папа поручает епископам оказать достойный прием рыцарям, посланным с миссией. В первых рядах восседают сеньоры Альбигойской провинции, одетые по моде того времени в длинные платья с расширяющимися рукавами, рубахи из тонкого полотна, в бархатные или парчовые штаны. Их башмаки — из кордовской кожи, с длинными и загнутыми носами, а у некоторых сеньоров на руке в перчатке сидит сокол. Дамы в длинных блузах из восточного шелка, на их уложенных косах — легкие вуали. И рыцари, и дамы наряжены в просторные бархатные плащи, расшитые по краю и подбитые мехом. Позади — горожане и горожанки, как им и было положено, — в одеждах из темного сукна, подбитых овчиной или дешевыми мехами, но с золотыми или серебряными цепями.

Деревенские жители — мелкий люд — толпились в глубине, в то время как жонглеры, нищие, калеки выпрашивали милостыню у врат.

По окончании мессы тамплиер в облачении своего Ордена — белом, с капюшоном, плаще, не несущем еще красного креста на плече, поднявшись по ступеням кафедры, обращается к собранию. Быть может, это брат Жоффруа Бизо или брат Гуго Риго, имя которого столь часто встречается в провансальских грамотах. Рыцарь рассказывает собравшимся о происхождении ордена, об обетах братьев, об их суровой и трудной жизни, бедности, нехватке оружия и даже одежды, которая могла бы защитить от холода и солнца Палестины.

Приношения не заставляют себя ждать. Раймунд Рате с семейством по собственной воле даруют ордену Храма «все владения, которыми они обладают между церковью Пречистой Девы Марии, проезжей дорогой и другой дорогой, проходящей пред церковью святого Ремигия». Их примеру следуют многочисленные донаторы: Беренгарий Раймунд обещает, что после смерти оставит тамплиерам коня и вооружение, — и многие рыцари поступают так же; Донна, жена Арно Жильбера, уверяет, что ежегодно будет шить им одну рубаху и штаны, а после смерти им перейдет ее плащ. Донне подражают жены Раймунда Арно и Бернарда Раймунда, а также Маргарита, мужа которой называют Кудрявый, — они тоже обещают шить рубахи и штаны и завещать ордену «свои лучшие плащи». Это знатные особы, у них много одежды. У их мужей также немало лошадей в конюшнях, и они обязуются завещать Ордену Храма лучшую лошадь вместе со своими доспехами. Снаряженный конь стоил примерно сто тулузских су, а просто лошадь — от 20 до 50 су. Среди последних дарителей — Кюрвю де Ла Тур, обещающий рыцарям «своего лучшего коня и вооружение», или сто тулузских су, и обязующийся стать братом Ордена Храма, если когда-либо он оставит мирскую жизнь. Под конец наступает очередь простого люда,

таких как Пон по прозвищу Пен Пердю (Потерянный хлеб), который жертвует всего один денарий...»

Десятки людей сами записывались в Орден — большей частью французы, как и те, кто стоял у его истоков. Безземельные находили в братстве Храма опору, знатные — защиту. Орден множился, как снежный ком, и к концу XII века насчитывал уже тридцать тысяч человек — войско, с которым можно было покорять мир!

Вначале тамплиеры делились на две категории: первые звались «братья шевалье», вторые — «братья сержанты». Рыцари — те, кто носил оружие, — были благородного происхождения или, очень редко, пожалованные дворянством. Из числа сержантов набирались оруженосцы и пехота; они же вели хозяйство (были среди них и свободные крестьяне, и ремесленники). Рыцарь — в белом плаще, сержант — в черном. Сплетаясь под порывами ветра, плащи образуют тот самый, знаменитый черно-белый флаг — босеан. Когда эскадроны бросались в атаку, на первой линии всегда были всадники в белом, а на второй — в черном. Свет и тьма, извечная космическая гармония, простая и непостижимая, как клавиши рояля...

Gonfanon baussant гордо реял над полем брани. Пока знамя поднято — Орден сражается. Защите стяга был посвящен особый раздел устава. Перед началом сражения маршал брал его в руки, творя молитву. Плечом к плечу с ним вставал воин с запасным знаменем, которое развернут, только если первое будет разорвано в клочья. Десять рыцарей смыкали вокруг знаменосцев кольцо. Им суждено первыми принять бой. Маршал выпускал из рук знамя только с последним вздохом... Тяжело раненный, он из последних сил передавал стяг второму знаменосцу, ведь уронить святыню на поле боя было позором: «И наказание может быть столь великим, что возможно его заковать в кандалы, чтобы никогда больше не носить ему знамени и не быть командором рыцарей... Ибо когда опускают знамя, те, кто находится далеко, не знают, от чего это... а люди, которые теряют свое знамя, впадают в великую растерянность, и сие может обернуться к полнейшему разгрому».

Прежние рыцари — воины феодальных дружин — были разряжены в пух и прах. Причудливое убранство давало каждому из них возможность продемонстрировать окружающим свое превосходство. В братстве храмовников на первый план выходили совсем иные доблести. «...Они стригут волосы коротко, зная, что, согласно Апостолу, мужчине не пристало ухаживать за своими волосами. Их никогда не видят причесанными, редко — умытыми, обычно — с всклокоченной бородой, пропахшими пылью, изможденными тяжестью доспехов и жарой...» Внешний вид рыцарей был, мягко говоря, сдержан. «Если какой постоянный брат в силу должности или из чувства гордыни возжелает красивого или лучшего, пусть за такое желание он непременно получит самое дешевое...» Они ходили друг на друга, как настоящие братья. У каждого — три боевых коня (магистр мог за особые заслуги даровать четвертого). Никаких золотых стремян и удиц, скромные, но удобные доспехи. К ним предъявлялись особые требования — солнце на востоке палит нещадно, стало быть, броня нужна легкая и одновременно надежная. «Она состояла из нескольких компонентов, — читаем в одном из исследований. — Корпус защищала кольчуга до колен, под которую надевали стеганую куртку — оплечье. Поверх кольчуги, как уже говорилось, надевались белая котта и плащ. На голову рыцарь перед боем надевал большой шлем с забралом или легкий шлем без бармицы. Последний пользовался большей популярностью, часто дополнялся кольчужным капюшоном, под который надевалась кожаная набивная шапочка. В отличие от рыцарей, сержанты носили на голове широкополые железные шапки — прообраз современных касок. Ноги рыцаря защищали кольчужные чулки. Средства обороны дополнялись большим треугольным щитом. Наступательное вооружение тамплиера регламентировалось уставом. Всякий

рыцарь должен был иметь длинный обоюдоострый меч. Конному воину полагались копье и палица. На походе употреблялись три ножа: боевой кинжал, нож для хлеба и нож с узким лезвием, что позволяло использовать его в качестве шила. Рыцарь перевозил свои пожитки в двух мешках: один — для белья, а другой — для доспехов. Большую часть походного груза вез оруженосец, который не следовал за своим сеньором, а ехал впереди него, чтобы тот мог держать слугу в поле своего зрения. Для ночевки в полевых условиях у рыцаря имелась небольшая палатка».

Одеяло, которым он укрывался по ночам, не должно было содержать натуральной шерсти — во имя заботы о невинных агнецах, как гласил устав.

В общем, все получилось почти так, как и предполагал Святой Бернар. «Они выступают и являются по знаку своего командира; они носят одеяние, выдаваемое им, не стремясь ни к другим одеждам, ни к иной пище. Они остерегаются любого излишества в еде или одеждах, желая только необходимого. Они живут все вместе, без женщин и детей. И чтобы всего было достаточно в их ангельском совершенстве, все они живут под одним кровом, не имея ничего, что было бы их собственным, объединенные в почитании Бога своим уставом.

Среди них не найдут ни ленивых, ни праздных; когда они не на службе (что случается лишь изредка) или не заняты вкушением хлеба своего, воздавая благодарение Небесам, они занимаются починкой своих одежд или оружия, разорванных или искромсанных; или же они делают то, что их магистр им прикажет, или то, на что указывают им нужды их Дома. Ни один из них не является нижестоящим; они почитают наилучшего, а не самого знатного; между собой ведут себя учтиво и следуют заповеди Христа, помогая друг другу.

Дерзкие речи, ненужные поступки, неумеренный смех, жалобы и ропот, если они замечены, не остаются безнаказанными. Они ненавидят шахматы и кости; им отвратительна охота; они не находят обычного удовольствия в смешной погоне за птицами. Они избегают мимов, фокусников и жонглеров и питают отвращение к ним, к песням легкомысленным и глупым...»

Всякое общение с женщиной считалось преступным — «ибо, как известно, враг рода человеческого многих сбил с пути истинного с помощью женщин...» Женатые рыцари в Орден допускались, но не имели права носить белых одеяний. После смерти их имущество отходило братьям — вдова удовлетворялась лишь пенсией. Разумеется, жить в поместье, оставшемся от мужа, она не могла, дабы не искушать новых хозяев...

Осуждалось даже желание сына поцеловать мать. Исключение составляла лишь одна дама, и любовь к ней воодушевляла храмовников в минуты тягот и опасностей. Это была Дева Мария. «...Утренние часы Богоматери должны в Доме читаться первыми... поскольку Мать Божья положила начало нашему ордену, и в ней и в Ее чести, если Богу угодно, пребудет конец наших жизней и конец нашего Ордена, когда Богу будет угодно, чтобы таковой конец настал...» — согласитесь, строки из орденского устава проникнуты какой-то совсем невоенной поэзией...

Го д воздержания и смирения — и вот уже два брата отводят будущего рыцаря в особую комнату при церкви. Церемония — строгая, никаких излишеств. Вступающий трижды просил хлеб, воду и одеяние Дома. Потом его два раза подвергали строжайшему допросу. Клятва на Евангелии — и те же вопросы задавались в последний раз. Теперь путей к отступлению не было. Новому рыцарю оставалось произнести обеты и поцеловать командора за радушный прием — пока капеллан читал *Esse quam bonum*. Посторонние на

церемонию не допускались, допрос новобранца был сродни церковной исповеди — только так можно было узнать о нем истинную правду. Пройдет немного времени — и тайну, которой тамплиеры окружали прием в Орден, поставят им в вину. А пока... Пока командор повелевает новому рыцарю сесть у себя в ногах. Звучат первые наставления: «Дорогой брат, Господь вас привел к исполнению вашего желания и поместил вас в сие прекрасное общество, каковым является рыцарство ордена Храма, а посему вы должны очень остерегаться, чтобы не совершить ничего, из-за чего вам придется его потерять, от чего храни вас Бог...»

После этого нового тамплиера приглашали в трапезную, где отныне ему «...вместо невежественных жестов следует испрашивать тихо, не возбуждая всеобщего внимания... со всяческим смирением и почтительной покорностью, как говорит Апостол: Вкушай хлеб твой в молчании, и псалмопевец должен вас вдохновить, когда он говорит: Положил я печать на уста мои, решил не согрешать языком, запечатал свои уста, дабы не сказать ничего дурного». Трапезную (ее тамплиеры называли палатами) все та же Марион Мелвиль увидела так: она «была просторным залом с изогнутым сводом, поддерживаемым колоннами. Стены увешивались военными трофеями, коими тамплиеры украшали и свои церкви: мечи, шлемы с золотыми и серебряными узорами, разрисованные щиты, золоченые кольчуги, захваченные у врага. Оруженосцы расставляли вдоль стен столы и перед обедом покрывали их скатертями из холста; пришедшие первыми усаживались спиной к стене, прочие — лицом. Особые места были отведены только для магистра и капеллана монастыря. Плиты пола посыпали тростником, как во всех замках, и, несмотря на запрещение тамплиерам охотиться, не было недостатка в собаках, лежащих под столами, которым, как и кошкам, не разрешалось давать остатки еды, предназначенные для бедных».

Как и братья-госпитальеры, милостыню в виде остатков еды храмовники раздавали щедро. Кроме того, рядом с рыцарями каждый день трапезничали четверо бедняков, получая пищу наравне с ним. Их число увеличивалось до пяти, если за столом сидел сам магистр. Пайка погибшего брата сорок дней отдавалась неимущим. «А еще в Доме было отдано распоряжение, чтобы братья, когда их обносят мясом и сыром, отрезали себе кусок таким образом, дабы и им было достаточно и — насколько возможно — кусок оставался красивым и целым, — рассказывает Иоанн из Вюрцбурга. — И сие было установлено, дабы кусок выглядел поприличнее, чтобы можно было отдать его какому-либо застенчивому бедняку, а бедняку было пристойнее принять его...» Каждый мог предложить часть своей порции соседям, «которые находятся рядом с ним на расстоянии не более его протянутой руки; и всегда тот, у которого самое лучшее, должен предложить тому, у кого самое худшее». Что ж, братство — не просто слово. А если покинет его рыцарь без дозволения — должен будет стать у входа и, преклоняя колени пред каждым, день и ночь молить о милосердии. Лишь тогда попечитель о бедных сообщит капитулу, о судьбе брата-отступника... С обнаженным торсом, с веревкой вокруг шеи явится он перед собранием. И лишь после покаяния, возможно, получит назад орденскую одежду...

Одну из подобных историй сохранили древние хроники. «Брат Пон де Гюзан покинул Дом в Провансе и женился, а по истечении некоторого времени его жена умерла, и он попросился заново вступить в Дом. Братья ему сказали, что он был их братом и что не может вернуться в Дом, не покаившись сначала. И Пон де Гюзан ответил, что он никогда не приносил ни обета, ни обещания, а на самом деле он ехал в Святую Землю и захворал на корабле, и попросил быть принятым в Орден, и на него набросили плащ, как если бы он был мертв; но впоследствии он жил как брат и стал туркополом монастыря. А потом он решил, что его ничто не удерживает в ордене Храма, и снял свой плащ, и вернул все, что должен, следуя обычаям, и ничего не унес, а теперь он хотел бы быть братом.

Братья ответили, что он должен считаться братом по церковному праву, как если бы он принес обет и обещание, потому что прожил так долго в нашем Доме. И он был приведен к покаянию в год и день, и выполнил свое покаяние, и вернулся в Дом...»

Штаб-квартира Великого магистра была в Иерусалиме. Главу Ордена избирало специальное собрание — конвент, а он созывал капитулы и назначал их членов, всегда имея возможность приблизить к себе тех, кого считал нужным. Как правило, магистр занимал свой пост пожизненно. Его свита состояла из двух доверенных рыцарей («...которые должны быть столь достойными мужчинами, что не могли бы быть исключены из какого-либо совета, в котором будет пять или шесть братьев»), оруженосца, писца, знающего арабский и капеллана. В число личных слуг входили также кузнец, повар и всадник, выполняющий обязанности гонца.

Всегда рядом находились два юноши-посыльных, пять великолепных боевых коней стояли под седлом.

Следом на иерархической лестнице располагались великий сенешаль, великий маршал и командоры крупнейших крепостей. Та к было на Востоке — в военном «крыле» ордена. В Европе же власть принадлежала региональным магистрам. Для присмотра за ними была введена должность великого визитатора — прямого представителя Великого магистра. Незыблемым было одно: все в Ордене пользовались одинаковыми привилегиями. По свидетельству Марион Мельвиль, «все подчинялись одной и той же дисциплине; одежда, снаряжение, обязанности приблизительно были одинаковы. Братья сержанты-ремесленники, работавшие в кузнице, швейной или сапожной мастерской, были скромнее рангом, так как не проливали кровь за Святую Землю. Но алый крест тоже был на их одежде из грубого сукна, и они давали те же обеты, что и тамплиеры-воины...» Занять тот или иной пост можно было исключительно благодаря собственным заслугам, ибо, как писал святой Бернар, «среди них нет различия между личностями, и разница скорее определяется достоинствами рыцаря, нежели благородством крови».

Повиновение вышестоящим по званию было беспрекословным. «Подобает тем рыцарям, которые считают, что для них нет ничего более драгоценного, чем Христос, беспрекословно соблюдать повиновение магистру ради своей службы, так как они принесли обет, ради славы высшего блаженства, или страха пред Геенной. Следует же так соблюдать его, чтобы, когда что-либо будет приказано магистром, тут же это было исполнено без промедления... Ведь о таких Сама Истина сказала:

От слуха ушей подчинился мне ты». Та к гласил устав. «Ни один брат не должен подтягивать в сторону свободного конца ни путлищ, ни портупей, ни пояса штанов; но он может делать сие без разрешения в сторону пряжки... Ни один брат не должен ни мыться, ни пускать себе кровь, ни лечиться, ни отправляться в город, ни скакать на коне галопом без разрешения; и туда, куда не может идти он сам, не должен он направлять и своего коня. Когда братья находятся в опочивальнях, они не должны переходить спать в другие места. И когда они стоят лагерем и их палатки натянуты, они не должны передвигаться с одного места на другое без разрешения...»

Даже вступить в бой рыцарь мог только по приказу: «И если на пути будет брошен боевой клич, братья, находящиеся ближе всех, могут пересечь на своих коней, взять свои щиты и копыя и держаться спокойно, ожидая приказа маршала». И впрямь, стоит ли волноваться, если все в этом мире определяется Божьим провидением? Он, только Он властвует над жизнью и смертью, и лишь одному Ему известно, чем окончится бой...

Папы издали несколько булл, даровавших Ордену немалые привилегии. Булла 1139 года гарантировала автономию от местных светских и церковных судебных властей. В 1160 году появилась еще одна, запрещающая стаскивать тамплиеров с лошадей и как-либо иначе оскорблять действием. Постепенно братья превращались в касту неприкосновенных. Не только паломники, прибывавшие в Палестину, но и жители всей Европы глядели на них с восхищением. Еще бы — им принадлежат церкви и замки, их покои роскошнее, чем в королевских дворцах. Даже английские монархи во время визитов в Париж станут останавливаться не в Лувре, а в Тампле — парижской резиденции Ордена. «Говорят, что владения их, как по эту, так и по ту сторону моря до того велики, — сообщает хроника, — что нет уже в христианском мире области, которая не отдавала бы части своих владений упомянутым братьям». В подражание им были созданы испанские ордена Калатравы, Сантьяго и Алькантары. В 1198 году на основе их устава был составлен устав знаменитых Тевтонцев.

...Разумеется, быть принятым в Орден еще не означало стать истинным рыцарем. На черно-белой доске, выросшей до размеров Старого Света, каждому была предписана своя партия, которую невозможно сыграть, будучи всего лишь отважным, но неотесанным воякой. Рожденный на Востоке Орден впитал в себя его особую мудрость, те древние и таинственные учения о природе, человеке и Вселенной, что, возможно, и были главным богатством тамплиеров. В сферу их интересов входили история и медицина, математика и астрономия, химия и география. Им были подвластны самые передовые достижения науки. Они рисовали карты, строили дороги, которые не только свяжут главные города Европы, но и протянутся на Восток.

Их флотоводцы первыми возьмут на борт магнитный компас — и эра безопасного мореплавания будет открыта. Их врачи впервые используют для обезболивания наркотические вещества — своего рода «гуманитарная» революция в средневековой медицине. Рассказы об этих «ноу-хау», обрастая легендами и слухами, могучей волной катились по миру, равно заставляя трепетать сердца простолюдинов и королей...

После собора в Труа у Ордена появился отличительный знак — красный крест на белом поле: чистота и вера. Крест был расположен на левой стороне груди, как раз над сердцем — «с тем, чтобы сей победоносный знак служил им щитом, и дабы никогда не повернули они назад пред каким-нибудь неверным».

Я стану бесконечно говорить,
Что тамплиер себя обязан зрить
В плаще, что алым осенен Крестом,
Что стать его, и мощь, и сила в том.
Ведь означает плащ, что бел, как снег,
Что в чистоте он свой проводит век.
А Крест животворящий говорит,
Что покаянье рай ему сулит.
И этот Крест был помещен на грудь,
Чтоб перекрыть гордыне к сердцу путь.
Он как школяр, что учит свой урок,
Идет, куда указывает Бог.
Смирение и вера — светлый рай.
Ты, Крест святой, свернуть с него не дай.

Большую часть своего труда «Библия» Гио де Провен, трубадур, ставший монахом, посвятит Ордену Храма, жизнь которого знал не понаслышке. А суть этой жизни была

такова: истинный рыцарь не отступает в бою; он не одинок, он часть Ордена; его шаг отчеканен в общем строю. «Vive Dieu Saint Amour!» — «Да здравствует Бог Святая Любовь!» Никто и не обратил внимания, что фамилия первого великого магистра — Пайен — на старофранцузском означает «язычник»... «Извергающий»

Под таким именем — «вулканический», Фулканелли — скрывался великий алхимик, блестящий эрудит и теоретик архитектуры, выпустивший в 1920 году в Париже две знаменитые книги — «Обитатели философии» и «Тайны соборов». Он растворился в небытии, подкинув ключ к разгадке непостижимой головоломки средневековых храмов, где каждая статуя — положением рук, тела или просто поворотом головы — безмолвно раскрывает секреты получения Философского Камня. Его путеводители по мистической Франции — кладезь не только для всех, кто неравнодушен к средневековой истории. Из них, кстати, помимо прочего, явствует, что в XII–XIII веках вся Западная Европа превратилась в грандиозную стройплощадку, на которой возводились соборы, монастыри, аббатства... Конечно, для Фулканелли, как для специалиста по архитектуре, сей факт был весьма отраден, поскольку давал ему неоглядное поле для исследований. Но как настоящий исследователь, он перво-наперво задался вопросом: а на какие, собственно, средства развернулось это строительство?

И впрямь — на какие? К началу XII века Европа задыхалась от нехватки денег. Того серебра, что вывезли крестоносцы из стран Ближнего Востока, катастрофически не хватало. Золота в обороте было и того меньше. Добыча драгоценных металлов в Европе почти не велась, а месторождения на Руси еще и вовсе не были открыты. Если у магистратов появлялись свободные деньги, их тут же направляли на укрепление городских стен. И все же, начиная с 1140 года, во Франции менее чем за столетие было построено полторы сотни храмов. Значит, у кого-то деньги водились?

Ну, разумеется, водились — у Ордена тамплиеров. Нищие храмовники на поверку оказались неплохими коммерсантами. Владая флотом, они добились монополии на рейсы по Средиземному морю, по сути, контролируя торговые пути из Азии в Европу. Ла-Рошель, крупнейшее командорство (так называлась основная экономическая единица Ордена) владело единоличным правом на поставку анжуйского вина в Англию — баснословно прибыльное занятие! А уж такого количества привилегий, сколько было даровано Ордену светскими и духовными властителями Европы, не знал больше никто. Некоторые для верности подтверждались разными папами по пять-шесть раз — под угрозой отлучения от церкви того, кто ослушается. Орден был освобожден от церковных налогов — на землях тамплиеров не собиралась десятина. Раз в год им разрешалось собирать пожертвования в любой христианской церкви Европы, и привыкшие к странствиям рыцари не замедлили этим воспользоваться, разъезжая от прихода к приходу. Огромное число торговых, налоговых и таможенных льгот — гигантский средневековый «оффшор» постепенно покрыл собою весь континент.

Именно тогда и произошло главное — Орден создал свой банк. Каждое приорство имело его отделение. Банк тамплиеров принимал на хранение сокровища монархов, сеньоров, епископов, выдавая взамен векселя.

Золото пускалось в оборот — его под солидный процент брали займы те, кто в этом нуждался, будь то короли или члены городской коммуны. Орден стал крупнейшим кредитором в Европе, потеснив «старую гвардию» ростовщиков-евреев.

«Храните деньги в сберегательной кассе — если они у вас есть!..» Рекомендацию незадачливого Шпака задолго до него озвучили рыцари Храма. Обладать деньгами в те смутные времена означало жить в постоянном страхе. Путешествовать с мешком золота (как, впрочем, и держать его дома) было опасно. Имея представительства чуть ли не в каждом городе, тамплиеры решили проблему многих и многих людей. Передать деньги Ордену на хранение было надежней, чем спрятать их под полом или зарыть в саду. Да что там — в 1261 году сам английский король вручил тамплиерам на хранение свою корону!

Сдав деньги в Бургундии, можно было получить их назад за много сотен километров — скажем, в одном из замков на Востоке, причем в нужных денежных единицах. Во время путешествия у тебя на руках оставалось лишь заемное письмо — таинственная шифровка, подлинность которой безошибочно мог определить лишь казначей командорства. Тамплиеры оказывали и другие банковские услуги, суть которых с первого прочтения будет понятна лишь профессиональному финансисту. Они обеспечивали под небольшие проценты охрану вверенных им ценностей, перевозили их из одного места в другое, доставляли имущество погибшего паломника к его наследникам, служили гарантами финансовых операций, контролировали поступления в казну клиента денег от сделок или контрактов. Осуществлялись и безналичные расчеты — для этого было достаточно просто сделать соответствующую запись в конторских бумагах. Поистине, правы были современники, говоря, что бухгалтерских книг на полках предприимчивых рыцарей куда больше, чем духовных...

Командорства плотной сетью опутали дряхлеющее тело Европы. Хронист Матвей Парижский оценивает их количество в девять тысяч, но, даже уменьшив цифру в десять раз, мы получим весьма солидный результат. Вначале это были обычные деревенские хозяйства, каждым из которых управляли несколько братьев. Полученные в дар поместья располагались достаточно хаотично. Позже храмовники получили финансовую возможность основывать командорства там, где это было необходимо им. Как ни парадоксально, эта необходимость исходила из первичной задачи Ордена — защиты паломников. Да-да, оказывается, на этом богоугодном деле тоже вполне можно было делать деньги! Странно, но факт — пути паломников совпадали с важнейшими торговыми трассами того времени, и именно вдоль них тамплиеры начали закладывать свои командорства, располагая их на расстоянии одного дня пути. Там, где не было крепостных стен, возводились укрепления. Цепь командорств позволяла Ордену оказывать и смежные услуги, например, курьерские — известен случай, когда письмо из Акры было доставлено в Лондон всего за тринадцать недель (обычно корреспонденция шла годами).

Появление командорств стало настоящим подарком для паломников. «Templ stown» были не только военными форпостами, но и бесплатными госпиталями, центрами кузнечного дела и торговли. В них люди чувствовали себя в полной безопасности. Не надо было волноваться и за сохранность имущества — ведь на время путешествия его можно было попросту сдать на хранение. Дальше — больше, и очень скоро те, кому не хватало собственных средств для путешествия к Святым Местам, стали получать у тамплиеров ссуды под залог своих земель.

Разумеется, Орден не мог заниматься ростовщичеством в открытую. Ростовщиков осуждала церковь, да и в обществе их не жаловали. Но братья и тут нашли выход — прибыль от сделки пряталась так искусно, что никто не смог бы обвинить их в получении ссудного процента. Заглянем в документ 1135 года, повествующий о чете паломников, отправляющихся в Иерусалим, — некоем Пере Десе из Сарагосы и его жене Элизабете. Им была выдана определенная ссуда — и после их возвращения тамплиеры получали назад ровно ту же сумму. Правда, есть одно «но»: пока супруги путешествовали, Орден

присваивал всю прибыль с их владений (а паломничество было делом не одного года). Вот расписка: «Мы отдаем Богу и рыцарству Ордена Храма наше наследство в Сарагосе и все, чем мы там обладаем. И вслед за этим сеньоры Ордена Храма Соломона из милосердия выдадут нам 50 мараведи, чтобы мы совершили свое паломничество ко Гробу Господню. И мы составляем сей договор на случай, ежели один или другой из нас возвратится из этого паломничества в Сарагосу, и мы пожелаем воспользоваться этой собственностью, чтобы они приписали на свой счет бенефиции, кои извлекли бы из нашей собственности, а их 50 мараведи мы им выплатим. Потом мы будем проживать в своих владениях, и после нашей смерти они останутся свободными от Ордена Храма Соломонова навсегда».

Увы, не у всех паломников были владения, привлекательные в смысле извлечения прибыли. Для таких «клиентов» существовала иная схема: по документам сумма займа была больше реальной. При этом был обязателен залог — например, в виде фамильных драгоценностей. Даже король Англии Иоанн II, получая у ордена кредит в 3000 марок, был вынужден заложить ордену золото на ту же сумму. Процентные ставки тщательно скрывались, но исследователи считают, что рыцари-монахи брали «по-божески» — не более 12 процентов годовых.

В общем, тамплиеры быстро поняли — деньги должны делать деньги. Историки подозревают, что один из творцов их империи, брат Эсташ, будущий финансовый советник Людовика VII, был ломбардцем — а именно из Ломбардии происходили знаменитые купцы и банкиры, главные конкуренты храмовников на рынке средневековой Европы. По сути, рыцарями была создана первая международная финансовая корпорация с крупными центрами в Ла-Рошели, Генуе, Лондоне. Но основой основ был все же замок Тампль в Париже — крупнейшее командорство, резиденция магистра Франции, занимавшее площадь более шести гектаров. В огромной башне хранился «золотой запас» Ордена. Замок был окружен мощной стеной с маленькими окошками, через которые передавались деньги, векселя и заемные письма.

Логично спросить: а как же обет бедности, который давал каждый рыцарь при посвящении? Как можно назвать неимущими представителей самой богатой корпорации своего времени? И все же — они были бедны. Отдельно взятый тамплиер не имел ничего, за исключением самого необходимого. Если после смерти рыцаря обнаруживали припрятанные им деньги, устав предписывал не хоронить его в освященной земле, а «закопать, как раба», не читая молитв. Если же в подобном преступлении уличали магистра, с ним надлежало «поступить так же, и еще хуже».

«Никто не должен ни носить, ни держать деньги без разрешения, — гласил устав. — Когда брат просит деньги у какого-нибудь из наших братьев, чтобы что-либо купить, он должен купить это как можно скорее... а другую вещь не должен покупать без разрешения. Каждый брат ордена Храма, и магистр, и прочий, должен тщательно остерегаться, чтобы не носить ни личных денег, ни золота, ни серебра; ибо монах не должен иметь ничего своего; как говорили святые, монах, имеющий су, не стоит и су».

Принцип независимости от материальных благ распространялся на все, что могло стать собственностью рыцаря. Могло — но не должно было. Его задача — не присвоить ценность, а справедливо распорядиться ею на благо общего дела. Всем имуществом владел и управлял Орден: «Не нам, Господи, не нам, а все во славу имени Твоего!»...

Отринув земную мелочность, тамплиеры играют по-крупному. В 1160 году они выступают гарантами брачного договора между детьми Генриха II и Людовика VII — английским наследником и юной принцессой Маргаритой Французской. Поскольку

свадьба должна была состояться лишь после совершеннолетия принцессы, охранять приданое поручили тамплиерам. В качестве приданого выступали несколько замков, в том числе знаменитый Жизор (к его таинственной истории мы еще вернемся). Справедливости ради отметим, что храмовники охраняли вверенное имущество не слишком ревностно. Когда четыре месяца спустя Генрих, нарушив условия договора, повелел отпраздновать свадьбу до назначенного срока, тамплиеры незамедлительно передали Жизор в его руки. Король Франции был в таком гневе, что приказал повесить гарантов. Провинившимся рыцарям все-таки удалось бежать в Англию, где они и были приняты с распростертыми объятиями. Впрочем, Людовик вскоре сменил гнев на милость, и дело было замято...

Не удивительно, что именно тамплиеры с начала XIII века являются казначеями королей. В 1204 году казначеем короля Франции Филиппа Августа назначен брат Эймар, в 1263-м казначеем Людовика IX становится «рыцарь бедный» Амори де Ла Рош. Филипп IV попытался было поломать привычный ход вещей — по образу и подобию банка тамплиеров он создает в 1295 году «казну Лувра». Увы, его ожидало полное фиаско — уже через несколько лет управление королевской казной перешло к храмовникам. Конечно, они скорее «работали с документами», нежели с деньгами, но золото французского короля хранилось в башне парижского Тампля.

К слову сказать, когда в 1250 году Людовик IX Святой попал в плен к сарацинам, за него потребовали баснословный выкуп — 25 тысяч ливров! Ни у одного государства Европы не было таких денег. Обратились к храмовникам. Их казначей — даже не в Париже, а в Акре, — немного поторговавшись, выдал всю сумму...

Разумеется, далеко не всегда рыцари бывали столь щедры и бескорыстны. Когда в 1187-м пал Иерусалим, в городе оставалось немало мирных жителей. Султан Саладин предложил выкупить их — но Орден, созданный для охраны паломников, не дал ни гроша. Шестнадцать тысяч христиан были угнаны в рабство. В другой раз тамплиеры предоставили защиту влиятельному арабскому властителю. Он уже был вполне готов принять христианство — но рыцари продали несчастного его преследователям, которые вскоре и казнили беднягу. Что двигало братьями: жажда наживы или соображения высшего порядка, — сказать трудно. Но факт остается фактом — не все их денежные операции выдержали бы финансовую (да и христианскую) проверку. Так, в 1199 году они наотрез отказались вернуть средства епископа Сидона, положенные им на хранение, — за что тот незамедлительно предал анафеме весь Орден. В архивах хранится немало документов о постоянных тяжбах между епископальными властями и храмовниками. Впрочем, тягаться с последними было делом достаточно бесперспективным. Апелляция к папе неизбежно решала дело в пользу рыцарей-монахов. «...Вы не должны допускать, чтобы их (тамплиеров) церкви подвергались интердикту или отлучению, и вам следует наказывать своих прихожан, которые досаждают братьям или силой вторгаются в их Дома, дабы похитить их имущество или чужое имущество, помещенное в них...» Кстати, и в случае с обманутым сидонским вкладчиком дело не обошлось без вмешательства папы. Тот, недолго думая, отстранил разъяренного епископа от сана.

Прославились тамплиеры и как сборщики налогов. Они лихо откупали это право у королей и крупных феодалов. Да что там — они собирали налоги и для самого папы — например, тот, что был специально введен для финансирования крестовых походов. Словом, пытались получить прибыль везде, где можно, — а зачастую, где и нельзя. Столкнувшись же с какой-либо проблемой — например, с неплатежами — вновь призывали на помощь «тяжелую артиллерию». Сохранилась, например, булла папы Луция III, где он, обращаясь к епископам юга Франции, требует не позже, чем через месяц, вернуть храмовникам все долги.

Разумеется, тамплиеры не только собирали чужие деньги. Они чеканили и собственные монеты, выкупив монополию у королевского дома. Особенно ценился парижский дукат — 1,22 грамма серебра 416-й пробы. Но почему серебро, а не золото? Известно, что из Палестины тамплиеры вывезли примерно тонну этого металла — не так уж и много для того, чтобы «серебряный век» объявить открытым. Ученые, не теряя надежды узнать правду о происхождении таинственных монет, выдвигают на сей счет самые фантастические теории. Хорошо известно, скажем, что командорства строились, прежде всего, на юге, поближе к Средиземному морю. Но были и крепости на Атлантическом побережье — например, неприступная с моря и суши Ла-Рошель. Через нее не пролегли торговые пути — и все же именно здесь располагалось мощное приорство, в котором сходились «семь дорог тамплиеров», ведущих из разных концов Франции. Зачем нужен был ордену этот порт, что расположился к югу от Англии и к северу от Португалии?

Гипотеза, выдвинутая Жаном Де Ля Варандом, историком из Нормандии, кажется неправдоподобной. Оказывается, задолго до Колумба тамплиеры плавали в Новый Свет, и именно для этой цели служил им Ла-Рошель. Вот почему храмовники чеканили монеты из серебра. Именно оно хлынуло в Европу из Америки бурным потоком — после того, как корабли европейцев стали регулярно пересекать океан. Между прочим, один из этих европейцев по имени Христофор Колумб, отправляясь в свое знаменитое плавание, выбрал весьма необычный флаг: белое полотнище с красным крестом...

Та к могли ли рыцари-монахи наладить регулярные экспедиции в не открытый еще Новый Свет? В принципе ничего сверхъестественного в этом нет. В конце концов, викинги плавали туда еще раньше — и на куда менее совершенных судах. А храмовникам служили опытные мореходы, они, как мы помним, знали компас. Конечно, прямых доказательств трансатлантическим плаваниям нет — да и откуда им взяться? Даже если храмовники и в самом деле нашли путь в Новый Свет, вряд ли они стали бы трубить направо и налево об этом открытии. В конце концов, загадочность составляла самую суть их Ордена. А в данном случае, стимул держать язык за зубами был двойной — ведь за этим стояли баснословные прибыли.

Кстати, косвенные доказательства безумной теории Ля Варанда все-таки существуют.

В четырехстах километрах к северу от мексиканского Паленке высится пирамида Ушмаль — на языке майя «построенный трижды». По восточной и западной сторонам пирамиды тянутся лестницы. Их боковины покрыты мозаикой, среди узоров которой часто повторяется изображение креста — до боли похожего на крест тамплиеров. Если внимательно рассмотреть роспись фронтонов орденового Храма в городе Верелай во французской Бургонии, то среди людей, окружающих Христа, можно обнаружить мужчину, женщину и ребенка с непропорционально большими ушными раковинами. Мужчина одет в убранство из перьев, на голове у него — шлем викинга. Женщина — в длинной юбке, грудь ее обнажена. Подобное изображение было обнаружено и в Национальном архиве Франции. На печати Ордена, захваченной жандармами короля в 1307 году, видна надпись «Тайна Храма». В центре — фигура человека в набедренной повязке, с убором из перьев на голове. В правой руке он держит лук, внизу изображена скандинавская свастика — крест с загнутыми концами. Стало быть, Ля Варанд был прав хотя бы в одном — тамплиеры знали о существовании Нового Света.

Есть, конечно, и другая гипотеза, с которой наверняка согласился бы знаменитый алхимик Фулканелли. Серебро тамплиеров — не единственный случай в истории, когда неизвестно откуда в обороте появлялось большое количество драгоценного металла. Ни один из этих

фактов не имеет научного обоснования. Так, может, рыцари Ордена Храма и сами были алхимиками?

Известно, что, будучи на Востоке (приорства располагались и в Сирии, и в Ливане, и на Кипре — центрах древнейших эзотерических учений), они проявляли повышенный интерес к тайным исламским учениям и сектам. Именно здесь храмовники имели реальную возможность позаимствовать многие секреты восточных магов и чернокнижников. Увы, их тайные лаборатории напрасно разыскивали инквизиция и прокуроры. Ничего не знаем о них и мы.

Поэтому лично мне куда милее романтическая теория о путешествиях в Новый Свет. Кто знает — может, именно там, за океаном, и обнаружатся когда-нибудь знаменитые сокровища тамплиеров, бесследно растворившиеся в ночи накануне ареста?

«...Они в одиночку способны были выступить против тысячи...»

Но давайте оставим на время в покое сокровища тамплиеров и поговорим о том, на что, собственно, и уходила большая часть богатств Ордена, — о войне с сарацинами. Западные командорства неустанно трудились ради Святой Земли — поставляли деньги на содержание крепостей и наёмников, отправляли в Палестину новобранцев. Храмовники участвовали во всех Крестовых походах — осаждали крепости неверных, нападали на их отряды. Об их непомерной отваге было известно еще с первой половины XI века, когда они принимали активное участие в испанской Реконквисте, когда народы Пиренеев дружно поднялись против захватчиков-арабов. Все помнили и о том, как в 1146-м тамплиеры спасли жизнь самому Людовику VII, попавшему в засаду в горах Лаодикеи... «Гора была крутой и каменистой, а подъем — труден для наших, видевших вершины, касающиеся небес, а в глубокой лощине — поток, спускавшийся в преисподнюю, — читаем в дорожных записках секретаря Людовика Одона де Дёй. — Толпа все прибывала, люди толкались, пока не вскарабкались. Падающие камни завалили дорогу, и наши, отыскивая путь, теснились друг к другу, насколько это было возможно, опасаясь собственного падения или падения другого. В то же время турки и греки, недосыгаемые за хребтами для наших стрел, всюду развлекались этим представлением, дожидаясь вечера. Темнело, а наш обоз скопился в ущелье. Как если бы сих бед было недостаточно, враг выбрал именно этот момент, чтобы напасть. Турки вышли из-за утесов, так как не опасались больше нашего авангарда и не видели еще арьергарда. Они нанесли удар и сбросили вниз наших пехотинцев, падавших и скользивших подобно стаду. Поднявшиеся вопли достигли небес и слуха короля. То т сделал все, что смог, но небо послало только ночь — тем не менее, темнота-то и остановила избиение. Цвет Франции был скошен, не успев принести свои плоды в Дамаске...»

Уже наши лошади страдали от голода, так как прошли много дней без овса и почти без травы; уже не хватало продовольствия людям, которые брели в течение двадцати дней, в то время как жаждущие крови турки окружали нас, подобных жертвенным животным. Магистр Ордена Храма сеньор Эввар де Бар, почитаемый за свою веру и ценный пример для войска, и его братья следили за своими собственными лошадьми и поклажей и, насколько могли, храбро защищали поклажу и лошадей других. Король, который любил их и охотно подражал их примеру, пожелал, чтобы все войско держалось их и чтобы наше духовное единство укрепило слабых. Наконец, по общему согласию, решили держаться в этой опасности по-братски, все вместе. Все, богатые и бедные, дали слово, что не сбегут из лагеря и во всем будут повиноваться магистру, которого им пошлют. Потом таковым избрали командира по имени Жильбер и определили ему пятьдесят рыцарей в качестве соратников... Все войско слушалось его приказов, и мы радовались, спускаясь в безопасности с гор, избавленные от любого нападения врага...»

Увы, несмотря на чудесное избавление, этот Крестовый поход захлебнулся. Однако Людовик VII никогда не забывал об оказанной ему помощи. «Мы не видим, не можем себе представить, как бы смогли прожить хотя бы миг в этих краях без их помощи и их участия, — писал он. — Мы никогда не испытывали недостатка в этой помощи, начиная с первого дня нашего прибытия и до сего момента, когда сии письма нас покидают, и они продолжают выказывать себя все более услужливыми...»

За всю историю Ордена не было случая, чтобы тамплиер бежал с поля боя. Попав в плен, рыцари с презрением смотрели в лицо своим врагам. Шевалье Одон де Сент-Аман — лишь один из тех, кто умер в неволе, отказавшись заплатить выкуп. Его слова о том, что «тамплиер может предложить в качестве выкупа лишь свой боевой пояс», повергли его мучителей в настоящий ужас.

Жак де Витри писал: «...Они в одиночку способны были выступить против тысячи, а вдвоем могли преследовать десять тысяч». Не случайно сам султан Саладин поклялся: «Я очищу землю от этих поганых орденов». А слово его было крепкое — за отвагу и своеобразное благородство султана уважали даже франки. Когда однажды Саладин вошел во взятый им город, бедная христианка, у которой отобрали сына, бросилась к ногам султана. Властитель выслушал ее, а затем, поставив ногу на шею лошади, заявил, что не сдвинется с места, пока ребенка не найдут. Эмиры исполнили его повеление, и сын был возвращен матери на глазах победителя... Не зря миннезингер Вольфрам фон Эшенбах воспел его как человека, равного в своих добродетелях истинным христианам...

Таков был человек, во всеуслышание объявивший рыцарскую братию «врагом номер один». И право, ему было за что их ненавидеть. Ни одна крупная битва того времени не обходилась без участия тамплиеров.

...В 1153 году король Иерусалима Болдуин III выступил на Аскалон — город Астарты, финикийской богини любви... Когда-то сюда, убив тридцать филистимлян, ушел из Тимнафа Самсон. Здесь, среди кипарисов и гранатовых деревьев, родился будущий царь Ирод. Пророки разных лет неоднократно предсказывали городу печальную участь — и не ошиблись. Горлицы, спутницы Астарты, и доселе оглашают своим воркованием дикие сады в песчаных впадинах крепостных развалин....

Но все это случится позже. А пока город — в руках неверных. Иерусалимский король Болдуин готовится к походу. Южнее Аскалона по его приказу возводится замок Газа. «...Они взяли часть этой земли, заложили там фундаменты и возвели тяжелые и крепкие башни, высокие и толстые стены, отвесные и глубокие рвы; превосходно был построен сей замок, и всё это — по общему совету тамплиеров, ибо тогда в этом ордене доставало братьев, бывших добрыми рыцарями и достойными мужами. И, заполучив его, они прекрасно охраняли замок. Много неприятностей доставили они оттуда жителям Аскалона...» Египетский город оказался в кольце оборонительных укреплений христиан. Он тоже являл собой крепость — непробиваемое кольцо стен, за которыми жили одни лишь воины.

Армия крестоносцев выступила весной. Во главе ее шел патриарх Фульхерий, зажав в руках древо Животворящего Креста... Пять месяцев длилась осада Аксалона, когда на помощь к египтянам явились семьдесят новых кораблей. Жестокая морская битва фактически уничтожила истощенный долгими баталиями флот франков.

Но, видимо, само небо было в тот год на стороне рыцарей. Для атак на город ими была изготовлена огромная подвижная башня, больше похожая на крепость. Желая уничтожить опасную помеху, египтяне набросали вокруг нее огромное количество дров, облили маслом, обложили серой и подожгли. О, чудо — ветер, дувший с востока, развернул пламя и понес на город!

Пожар, длившийся день и ночь, раскалил каменные стены — и на рассвете они разрушились в прах.

«... Великий шум произвело сие разрушение, такой, что подскочило все войско, и все бросились к оружию, чтобы войти в город через этот пролом в стене. Но Великий магистр Ордена Храма Бернар де Тремеле со своими тамплиерами намного опередил других и оказался у этого пролома, дабы никто, кроме его братьев, туда не вошел. А поступил он так, чтобы захватить побольше добычи в городе. Ибо обычай сей тогда был распространен в Заморской земле, чтобы придать отваги смелым действиям из-за вождения: когда крепость бралась силой, каждый вступающий в нее мог получить для себя и своих наследников все, что он захватит у врага. Но в городе Аскалоне было столько ценностей и прочей добычи, что все, кто был снаружи, если бы им удалось, могли бы обогатиться сообразно тому, кем был каждый. Случается много раз, что дела, начатые с дурными намерениями, не приводят к доброму концу, и сие было здесь хорошо доказано. Ибо в город проникло сорок тамплиеров, а прочие обороняли брешь в стене, за ними никто не последовал. Турки, которые поначалу были ошеломлены, увидели, что за теми, кто был внутри, никто не идет. Итак, они воспряли духом и бросились на них со всех сторон. Тамплиеры, которых была лишь горстка, не смогли защититься и, таким образом, были перебиты. Когда турки, которые уже отчаялись, услышали об этом деле, они осмелели и приободрились из-за этого происшествия; тогда они стали сбегаться все вместе к узкому проходу в стене и защищать вход. Они поспешно подтащили к пролому большие балки и брусья всех пород дерева, которых у них было достаточно; таким образом, вскоре проход в стене был так хорошо заделан, что никто не мог туда войти... Потом они схватили тех тамплиеров, которых убили, и повесили их всех на веревках на стенах пред войском.

Франки пали духом и начали подумывать о том, чтобы прекратить осаду города. Но патриарх Фульхерий и епископы посоветовали войску вступить вновь в битву, и их мнение было уважено. На другой день битва возобновилась и длилась весь день, обе стороны действовали с большим оживлением, но потери мусульман оказались значительнее. Предложено было перемирие для погребения убитых. Во время перемирия жители Аскалона приняли решение сдать город христианам и выбрали послов к Иерусалимскому королю. Когда послы сообщили вождям латинян о желании сдать им город, те, уже потерявшие надежду на овладение Аскалоном, с радостью согласились на условия мусульман. Жителям Аскалона дано было три дня, чтобы выселиться оттуда со всем своим имуществом, но они не дождались и третьего дня...»

Франки, считавшие взятие города истинным чудом, 19 августа священной процессией вошли в Аскалон. А рассказ о героической гибели сорока тамплиеров еще долго передавался из уст в уста, как когда-то история подвига трехсот спартанцев...

В течение всего XII века отважные храмовники безраздельно царили на полях сражений в Палестине. А потом наступило роковое жаркое лето 87-го, когда, безрассудно решив атаковать сарацин у Рогов Хаттина, тамплиеры потерпели крупное поражение.

...Полученное крестоносцами известие было нерадостным — проклятый Саладин с многотысячным войском перешел Иордан и взял город Тивериаду. Лишь цитадель,

гарнизона которой командовала Эшива, принцесса Галилейская, жена графа Раймонда III Триполийского, по-прежнему отчаянно сопротивлялась ненавистным сарацинам. В ставке возникло смятение: Прекрасная Дама бьется с кровожадными магометянами на берегах озера, по водам которого ходил, яко посуху, Спаситель... Хронист пишет: «Рыцарские чувства воинов воспылали при мысли о сей доблестной даме, из последних сил удерживающей крепость у священного озера. Но встал граф Раймонд, сказавший, что было бы неппростительной ошибкой оставить лагерь и выступить в поход на июльской жаре по голой выжженной земле. Тверия — его город, сказал он, и графиня Эшива — его жена, но лучше утратить Тверию и ее защитников, нежели все королевство Иерусалимское».

Великий магистр Ордена тамплиеров Жерар де Ридефор решительно выступил против подобной трусости. Задача рыцарей — немедля атаковать и уничтожить неверных! Да это просто богохульство — утверждать, что мусульмане могут взять верх. Ведь с нами величайшая святыня христианства — Истинный Крест... Все же военный совет решил отложить наступление. Ровно в полночь, когда Его Величество Ги де Лузиньян остался один в своем шатре, магистр вошел к нему: «Сир, верите ли вы этому предателю, который дал вам подобный совет? Он вам его дал, чтобы вас опозорить. Ибо великий стыд и великие упреки падут на вас... если вы позволите в шести лье от себя захватить город... И знайте же, чтобы хорошенько уразуметь, что тамплиеры сбросят свои белые плащи и продадут, и заложат все, что у них есть, чтобы позор, которому нас подвергли сарацины, был отмщен...»

Лузиньян проникся горячностью магистра. пылая решимостью отправляться в путь немедля, он даже отказался объясниться с баронами, пришедшими к его шатру. Как утверждает Марион Мелвиль, «ночь была полна предзнаменований. Говорили, что лошади отказываются пить, что старая колдунья обошла лагерь, наводя порчу. Крестonosцы пустились в путь еще до зари. Они шли на восток по длинной бесплодной равнине, лежавшей среди еще более засушливых холмов, до «Рогов Хаттина»; по другому склону дорога спускалась к берегам Тивериадского озера. Расстояние было небольшим — двадцать километров от Сефории до Тивериады, — но длинный караван тянулся пешим шагом».

Христиане двигались тремя отрядами; строй замыкали тамплиеры и госпитальеры. Хронист пишет: «Жарким и душным утром 3 июля христианская армия покинула зеленые сады Сефории и выступила в поход на север по безлесым холмам. Граф Раймонд Триполийский вел войско по праву сеньора Галилеи. В центре походной колонны находился король. Ни капли воды, ни колодца, ни ручья не было по пути. Люди и кони равно страдали от жары, пыли и жажды».

Увы, в их рядах не было нового Моисея, который иссек бы воду из камня. После полудня обессиленная армия добралась, наконец, до плато Хаттин. И с ужасом обнаружила, что ущелье Арбель, ведущее вниз, в плодородную долину, полностью заблокировано врагом. Всю ночь армия Иерусалимского королевства изнывала от невыносимой жажды. Совсем близко плескалась полноводная чаша озера. Но — видит око, да зуб неймет... К утру большая часть воинов была не в силах сдвинуться с места, многие лошади пали. А тут еще туркменские всадники Саладина подожгли сухую траву, и едкий дым плотной завесой окутал рыцарский лагерь...

То, что началось далее, вошло в историю под названием Хаттинское побоище. Христиане, забыв обо всех правилах военного искусства, рвались к воде, сарацины косили их, как траву. Король приказал тамплиерам взять в кольцо шатер епископа Акры Руфина, где

хранился Животворящий Крест. Но тут вихрем налетел племянник султана Таки ад-Дин. Острой кривой саблей зарубил он Руфина и с драгоценным трофеем вернулся к своим.

Есть, правда, и другая версия. Мол, накануне гибельной битвы безымянный тамплиер, денно и ночно стоявший подле Креста Господнего на часах, закопал его, дабы спасти от мусульман. Ему было суждено выжить в страшной битве. Много лет спустя он объявится у короля Иерусалимского и объявит, что, ежели дадут ему надежного проводника, он отыщет священную реликвию. Тр и ночи (опасаясь сарацин) рыли песок, но так ничего и не нашли...

...Уцелевших рыцарей отвели в шатер султана. Саладдин собственными руками поднес королю чашу с напитком владык: прозрачной озерной водой, охлажденной льдом с вершины горы Хермон. Ги отпил и передал чашу графу Рене де Шатильону, которого султан поклялся убить, как своего заклятого врага. По арабскому обычаю, пленнику, получившему из рук победителя еду или воду, нельзя причинять вреда. «Это ты дал ему напиток — не я!» — воскликнул Саладдин. Он выхватил саблю и снес де Шатильону голову. А потом, опустив палец в кровь врага, провел им по своему лицу — месть свершилась.

Победители и побежденные вместе провели ночь на поле брани. А на следующий день Саладдин отправился к Тивериаде, и отважная графиня Эшива сдала ему цитадель...

Какая же участь постигла пленных? Туркополов — местных наемников — как изменников веры, казнили на месте. Остальных отправили в Дамаск. Всем захваченным рыцарям был предложен выбор: принять ислам или умереть. Лишь тамплиерам Саладдин приказал отрубить головы сразу — ибо «они проявили большее рвение в бою, чем остальные франки». Двести тридцать человек были казнены.

Но даже катастрофа при Хаттине не поколебала мощи Ордена. Едва оправившись от ран, Европа начала готовиться к третьему Крестовому походу, в стороне от которого не остались и доблестные храмовники. Труба звала к войне немедля — Гийом, епископ Тирский, в таких ярких красках описал те мерзости, которые творят неверные, что английский и французский монархи согласились сражаться под одним знаменем.

И вот флот Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце вошел в залив Акры. К этому моменту тамплиеры вновь остались без великого магистра, и брат Робер де Саблуа, который командовал английскими кораблями, наскоро принесся обеты, встал во главе братства. «Выслуге лет», необходимой для того, чтобы занять этот пост, он противопоставил авторитет отважного воина. История обычно умалчивает о том, что новоиспеченный монах оставил дома жену и двоих детей, — как и о том, что он был неплохим поэтом. Его стихотворная жалоба «Ныне воспеть...» сделала бы честь любому трубадуру:

Увы, я безрассудством был охвачен,
И горький путь мне ныне предназначен.
Но сердце вдруг охватывает страсть...
Не дай, не дай безумному пропасть!
Я словно воспаряю над Землею...
Прекрасная! Я вновь пленен тобою.
Но к милосердию поздно мне взывать,
Я выбрал смерть. Ее и стану ждать...

В Акре Робер де Саблуа несомненно нашел родственную душу. Тогдашний городской епископ Жак де Витри тоже не чурался прекрасного. Правда, его «коньком» были анекдоты — странствуя по белу свету, он собрал их великое множество. И столько же, если не больше, сочинил сам — дабы украшать ими свои проповеди, которые всегда собирали огромное число слушателей. Епископ Акры любил сочинять для узкой аудитории — скажем, для студентов или монахов. Но две проповеди прямо адресованы рыцарям Ордена Храма, вызывавшим его неподдельное восхищение. Он до небес превозносит их роль по защите Святой Церкви: от сарацин — в Сирии, от мавров — в Испании, от язычников — в Пруссии, от схизматиков — в Греции и от еретиков — повсюду, где ступала нога человека... Вот скачет четверка библейских лошадей — прообраз рыцарских орденов. Гнедая — тамплиеры, белая — госпитальеры, вороная — тевтоны и пегая — прочие братства, коих немало развелось повсюду. «Вы движетесь вперед в военное время, вы возвращаетесь назад во время мира; двигаясь вперед делом, возвращаясь в созерцание; отправляясь на войну сражаться, мирно возвращаясь к молитве; вы рыцари в битве и монахи в своем жилище»...

Далее следуют назидания — о гордыне и похвальбе, о гневе и сладострастии, о лени и скупости... Не стоит подражать повадкам петухов на птичьем дворе, дерущихся из одной лишь неприязни друг к другу. Не надо копировать повадок ночной птицы — совы, которая радуется неудачам других... Пусть не родится в сердцах рыцарей презрения к тем, кто слабее силой или по рождению — «ибо бахвальство проистекает от тщеславия... Не только победа, но и храбрость идет от Бога. Два гордеца не поскачут в одном седле». Помните? Два рыцаря на одном коне, первая печать Ордена Храма, по Жаку де Витри — символ не бедности, а подлинного братства.

«Чтобы не посмели вы прожить ни одного дня в таком состоянии, в котором вы не решились бы умереть». Нечто подобное мы уже слышали: «Жить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»... Автор одного из главных бестселлеров эпохи развитого социализма, несомненно, обладал стойкостью тамплиера. А братья-рыцари о том, как закалялась сталь, знали не понаслышке. Сарацинские мечи разили наповал — и вот Жак де Витри рассказывает историю о рыцаре, который в день сражения говорит верному скакуну: «Мой конь, мой добрый товарищ, я провел много добрых дней, скача на твоей спине, но этот день превзойдет все другие, ибо сегодня ты понесешь меня в Рай»... Или другой рассказ — о рыцарях, столь ревностно соблюдавших посты, что они буквально валились с ног от слабости. «Слыхал я, как рассказывали об одном из них, рыцаре очень благочестивом, но совершенно не доблестном, который свалился со своего коня при первом же ударе копья, получив его в стычке с язычниками. Один из его братьев посадил его вновь в седло, с великой опасностью для самого себя, и наш рыцарь бросился на сарацин, которые его снова выбили из седла. Тогда второй, два раза подняв его и спасши, сказал: «Сеньор Хлеб с Водой, отныне поберегитесь, ибо если вы еще свалитесь, поднимать вас буду не я!»

Храмовники внимали своему епископу с благоговением. Но, как известно, когда говорят пушки — музы молчат. Сопровождая крестоносцев в походы, Витри — уже «не писатель, а читатель» — провел нескончаемое время за книгами, которые обнаруживал в частных библиотеках. «Священная История» Гийома Тирского вдохновила святого отца настолько, что он решил создать собственную историю Востока, поведав всему миру о милых его сердцу тамплиерах.

«Их доброе имя и слава об их святости, — писал он, — подобны сосуду с благовониями, распространяющему сладчайшее благоухание по всему миру, и все святые братства будут помнить их битвы и славные победы над врагами Христовыми. Рыцари же из всех уголков

земли, герцоги и князья, по их примеру сбросив мирские оковы, отказавшись от суетной жизни и плотских утех ради дела Христова, спешили присоединиться к ним и разделить их святой обет служения». Самые отчаянные храбрецы того времени изъявили желание сражаться под черно-белым знаменем Ордена. Много светских рыцарей встало в ряды воинов-монахов с красным крестом на левой стороне груди.

Ровно шесть недель спустя после прибытия флота английской и французской короли вместе с турецкими эмирами собрались в палатке Великого магистра. Именно там был заключен договор о сдаче Акры. Тяжелые ворота распахнулись перед крестоносцами. Тамплиеры получили в собственность три участка земли неподалеку от моря. Совсем скоро здесь появится знаменитый Храм — отныне главная резиденция ордена. А пока... Пока Саладдин обратился к храмовникам с просьбой помочь в освобождении пленников, «замолвив словечко» перед Ричардом Львиное Сердце. Однако Робер де Саблуа, помятуя о Хаттине, ответил: «У вас слово и пощада, довольствуйтесь этим!» Судьба захваченного гарнизона осталась целиком в руках Ричарда — и вот однажды, выстроив почти три тысячи пленников, он велел перебить их всех. Говорят, в тот вечер на короля напал один из ужасных приступов бешеной ярости, которыми страдали его предки... В такие минуты, случалось, попадало даже приближенным английского монарха — всем, кроме тамплиеров.

В Святой Земле он поселился вместе с ними, быть может, вспомнив о том, как однажды эти отважные воины помогли сохранить мир в христианской армии. Тогда, повздорив с эрцгерцогом Австрийским, он, Ричард, позабыв монаршую сдержанность, сорвал его знамя с древка и швырнул в ров. Кто знает, чем бы закончилась эта стычка, не встань между ними невозмутимые храмовники...

Не случайно во время знаменитого похода Ричарда из Акры в Аскалон именно они двигались в авангарде. Саладдин всеми силами пытался преградить крестоносцам путь, и марш-бросок превратился в непрерывную одиннадцатидневную битву. Ричард в окружении личной гвардии тамплиеров рубился на переднем крае. А по ночам храмовники, знающие эти места вдоль и поперек (еще Гуго де Пайен «сотоварищи» охраняли здешние дороги), отправлялись за провизией и фуражом. Они прочесывали окрестности и возвращались на заре, гоня перед собою быков и овец. Во время одной из таких вылазок их окружил отряд из четырехсот мусульманских всадников. Ричард Львиное Сердце послал графа Лестерского с отборными английскими рыцарями им на помощь. Но силы врага были столь велики, что неминуемо погибли бы все, не подоспей сам Ричард со своим знаменитым боевым топором.

...В широкой долине возле Рамлы Саладдин делает последнюю отчаянную попытку, которой суждено воплотиться в одну из величайших битв века. Жоффруа де Венсоф пишет: «Со всех сторон, сколько мог охватить взор, от морского побережья до гор, ничего не было видно, кроме леса копий, среди которых развевались бесчисленные знамена. Лютые бедуины, сыны пустыни, на своих быстрых арабских скакунах молниеносно пересекли широкую равнину, и в воздухе стало темно от их дротиков и копий. Свирепые и жестокие, устрашающего вида, с кожей чернее сажи, они старались быстрым движением и постоянными атаками нарушить строй христианских воинов. Бедуины кидались в атаку со страшными воплями и криками, которые, вместе с оглушительным звуком труб, горнов, цимбал и бронзовых литавр создавали шум, потрясавший всю равнину и способный заглушить даже громы небесные.

Бой начался на левом крыле госпитальеров, и христиане главным образом были обязаны своей победой доблестному королю Ричарду. Хотя войска Саладина были смяты, он

остался на равнине, не спуская своих знамен, и звук его литавр не умолк; он собрал свою армию, отступил к Рамле и приготовился защищать дорогу, ведущую на Иерусалим. Тамплиеры и госпитальеры, когда битва закончилась, отправились на поиски Жака д'Авена, одного из храбрейших рыцарей Ричарда, чье мертвое тело они на копьях принесли в лагерь под горестный плач и причитания своих соратников».

Когда христианская армия отправилась на зимние квартиры, тамплиеры обосновались в Газе. А едва окончились зимние дожди, войско вновь выступило в поход. Тамплиеры не советовали Ричарду Львиное Сердце идти на Иерусалим. Единожды взяв город, его пришлось бы удерживать от орд неверных, а оборонительные сооружения не были достаточно хороши. Позже, на процессе, эту вполне трезвую оценку ситуации палачи тамплиеров возведут в ранг трусости. «... Когда крестоносцы горько сетовали на жару и холод, на грязь и пыль, тамплиеры и госпитальеры, стиснув зубы, заменяли сторожевых псов. Когда французы или англичане с ностальгией говорили о возвращении на Запад к своим очагам, женам и детям, рыцари-монахи умолкали. Единственным местом, связующим их всех, был Святой Град. Но когда Роберт де Сабле посоветовал Ричарду взять Аскалон и Дарум, прежде чем рисковать наступлением на Иерусалим, его осторожность расценили как новое доказательство „предательства тамплиеров“...» — ну вправе ли мы упрекнуть Марион Мелвиль в излишней симпатии к этим самым рыцарям-монахам! Кстати, и король прислушался к их мнению, приняв решение «на деле придерживать крестоносцев, дабы их желание освободить Святой Град не было выполнено». Военная кампания завершилась подписанием мирного договора. Христиане получили право посещать Иерусалим как паломники. Им отходили Тир, Акра и Яффа, а также все побережье между ними. Но укрепления Аскалона, по требованию Саладдина, должны быть разрушены — как и предсказывали древние пророки...

Сам Ричард навсегда покинул Святую Землю. Но перед этим, как пишет хроника, «... прибыл он к магистру Ордена Храма и сказал ему: „Сир магистр, я хорошо знаю, что меня не любят, и, переплыв море, как бы не попасть мне туда, где меня могут убить или взять в плен. Посему я прошу вас повелеть вашим братьям-рыцарям и сержантам, которые поплывут со мной на моем корабле, приготовиться, чтобы, когда я прибуду, они бы меня проводили, как если бы я был тамплиером, до моей страны“. Магистр ответил: „Охотно“. Он велел тайно подготовить своих людей и посадил их на галеру. Король распрощался с графом Генрихом, тамплиерами и баронами Святой Земли и взшел на свой корабль. В час вечерни он перешел на галеру тамплиеров... и одни поплыли своим путем, а другие — своим»...

...Год от года, десятилетие от десятилетия — рыцари Храма превращались в настоящих хозяев Святой Земли. Они читают ее не только по тропам и скалам; кажется, им удалось уловить саму суть Востока, недоступную даже королям. Но всему когда-нибудь приходит конец. Началом конца священной миссии христиан на Святой Земле стало появление там Людовика Святого. Начатый им Седьмой Крестовый поход разрушил хрупкий мир на Востоке, который изо всех сил пытался поддерживать Гийом де Соннак, бывший тогда Великим магистром. Тайно стараясь наладить отношения с эмирами, он лишь следовал вековым обычаям Ордена — соблюдая перемирие, было легче начать переговоры или заслат в мусульманский лагерь лазутчиков. Но Людовик Святой был плохим знатоком арабского мира и горячо осуждал Великого магистра за союз с султаном. Как написал один из хронистов: «Магистр ордена Храма и султан Египта совместно заключили столь добрый мир, что оба велели отворить себе в чашу кровь»...

Послание Людовика к прелатам и баронам Франции сколь напыщенно, столь и лишено всякого смысла: «Смелее, воины Христовы! Вооружайтесь и будьте готовы отомстить за

свои обиды и тяжкие оскорбления. Последуйте примеру ваших предков, кои отличались от прочих народов своей набожностью, искренней верой и наполняли слухами о своих прекрасных деяниях мир. Мы опередили вас, поступив на службу к Господу; ступайте же присоединиться к нам. Пусть вы придете позднее, но все равно получите от Господа награду, кою Отче Святого Семейства предоставит равно всем: и тем, кто придет потрудиться в винограднике на склоне дня, и тем, кто явился вначале. Те, кто прибудет сам или пришлет помощь, покуда мы будем здесь, помимо отпущения грехов, обещанных крестоносцам, обретут милость Господню и людскую благодарность. Собирайтесь же, и пусть те, кого любовь к Всевышнему вдохновит прийти или послать помощь, будут готовы к ближайшему апрелю или маю. Что же до тех, кто оказался бы не готов к первому сроку, пусть, по крайней мере, выступят(в поход) ко дню Святого Иоанна. Действовать надлежит быстро, ибо всякое промедление смерти подобно. Вы же, прелаты и прочие служители Христа, заступитесь за нас пред Всевышним, молясь с усердием; прикажите, чтобы молитвы творили во всех подчиненных вам храмах, дабы они несли нам Божественные милость и благословение, коих мы недостойны за грехи наши.

Написано в Акре в год от Рождества Христова 1250, в августе месяце».

Когда в 1254 году, потерпев ряд оглушительных поражений, Людовик покинул Палестину, от Иерусалимского королевства оставалась лишь видимость. Не было ни центральной власти, ни границ; дело Крестовых походов было проиграно. Лишь тамплиеры оставались верны себе. Из последних сил старались они поддерживать порядок в Святой Земле, в то время как потери следовали одна за другой. В 1265 году, после падения Арсуфа, неизвестный рыцарь написал поэму под названием «Гнев и боль»... Литературоведам доподлинно известны две тамплиерские поэмы, вторая из которых — прекрасная элегия о Людовике IX, принадлежит некоему Оливье. Весьма вероятно, что страстные «Гнев и боль» тоже вышли из-под его пера; во всяком случае, все три дошедших до нас отрывка написаны по-провансальски.

«...Гнев и боль осели в моем сердце до такой степени, что я едва смею оставаться в живых. Ибо унизили Крест, который мы приняли в честь Того, кто был распят на кресте. Ни Крест, ни Закон не значат боле ничего для нас, не защищают нас от вероломных турок, да будут они прокляты Богом! Но из того, что явствует, чудится, что в нашей гибели Богу угодно поддерживать их.

Сначала они захватили Цезарею и приступом взяли укрепленный замок Арсуф. Ах, Господи Боже, через что прошли они, сержанты и горожане, находившиеся в стенах Арсуфа? Увы, Восточное королевство потеряло столько, что, по правде сказать, никогда не сможет оправиться.

Не думайте, что Сирия скорбит об этом, ведь она решила и заявила совершенно открыто, что — по возможности — ни одного христианина не останется в ее владениях. Из монастыря Святой Марии сделают мечеть, а так как ее Сын, который должен был бы испытывать боль за это, доволен сим грабежом, мы также вынуждены находить в этом удовольствие.

Безумен тот, кто хочет бороться против турок, поскольку Иисус Христос больше у них ничего не оспаривает. Они победили — и они победят, что гнетет меня, — французов и татар, армян и персов. Они знают, что ежедневно будут принижать нас, ибо Бог, некогда бдивший, спит, а Магомет блистает мощью и заставляет блистать египетского султана.

Папа оказался весьма щедрым на прощения французам и провансальцам, которые помогли ему(в борьбе) против немцев. Он дает нам доказательства великого вождения, ибо наш крест не стоит турецкого креста, и кто бы ни захотел, оставляет крестовый поход ради ломбардской войны. Наши легаты, говорю вам сие по правде, продают Бога и Его Прощение за деньги.

Французские сеньоры, Александрия поступила с вами хуже, чем Ломбардия; турки лишили вас ваших сил и сделали пленниками, и освободит вас только выкуп...»

Гнев и боль — именно такие настроения царили тогда в Палестине. А еще через восемь лет, при вступлении на пост Великого магистра Гийома де Боже, территория государства крестоносцев ограничивалась лишь несколькими городами со столицей в Акре.

5 апреля 1291 года султан Халил осадил Акру. Новый магистр внушал столь сильное уважение турецкому властителю, что он написал ему письмо, дабы уведомить о своем прибытии. «Султан султанов, царь царей, повелитель повелителей... могущественный, грозный, каратель мятежников, победитель франков, и татар, и армян, вырывающий крепости из рук неверных... вам, Магистру, благородному магистру Ордена Храма, истинному и мудрому, привет и наша добрая воля. Поскольку вы — настоящий муж, мы посылаем вам послания о нашей воле и доводим до вас, что мы идем на ваши отряды, чтобы возместить нанесенный нам ущерб, отчего мы не желаем, чтобы власти Акры посылали нам ни письма, ни подарки, ибо мы их больше не примем».

В бессильном отчаянии отцы города все же не нашли ничего лучше, как направить к своему противнику послов. Разумеется, от подношений он, как и обещал, отказался, а посланцев бросил в темницу. Осада началась 5 апреля и продлилась до 18 мая 1291 года. Со стен крепости осажденные видели бескрайнюю равнину вокруг Акры, покрытую шатрами, поставленными веревка к веревке. «И шатер султана, который называется „дехлиз“, стоял на высоком пригорке, там, где была красивая башня и сад и виноградники Ордена Храма, и каковой „дехлиз“ был весь алый, с открытой к городу Акре дверью; и это было сделано султаном потому, что каждый знает: куда открыта дверь „дехлиза“, этой дорогой должен идти султан».

Неделя прошла спокойно. Потом турки взялись за камнеметы.

«Одна из машин, которую называли Хавебен, иначе сказать — Гневная, находилась перед постом тамплиеров, — пишет хронист, — а другая машина, метавшая на пост пизанцев, называлась Мансур, то есть Победоносная; следующая, большая, которую я не знаю как назвать, метала в пост госпитальеров; и четвертая машина метала в большую башню, называемую Проклятая башня, которая стоит на второй стене и которую защищал королевский отряд. В первую ночь они поставили большие щиты, и щиты, сделанные из прутьев, выстроились перед нашими стенами, и на вторую ночь они приблизились еще, и так приближались, покуда не подошли к водяному рву, и за названными щитами были воины, сошедшие со своих лошадей на землю с луками в руках...»

Шестьдесят тысяч всадников и сто сорок тысяч пеших воинов окружили город. Летописцы прошлого не были бесстрастны — в словах безымянного автора смешались те самые гнев и боль, которые владели защитниками древней цитадели...

«Бесчисленное множество людей всех народов и языков, жаждущих христианской крови, собралось из пустынь Востока и Юга; земля дрожала под их шагами, и воздух дрожал от звука их труб и кимвалов. Солнечные блики от их щитов сверкали на отдаленных холмах,

а наконечники их копий светились, как бесчисленные звезды на небе. Когда они шли, их пики напоминали густой лес, вырастающий из земли и покрывающий все вокруг... Они бродили вокруг стен, ища в них слабые места и полочки; одни рычали, как собаки, другие ревели, как львы, прочие мычали и ревели, словно быки, некоторые били в барабаны кривыми палками по своему обычаю, другие метали дротики, швыряли камни, пускали стрелы из арбалетов.

Не оставалось никакой надежды спастись; но морской путь был открыт; в гавани стояло множество христианских судов и галер тамплиеров и госпитальеров; все же два великих монашеских и военных Ордена сочли неприемлемым отступить на соседний дружественный остров Кипр. Они отказались нарушить даже в последней крайности свой долг, который они поклялись исполнять до последней капли крови. В течение ста семидесяти лет их мечи постоянно оберегали Святую Землю от нечестивых вторжений мусульман; священная земля Палестины была повсюду полита кровью лучших и храбрейших рыцарей, и, верные своим обетам и своему рыцарскому предназначению, они теперь приготовились похоронить себя в развалинах последней твердыни христианской веры.

Гийом де Боже, Великий магистр тамплиеров, участник сотен битв, принял командование гарнизоном, который состоял примерно из 120 отборных рыцарей-тамплиеров и госпитальеров, и отряда в 500 пеших и 200 конных воинов под командованием короля Кипра. Эти силы были разбиты на четыре подразделения, каждое из которых обороняло свой участок стены; первым из них командовал Гуго де Грандисон, английский рыцарь. Старые и больные, женщины и дети были отправлены морем на христианский остров Кипр, и никого не осталось в обреченном городе, кроме тех, кто был готов сражаться, защищая его, или принять мученичество от рук неверных.

Осада длилась шесть недель, и в течение всего этого времени атаки не прекращались. Ни ночью, ни днем не утихали крики штурмующих, и шум военных машин не утихал; стены ломали извне, а под их основание велся подкоп. Более 600 катапульта, баллист и других разрушительных орудий использовались, чтобы сокрушить укрепления; стенобитные орудия были такого огромного размера и веса, что потребовалось сто повозок, чтобы перевезти отдельные брусья от одного из них. Мусульмане возвели передвижные башни, превосходившие по высоте стены; их рабочие и передовые части были защищены плетеной изгородью, покрытой сырыми кожами, и все военные изобретения, которые только могли создать искусство и умение века, применялись, чтобы облегчить штурм. Долгое время их величайшие труды сводились на нет усилиями осажденных, которые совершали постоянные вылазки, уничтожая их постройки, сжигая их башни и машины; разрушали их подкопы. Но день за днем численность гарнизона все уменьшалась, тогда как во вражеском лагере место убитых постоянно занимали новые воины из аравийских пустынь, одушевленные яростным фанатизмом их религии, подобным тому, что отличал воинов-монахов Ордена тамплиеров. Четвертого мая, после 33 дней непрерывных сражений, большая башня, считавшаяся ключом к крепости и названная мусульманами Проклятой башней, обрушилась под ударами военных машин. Чтобы усилить ужас и отчаяние осажденных, султан Халиль посадил на верблюдов 300 барабанщиков с их барабанами и приказал им производить как можно больше шума, когда начнется главный штурм. С 4 по 14 мая атаки не прекращались. Пятнадцатого мая двойная стена была пробита, и король Кипра, охваченный ужасом, ночью бежал к своим кораблям и отплыл на Кипр со своими сторонниками и почти тремя тысячами лучших людей из гарнизона. Наутро сарацины нанесли удар на его участке; они засыпали ров телами убитых людей и коней, брусьями, камнями и землей, и тогда их трубы протрубили сигнал к атаке. Выстроившись под желтым знаменем Магомета, мамлюки через пролом и под

торжественные крики прорвались в самый центр города; но их победоносное продвижение было остановлено одетыми в броню тамплиерами и госпитальерами, которые промчались верхом по узким улицам и оттеснили врагов, перебив их несметное множество, а остальных сбросив вниз со стен.

На рассвете воздух задрожал от оглушительных звуков барабанов и труб, осаждавшие несколько раз врывались в пролом и были отброшены, а под конец монахи-воины перекрыли проход своими телами, преградив, словно стальная стена, путь врагу. Громкие призывы к Богу и Магомету, к небу и святым слышались со всех сторон; после упорного сражения, длившегося с рассвета до заката, тьма положила конец боине. На третий день неверные предприняли решающий штурм со стороны ворот св. Антония. Великие магистры тамплиеров и госпитальеров сражались бок о бок во главе своих рыцарей и некоторое время успешно противостояли натиску врага. Они бились врукопашную с мамлюками и врывались, как последний из их воинов, в самую гущу битвы. Но рыцари падали один за другим под ударами мусульманских сабель, и нечем было заменить их, тогда как огромные орды неверных наступали с прежней энергией и упорством. Маршал госпитальеров пал, покрытый ранами, а Гийом де Боже, в качестве последней меры, попросил Великого магистра этого Ордена с пятью сотнями всадников выбраться из крепости через соседние ворота и атаковать вражеский тыл. Сразу после того, как Великий магистр тамплиеров отдал эти приказания, он сам был сражен вражескими стрелами; охваченные паникой воины гарнизона бежали к порту, а неверные преследовали их с ужасными криками: «Аллах акбар!

Аллах акбар!» Триста тамплиеров, последние, кто остался в живых из прославленного Ордена в Акре, теперь должны были в одиночку противостоять ударам победоносных мамлюков. Выстроившись тесными рядами, они проложили себе путь вместе с несколькими сотнями христианских беженцев к обители ордена и, заперев ворота, снова бросили вызов наступающему врагу.

Выжившие рыцари собрались на капитул и провозгласили Великим магистром брата Гаудини. Обитель Храма в Акре была хорошо укреплена, окружена прочными стенами и башнями. Ее территория делилась на три части, в первой и главной из них располагались дворец Великого магистра, церковь и жилища рыцарей; вторая, именовавшаяся Бургом, включала кельи братьев-служителей; третья, Кетл-Маркет (рынок скота), отводилась для должностных лиц, в чьи обязанности входило обеспечивать всем необходимым Орден и его войско.

На следующее утро победоносный султан предложил тамплиерам сдаться на очень почетных условиях, и они согласились уйти из обители, при условии, что в их распоряжение предоставят судно и что им будет позволено спокойно уплыть вместе с христианами-беженцами, находящимися под их защитой, и забрать с собой столько имущества, сколько каждый из них сможет унести на себе. Мусульманский завоеватель поклялся исполнить эти условия и послал тамплиерам знамя, которое было водружено на одной из башен обители Храма. После этого тамплиеры пропустили в обитель три сотни мусульманских солдат, в чьи обязанности входило следить за исполнением условий капитуляции. Среди христиан, укрывшихся там, было несколько женщин из Акры, которые отказались покинуть своих отцов, братьев и мужей, смелых защитников города, и мусульмане, привлеченные их красотой, отбросили все запреты и нарушили условия капитуляции. Разъяренные тамплиеры закрыли и забаррикадировали ворота обители; они накинулись на вероломных неверных и убили их всех, «от мала до велика». Немедленно после этой бойни мусульманские трубы протрубили призыв к штурму, но тамплиеры успешно защищались до следующего дня. Магистр Гаудини отправил маршала Ордена и

нескольких братьев с флагом перемирия к султану, чтобы объяснить причину убийства его стражи. Но разъяренный монарх, как только они оказались в его руках, повелел всех обезглавить и продолжал осаду с новой силой. Ночью Гаудини с небольшим отрядом рыцарей собрал сокровища Ордена и церковную утварь и покинул обитель через потайной ход, который вел к порту. Они погрузились на маленький корабль и невредимыми добрались до острова Кипр. Оставшиеся тамплиеры отступили в большую башню обители под названием «Башня магистра», которую защищали с отчаянной решимостью. Храбрейшие из мамлюков раз за разом возобновляли атаки, и маленькая крепость была окружена грудями трупов. Наконец султан, отчаявшись взять башню штурмом, приказал разрушить ее. Рабочие, ведя подкоп, подпирали свод с помощью деревянных брусков; когда их труды были закончены, эти деревянные опоры подожгли; громадная башня упала со страшным грохотом и погребла смелых тамплиеров под своими развалинами. Султан поджег город в четырех местах, и последняя христианская твердыня в Палестине быстро превратилась в дымящиеся обезлюдившие руины».

Так закончилась история Ордена тамплиеров на Святой Земле; история могущества и поражений, гордости и слез, подвигов и позора. Государство крестоносцев в Палестине перестало существовать. «Тайному рыцарству Христову и Храма Соломона» пришлось, как и госпитальерам, навсегда покинуть эти места. Оба ордена обосновались на острове Кипр. А еще через несколько лет их пути разошлись. Госпитальеры, как мы уже знаем, покинув Кипр, завоевали Родос, а тамплиеры, сохранив на острове и земли, и замки, переехали в Париж.

Пятница, 13-е

Накануне этого рокового дня французский король Филипп Красивый спал плохо. «Прискорбное дело, горестное дело, отвратительное дело, гнусное преступление, отвратительное злодеяние, омерзительный поступок, ужасный позор, нечеловеческий проступок достиг нашего слуха благодаря чистосердечию многих лиц, ввергнув нас в великое оцепенение и заставив трепетать от ужаса...» Уже давно подписаны секретные эдикты — о том, что на территории Франции в одночасье должны были быть арестованы все тамплиеры. Вскрыть приказы предписывалось в ночь на 13 октября. «Мы, которые поставлены Богом на страже справедливости и свободы, зрело обсудив с прелатами и баронами и другими советниками, приказали арестовать всех членов Ордена в нашем королевстве; всех, без исключения, предать суду церкви, а их движимое и недвижимое имущество конфисковать и передать в наши руки...»

Ненавистные монахи, во владении которых находятся капиталы, большие, чем у правителей Франции и Англии, вместе взятых. И он должен, унижаясь, просить в долг у «бедных рыцарей Христовых»! Их сокровища, накопленные за полтора столетия, он сумел оценить сполна, когда год назад в Париже вспыхнул бунт. Не знакомые стены Лувра стали его защитой — король вынужден был укрыться в Тампле, резиденции храмовников. Еще одно унижение, которое он не в силах забыть...

Но более всего его манило золото. Нужда в деньгах была постоянной — в конце концов, того требовали интересы Франции, границы которой раздвигали регулярные войны. Подати росли, а на Парижском монетном дворе в глубокой тайне обтачивали монеты, чтобы из опилок чеканить новые. Из сотни монет выходило на десяток больше, но и этого решительно не хватало. Приходилось влезать в долги — благо королевское звание позволяло расплачиваться с кредиторами весьма своеобразно. В 1297 году ломбардцы Альбуццо и Гвиди одолжили королю 200 тысяч ливров. Денег он так и не вернул, а банкиры были брошены в темницу. Чуть позже, взяв кредит у еврейских ростовщиков,

Его Величество издал указ об изгнании евреев из Франции с полной конфискацией всего движимого и недвижимого имущества...

Но Орден храмовников, монарший долг которому достиг, в конце концов, астрономической цифры, казался неуязвимым. Не слишком приятно оказаться в положении Генриха III Английского, который в 1252 году попытался оказать давление на братьев-рыцарей. «Вы, тамплиеры, — сказал король, — имеете столько свобод, что это наполняет вас гордыней и наглостью. То, что вам было так неосмотрительно дано, должно быть продуманным образом отобрано». Ответ Великого магистра звучал в ушах Филиппа так явственно, словно он сам присутствовал при разговоре: «Пока ты будешь справедлив, ты будешь царствовать; но если ты нарушишь справедливость, ты перестанешь быть королем!»

Быть справедливым — значит почитать тамплиеров. Такое положение складывалось десятилетиями и казалось аксиомой. Именно этот порог никак не мог переступить Филипп по прозвищу Красивый. С самого момента основания Орден был овеян ореолом священного ужаса. Какую Тайну он хранит, и что является причиной его непревзойденного могущества? А вдруг среди сокровищ Тампля есть нечто особенное, что способно превратить его в величайшего из монархов? Долго король не решался задуть свечу, вновь и вновь мысленно возвращался к тому дню, когда тамплиеры вошли в Париж...

Та к же точно не спали члены капитула тамплиеров накануне своего Великого Возвращения. Одно дело — далекий Восток, законы которого давно стали им близки и понятны, другое — французский двор, с его интригами и коварством. Да лучше десять раз схлестнуться в честном бою с полчищем сарацин, чем терпеть самодурство возлюбленного монарха! А в его нечистых замыслах никто не сомневался. Только что король с легкостью расправился с могущественным покровителем Ордена папой Бонифацием VIII. За что? А вот за что. Филипп приказал обложить налогом церковные земли Франции — разумеется, в свою пользу. Папа воспротивился, полагая, что единственное место, куда должны поступать данные подати, — Рим. Тогда король просто-напросто запретил вывозить из страны золото и серебро, и папа перестал получать деньги из Франции...

В ответ на это Бонифаций VIII издал знаменитую буллу «Unam Sanctam»: есть единая святая католическая церковь, которая имеет лишь одно тело и одну главу — Христа и его наместника на земле — Петра и преемников последнего на папском престоле. «Духовная власть передана человеку, но она не человеческая, а божеская, и кто не повинуется ей, противится воле Господней и подлежит принудительному спасению...»

Судя по всему, Филипп Красивый, отнюдь не желал быть принудительно спасенным. Государственный совет Франции обвинил Бонифация VIII в том, что он противозаконно занимает папский престол, и призвал церковный собор осудить его как еретика и преступника.

По поручению Филиппа Красивого его ближайший советник Гийом де Ногаре отправился в Италию и, проникнув в папскую резиденцию, собственноручно влепил понтифику пощечину. Поговаривали, что это была месть Ногаре за свое неудачное посольство в Рим — когда в ответ на нечаянную дерзость папа кинул в его адрес уничижительную реплику... Впрочем, даже самая сильная ненависть вряд ли послужила бы оправданием оскорбления Святого престола — да преклонных лет Бонифаций спустя месяц умер, в

весьма подходящий момент. Вскоре, как и полагалось, в Соборе Святого Петра в Риме собрался конклав кардиналов, чтобы избрать нового папу.

Лихорадочные поиски кандидата продолжались одиннадцать месяцев. В итоге, по настоянию короля, был избран никому не известный гасконский прелат Бертран де Го. Поистине пути Господни неисповедимы — его мать, Ида де Бланшфор, происходила из семьи того самого Великого магистра Ордена, что повелел когда-то перекопать гору в окрестностях Ренн-ле-Шато... Судя по всему, «голос крови» дремал в Бертрране. Еще до того, как он стал папой Климентом V, Филипп получил от него бумагу, в которой тот обязался помочь монарху навсегда избавиться от ненавистного Ордена. Поистине, владей храмовники мистическими знаниями, каковые приписывала им молва, вряд ли Жак де Моле решил бы перенести резиденцию именно в Париж...

До рассвета не расходились тамплиеры. Сценарий торжественного шествия продумывался до мелочей, каждую из которых храмовники стремились наполнить особенным смыслом. Их появление должно было стать грандиозной и символической картиной — нечто подобное испытали люди, когда перед ними явился Христос...

Когда рыцари вошли в город, солнце уже клонилось к закату. Тысячи парижан, высыпав на улицы, смотрели на Жака де Моле в белом плаще с красным клиновидным крестом. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, глава Ордена твердо держался в роскошном восточном седле. За ним следовали шестьдесят рыцарей — членов капитула. Шествие продолжали те, кто еще не был удостоен столь высоких степеней, — у них на поясе были белые шарфы. Дорогое вооружение, изготовленное лучшими мастерами Европы и Востока, сияло в лучах заходящего солнца. Рыцари ехали молча, бесстрастно глядя перед собой. Подковы мерно цокали по булыжникам мостовых, и ни одна лошадь не нарушила общего ритма.

Дюжие мулы тащили повозки с дубовыми сундуками, окованными железом. Их сопровождали рабы-эфиопы. В сундуках лежало золото — сто пятьдесят тысяч флоринов. А серебра было столько, что его везли прямо в кожаных тюках. Завершали процессию убранные в черные попоны лошади, которые тянули траурный катафалк с просмоленным гробом, рыцарским шлемом и щитом с родовым гербом графов де Боже. Вместе с казной Великий магистр перевозил и прах своего предшественника. Он был в Акре, когда погиб великий Гийом, — все случилось именно так, как засвидетельствовали орденские хроники, которые он, кажется, выучил уже наизусть... «Магистра ордена Храма случайно настигла стрела, когда он поднимал свою левую руку и на ней не было щита, только дротик в правой руке, и стрела сия ударила ему под мышку, и тростник вошел в его тело... И когда он почувал, что ранен смертельно, он стал уходить, а подумали, что он уходит добровольно, чтобы спасти себя и свое знамя... и побежали перед ним, и тогда вся его свита последовала за ним. И поскольку он отходил, добрых двадцать крестоносцев с Долины Сполето подошли к нему и сказали: «Ах, Бога ради, сир, не уходите, ибо город скоро будет потерян». И он ответил им громко, чтобы каждый слышал: «Сеньоры, я не могу, ибо я мертв, видите удар...»

Братья погребли своего магистра перед алтарем. Вторично предав его земле в крипте Тампля, новый глава Ордена намеревался, когда придет время, лечь с ним рядом под массивными каменными плитами подземной церкви...

Пожалуй, ни один Великий магистр Ордена тамплиеров не вызывал столько споров, сколько его последний руководитель Жак де Моле. Ученые до сих пор ломают копья о камни парижской мостовой в том месте, где стоял когда-то Тампль. Жака называют

ничтожным — и восхищаются твердостью его духа. Пишут о том, что он предстал перед комиссией как «бедный, неграмотный рыцарь» — и обожествляют как мученика. Каким же он был на самом деле — двадцать второй и последний Великий магистр великого Ордена?

Сын сельского аристократа из Бургундии, Жак де Моле долгие годы провел в Святой Земле — командором Храма в Акре. Не известно доподлинно, принимал ли он участие в ее обороне от мусульман, но, если да, то оказался в числе немногих уцелевших рыцарей, сумевших после гибели Гийома де Боже морем бежать на Кипр. Возможно, именно ему было поручено высшим орденским руководством ответственнейшее дело спасения казны. Под пологом ночи одиннадцать храмовников погрузили на парусное суденышко сокровищницу Ордена Храма, а также все ценное, что хранилось в его архиве, — и взяли курс на остров Афродиты. Как знать — быть может, эта блестяще проведенная операция (ведь осада еще шла) и послужила тому, что в 1293 году де Моле был избран Великим магистром.

Оказавшись на Кипре, де Моле воспылал решимостью во что бы то ни стало сделать его базой для нового Крестового похода. В необходимости отвоевать Святую Землю у мусульман он не сомневался ни на минуту. Вербовке наемных рыцарей в помощь поредевшему орденскому войску благоприятствовала спасенная из осажденной Акры казна. Сам Жак отплыл в Европу, надеясь заручиться поддержкой ее венценосных правителей, а также папы. Увы, дальше туманных обещаний дело не шло — идея Крестовых походов стремительно теряла популярность...

Тогда де Моле принимает решение атаковать побережье Святой Земли собственными силами — оно было необходимо ему как плацдарм для последующего наступления в глубь захваченных «неверными» Сирии и Палестины. 20 июня 1300 года рыцари напали на мощную вражескую крепость Тортозу. Увы, их союзники-иоанниты оказались не слишком расторопны — и эффект внезапности был утрачен. Потери среди осаждающих оказались столь велики, что, в конце концов, госпитальеры, отказавшись от продолжения борьбы, развернули паруса в сторону Кипра. Тамплиеры же овладели островком Антарадос вблизи Тортозы — и начали готовиться к очередной осаде... Отсюда, с Антарадоса, они станут два года вести войну против магометанских кораблей. Лишь когда противник, зажав Антарадос в кольцо, поставит его гарнизон перед угрозой голодной смерти, он будет вынужден капитулировать... Сарацины клялись сохранить всем жизнь — но обещания не сдержали. Пятьсот наемников были убиты, а немногих уцелевших рыцарей доставили в цепях в Каир. Они, как и многие их братья, до и после, окончили свои дни в темнице, отказавшись отречься от Христа...

Но и это не поколебало решимости Великого магистра. В Париж он привез подробный, сохранившийся до наших дней план организации нового Крестового похода, надеясь найти здесь поддержку. С этой решимостью он въехал в Тампль.

Тампль принадлежал Ордену уже несколько десятков лет — неприступная крепость в сердце Парижа. Стены сложены из огромных глыб, семь башен окружены глубоким рвом. Могучий донжон высотой равнялся двенадцатиэтажному дому, а толщина его стен была не меньше восьми метров. Эта главная башня, стоявшая особняком, являлась резиденцией Великого магистра. Подъемный мост вел с крыши казарм прямо к воротам, сооруженным высоко над землей, — сейчас они хранятся в Винсенском замке. Сложная система рычагов и блоков позволяла в считанные мгновения поднять мост, закрыть дубовые ворота и захлопнуть могучие железные решетки. Глава Ордена жил в сводчатом зале. А под башней, в святая святых, на нескольких ярусах подземелья (сейчас там платформы

станции метро Пари-тампл) хранилась казна Ордена, о размерах которой знали только великий казначей да сам Великий магистр. Последний, по преданию, как-то и показал сокровищницу королю...

Рядом с донжоном находилось место заседаний капитула — церковь с окнами-бойницами. В ее восточной части, за алтарем, окруженным статуями святых, стояла длинная дубовая скамья, похожая на подкову. На ней располагались члены совета во главе с магистром. Тайну того, что они обсуждали, хранили толстые мрачные стены.

Двор Тампля напоминал настоящий город. В нем было все — дома, служебные помещения, конюшни, даже маленький садик, в котором росли лекарственные травы. Посреди крепостного двора раскинулся плац для упражнений. В замке вполне могло укрыться целое рыцарское войско. Даже две колокольни у входа были похожи на крепостные башни, способные, казалось, выдержать любую осаду.

... Сам Филипп встречал Жака де Моле. Король величайшей державы встречал главу самого могущественного рыцарского Ордена. Отчаявшийся должник встречал своего кредитора. И, приветствуя рыцарей Храма, король Франции уже предполагал, чем закончится эта встреча...

Очень скоро Великому магистру станет известно о клеветнических слухах, порочащих доброе имя Ордена перед лицом самого папы. Ему и адресует свое возмущение Жак де Моле, требуя восстановить справедливость. Пусть будет назначено немедленное расследование, ведь обвинения не только беспочвенны, но и абсурдны! Папа обещает разобраться во всем — но сделать этого не успеет. События начнут развиваться так стремительно, как это обычно бывает лишь в телесериалах, когда за один час проигрывается вся последующая жизнь героев...

Десятого октября 1307 года Жак де Моле будет приглашен королем Филиппом на церемонию похорон недавно умершей королевской свояченицы. Великого магистра примут с большими почестями — ему даже окажут высокую честь, позволив нести балдахин над гробом покойной. А в ночь на пятницу 13-е в Тамплъ ворвутся вооруженные королевские стражники. Великий магистр и еще сто пятьдесят рыцарей не окажут им никакого сопротивления. В тот же день в разных частях страны будет схвачено еще более шестисот членов братства Соломонова Храма.

Как повествует хроника, «...под стенами орденского замка разыгралось разнузданное языческое празднество, напоминающее праздник шутов в Рождественскую ночь, когда после мессы толпа мужчин и женщин всех сословий врывается в собор и предается там блуду и пьянству. Именно так случилось и вчера: как только разнесся слух, что вооруженный отряд проник в резиденцию Ордена, парижане бросились в замок, чтобы принять участие в кошунстве. Людям хотелось отомстить тамплиерам за их суровость и спесь. Толпа пускалась в погоню за теми, кто пытался бежать, ловила их, избивала и жалких, истерзанных вручала королевским прево. Из погребов выкатили бочки, и вино полилось рекой. Кухни были разграблены. Всю ночь народ пировал при свете факелов, и на следующее утро, несмотря на дождь, люди теснились вокруг костров, разведенных под открытым небом. Пьяницы храпели на голой земле; публичные девки, надев на себя белые рыцарские плащи, отплясывали непристойные танцы, а увешанные серьгами цыганки били в тамбурины...

Крики и смех были слышны в самом сердце замка, в подземельях большой башни, но туда они доносились приглушенно и неясно. Сержантов и братьев-служителей согнали в

большую сводчатую залу, а сановников и рыцарей разместили в одиночных камерах. Со вчерашнего дня они не получали пищи, и никто не пришел к ним, никто не объяснил причин внезапного ареста и незаконного заключения. Время от времени они слышали шаги в переходах, звон оружия, скрип замка, порой вдалеке — голос одного из братьев, горячо спорящего с теми, кто его уводил. И снова наступала тишина, нарушаемая лишь далеким гомоном праздника да глухими ударами колокола, отсчитывающего часы...»
Проклятие Великого магистра

...Людовик XVI понимал: ему суждено умереть во имя Франции. Он осознал это, когда здесь, в Тампле, куда была заключена королевская семья, его впервые назвали новым именем — Луи Капет. Именно Капет, а не Бурбон — в память его далеких предков Капетингов, представитель которых, Филипп Красивый, заживо сжег тамплиеров и их магистра Жака де Моле...

Теперь принять мученическую смерть предстояло ему, Людовику. Века спустя снова громогласно зазвучало проклятье Великого магистра, произнесенное им в адском огне... «Да будут прокляты наши мучители и все их ненавистное семя! Я вернусь за вами!...» Эти роковые слова вновь и вновь звучали в ушах. Страшные картины казни вставали перед глазами. В комнате с ним был охранник — королевская семья встречалась лишь за краткой трапезой. Королю, правда, разрешили давать уроки маленькому дофину, но и при этом всегда присутствовал грубый надсмотрщик...

С ними в Тампль были препровождены несколько верных слуг. Однажды король, услышав крики толпы, выглянул в окно и в ужасе отшатнулся — воздетая на пике, перед ним качалась голова придворной дамы, красавицы маркизы де Ламбаль... А тот, кто держал кровавое древко, пронзительно выкрикивал угрозы в адрес Марии-Антуанетты.

Вскоре окна и вовсе закрыли железными ставнями. Прогулку вдоль крепостных стен тоже запретили. Что оставалось ему? Молиться. Людовик проводил перед распятием по несколько часов. Именно в это время он пишет свое завещание: «...Я умираю в лоне нашей Святой Матери Церкви Католической, Апостольской и Римской, я верую во все ее Таинства и Святыни. Я прошу Господа простить мне все мои грехи... Я молю Бога быть особенно милосердным к моей жене, детям и сестре, которые так долго страдают вместе со мной... Я заявляю перед лицом Всемогущего Бога, что я не совершал ни одного из тех преступлений, в которых меня обвиняют...»

«Я не совершал ни одного из тех преступлений, в которых меня обвиняют...» За несколько столетий до того, как был предан гильотине последний французский монарх, эти слова несчетное количество раз произносили брошенные в застенки рыцари-храмовники. Произносили громко и гордо, глядя прямо в лицо своим мучителям; или шептали, еле шевеля заскорузлыми от крови губами, отдавая всех мерзостей средневековой инквизиции. Во Франции, в отличие от Англии, пытка была вполне официальным орудием следствия, освященным церковью: еще в 1252 году папа Иннокентий IV разрешил ее к применению в процессах по делу еретиков. А тамплиеров обвиняли именно в ереси...

«...Во-первых, хотя сами тамплиеры и заявляют, что их Орден был учрежден с одобрения Святого Престола, они, принимая новых братьев в упомянутый Орден, а также некоторое время спустя, заставляли неофитов выполнять нижеследующее.

А именно: каждый из них во время вступления в Орден, или же некоторое время спустя, или же при первой представившейся возможности, отрекался от Иисуса Христа, иногда от

Святого распятия, иногда от Бога-Сына, а иногда от Бога-Отца, а иногда от Пресвятой Девы Марии и всех святых, направляемый и наставляемый теми, кто принимал его в Орден...

А также, что приоры говорили неофитам и учили их, что Христос, или иногда Иисус, или же иногда Христос распятый не есть истинный Бог.

А также, что они говорили вступающим, что Он был распят не ради спасения рода человеческого, но за грехи свои.

А также, что они говорили, будто ни принимающие, ни принимаемые не имеют надежды получить спасение через Господа нашего...

А также, что они заставляли тех, кого принимали, плевать на Святой крест, или же на его изображение в книге, или же на статую распятого Христа...

А также, что порой принимавшие сами мочились на крест, и попирали его ногами, и заставляли других мочиться на него, а несколько раз они делали это в Страстную пятницу.

А также, что они поклонялись некоему коту, (который) порой появлялся перед ними во время их собраний.

А также, что во время приема в упомянутый Орден или вскоре после этого неофитов или тех братьев, которые принимали их в Орден, целовали в губы, в пупок или же в обнаженный живот, а также в ягодицы. А также, что иногда (целовали) в половой член...

А также, что они проводили прием в Орден тайно.

А также, что из-за этого ужасные подозрения долгое время витали вокруг упомянутого Ордена.

А также, что они говорили братьям, которых принимали в Орден, что те могут вступать в греховную связь друг с другом.

А также, что так они поступают согласно уставу.

А также, что в каждой провинции у них были свои идолы, а именно головы, и некоторые имели по три лица, а некоторые одно, а у некоторых внутри был человеческий череп.

А также, что они поклонялись этим идолам или этому идолу, особенно на общих собраниях братства. А также, что они (их) почитали. А также, что (они почитали их) как Господа...

А также, что они говорили, будто эта голова может спасти их. А также, что (она может) сделать их богатыми. А также, что она дала им все богатство, каким обладает Орден. А также, что она заставляет деревья цвести. А также, что (она заставляет) землю приносить плоды. А также, что они окружали или касались тонкой веревкой головы вышеупомянутых идолов, а потом эту веревку носили на себе поверх рубахи или же на голом теле.

А также, что они делали это из почтения перед идолом. А также, что им велено было носить эти веревки на себе согласно их уставу и не снимать даже ночью...

А также, что тех, кто не желал исполнять упомянутое выше во время своего вступления в Орден или некоторое время спустя, убивали или сажали в тюрьму.

А также, что их заставляли клясться, что они никому не расскажут о вышеупомянутом.

А также, что (это делалось) под угрозой наказания — смертной казни или тюремного заключения.

А также, что Великий магистр, досмотрщики, приоры и магистры указанного ордена, имея такую власть, жестоко наказывали (тех), кто не соблюдал или не желал соблюдать указанный способ приема и не делал всего вышеперечисленного, если им об этом доносили...»

Заговор против тамплиеров готовился не один год. Шпионы, вступавшие в Орден под видом преданных рыцарей, следили за каждым шагом своих мнимых братьев и собирали любую информацию, которая могла бы их опорочить. Разумеется, Орден был не без греха. Соперничество, злоупотребление властью, воровство — ничто человеческое не было чуждо рыцарям-монахам. Случалось, высокопоставленные тамплиеры помогали вступлению своих родственников в Орден. Но — по утверждению Барбары Фрейл, благодаря которой миру явился знаменитый Шинонский список, «ни один из этих фактов, достаточно обычных для любого военного и даже религиозного орденов, не мог свидетельствовать против них на процессе. Суть дела заключалась в юридическом иммунитете, который был у тамплиеров и освобождал их от власти мирской и даже церковной юрисдикции: это было оружие защиты, дарованное папством, дабы укрыть такой богатый и могущественный орден от зависти его врагов. Те м не менее, у этого щита неприкосновенности было слабое место.

В начале XIII века религия катаров была широко распространена во Франции и северной Италии, включая в себя даже большое количество клириков. В 1230 году эта ситуация привела папу Гонория III к наделению из ряда вон выходящей властью инквизитора Тусция, распространяющейся и на свободные от неё ордена (тамплиеры, госпитальеры, цистерцианцы), если было хоть малейшее подозрение в ереси. После этого это право было забыто, и папство никогда не думало отменять иммунитет, так что в начале XIV века он всё ещё действовал. Тамплиеры были неприкасаемыми, за исключением данного случая, так что королевские юристы должны были предпринять все усилия для того, чтобы укрепить подозрения в ереси. Они должны были собрать информацию о внутренней жизни Ордена, дабы выбрать и вычленив из контекста элементы, которые они могли бы представить как преступления против религии; тогда они могли бы собрать их все вместе, дабы создать картину еретических верований, достаточно ясных и к тому же достоверных...»

Ересь — дело церковного суда, и Филипп действовал как бы не по своей воле — он лишь исполнял просьбу своего исповедника инквизитора Франции доминиканца Гийома Парижского. Процесс, продолжавшийся семь лет, привлек к себе внимание не только всей Европы, но и мусульманского Востока. Даже там это судилище называли «страшным». А великий Данте сравнил суд над тамплиерами с судом над Христом, назвав Филиппа «новейшим Пилатом»...

Многие старались оправдаться. Попирание креста толковали как ритуальное повторение библейского сюжета о том, как апостол Петр отрекся от Спасителя. Говорили даже, что это было проверкой послушания старшим. «Анализируя признания тамплиеров на

судебном разбирательстве, возможно выделить то, что Климент V и его советники точно поняли: странный обряд принятия в Орден был всего лишь ритуалом, традицией, бывшей обычной (с вариациями) в каждой военной группе со времён ранней античности, — пишет Барбара Фрейн. — Обязательный экзамен, который каждый тамплиер должен был сдать (puncta), странная традиция (modus ordinis nostri), которая должна была показать новому брату насилие, которое пережили братья, когда были захвачены сарацинами, когда их заставляли отречься от Христа и плевать на крест. Основной целью этого экзамена было укрепить душу нового адепта, и он принял очень реалистичную форму. К этой первой части был добавлен ещё один экзамен, который должен был научить новичка полному послушанию и уважению, которое он должен был питать к старшим, целуя приора, который принимал его, в низ спины, в пупок и, в конце концов, в губы. Мы знаем, что приоры кое-что поменяли в этой схеме: частенько защищали своих родственников, избавляя их от наименее приятной части puncta, или же разыгрывали представление, как шуточное, подсмеиваясь над новичком. Со временем добавление стало достаточно грубым и иногда даже искажённым: поэтому Моле убеждал руководителей Ордена искоренить это прежде, чем оно навредило Ордену. Он был прав, Ногаре и другие, которые прикладывали усилия, чтобы обвинить тамплиеров в ереси, не могли и мечтать о большем...»

«Испанский сапог» французской инквизиции оказался слишком груб. Уж е через несколько дней все арестованные покались в том, в чем их обвинили. Каждый согласился с тем, что, отрекшись от Христа, поклонился таинственной голове, а также кошке, то ли рыжей, то ли белой, то ли, как водится, черной... Правда, далеко лишь немногие признали, что вступали друг с другом в особые отношения. Однако следствию хватило и того, что, по словам большинства, рыцари при приеме в Орден целовали зад посвящавших их командоров. Тамплиеры-священники утверждали, что именно поэтому во время мессы не произносили положенных слов: ведь Бог непременно покарал бы их за совершение таинства в состоянии смертного греха...

Были и совсем курьезные признания. Один из свидетелей заявил, что его родственник по имени Гуго де Маршан после вступления в Орден заказал себе кольцо с надписью «Sigillum Hugonis perditum» — «Кольцо Гуго Пропавшего». А тоска, в которую он после этого впал, якобы свидетельствует о том, что, став рыцарем, молодой человек продал душу дьяволу.

Но решающими стали показания де Моле, данные 24 октября 1307 года. «Коварство врага рода человеческого... привело тамплиеров к столь слепому падению, что с давних пор те, кого принимали в Орден, отрекались от Иисуса Христа, подвергая опасности свои души, плевали на крест, который им показывали, и по этому же поводу совершали некоторые другие чудовищные вещи... Вот уже сорок два года как я был принят в Боне... Брат Умбер (де Пейро) принес латунный крест, на котором было изображено Распятие, и приказал мне отречься от Христа, чей образ находился передо мной. Не по своей воле я сделал это. Потом тот, кто принимал меня, заставил меня плюнуть на крест, но я плюнул на землю... только один раз».

То же самое, по его словам, заставляли делать и всех остальных... Днем позже Великого магистра вынудили повторить показания перед собранием богословов и профессоров Парижского университета. К ним обратился король со знаменитыми семью вопросами по делу тамплиеров, предложив дать свое независимое заключение. Вот что мы читаем в ответе на запрос: «Установлено, что вышеназванный магистр сначала добровольно признался в своих грехах инквизитору... в присутствии многих добропорядочных людей; что затем, подумав в течение нескольких дней, в присутствии того же инквизитора,

многих священников и Парижского университета, плача, он исповедовался в своем грехе и грехах своего Ордена, произнеся речь публично... Плача от стыда человеческого, однажды он попросил подвергнуть его пытке, чтобы его братья не могли сказать, что он добровольно явился причиной их гибели...»

Если следовать этому документу — Великого магистра не только не пытали, но даже отказывали ему в этой «любезности», когда он о ней просил. Совсем иного мнения придерживался автор знаменитого «Плача по тамплиерам», который разошелся в те дни по Парижу. «Достопочтенным докторам и ученым мужам Парижского Университета, радоваться...» — иронизировал чудом оставшийся на свободе аноним — собрат поверженных рыцарей. Он поклялся во что бы то ни стало обелить в глазах палачей тех, кто, «...опоясанный добродетелью Божьей, был уничтожен пытками и оставлен умирать, живым лишь наполовину. Как сильнейшие из воинов, Братья Храма всегда придерживались слов правды, говоря, что обещали при вступлении в Орден соблюдать четыре обета, а именно: послушания, целомудрия, бедности, защиты учения о непорочном зачатии Девы Марии и клялись, что положат они все силы свои на служение Святой Земле. Их принимали благодарственным поцелуем мира; сами они принимали крест Божий вместе с облачением, обычаями, традициями и уставом от Римской церкви и Святых отцов, и были научены придерживаться их твердо...

Но творцы великого беззакония закрыли уши свои, как гадюки, от правды, которую не могли они понять, и исказили её, скрутив в клубок, как скручиваются в клубок ядовитые змеи; потому что были они введены в заблуждение горячей ненавистью своей и ослеплены дикой алчностью своей. Они надеялись обогатить монахов своих и приближённых за счёт других, хотели откормиться на имуществе тамплиеров. Та к что приказали они, чтобы тамплиеров, говорящих правду, люто пытали, столько времени, сколько потребуется. Чтобы они либо умерли от наказания, либо были вынуждены умолчать правду и лгать, что они отрицали Бога. Более того, если они не говорили этих вещей не только до, но и после пытки, их всегда держали в тёмных тюремных камерах, на хлебе печали и воде скорби, в ужасающем холоде в зимнее время, на голой земле, без соломы или какого-либо покрывала. В середине ночи, дабы увеличить страх их, сегодня одного, потом другого, переводили их из камеры в камеру. Тех, кто умер в пытках, они тайно хоронили в хлеву или в саду. А любого, кто, побеждённый пытками, утверждал ложь, уводили в комнаты наверх, обеспечивая всем необходимым, лишь бы придерживались они этой лжи. Их постоянно предупреждали угрозами, либо грубыми либо льстивыми словами. Более того, некий монах — правда, скорее, одержимый — непрерывно вбегает в комнаты в любой час дня или ночи, искушая братьев и распространяя предупреждения о том, что случится с ними. И если обнаруживает он, что кто-либо раскаивается в сказанной лжи, он тут же посылает их обратно на вышеуказанные мучения и нужду.

Что тут ещё сказать? Что язык человека не сможет описать наказания, огорчения, унижения, насмешки и крайние меры пыток, пережитые этими невинными за три месяца, прошедших со времени их ареста. Денно и ночью рыдания и вздохи не прекращались в камерах, так же как не прекращались крики и скрежет зубовой во время пыток. Удивительно ли, что они скажут то, что захочет пытающий их, потому что правда убьет их, а ложь освободит от смерти? Защита правды — это обязанность целиком и полностью Божья, точно не человеческая; а многие показали истинно божественную храбрость. Они, измученные такими ужасами и бедствиями, упорствовали, придерживаясь чистой правды, несмотря на то, что пытка остановилась бы, если бы они солгали. Однако, что до остальных, которые были испуганными и робкими, неудивительно, что они говорили все эти вещи только от ужаса, так как наказание одного вселяет страх во всех...»

Факт остается фактом: там, где пытки были запрещены — в Кастилии, Португалии, Ломбардии, тамплиеры ни в чем не признались. В Арагоне, где пытать все-таки разрешили, признательных показаний тоже не добились. Правда, скорее всего, не очень-то и старались — ведь сам король Яго II заявил, что Орден уже тем заслужил снисхождения, что отважно сражался с арабами в Испании. В ноябре 1307 года некий генуэзец Христиан Спинола писал Яго II: «Папа и король делают это, дабы отобрать их деньги и организовать один Орден из госпитальеров, тамплиеров и прочих братств, над каковым Орденом король намеревается и желает поставить правителем одного из своих сыновей». Судя по всему, Его Величество вполне разделял этот взгляд, равно как и другие европейские монархи. Так, в мае 1311-го собор в Трире оправдал сорок немецких тамплиеров, морально осудив архиепископа Магдебургского, начавшего процесс. На берегах Туманного Альбиона тоже поначалу все складывалось весьма благоприятно. Король Эдуард II искренне полагал, что обвинения «слишком уж невероятны». Правда, магистр Англии Вильгельм де Ла Мор бы арестован, но ему в тюрьме даже платили пенсию и предоставили шестерых слуг из числа товарищей по вере. Инквизицию чопорные британцы считали орудием иноземной власти. Но допрос без пыток — все одно как пиво без водки — не давал желаемого результата. Тогда в дело вмешался папа. Двадцать третьего декабря 1310 года Климент V в послании Эдуарду Английскому обещал последнему вечную милость Божию, если тот передаст английских тамплиеров французскому суду. Эдуард пошел на другую уступку: разрешил пытать тамплиеров. И что же? Они тут же начали каяться в ереси. Только магистр Англии, так ни в чем и не признавшись, умер в Тауэре...

Верил ли папа обвинениям против тамплиеров? Трудно сказать. Но одно его возмущало точно — светская власть (в первую очередь, Филипп Красивый) вмешивается в дело, подведомственное Церкви. Он пишет гневное письмо королю и, не дождавшись ответа, посылает во Францию двух кардиналов — дабы они вплотную занялись рассмотрением дела и взяли в управление собственность тамплиеров (король, впрочем, никакой собственности им не отдал, заявив, что сначала нужно завершить процесс). Но папа не успокоился и вскоре издал буллу *Pastoralis praeeminentiae* — приказ правителям всех христианских стран передать собственность храмовников в управление своим представителям.

Король Франции был возмущен. Папа, который сел на Святой Престол только благодаря ему, в открытую пытается взять верх! Да это просто недопустимо!..

Против Климента V развернулась настоящая кампания. Анонимные памфлеты, нападки богословов Сорбонны, недвусмысленные намеки на то, что он поощряет еретиков... Все это до боли напоминало травлю его предшественника Бонифация VIII, память которого Его Преосвященство продолжал отстаивать, упорно отказываясь снять отлучение с Гийома де Ногаре. А 4 апреля, в пику королю, папа издал буллу *Alma mater* — о переносе на год собора, которому предстояло судить Орден.

Весна поселила в истерзанных сердцах тамплиеров надежду. Наконец-то начала работать независимая церковная комиссия, возглавляемая архиепископом Нарбоннским. Пытки прекратились. Если в 1307 году лишь пятнадцать рыцарей из шестисот, пройдя все круги ада, не признали своей вины, то сейчас еще полтысячи заключенных заявили, что оговорили себя. Тамплиеры в один голос говорили, что не отрекались от Христа, а лишь слышали о каком-то секретном уставе Ордена, по которому следует отречься. Что сами не занимались мужеложством — просто до них доходили слухи, что такое случалось... Разумеется, это не означает, что их новые показания тут же принимались на веру. Вот

лишь один пример юридического казуса тех лет. Инквизиция позволяла обвиняемому назвать своих врагов — и, если свидетель обвинения оказывался в их числе, его показания считались недействительными. Рыцарь Ронсар де Гизи на допросе перечислил нескольких членов Ордена, которые, по его мнению, вполне могли оговорить товарищей. Среди прочих был упомянут командор замка Монфокон Эски де Флоран. Он и впрямь был главным доносчиком, о чем было прекрасно известно комиссии. Сохранилось письмо королю, в котором он напоминал, что должен получить из конфискованного имущества тамплиеров тысячу ливров годовой ренты и еще три тысячи наличными. Тем не менее, вопреки закону, показания де Флорана были «подшиты» к делу.

Было очевидно — обойтись без квалифицированных защитников тамплиерам сложно. Комиссия милостиво позволила им выбрать таковых из своей среды. Правда, юристы утверждали, что это не вполне законно, ибо судят Орден в целом, и адвокатов, по его уставу, должен назначать Великий магистр, который сам находится в заключении. Этот тупик юристы-тамплиеры успешно преодолели: они заявили, что официально не берут на себя функции адвокатов, но не станут отказываться, если члены комиссии попросят их заявить жалобу или поучаствовать в допросах...

Среди девятерых защитников выделялись двое: Жан де Монреаль и Пьер де Болонья, прокуратор Ордена. Окончил ли последний знаменитый университет в Болонье — история умалчивает, но королевским юристам он спуску не давал. Де Монреаль во главу угла защиты поставил моральный аспект — мол, тамплиеры героически погибли во время обороны Палестины (число павших за два столетия было исчислено им в двадцать тысяч человек). Уже за одно это они заслуживают снисхождения. Де Болонья оперировал правовыми категориями. Он решительно требовал освободить всех арестованных, чтобы избавить их от давления, утверждал, что пытки лишили братьев «свободы ума и воли». Пожаловался на то, что с заключенных берут плату за свечи и стирку, а также по два су за то, что расковывают перед допросами, и столько же — за то, что после них заклепывают кандалы. Заявил отвод участию в процессе отлученного де Ногаре и прочих заинтересованных лиц, заявив, что дело тамплиера вправе рассматривать только папа. В качестве подтверждения был приведен случай, когда Бонифаций VIII лично судил одного из братьев, исключенного из Ордена, — и, пересмотрев приговор Великого магистра, наложил на виновного епитимью. В течение одного года и одного дня тот должен был есть на полу, как животное, — и за это получит прощение.

Защищал Орден и сам Великий магистр Жак де Моле. На одном из допросов он произнес настоящую речь, напомнив, что богослужение в орденских церквах велось куда пышнее, чем в любом соборе, — так должно ли обвинять храмовников в неуважении к мессе? Упомянул он и о том, что Орден постоянно раздавал милостыню. Присутствовавший на допросе Ногаре заметил: что милостыня, если веры нет! О какой вере может вообще идти речь, если предшественник Моле приносил клятву верности султану Саладину? Моле парировал — столь многие крепости крестоносцев находились на арабской земле, что без определенных договоренностей с неверными их тут же уничтожили бы. Нет, не изменяли вере доблестные воины Христовы — когда тот же Саладин, взяв замок Сафед, потребовал от них принять ислам — все восемьдесят рыцарей были обезглавлены за отказ...

Помните старый анекдот? Пункт первый — начальник всегда прав. Пункт второй — если он не прав, смотри пункт первый. Никакие вполне доказательные аргументы не принимались в расчет теми, кто априори считал рыцарей Храма виновными. Королевский юрист, экс-клирик, магистр богословия Жан де Пуий писал, что, даже если тамплиеры невиновны в том, в чем признались, то, во-первых, они виновны в чем-то другом (ибо

вовсе безгрешных нет). А во-вторых, равно как нет доказательств виновности, нет и доказательств невиновности. И, в-третьих — если освободить тамплиеров, подозрительный Орден навсегда останется источником соблазна для правоверных христиан. Вывод напрашивался сам собой — если тамплиеры отказываются от признаний в еретичестве, стало быть, они и есть воинствующие еретики. А стало быть, подлежат незамедлительному сожжению...

Сказано — сделано. Король Филипп обратился к архиепископу Сансскому Филиппу де Мариньи, в чью епархию входил Париж, с предложением начать немедленный суд над тамплиерами. Не над Орденом — пускай его судит собор, а над его отдельными членами. Восьмого мая арестованные, прослышав об этом, заявили коллективный протест папской комиссии. Та не решилась открыто конфликтовать с королем. Тамплиеров уведомили, что комиссия не правомочна оценивать решения архиепископа Сансского. И, спустя какие-то четыре дня, 12 мая 1310 года, в Париже были сожжены первые пятьдесят четыре заключенных.

Собор освободил от казни лишь тех, кто признал свою вину и отказался от защиты. Те же, кто упорствовал, отстаивая свою невиновность, и после 12 мая продолжали предавать огню. Таковых, впрочем, становилось все меньше — почти двести из тех, кто остался в живых, опять оговорили себя. Известие о том, что собратьев сожгли «без суда и следствия», подействовало на ветеранов Крестовых походов сильнее всяких пыток...

Папа Климент V вновь был поставлен перед выбором: либо осудить короля за проявленную жестокость, либо осудить тамплиеров. На одной чаше гигантских весов — Помазанник Божий и веками накопленная вера в колдунов и черную магию; на другой — давно потерявшее былое величие общественное объединение, средний возраст в котором составлял сорок два года. После потери Палестины молодежь уже не стремилась во что бы то ни стало облачиться в белый плащ. Большинство «узников совести» вовсе не были надменными феодалами. Протоколы допросов рисуют их нам: пастух, пахарь, мельник, плотник... Борьба за этих людей могла оказаться не только бесполезной (ведь у папы не было армии, которая освободила бы рыцарей из тюрем), но и непрестижной. И мудрый папа предпочел сторону короля...

16 октября 1311 года открылся Вьенский собор — тот самый, который был отложен на год. Оставшиеся на свободе рыцари Храма тоже получили приглашение, хотя никто всерьез не ждал, что они появятся. Каково же было изумление святых отцов, когда перед ними предстало семеро рядовых тамплиеров, заявляя, что готовы защищать Орден!.. Выступить им так и не разрешили — под каким-то формальным предлогом. Зато на суде вновь ораторствовал Жак де Моле. Когда ему зачитали его собственные показания, он с возмущением отказался их признать. По мнению обвиняемого, того, кто искажил его слова, следовало бы разрубить надвое, как с клеветниками поступают сарацины. Он заявил, что весь процесс — одно сплошное грязное измышление, а он готов свидетельствовать перед Богом и людьми: тамплиеры — добрые христиане. Что до него самого — всем прекрасно известно, что ожидает тех, кто отрекается от вырванных у них под пыткой лжепризнаний. Пятьдесят четыре рыцаря, отказавшихся от своих показаний, уже обратились в пепел... Те же не менее, де Моле заявил: он скорее умрет, чем еще раз осквернит Орден подтверждением лживого обвинения. Магистра поддержал и великий прецептор Нормандии Жоффруа де Шарни.

Ошарашенные судьбы объявили о переносе судебного заседания. Но этого не случилось. Двадцатого марта в город прибыл Филипп в сопровождении вооруженной свиты. Не пройдет и двух суток, как папа подпишет буллу *Vo x in excelso*, ликвидировавшую Орден,

ненавистный французскому королю. «Мы... запрещаем Орден тамплиеров, его устав, одежды и название... Мы полностью запрещаем его. Любой, кто с этого времени называет себя его именем, или носит его одежды, или ведет себя как тамплиер, несет отлучение. Кроме того, мы конфискуем все имущество и земли Ордена. Мы строго запрещаем всем, любому государству, вмешиваться в вопрос Ордена тамплиеров. Мы запрещаем любое действие относительно них, которое нанесло бы ущерб нашему решению... Да будет так».

То т же собор снял, наконец, церковное отлучение с Гийома де Ногаре.

...Старинное французское сказание гласит, что каждый год в ночь на 18 марта на месте сожжения тамплиеров появляется призрак Жака де Моле. Седобородый рыцарь громадного роста, в белом плаще с кроваво-красным крестом, трижды восклицает громовым голосом: «Кто хочет защитить Храм?» И, не услышав ответа, безмолвно растворяется во тьме...

Совсем не таким Великий магистр Ордена тамплиеров в последний раз шествовал по Парижу. Босиком, в колпаке из желтого льна, на котором грубо намалеваны черти и языки пламени. Вместо блестящих оруженосцев перед ним шагала сотня угольщиков, рядом — двенадцать священников в белых одеяниях и доминиканцы в черных капюшонах, скрывающих лица.

На островке Жаво уже разложен костер. Огромная толпа ждет начала зловещего действия. Среди тех, кто прибыл смотреть на казнь, — французский король Филипп IV Красивый. Все свершилось между королевским садом и храмом августинцев — тех самых, в подражание которым был основан Орден. Жак де Моле обратился с последней просьбой — привязать его лицом к Собору Парижской Богоматери: «чтобы до последнего мгновения своей земной жизни обращать свои взоры и молитвы к Пресвятой Матери своего Спасителя...»

Осужденных сжигали, не удушив, с особой жестокостью. Взметнулись вверх языки пламени — слово огненные руки, воздетые к серому парижскому небу. Повалил густой едкий дым. Над безмолвной толпой пронеслись последние слова Великого магистра. То были проклятия — королю Франции Филиппу, папе римскому Клименту V и Гийому де Ногаре. «Не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий! Да будет проклят ваш род до тринадцатого колена!» Проклятие оказалось пророческим. Ровно через месяц Климента V свел в могилу приступ дизентерии. Еще месяц спустя скончался Ногаре. А уже на исходе назначенного срока в замке Фонтенбло, после удачной охоты, неожиданно умер король Филипп, всегда отличавшийся отменным здоровьем. Слова Жака де Моле не обошли и потомство короля. В течение нескольких лет умерли все наследники Филиппа Красивого: три его сына и внук. Ветвь Капетингов оборвалась, а Франция едва не захлебнулась в крови затяжных междоусобных войн....

О роковом проклятии Великого магистра вспоминал несколько веков спустя и Людовик XVI, мучительно ожидая казни в застенках Тампля... А когда опустил нож гильотины, палач, оросив руку монаршей кровью, еле слышно прошептал:

— Жак де Моле, теперь ты отомщен!

Говорят, он состоял в тайном Ордене тамплиеров.
Мертвая голова

...«Несчастный сержант из Монпеза повинился в поклонении „бафометову обличию“, создавшему самый черный миф тамплиерского обвинения, — читаем у Марион Мелвилль. — Сержант говорил на языке ок (южнофранцузском) и хотел сказать о „магометанском изображении“; в итоге получилась чепуха, тогда как „Бафомет“ является всего лишь провансальской деформацией имени пророка Магомета...»

Да, таинственный идол тамплиеров в процессе допросов будет принимать все более и более фантастические формы: голова человека, безбородого или бородатого (борода — черная или седая), молодого или старого, с курчавыми темными или прямыми светлыми волосами. Из чего она сделана — из дерева, кости, золота, серебра? Многие утверждали, что голова была покрыта настоящей человеческой кожей. Бафомет двулик, как Янус, — а то и четырехлик — и глаза его светятся, подобно карбункулам. Он то ли стоит на четвереньках, то ли сидит; и тело его — то ли тело человека, то ли кошки, то ли ворона или свиньи. Картина, достойная фильма ужасов, — в потайной комнате, освещенной лишь слабым пламенем свечи, собрались рыцари. Из кованого сундука извлекается человеческая голова. В священном ужасе члены этой «тайной вечери» начинают бормотать арабские слова, которые звучат все громче и громче, эхом отдаваясь под гулками сводами...

Всплывали и еще более зловещие подробности — рыцари обмазывали своего идола жиром, вытопленным из зажаренных младенцев. После этого к магической голове, прикладывали веревки, и, когда они впитывали в себя ее злую силу, ими перевязывали одежду...

О, лингвистические парадоксы! Среди исследователей бытует мнение, что Бафомет — перевернутая анаграмма фразы «Templi Omnium Hominum Pacis Abbas» («Отец Храма Всеобщего Мира среди Людей»). Несмотря на столь жизнеутверждающее название, этот образ всегда был особенно популярен у дьяволопоклонников. В книге «Дьявол в XIX веке» доктор Батайль описывает сатанинский культ Бафомета в сектах Китая и Индии. А церковь Сатаны Антона Лавая, основанная в Сан-Франциско в 1966 году, сделала своим символом именно его изображение — козлиная голова, вписанная в перевернутую пентаграмму... Его так и называют — Черный Козел, Козел Иуды или Козел Мендеса, памятуя о древнеегипетском боге Амоне, жившем в Мендесском храме. Ему юные египтянки приносили в жертву свою девственность. Судя по всему, Бафомет и впрямь похож на козла; во всяком случае, таким его увидел несостоявшийся монах, но вполне успешный маг Элифас Леви, живший намного позже тамплиеров. Крылатый андрогин с человеческим туловищем, женской грудью, фаллосом, рогами и копытами мрачно взирает на нас со странной гравюры.

По поводу происхождения самого слова до сих пор нет единого мнения. Кто-то по-прежнему усматривает в нем искаженное имя Магомета. Что ж — проведя столько лет на Востоке, тамплиеры просто не могли избежать его влияния. Известны их контакты с исмайлитами, и особенно — со сторонниками суфизма, которых было немало не только в Святой Земле, но и в мусульманской части Испании. Caput Mortum — символ алхимии, мертвая голова... Наверняка, рыцари Храма Соломона слышали суфийскую легенду о мученике Хусейне ибн Мансуре Аль-Халлае, умершем в 922 году. Воинствующие ортодоксы Ислама бросили Хусейна в тюрьму, требуя раскрыть суть его мистического союза с Богом. После девяти лет страданий Халлай был четвертован, а его тело кремировано. Однако сохранилась запись матери халифа о том, что ей удалось сохранить голову Халлая. Вполне возможно, некоторые из тамплиеров были участниками суфийских обрядов, посвященных смерти Халлая...

Впрочем, прямых доказательств данному факту нет, и в исследовании загадочного черепа всякий изощряется, во что горазд. Для кого-то его прообразом стал таинственный галльский «котел воскресения», куда в сумерках опускали павших воинов, а на заре они выходили оттуда живыми... Хозяином котла был великий Бран. Смертельно раненный ядовитым дротиком, он повелел семерым своим товарищам отрубить ему голову и отвезли ее на Белый Холм в Лондоне. Далее, пророчествовал он, им предстоит долгое путешествие — и все это время его голова станет веселиться с ними, словно она и не отделялась от тела. На ней не появится ни малейших следов тления — но в назначенный день в их замке сама собой отворится дверь, ведущая в сторону Корнуолла. Тогда воины должны что есть духу скакать в Лондон, чтобы предать голову земле...

Этому предсказанию не суждено было сбыться. Однажды Хейлин, сын Гвина, уподобившись Ивану-Царевичу, который из любопытства сжег шкурку волшебной лягушки, распахнул запретную дверь. Колдовские чары тут же слетели, словно и не было этих семи лет. Друзья поспешили в Лондон и опустили истлевшую голову в могилу на Тауэр Хилл, обратив ликом к Франции, чтобы их бывший господин мог первым заметить приближение захватчиков... Много лет спустя ее выкопал король Артур — «ибо он почитал ниже своего достоинства удерживать власть над островом силой оружия, а не доблестью и благородством». Голова Брана, тем не менее, почиталась как талисман — и многие из ее способностей позже станут приписываться таинственным идолам рыцарей Храма.

По другой теории, Бафомет превращается в голову Гуго де Пайена, первого Великого магистра. В книге «Голова Бога» доктор Кит Лаидлер выдвигает совсем уже сногшибательную версию — якобы голова Христа была отделена от тела после распятия на кресте и попала в руки тамплиеров. Якобы, она и была захоронена в той самой Росслинской часовне в Шотландии, где снимался знаменитый «Код Да Винчи». В конце концов, слово „Голгофа“ по древнеиудейски как раз и означает «мертвая голова»...

Но образ загадочного Бафомета не был бы полон без «cherchez la femme». Ищите женщину — и, судя по докладам Инквизиции, ее нашли. Среди конфискованного в Тампле имущества был обнаружен реликварий в форме дамской головы. Внутри лежала «большая голова из позолоченного серебра, очень красивого, с женским лицом; внутри две черепные кости, завернутые и зашитые в полотно из белого льна, покрытого другим полотном, красного цвета; на него нашит ярлычок с надписью: CAPUT LVIII m».

Красивая и грустная история! Давным-давно сто десять девственниц совершали паломничество в Рим. На них напали разбойники — и убили всех до единой. Церковь причислила их к лику святых. Кто знает — а вдруг таинственный артефакт под инвентарным номером CAPUT LVIII m когда-то был прелестной головой одной из этих несчастных? Те м более что буква «m» так напоминает астрологический символ Девы...

Есть и еще одна легенда, которую приписывают тамплиерам. Некий рыцарь, сеньор де Сидон, любил знатную даму — но его прелестница умерла. В ночь после похорон безумец проник в склеп и удовлетворил свое желание с бездыханным телом. И тогда откуда-то сверху, из тьмы донесся голос, приказывающий ему прийти сюда вновь девять месяцев спустя... Рыцарь повиновался, и в назначенное время меж больших берцовых костей скелета нашел голову. «Не расставайся с ней никогда, — произнес тот же голос. — Она даст тебе все, что ты пожелаешь». Рыцарь унес голову с собой. Она стала его ангелом-хранителем и помогала ему творить чудеса, пока не сделалась собственностью Ордена...

В романе «Код Да Винчи» слово «Бафомет» благодаря древнееврейскому шифру превращается в имя София. Героиню романа, как известно, зовут Софи Невё, а с греческого София переводится как «мудрость». «Varhe metioeis» — «крещение мудростью». Это скрытое значение было впервые обнародовано еще исследователем Свитков Мертвого моря Хью Шенфелдом. Шифр, который станет всем известен по бестселлеру Брауна, помог ученому при работе над таинственной находкой.

Поистине причудливы перипетии истории! По странному стечению обстоятельств именно в храме Святой Софии в Константинополе хранилась некогда Святая Плащаница — саван, в четыре с лишним метра длиной и более метра шириной, запечатлевший отпечаток некоей головы. Драгоценная реликвия, в которую, по преданию, обернули тело Христа перед тем, как положить его во гроб, выставлялась для поклонения на Страстной Неделе. «Похоронные Ризы Господни. Они из полотна и еще благоухают помазанием», — писал некогда Никола Мазарит.

В 1204 году Константинополь был разгромлен крестоносцами. Плащаница бесследно исчезла. Как свидетельствует летописец IV Крестового похода Робер де Клари: «И среди других был монастырь, известный под именем Пресвятой Девы Марии Влахернской, где хранилась Плащаница, которой наш Господь был обернут. Каждую пятницу эта Плащаница была выносима и поднималась для поклонения так хорошо, что было возможно видеть Лик нашего Господа. И никто, будь то грек или франк, дальше не знал, что случилось с этой Плащаницей после разгрома и расхищения города».

Она вновь появится на свет Божий лишь в XIV веке. Каким образом оказалась она во французском городе Лире у графа Жофрэ де Шарни, доподлинно не знает никто — во всяком случае, сам де Шарни никак не мог этого объяснить (или не хотел этого делать). Но, так или иначе, в 1353 году граф публично объявил о том, что священная реликвия у него, и передал Плащаницу в приход местной церкви. Почти столетие спустя его внучка Маргарита де Шарни продаст ее герцогу Савойскому. В 1578-м столица Савойи переедет в Турин. С той поры и по сей день святыня хранится в специальном ковчеге в соборе Джованни Батиста в Турине, и ее «новейшая» история расписана чуть ли не по дням.

Один вопрос до сих пор остается открытым — где Плащаница могла скрываться сто пятьдесят лет, до того как объявилась у графа де Шарни?

Многие историки утверждают: все это время она хранилась у потомков тамплиеров. И тому есть немало подтверждений. Сам основатель Ордена состоял в родстве с руководителем Крестового похода, во время которого был разрушен Константинополь... А глава приората Нормандии, казненный Филиппом Красивым, носил то же самое имя, что и первый официальный обладатель Плащаницы, — его звали Жофрэ де Шарни...

И тут опять на сцену выходит Бафомет. По одному из описаний, полученных в ходе допросов, у идола тамплиеров была рыжая борода. Изображение на Туринской Плащанице имеет бурый оттенок — как след от утюга на простыне. Так, может, эта нарисованная «голова» и была тем самым идолом, за служение которому десятки рыцарей приняли мученическую смерть? Уже в наше время, в 1951-м, в Лондоне при реставрации здания, когда-то принадлежавшего тамплиерам, под слоем штукатурки на потолке нашли доску с изображением лица, похожего на образ с Плащаницы.

Служила ли эта доска крышкой деревянного ковчега, в котором тамплиеры хранили свою реликвию? Был ли рыцарь Жофрэ де Шарни родственником графа Жофрэ де Шарни? Если ответить на последний вопрос утвердительно, становится понятным, почему Жофрэ

«второй» затруднялся объяснить тайну появления у него Плащаницы. И полвека спустя после казни храмовники продолжали оставаться вне закона...

Есть и другая теория. Некоторые исследователи полагают, что на саване изображен отнюдь не Иисус Христос — а Жак де Моле. Во всяком случае, все приметы вполне соответствуют: удлинённый нос, волосы, разделенные пробором, густая борода. В пользу данной версии говорит и солидная длина Плащаницы — де Моле был изрядно высокого роста. Правда, у человека, который смотрит на нас с льняного прямоугольника, волосы куда длиннее плеч — а устав Ордена это категорически запрещал. Что ж, этому тоже можно найти объяснение — в застенках Великого магистра вряд ли часто посещал цирюльник.

Но самым серьезным аргументом явилась проведенная в 1989 году экспертиза. Вот что гласит заключение: «Экспертиза показала, что Туринская плащаница датируется между 1260 и 1380 годами, то есть можно почти с уверенностью говорить, что это образ Жака де Моле». По еще одному стечению обстоятельств, церковь обнародовала результаты экспертизы 13 октября. Именно в этот роковой день были арестованы все тамплиеры.

...Ну а в камере, где томился последний Великий магистр, найдут выцарапанный на стене рисунок — огромный сверкающий карбункул. Тот самый, что, по преданию, выпал из короны Люцифера при его низвержении с неба. Пятнадцатый аркан Таро, карта Дьявола, имя которому — Бафомет...

«Тамплиеры среди нас»

«В могиле твоего дяди Великого магистра де Боже нет его останков. В ней находятся тайные архивы Ордена. Вместе с архивами хранятся реликвии: корона иерусалимских царей и четыре золотые фигуры евангелистов, которые украшали Гроб Христа в Иерусалиме и не достались мусульманам. Остальные драгоценности находятся внутри двух колонн, против входа в подземный этаж церкви. Капители этих колонн вращаются вокруг своей оси и открывают отверстие тайников».

Великий магистр Жак де Моле спешно водил пером по бумаге. Теперь уже окончательно ясно — король замыслил уничтожить Орден! Многих рыцарей ждет смерть. Но можно попытаться перед кончиной спасти самое дорогое. Для этого нужен надежный человек. Такой, как племянник его предшественника, молодой граф Гишар де Боже, давно стремящийся вступить в Орден. Под покровом ночи магистр вызовет Гишара к себе в темницу и лично посвятит в рыцари. Юноше будет дано испытание — отправиться в Тампль, чтобы отыскать в одной из гробниц усыпальницы великих магистров треугольный ларец из хрусталя в серебре. Моле откроет Гишару Великую тайну — в ларце хранится величайшая святыня — указательный перст Иоанна Крестителя. И, взяв с новоиспеченного брата клятву, что тот спасет драгоценный дар и «сохранит до конца света», магистр поцелует его и отдаст письмо...

Теперь можно было спокойно готовиться к смерти.

В 1745 году этот документ впервые опубликует некий немецкий архивариус. Еще позже исследователи установят, что молодой граф де Боже действительно добивался королевского разрешения вывезти из Тампля прах своего дяди. Обнаружат и то, что одна из колонн церкви является полой — как и в храме Ренн-ле-Шато.

Разумеется, она оказалась пустой, и хранились ли в ней когда-то сокровища Ордена, наверное, не узнает уже никто. Но воображение рисует такую яркую картину: Гишар под

покровом ночи извлекает из колонны Тампля золото, серебро, самоцветы... И, заполнив ими гроб, перевозит в потайное место.

Куда? Это было известно лишь избранным. А может, и вовсе никому — кроме самого Боже. Поиски, которые велись и во Франции, и на Кипре, в лимассольской крепости храмовников, оказались безрезультатными. Родовой замок самих де Боже еще после Французской революции был разобран буквально по камешку, а земля под ним перерыта и перепажана. Увы, все напрасно...

Это было очередное — и далеко не последнее разочарование для тех, кто решил во что бы то ни стало отыскать легендарные сокровища. Но более всех был в свое время раздосадован главный гонитель тамплиеров, Его Величество Филипп Красивый. Сокровищница Тампля оказалась пуста. В подземельях не нашли ни единой монетки. Разумеется, кое-какое имущество от тамплиеров осталось — земли, замки, приусадебные хозяйства. Но всего этого хватало разве что на покрытие расходов по проведению суда. Впрочем, все имущество Ордена папа своей буллой *Ad providem* в итоге передаст госпитальерам...

Куда же исчезло все то, что долгие месяцы не давало спокойно уснуть французскому монарху? Нет, не случайно кое-кто из его окружения намекал, будто аресты вовсе не явились неожиданностью для Ордена. О них знали, к ним готовились. И незадолго до «судного дня» Великий магистр тайно отправил из Тампля несколько десятков подвод с драгоценным грузом. В конце концов, для чего-то же хранили тамплиеры подробнейшие карты подземного Парижа — как раз их-то нашли при обысках. Катакомбы словно созданы для того, чтобы прятать сокровища. А дальше... Как сообщает хроника, «в одну из ночей перед волной арестов они были вывезены из Парижа и доставлены в Порт Ла-Рошель, где погружены на восемнадцать галер, отбывших в неизвестном направлении...» Ах, этот дерзкий Ла-Рошель — не зря говорили, что он всегда был больше городом тамплиеров, нежели короля! Много лет спустя именно здесь соберется свет протестантства во времена гугенотских войн... Но то произойдет позже. А пока доподлинно известно одно — 13 октября 1307 года работы в порту продолжались всю ночь. С первым лучом солнца корабли покинули гавань.

Король приказал немедленно организовать погоню. Все проливы наглухо заблокировал военный флот. Сыщики опрашивали жителей прибрежных районов, устраивали засады в портах, сулили щедрое вознаграждение. Все тщетно! Люди видели, как флотилия прошла мимо Гавра, пересекла Ла-Манш, повернула к востоку. И — словно растворилась в окутавшем море тумане...

Вопрос о том, куда направлялись эти суда, будоражит умы уже более семисот лет. Кто-то полагает, что деньги осели в Англии, и на них финансировалась Столетняя война против Франции. Что ж — это вполне объяснило бы успехи вчетверо более слабой Англии в начале кампании. Поговаривают и о том, что казна досталась итальянским банкирам и заложила мощный финансовый базис в эпоху Возрождения. Есть и такая версия: Орден умер, но дело его живет, и тамплиеры-подпольщики до сих пор хранят и преумножают несметные богатства... Каждая из гипотез вполне имеет право на жизнь. Но все это не более чем изыскания исторической науки. Теория же, как известно, без практики мертва. Вот почему все семь столетий не переводились те, кто стремился во что бы то ни стало отыскать канувшие в Лету сокровища.

... Утерянные богатства инков, затонувшие корсарские галеоны, мощенные золотом улицы африканского Тимбукту... Среди легенд об исчезнувших кладах история казны

тамплиеров — недописанная яркая глава, в которой есть место и мистическому ужасу, и зловещей прозе жизни. Она щедро sprysnuta кровью, помечена непонятными символами и припечатана железом, раскаленном не иначе, как в адском огне. Как мы помним, рыцари Храма не знали себе равных во всем, что касалось тайн.

Построй сие секретное жилище
мерю трижды стократ
против матричной меры в длину-долготу,
пятижды десятикрат в ширину-широту,
трижды в толщину-глубину.
То ю же мерю мерь Круговое Пространство,
коего верхняя часть доступна Свету.
Растянув же его в противную сторону,
отстрой то, что внизу, дважды и трижды.

Эти слова были начертаны на фронте древней казармы, некогда принадлежавшей тамплиерам. Поистине, им казалось недостаточным просто спрятать сокровища — они проделывали это с поистине дьявольской изобретательностью...

...В 70-х годах прошлого столетия церковь тамплиеров в Париже была снесена. Спустившись в подземелье, строители обнаружили несколько могил. Одна из них оказалась пуста. Не в ней ли покоился прах магистра де Боже, и не здесь ли его преемник хранил те самые ценности, о которых сообщил в предсмертном письме? Вскоре в архивах были обнаружены документы: означенное семейство Боже, помимо родового поместья, которое обыскивали еще горячие французские революционеры, владело замком Аржиньи. Расположенный в департаменте Рона замок не находился под юрисдикцией Филиппа Красивого — и, возможно, потому, невзирая на почтенный возраст, отлично сохранился. Представьте себе средневековую крепость с мощными стенами и башнями, подъемный мост над глубоким рвом. Донжон сложен из идеально подогнанных друг к другу каменных глыб. В его верхней части — восемь отверстий, а потому он носит романтическое имя Башни Восьми Блаженств. Правда, башню еще называют Алхимической — ведь в ней, как и повсюду в замке, обнаружены загадочные знаки, столь популярные у тамплиеров. Кое-кто считает их ключом к разгадке тайны сокровищ, а кто-то — магическими заклинаниями против нечистой силы. Само название Аржиньи происходит то ли от Argine — дама трэф, повелительница сокровищ (анаграмма слова Regina), то ли от argyros — серебро. Как мы помним, именно этот благородный металл составлял основное богатство тамплиеров...

В 1950 году владельца замка посетил некий загадочный полковник из Англии. Он предложил Аржиньи купить его, посулив огромную сумму: сто миллионов франков. Де Розмон ответил решительным отказом. Вместо этого он пригласил в свои владения некую госпожу де Грацию — известного археолога и специалиста по тайнописи тамплиеров.

Вот что гласило ее заключение: «Я убеждена, что казна тамплиеров находится в Аржиньи. Я обнаружила здесь знаки, указывающие на главный клад. Они начинаются от герба над входом и ведут в Алхимическую башню. Я нашла в ней египетский символ, говорящий о том, что здесь сокрыто как духовное, так и материальное сокровище».

Вскоре парижский промышленник по фамилии Шампньон организовал раскопки. Ими руководили магистр оккультных наук Арман Барбо и писатель Жак Брейер, давно изучавший оккультные обряды храмовников. Прежде чем написать книгу под названием «Солнечные тайны», посвященную Аржиньи, он несколько лет провел в полном уединении в Алхимической башне. Вот каким оказался его вывод: «Тайные Сокровища

под крепкой охраной: каждую дверь стережет дракон. Найти помогут Смирение, Бескорыстие, Чистота. Сии три ключа верны для того, кто верно их понимает. Искусный возьмет Ф. Ф., но сей на воздухе. Сокровище истинное наверху. Почто блуждаешь, несчастный, выбиваясь из сил? Размысли: великое искусство есть свет».

В вольном переводе на человеческий язык это звучит приблизительно так: «Сокровища тамплиеров — в Аржиньи. Найти их сможет только тамплиер. Секрет клада Ф. Ф. (короля) в башне Восьми Блаженств на уровне окон, нигде в другом месте. Солнечный луч из окна даст последний ключ».

Но где именно лежат сокровища? «Найти их сможет только тамплиер...» — стало быть, надо заставить говорить самих тамплиеров. Вот как описывает эти странные опыты исследователей один из свидетелей: «Арман Барбо и Жак Брейер по ночам стали вызывать духов в башне Восьми Блаженств. Им явилось одиннадцать тамплиеров, которые объявили себя хранителями сокровища; они общались с ними на языке условных стуков. Жак Брейер — вдохновитель дела — поставил в башне клетку с голубем: когда загробный мир выходил на связь, голубь бил крыльями.

Все свидетели ясно слышали одиннадцать четких тяжелых ударов: как будто кто-то тяжелый колотился всем телом об стену. Обман был решительно невозможен: никакая лестница не могла достать до верхушки башни. Стук звучал в ночной тишине, между полночью и двумя часами ночи.

Вообще-то звуков ночью было много: квакали лягушки в прудах, пели соловьи, лаяли собаки, мяукали кошки... Но едва раздавался первый стук, все животные удивительным образом замолкали. Когда же общение с духами заканчивалось, ночные шумы возобновлялись.

Иногда одиннадцать тамплиеров отказывались разговаривать вовсе, иногда говорили нечто невнятное и ни в коем случае не соглашались отвечать, где лежит клад. Через собственного медиума Барбо узнал, где вход в подземелья замка, и послал туда рабочих. Но приступить к делу все время что-то мешало: то господина Шампюна неожиданно отзвали дела, то у самого Барбо умер родственник, то рабочие, побросав кирки с лопатами, без всяких объяснений куда-то исчезли...

Но однажды Жак Брейер провозгласил:

— Готово! Тамплиеры согласны говорить!

Большой спиритический сеанс состоялся в ночь на Иванов день. Барбо через медиума вошел в общение с хранителями клада. Загипнотизированный медиум произнес такие слова:

— Я вижу, как на меня по какому-то желобу движется большой сундук. Человеческая рука в железной перчатке опускается в сундук, достает золотые монеты. Вот на столе уже большая грудa. Рука черпает дальше. К золоту жадно тянутся другие руки... ужасные лапы, с когтями, покрытые шерстью... Человеческая рука убирает монеты обратно в сундук. Во главе хранителей клада — рыцарь в гробу. Его мраморная статуя разговаривает, но он продолжает недвижно лежать в гробнице. Он хочет выйти на свет. Для этого нужно устроить великий обряд и произнести семь заклинаний...»

На всякий случай, Великого магистра присутствующие решили не оживлять. Вместо этого Жак Брейер сообщил, что духи признали в нем новое воплощение Жака де Моле. Опять начались ночные бдения в Алхимической башне. Брейер вызывал Гийома де Боже, называл его братом, умолял раскрыть тайну... Великий магистр остался глух и нем. Но Брейер не уговорился. Он предложил призракам сделку: пусть прекрасная девушка зачнет, войдя в магический круг, чтобы Гийом де Боже воплотился в ее младенце...

Судя по всему, глава Ордена тамплиеров не поддался на это соблазнительное предложение. Во всяком случае, участникам экспедиции так и не довелось узнать, где находится клад. А без этого ломать древние стены замка его владелец решительно не позволил. Для такого шага, по его мнению, должны быть получены абсолютно точные данные. И решающую роль здесь должна сыграть не мистика, а наука.

Строго говоря, ни один достоверный документ не связывает казну Ордена Храма с замком Аржиньи. Как, впрочем, и с любым другим. Все гипотезы основаны лишь на легендах да загадочных указаниях, оставленных прежними владельцами. Знаки тамплиеров были найдены в замке Барбезьер (Шаранта). Любопытно, что он построен позднее XIV века, но именно на этом месте возвышался прежний замок Ордена. Кто знает — быть может, посвященные скрупулезно переносили старые символы на новые камни — до тех пор, пока последний хранитель тайны не отправился в мир иной...

Когда-то в окрестностях Барбезьера стояли три тамплиерских гарнизона. В селении Линь и сейчас можно прогуляться по древнему кладбищу. Ветхие ограды, полуразрушенные надгробия, надписи на которых указывают, что после падения Ордена в этих местах еще долго квартировал какой-то загадочный отряд...

Кладоискателям известны и другие тамплиерские адреса: База, Дом сенешаля в Ажане, поместья Сен-Мартен-де-Ванс и Рано... Неподалеку от последнего есть две пещеры — «золотого сосуда» и «серебряного сосуда». Их с удовольствием показывают заезжим туристам местные жители. Некогда здесь и впрямь были укрыты от глаз людских два сосуда — круглый, полный золота, и квадратный, доверху набитый серебром. Странствующие тамплиеры могли зайти под мрачные своды и взять ровно столько добра, сколько было необходимо. После чего сосуды вновь прятались в место, известное лишь избранным.

... «Под старым замком Вальдекруа лежат сокровища Ордена тамплиеров. Иди туда, ищи. Истина и святой укажут тебе путь». Четырнадцатилетний подросток выучил этот таинственный текст наизусть. Ветхий листок бумаги выпал из старого французского молитвенника, обнаруженного мальчиком среди дедовых книг на чердаке. Видимо, молитвенник принадлежал еще его прадеду — наполеоновскому солдату. Семейное предание гласило, что, будучи раненным во время боя, тот остался в Польше, где благополучно женился и где теперь жили его потомки. Он ли вложил между страниц загадочный листок бумаги — одному Богу известно. Но молодой человек точно сохранил в памяти загадочные слова.

Время было лихое, и памятная книга, к сожалению, не сохранилась. Вместе с ней исчез и тот самый листок. В 1939-м, когда Польша была оккупирована фашистами, выросший мальчик покинул страну и отважно сражался в рядах французской армии. А демобилизовавшись, мечтал об одном: найти в тихом уголке Франции заброшенную ферму и спокойно прожить на ней остаток своих дней...

Такое место нашлось — старый замок Валькроз в пустынных горах департамента Верхний Вар. Поместье было куплено, новые хозяева начали постепенно приводить его в порядок. Тут-то и всплыли в памяти те магические слова, которые, как молитву, шептал каждый вечер романтический мальчик... Неужели Валькроз и есть тот самый замок Вальдекруа? Ведь во Франции места с точно таким названием просто не существует. А Валькроз — это Вальдекруа, озвученный по-провансальски. И потом — замок действительно некогда принадлежал тамплиерам! Он затерян в лесах, к нему нет проезжих дорог. Но главное, что укрепило хозяина в шальной мысли, — в часовне он обнаружил картину, написанную в 1715 году: святой Целестин поклоняется лучу света, на котором написано: «Истина». Помните? «Истина и святой укажут тебе путь...»

Знаете, кто такие радиоэстезисты? Их еще называют лозоходцами. С помощью свежесрезанной на рассвете виноградной лозы эти люди определяют, где именно под землей находятся залежи полезных ископаемых, родники и, конечно же, клады. Во Франции в лозе недостатка нет, и очень скоро специалисты начертили на плане поместья целую галерею невидимых глазу подземных лабиринтов с залами, могильниками и тайниками. Увы, спешно начатые раскопки ничего не дали. На восьмиметровой глубине было решено остановиться, и Валькроз так и остался еще одним белым пятном на виртуальной карте тамплиерских сокровищ...

Почетное место на ней занимает Жизор. Этот крошечный городишко, в котором только одна улица, вот уже более полувека — предмет споров ученых всего мира. И впрямь, древняя крепость Жизора — одно из самых загадочных сооружений средневековой Европы.

Когда-то первые французские короли из династии Меровингов возвели здесь деревянное укрепление. Река Эпт несколько столетий служила границей между французскими и английскими владениями в Нормандии. По обоим ее берегам было выстроено множество замков. Жизор, стоящий на вершине холма, возвышался над всеми. Через него пролегали две дороги из Парижа в Руан: по воде и суше.

В 1090 году хозяином замка становится Тибо де Пайен — племянник Гуго де Пайена, основателя Ордена тамплиеров. При нем замок начал воплощаться в камне. Когда он был готов, и двенадцать массивных башен окружили двор, здесь побывал и сам будущий Великий магистр. Легенда гласит, что именно здесь, в Жизоре, аббат Бернارد Клервосский, сидя под сенью древнего вяза, писал знаменитый орденский устав...

В центре двора на высоком земляном холме высится гигантская восьмиугольная башня. Она обнесена еще одной стеной. В глубокий подвал донжона прятали французские короли самых секретных и важных узников. С тех пор она так и называется — Башня Заключенных.

В 1307-м сюда заточили нескольких тамплиеров. Это были не рядовые рыцари — каждый из них играл в Ордене весьма важную роль и, несомненно, был посвящен в его тайны. На камне они день за днем выцарапывали странные изображения — загадочные надписи, кресты, астральные знаки, повозка, нагруженная до верха тяжелой поклажей... Еще одно зашифрованное завещание, смысла которого так никому и не удалось раскрыть. Правда, в середине прошлого века к этому вплотную приблизился некто Роже Ломуа, тогдашний смотритель замка...

...Вторая мировая война. Франция оккупирована. По всей стране действуют отряды Сопротивления. Но Ломуа, одержимому манией кладоискательства, не до борьбы с врагом. Много дней подряд роет он в холме, на котором стоит донжон, вертикальную шахту. На глубине двадцати метров — о, радость! — он наткнулся на подземную крипту. Увы, небольшая капелла, размером четыре на четыре метра, оказалась абсолютно пустой. Тогда Роже ломом пробил в стене отверстие и начал копать уже горизонтально — по направлению к донжону. Вскоре путь перегородила еще одна каменная кладка. Проломив и ее, Ломуа перелез в просторное помещение — и остолбенел...

Он стоял в начале узкого зала, который показался ему огромным — стены уходили вдаль метров на тридцать, а высота их была не меньше четырех. Вдоль них расположились статуи Христа и двенадцати апостолов. А между ними — девятнадцать каменных саркофагов. В дальнем конце зала располагался каменный алтарь с балдахином. А весь центр зала занимали тридцать огромных сундуков, окованных металлом.

От всего этого веяло каким-то мистическим ужасом. Во всяком случае, приблизиться к сундукам Роже не решился. И, как только городок освободили от оккупантов, отправился в муниципалитет. Однако в мэрии к его находке отнеслись весьма прохладно. Никто не пожелал спуститься в шахту, чтобы проверить достоверность рассказа. Более того, за самовольное кладоискательство управляющего тут же уволили. Полтора десятка лет он скитался по стране — пока однажды не нанялся на работу в загородный дом парижского журналиста Жерара Де Сада (не путать с маркизом де Садом!). Как-то раз новый хозяин задал молчаливому садовнику пару ничего не значащих вопросов о его жизни. Он ожидал услышать что угодно — но только не то, что услышал...

Де Сад тут же отправился в Жизор — и вскоре книгой с экстравагантным названием «Тамплиеры среди нас» зачитывалась вся Франция. Это была настоящая сенсация. Ученые разыскивали в архивах подтверждения гипотезам журналиста. Говорят, нашли даже рисунок той самой капеллы, сделанный во времена Средневековья... Словом, министру культуры Андре Мальро ничего не оставалось, как отправить в Жизор группу экспертов.

Когда члены комиссии прибыли на место, вход в шахту, полузасыпанный землей, вполне отчетливо виднелся на склоне холма. Когда они отбыли в Париж — на месте лаза была монолитная бетонная пробка. С тех пор больше никому и никогда не удалось получить разрешения на изучение подземелий жизорского замка.

Ознакомившись с итогами работы столичных экспертов, Де Сад подготовил к печати новое издание книги — как говорится, исправленное и дополненное. По его утверждению, наследники тамплиеров не просто живут среди нас. Они прочно оккупировали чиновничьи кабинеты Франции. Разумеется, им хорошо известно, что скрывают подземелья Жизора, — будь то фантастические сокровища или секретные архивы, в которых раскрываются почерпнутые на Востоке секреты алхимиков и колдунов. Но делиться всем этим с человечеством государственные мужи не желают. Стоит ли удивляться тому, что новая версия скандальной книги выдержала десятки переизданий не только во Франции, но и по всему миру?..

«Он уйдет и не вернется...»

...Крошечный островок Борнхольм омывают волны сурового Балтийского моря. До Копенгагена — сто семьдесят километров, до побережья Швеции — тридцать пять. Вода прогревается плохо, но туристы обожают здешние пляжи за ослепительно белый песок, мягкий, как мука. Усевшись в кафе за грубо сколоченным столом, можно, любуясь на

закат, отведать обалденной копченой рыбы, запивая ее местным темным пивом. Собственно, туристических объектов здесь нет — над маленькими домиками возвышаются разве что четыре круглые церкви, больше напоминающие крепостные башни. Не каждый, кто прикасается к их полутораметровой толщины стенам, знает, что, возможно, они скрывают главную тайну тамплиеров. «Мистическая геометрия» расположения храмов отсылает нас напрямик в Ренн-ле-Шато. Именно в ней зашифрован ключ, который в один прекрасный день позволит, наконец, узнать место, где спрятано сокровище. Оно где-то здесь, под поросшими вековым мхом камнями — иначе зачем было могущественным рыцарям обращать свой взор на датский остров? Для чего они возводили здесь храмы? И с какой целью архиепископ Дании Эскиль посетил Великого магистра Бертрана де Бланшфора в 1162 году? Только ли для того, чтобы попросить помощи в крещении балтийских язычников? Или, запершись в монашеской келье, они обсуждали что-то совсем иное, всякие раз понижая голос, едва речь заходила о том, что составляло «святая святых» тамплиерской тайны — о Святом Граале...

Версию о том, что Чаша Грааля спрятана вовсе не в Испании, Мексике или шотландском Росслине, а посреди Балтийского моря, выдвинули два историка — датчанин Эрлиг Хаарлинг и англичанин Генри Линкольн. В книге с интригующим названием "Тайный остров тамплиеров: рыцари, хранитель, сокровище" они пишут: «Неизвестно, что представляет из себя Святой Грааль. Но на острове Борнхольм спрятано нечто очень важное и тесно связанное с Граалем. Теоретически это может быть Ковчег Завета. Но есть еще кое-что более важное, что всегда сопровождало Ковчег Завета и что, как мы можем теперь доказать, находится в настоящее время на Борнхольме...»

«Все это занимательно, но при этом — полный вздор, — парировал, прочитав книгу, Ричард Холлоуэй, бывший епископ Эдинбургский. — Во всем этом нет ни грана объективной истины, но, разумеется, подобные истории представляют огромный интерес для издателей, которые знают, что мир полон легковверных людей, ищущих чудес, и обещают, что на этот раз чудо свершится на их глазах. Однако чуда не происходит — а деньги исправно поступают на счета издателей».

Увы, в то, что «нечто очень важное и тесно связанное с Граалем» будет обнаружено, не верит даже духовенство. Собственно, ему вторят и «серьезные» ученые. Помните? «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — наука пока не в курсе дела...» Точно так же наука попросту не располагает доказательствами существования легендарного артефакта.

«По известной мне версии, Грааль — это чаша, из которой пил Христос во время Тайной Вечери и которую сохранил Иосиф Арифамейский, — пишет Эрик Ив, преподаватель богословия Оксфордского университета и специалист по Новому Завету. — Однако нет никаких сведений ни о дальнейшей судьбе чаши, ни о дальнейшей судьбе Иосифа. Вероятность того, что он нашел Грааль, близка нулю...»

И впрямь — более тысячи лет, прошедших с чудесного Воскресения Христа, о Граале не было слышно ни слова. Ни в сагах, ни в сказках, ни в народных песнях первых десяти веков нашей эры сей таинственный предмет попросту не упоминается. Он появился из недр Земли (не из загадочных ли конюшен под иерусалимским храмом?) лишь в разгар Крестовых походов, когда самый Орден делал первые шаги к вершине своего могущества. Впрочем, большинство исследователей считают это простым совпадением. Ричард Барбер, автор книги «История легенды о Святом Граале», называет эту самую легенду «чистой литературой», утверждая, что Грааль был просто-напросто придуман в конце XII века затейником-французом Кретьеном де Труа, подвизавшимся при дворе все тех же графов Шампанских. Его герой Парцифаль — «сын вдовы», совершая полное опасностей

путешествие ко двору короля Артура, неожиданно-негаданно обнаруживает Грааль во дворце волшебного короля-рыбака. Как аукнулась эта находка в дальнейшей судьбе странствующего рыцаря, мы уже никогда не узнаем — Кретьен де Труа умер, не окончив романа. Кое-кто полагает, что его последняя часть сгорела в 1188 году во время пожара Труа, странным образом совпавшего со смертью поэта. Вообще, все, связанное с Граалем, было овеяно духом таинственности и мистицизма — именно этим Барбер объясняет вторую волну его популярности, возникшую в наши дни. «Святой Грааль, в силу своей загадочности всегда относившийся к сфере воображения, прекрасно иллюстрирует новый жанр «воображаемой истории», где проводится идея о том, что история, в том виде, в котором она преподается и кодифицируется, на самом деле призвана скрыть истинное положение дел. Как только подобная идея получает распространение, особенно в Интернете, она начинает жить своей жизнью, независимо от того, насколько она соответствует реальности.

Что же являет собой этот неуловимый объект, который уже почти тысячу лет «живет своей жизнью» и является для любителей загадок неистощимым источником вдохновения? Почему он продолжает волновать воображение и тревожить душу, невзирая на явный недостаток доказательств того, что вообще существует?

«...Она была одета в аравийские шелка. На зеленом бархате она несла такой величественный предмет, равного которому не нашлось бы даже в Раю, совершенную вещь, к которой нечего было прибавить и которая одновременно являлась корнем и цветком. Этот предмет называли Граалем. Не было на земле такой вещи, которую бы он не превосходил. Дама, которой сам Грааль поручил нести себя, звалась Репанс де Шой («Не знающая гнева» — Е. М.). Природа Грааля была такова, что тот, кто о нем заботился, должен был быть человеком совершенной чистоты и воздерживался от всякой вероломной мысли»...

Это — еще один «Парцифаль», только авторство его принадлежит Вольфраму фон Эшенбаху, баварскому рыцарю, которому, как и его предшественнику Кретьену де Труа, тоже не давал покоя заветный сосуд. Впрочем, судя по всему, сосуд ли это, средневековый романтик тоже точно не знал. В его романе Грааль чудесным образом перевоплощается, Из дивного цветка он превращается в рог изобилия, в мгновение ока извергающий любые блюда и драгоценности. Испивший из него излечивается; мертвых он пробуждает к жизни. Но это — далеко не последняя ипостась Грааля. «Доблестные рыцари живут в замке, где охраняют Грааль. Это тамплиеры, которые часто уезжают в далекие края на поиски приключений. Каков бы ни был исход их битв, слава или унижение, они принимают его с открытым сердцем, как искупление их грехов... Все, чем они кормятся, приходит к ним от драгоценного камня, сущность которого — чистота... Его называют «*lapis exillis*». Это благодаря камню Феникс сжигает себя и становится пеплом; это благодаря камню Феникс линяет, чтобы затем вновь появиться во всем своем блеске, прекрасным, как никогда. Нет такого больного, который перед этим камнем не получил бы гарантию избежать смерти в течение всей недели после того дня, когда он его увидел. Кто видит его, тот перестает стареть. Начиная с дня, когда камень появился перед ними, все мужчины и женщины принимают тот вид, какой они имели в расцвете своих сил... Этот камень дает человеку такую мощь, что его кости и плоть тут же находят вновь свою молодость. Он тоже называется Граалем».

Так, по воле отшельника, который оказывается дядей Парцифалья, Грааль становится камнем. Кто-то склонен видеть в этом образ апостола Петра (Петр означает камень), кто-то вспоминает о Философском камне, вдыхающем в Феникса новую жизнь. Собственно, Христос, распятый и вознесшийся — это и есть Феникс, способный возрождаться из

пепла. По одной из теорий именно кровь пригвожденного к кресту Иисуса наполняла заветную чашу Грааля. Кровь — основа жизни — отождествляется с сердцем; еще у древних египтян иероглиф, обозначающий его, имел форму сосуда.

Позже этот сосуд был сделан ангелами из изумруда, упавшего со лба низвергнутого Люцифера (именно этот камень выцарапан на стене предсмертной кельи последнего Великого магистра Ордена Храма). И — как Дева Мария искупила грех Евы, кровь Спасителя, наполнив Грааль, искупила люциферов грех... Врученный Адаму, Грааль был оставлен им в раю — и до сих пор находится там. Говорят, тот, кто отыщет его, подарит рай всему человечеству...

Поистине, этот дивный коктейль из рыцарской романтики, христианской мистики и древней мифологии заслуживает того, чтобы плескаться в самом изысканном кубке! Таким, без сомнения, является Грааль. Увы, видеть его было дано лишь достойным. «Что касается тех, кто призван предстать перед Граалем, я хочу сказать вам, как их узнать. На краю камня появляется таинственная надпись, которая называет имя и род тех, кто, будь то юноша или девушка, предназначены свершить это блаженное путешествие... Счастлива та мать, которая произвела на свет ребенка, коему судьбой назначено однажды послужить Граалю! Бедные и богатые радуются одинаково, когда им сообщают, что им надлежит послать детей своих в ряды святого воинства; с тех пор и навсегда они защищены от греховных мыслей, которые рождают стыд, и они получают на небесах чудесное вознаграждение...»

Сотнями ученых по всему миру написаны тысячи научных трактатов об истории рыцарских орденов и крестовых походов. Но, наверное, не меньшее число исследователей посвятило свой ум и свое перо истории Священного Грааля. Если первые в своих изысканиях опираются на многочисленные документальные свидетельства — хроники, письма, дневники — то для вторых поистине бесценным источником информации стали средневековые романы. Вдохновленные примером Шлимана, который, начитавшись Гомера, откопал заметенную песками Трои, они не устают искать в них подсказки, способные пролить свет на их исследовательский фетиш. Случайно ли по воле фон Эшенбаха владельцами Грааля становятся члены таинственного семейства, ветви которого рассеяны по всему миру? Часть их живет в замке Мунсальвеше — германизированная форма названия легендарной крепости Монсальва. Долгие годы она будет служить оплотом носителям древней ереси — катарам, таинственная связь которых с тамплиерами установлена давно. Монтальву постигнет та же роковая судьба, что катарский замок Монсегюр, всех защитников которого сожгут заживо крестоносцы. А от Монсегюра всего полчаса езды до Ренн-ле-Шато — так неумолимая спираль истории опять приводит нас в забытую богом деревушку на юге Франции. Кстати, в другом своем произведении, «Младший Титурель» (как и поэма Кретьена де Труа, оно осталось неоконченным), Вольфрам фон Эшенбах придаст родовому замку вполне реальные очертания — например, мы узнаем, что его часовня была круглой, как часовня тамплиеров...

В отличие от исторических Монсегюра или Монтальвы, литературный Мунсальвеш был населен весьма странными личностями. Среди них — все тот же король-рыбак, дядя Парцифалья. Злое заклятье не позволяло ему ни произвести на свет потомство, ни умереть — вот почему, когда в конце концов оно будет-таки снято, единственным наследником останется главный герой поэмы. Годы спустя его сын Лоэнгрин услышит колокол часовни, звучащий без звонаря: устремившись на звук в лодке, запряженной лебедями, он обнаружит прекрасную даму, которая взывала о помощи. Победив преследователей, он женится на ней. Но... «На Граале появилась надпись. Она гласила: ...рыцарь должен потребовать, чтобы никто не пытался узнать ни его имени, ни из какой семьи он

происходит. Как только ему зададут подобный вопрос, он уйдет и не вернется». Семь лет жена Лоэнгрин будет повиноваться этому требованию. Но однажды, одержимая ревностью, она задаст роковой вопрос, и Лоэнгрин навсегда исчезнет в лучах заката, унеся с собой тайну своего рода...

Однако он оставит ей сына. Согласно легендам, в будущем мальчик станет то ли отцом, то ли дедом вполне исторического персонажа, Годфруа Бульонского. Кстати, именно Годфруа, а отнюдь не Ричард Львиное Сердце или Фридрих Барбаросса, был для современников «рыцарем номер один» — ведь это благодаря ему Иерусалим с могилой Иисуса был впервые вырван из рук неверных. Этот культ сохранится и после его смерти — вот почему средневековым романистам будет несложно обнаружить в Годфруа потомка легендарной семьи Грааль. Правда, согласно официальной генеалогии, он происходил из семьи Плантар — стало быть, в его жилах текла меровингская кровь. Именно он, в глазах многих, был законным королем, которого оставили без королевства коварные Капетинги. Но почему именно Меровинги владели умами на протяжении веков? Какой тайной был отмечен этот род, не менее таинственный, чем порожденное фантазией художника семейство Грааль? Saint Graal... San Graal... Sang Real — или Sang Royal — «королевская кровь»... Гд е пересекаются кровь Иисуса и кровь Меровингов? Несколько лет назад, выдвинув свою версию при ответе на этот вопрос, Дэн Браун в одночасье побил все мыслимые и немыслимые рекорды книжных продаж. Но еще из средневековых легенд мы знали, что Мария Магдалина приехала в Галлию, привезя вместе с собой Святой Грааль — или «королевскую кровь». Под пером Брауна земным воплощением этой крови становится ребенок «евангельской блудницы» и Христа, потомки которого много веков спустя, слившись с франками, породят династию Меровингов...

Оставив в стороне достоверность этой теории, отметим лишь то, что, если Годфруа Бульонский и впрямь происходил от Иисуса, то взятие им Иерусалима в 1099 году было чем-то большим, нежели просто победа. Видимо, не случайно для организации первого Крестового похода он продал большую часть своего достояния. А когда сей доблестный муж был провозглашен королём Иерусалима, отказался от этой чести, сказав, что не сможет надевать золотой венец там, где Христос влачил терновый. Вместо королевского внук Парцифалья станет с гордостью носить титул Защитника Гроба Господня...

Весьма скоро тем же титулом добровольно осенят себя мужественные рыцари Храма, под развалинами которого, как уверены многие, и был обнаружен Священный Грааль, воспетый знаменитыми романами. Существовал ли он на самом деле — или его породило яркое и болезненное воображение средних веков? И если существовал — не это ли явилось причиной той ярости, с которой и церковь, и государство в одночасье ополчились против тамплиеров? Что ж, если это так, ценность Грааля, красноречиво доказанная смертью его обладателей, и впрямь была высока...

Уильям Манн в книге «Лабиринт Грааля» пишет: «Тамплиеры умели „смотреть вовне“ — понимать суть вещей, черпая оттуда знания». Чистая сила этого знания позволила им достичь состояния, с которым не могли конкурировать ни папа, ни король — ведь оно было дано им Господом. Подле Божьих святынь возникло их братство — и эту связь уже ничто не могло разрушить. Ее земным воплощением и стал Святой Грааль, в котором многие исследователи склонны видеть отнюдь не материальный объект. Средоточие духовных ценностей, истина в последней инстанции, вершина философского осмысления мира, за которой и есть тот самый рай, — в общем-то все это не более чем причудливая игра слов, из которых всякий может выбрать те, что близки именно ему. Тамплиерам от этого не жарко и не холодно — тем более что свое сокровище они спрятали так надежно, что найти его не позволяют даже самые современные методы криминалистики.

...В известной всем шотландской церкви Росслин есть надгробный камень. На нем значится имя — Уильям Синклер. Сбоку выгравировано изображение: меч и роза в чаше, стоящей на трех ступенях. Росслин — одно из мест, куда бежали уцелевшие тамплиеры. Их великим магистром станет внук Уильяма Синклера Генри. Многие полагают, что именно он захоронил в конце XIV столетия священную реликвию. Кстати, с именем Генри связана совсем уж фантастическая теория, обнаруженная в семидесятых годах прошлого века. Она утверждает, что Грааль — не что иное, как машина, которая обеспечивала израильтян манной небесной во время их сорокалетних блужданий по пустыне. Именно этот «манноносный» Грааль якобы и стал для тамплиеров священным идолом «Бафометом». После роспуска Ордена машина канула в Лету — по одной из гипотез, протекавшей на острове Оук-Айленд у побережья Новой Шотландии. Во всяком случае, в начале 1398 года Генри Синклер побывал там вместе с венецианцем Антонио Зено, весьма опытным мореплавателем. Целая флотилия из двенадцати кораблей бросила якоря у открытого ими побережья. Большая часть из них вскоре отправилась домой, а сам Генри решил здесь перезимовать. Вместе с ним на острове осталась группа первоклассных строителей. Чем они занимались — не знает никто, но если вспомнить, что любимым делом тамплиеров было создание тайников, то вывод напрашивается сам собой...

В окрестностях города Вестфорд, недалеко от Бостона, стоит камень, на котором выбита фигура рыцаря. В руках он держит щит с гербом Генри Синклера и меч, как будто взятый с надгробия его деда, старого владельца Росслина. Впрочем, это всего лишь один из тамплиерских знаков, которых немало рассыпано по всему свету. Какой из них укажет нам путь к Граалю — мы узнаем лишь тогда, когда просвещенное человечество будет готово использовать его во всеобщее благо. Так завещал рыцарь-мореплаватель — но, судя по всему, это время еще не наступило.

Список Шинона

Печально знаменитый список Шиндлера известен всем и каждому благодаря киношедевр Стивена Спилберга. О Шинонском списке мы узнали после того, как его случайно обнаружила в архивах Ватикана неутомимая исследовательница тамплиеров Барбара Фрейл. Искали его давно. И совсем не потому, что без него трагическая повесть под кодовым названием «Звезда и смерть рыцарей Храма» оставалась неоконченной. История Ордена изучена достаточно подробно, и ссылки на протоколы, составленные в королевском замке Шинон, встречались во многих источниках. Однако роль Святого престола в процессе оставалась достаточно размытой. Найденный Барбарой документ (его еще называют шинонским пергаментом) буквально кричал — с арестованных тамплиеров еще во время следствия были сняты все обвинения! И, несмотря на это, большинство из них приняло мученическую смерть на костре...

Замок Шинон — один из самых больших в долине Луары. Неподалеку от него находится дом, где жил непревзойденный весельчак Франсуа Рабле. Мрачным контрастом смотрятся руины замка, разбросанные на широком холме. Казалось бы, что интересного для туристов в этих серых развалинах — тем более что долины Луары донесли до нас великолепнейшие образцы средневекового зодчества. Но посетители едут сюда тысячами — на запах событий, которые творились за крепостными стенами многие века назад...

Здесь любил проводить дни в уединении один из последних владельцев замка кардинал Ришелье... Возможно, в сумерках ему являлась тень великого английского короля Генриха II, который родился и умер в Шиноне. Тут он будет любить свою супругу — знаменитую Алиенору Аквитанскую... Но — от любви до ненависти один шаг, и, начав войну с Алиенорой, именно в замке он захватит ее в плен... Здесь же умрет его сын —

герой Крестовых походов Ричард Львиное Сердце. Он отойдет в мир иной, пылая ненавистью к отцу, но их захоронения теперь рядом — неподалеку, в аббатстве Фонтевро.

Прославленный рыцарь с сердцем льва известен детям всего мира как справедливый король Ричард из фильма о Робин Гуде. Второй же сын Генриха — Иоанн II Безземельный прославился как жестокий и бездарный принц Джон. Когда Иоанн потеряет почти все свои владения на континенте, замок перейдет к французской короне... «Меня зовут Жанна, и я сообщаю Вам, что Король Небесный поручил мне короновать Вас в городе Реймсе», — эти слова прозвучат под его сводами в 1429-м, когда неизвестная девушка, явившись к будущему королю Карлу VII, уговорит его дать ей войско, чтобы разбить англичан под Орлеаном. Подобно тамплиерам, она тоже найдет страшный конец на костре — но до его пламени еще много-много лет...

...Год 1308-й. Римский папа Климент V объявляет, что лично рассмотрит дела высших сановников Ордена. Выбор пал на город Пуатье. По распоряжению короля в Пуатье из Корбейля, под строгим конвоем, возглавляемым главным тюремщиком храмовников Жаном де Жанвилем, выехал печальный обоз. В нем сидели Великий магистр Жак де Моле, командор Кипра Рэмбо де Карон, магистр Аквитании и Пуату Жоффруа де Гонневиль, прецептор Нормандии Жоффруа де Шарне и великий визитатор Гуго де Пейро. Но не иначе как в ход следствия опять вмешались высшие силы. Перед городом Тур путешествие было прервано — по причине того, что узники занемогли. Их отправили в замок Шинон, находившийся под юрисдикцией короля, и поместили в главную башню той его части, которая называется Кудре.

Встреча с папой так и не состоялась. Зато 14 августа Его Святейшество Климент посылает к заключенным троим своим кардиналов — Беренгара Фредоля, Этьена де Суизи и Ландольфо Бранкачи. Тр и их печати скрепляют пергамент, который откопает много лет спустя на случайной архивной полке Барбара Фрейл. Именно этот факт наведет ее на мысль о том, что нечто под названием «Inquesta in diocesi Turonensi» — и есть то самое Шинонское слушание, о котором так много говорили, но которого никто никогда не видел.

«В сентябре 2001 года я вернулась из Венеции в Ватиканский архив. Читая каталог, я поняла, что существует ценнейшее свидетельство. В протоколах допросов в провинциях, которые Климент V поручил провести епархиальным епископам, было слушание, проводимое тремя епископами. Первый из них, Беренгар Фредоль, был мне знаком, потому что мне нужно было изучать детали его жизни для моей докторской. Он был лучшим церковным учёным своего времени, выдающимся членом священной коллегии, посланцем папского престола в самых сложных миссиях и, наконец, племянником папы. Неужели такого человека послали ли бы в провинцию, чтобы проводить обыкновенное епархиальное слушание?..»

Не в силах сдержать волнения, она развернет документ...

«Расследование проведено святыми отцами по поручению Папы Климента V в городе Шиноне, епархия Тура Шинон, 17–20 августа, 1308 года.

Во имя Господа, аминь. Мы, Беренгар, Божьей милостью кардинал наставник прихода Св. Великомучеников Неря и Ахилея, и Стефан, Божьей милостью кардинал-епископ прихода Св. Кириака в Термах, и Ландольф, Божьей милостью кардинал-диакон в приходе Св. Ангела, заявляем посредством этого документа, адресованного каждому, кто будет его читать, что с тех пор, как наш святейший отец и господин Климент, Божьим провидением

святтейший понтифик святой Римской и Вселенской церкви, получив настоятельные и неотложные просьбы, в устной форме и в докладах, от прославленного короля Франции, его прелатов, герцогов, графов, баронов и других жителей вышеуказанного королевства, дворян и простых людей, и от братьев, епископов, рыцарей, приоров и слуг из Ордена тамплиеров, начал расследование по вопросам, относящимся к братьям и уставу вышеуказанного Ордена, из-за которых Орден был публично опозорен и обесчещен, истинный Папа, желая и намереваясь узнать полную и бескомпромиссную правду, только правду, и ничего, кроме правды, от руководителей вышеназванного Ордена, а именно, от брата Жака де Моле, Великого магистра Ордена тамплиеров, брата Рембо де Карона, приора командорств рыцарей Ордена тамплиеров в дальних странах, брата Гуго де Пейро, приора Франции, брата Жоффруа де Гонневилля, приора Аквитании и Пуату, Жоффруа де Шарни, приора Нормандии, приказал и поручил нам своей особой волей, высказанной изустно, с усердием выяснять правду, только правду, и ничего, кроме правды...»

Строка за строкой погружала исследовательницу в атмосферу допросов. К ним кардиналы приступили лишь спустя трое суток. А еще через три дня, 20 августа, папе был отправлен отчет о том, что все высшие руководители Ордена сознались в отречении от Христа и идолопоклонстве. И среди них — Великий магистр Жак де Моле, вызванный на допрос последним...

«...Затем, в двадцатый день месяца, перед нами предстал брат-рыцарь Жак де Моле, Великий магистр рыцарского Ордена тамплиеров, и в присутствии нотариусов и свидетелей принёс клятву на Святом Божьем Евангелии, возложив на него руку, так, как описано выше, и, будучи с усердием опрошен, сообщил, что прошло сорок два года или около того с тех пор, как он был принят в Орден братом Гумбером де Пейро, в то время визитатором командорств Ордена во Франции и Пуату, в Боне, епархии Отюна, в часовне местного командорства тамплиеров.

Относительно обряда его инициации в Орден он сообщил, что после возложения мантии на его плечи приор показал ему крест и сказал, что он должен отречься от Бога, изображённого на этом кресте, и что он должен плюнуть на крест. Он это сделал, но, по его словам, плюнул не на крест, а рядом с ним. Та к же он сказал, что отрёкся только на словах, а не в сердце своём. Касательно греха содомии, поклонения голове, недозволенных поцелуев, он, опрашиваемый с усердием, сообщил, что ничего не знает.

На вопрос, опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. На вопрос, был ли он после заключения в тюрьму допрашиваем или же пытаем, он ответил, что нет.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жаку де Моле, Великому магистру Ордена, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а также скромно просил об этой милости, отпущении грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви...»

Кардиналы, ничтоже сумняшеся, отпустили грехи всем пятерым. Но, как мы прекрасно помним, это не помогло тем избежать казни. Больше того — в судьбе Ордена их признания сыграли фатальную роль. Сложно сказать, что было причиной таких откровений. Возможно, руководители Ордена надеялись таким образом получить

прощение папы и короля. А может быть, ларчик открывался куда проще — ведь рядом с арестованными денно и ночью находился королевский палач Робер Фрибо...

Башня Кудре, в которой томились заключенные, и сегодня видна издалека. Массивное сооружение возвышается на двадцать пять метров. Трехметровые стены — из такой темницы не убежишь. На многие метры вниз уходят глубокие подземелья. Но не они манят заезжих туристов. Все стремятся на цокольный этаж, в сводчатый зал, где находится главная достопримечательность Шинона — граффити храмовников, навсегда впечатанные в вековые каменные стены.

Заключенные в замке принадлежали к числу посвященных. Считается, что большинство оставленных ими изображений имеет отношение к инициации: крест, карбункул, тройная ограда, поле, поделенное на квадраты... Вот эшафот, рядом с которым начертано «Молю Господа о прощении» и пылающее сердце — их приписывают самому де Моле... Нечто похожее было оставлено на стенах башни города Домме, где содержались другие арестованные храмовники. Зашифрованное послание в будущее — тем, кто сумеет понять сакральное значение этих символов...

Целые поколения любителей оккультизма пытались расшифровать загадочные рисунки. Современный алхимик Эжен Канселье, автор книги «Два жилища алхимиков», убежден, что ему это удалось. По его версии, самое сложное изображение рассказывает о том, как будет развиваться земной цикл — до самого Апокалипсиса. «На стене одной из камер, — пишет он, — тамплиеры, сидящие в донжоне замка Шинон в ожидании казни, оставили среди других не менее интересных граффити краткую схему развития природы. На боковине дверного проема выделяется процарапанный стилетом на мягком камне круг, правая сторона которого едва намечена и решительно заштрихована вертикальными линиями. Действительно, золотой и серебряный века закончились, когда в 1308 году адепты Ордена Храма представили потомкам изображение безжалостного хода времени. Вот почему гномон на космическом циферблате, проведенный из меньшего круга с буквой «S» в центре («S» — первая буква французского слова «soleil» — солнце), разделяет на две половины верхний сектор, то есть бронзовый век. Одна половина — это прошедшие триста лет, а другая — будущие триста лет, на ней еще стоит буква «B», которая у римлян обозначала число 300. Эти шесть веков помечены также буквами A, B, C, D, E, F. Буква «A» крупнее, чем другие, и соединена фигурной скобкой с другой буквой «A», расположенной прямо над ней, что символизирует два упомянутых века. Справа и немного выше Солнца мы видим Луну и Землю — круг, перечеркнутый крестом, жизнь, которая завершится с концом железного века, обозначенного в нижней четверти круга. Стиллет неизвестного тамплиера неумолимо двигается дальше, чтобы, достигнув вертикала, отметить великое смятение в шуме труб. Вот тогда Избранные и смогут повторить пророческие слова прорицателя из Патмо: «Я видел новое небо и новую землю; потому что первое небо и первая земля исчезли, а моря больше не существовало...»

Хвала Всевышнему, грозное предзнаменование до сих пор не сбылось. И двадцать первый век, в который мы все же вступили, вопреки предсказаниям многих прорицателей, вполне мог бы стать веком Великой Реабилитации Тамплиеров. В конце концов, католическая церковь уже успела покаяться перед жертвами Крестовых походов и оправдать Галилео Галилея. «На фоне призывов к толерантности, звучащих с кафедры Святого Престола, извинения Ватикана перед тамплиерами были бы совершенно закономерными, — заявил Жан-Пьер Дес, причисляющий себя к их последователям. — С одной стороны, Ватикан еще тогда признал нашу невиновность, с другой — несмотря на громкие слова понтифика, руководители Ордена были замучены, и даже прах их не был предан земле. Одной рукой папа Климент вроде бы оправдал тамплиеров, а другой — подписал в 1312 году буллу о

ропуске Ордена, после чего казни рыцарей последовали с новой силой. Пусть Бенедикт XVI четче обозначит свою позицию».

В общем-то, в какой-то мере он ее обозначил. Двадцать пятого октября 2007 года в Ватикане публике было представлено коллекционное издание стоимостью 5900 евро, в которое вошли хранящиеся в библиотеке Святого Престола документы по делу Ордена. Первая публикация протоколов заседаний объединена общим названием «Processus Contra Templarios» — «Папское расследование судебного процесса тамплиеров». В книгу включен и знаменитый Шинонский список. Тексты, написанные на латыни, восстановлены, переведены на английский и итальянский, снабжены комментариями и скреплены копиями сургучных печатей инквизиции. Первый экземпляр фолианта в обложке из мягкой кожи был вручен лично Папе Бенедикту XVI. Казалось бы, недалеко и до публичных извинений. И все же...

«Вопреки некоторому шуму, поднятому прессой, в этом издании нет никаких сенсаций. Издавая этот труд, мы вовсе не собирались отмечать какой-то юбилей и тем более не намеревались реабилитировать Орден тамплиеров», — слова хранителя секретного архива Ватикана Серджио Пагано, прозвучавшие на презентации книги, убедительно показали — туристической славе Шинонского замка пока ничто не грозит.

Португальские милиционеры

Как известно, знак V подарил миру Уинстон Черчилль. С тех пор два раздвинутых пальца — средний и указательный — известны нам как «виктори», символ победы. А вот для членов Восточного Ордена тамплиеров это знак означает совсем иное — «забвение». Его ввел в обиход идеолог ордена Алистер Кроули, человек, которого даже собственная мать искренне считала Антихристом за странную религию — смесь сатанизма и плотской любви.

Восточные тамплиеры — одна из сект, объявивших себя наследниками знаменитого Ордена. На протяжении веков, прошедших после вероломного сожжения Жака де Моле, таковых появилось немало. Тамплиерская церковь старших братьев Розы и Креста, Космические, Солнечные, Огненные тамплиеры — и это только Франция! Военный и Суверенный Орден Храма — весьма представительная политическая структура Швейцарии и Бенилюкса. Еще в конце XIX века Орден новых тамплиеров был основан в Германии и Австрии — его эмблемой стала свастика. Борьбой за всеобщую трезвость озабочены Добрые тамплиеры — некое международное движение христиан.

Новые отделения Ордена стали появляться сразу же после того, как он был разгромлен. Там, где его приорства сохранились, они сменили названия. Там, где их объявили вне закона, — ушли в подполье. Кое-где тамплиеры слились с другими Орденами — например, испанскими госпитальерами или тевтонцами в Германии. В этих странах процессы против рыцарей-еретиков не кончились ничем — их оправдали и реабилитировали, вернув конфискованное имущество. В королевстве Валенсия из бывших храмовников сформировали Орден Монтезы, на Майорке бежавших с континента рыцарей тоже принимали с распростертыми объятиями. В Шотландии храмовников пригласил король Роберт Брюс (поговаривают, что он и сам был из них). Благодарные рыцари изрядно помогли ему в извечной войне против Англии. В знаменитом сражении у реки Баннокбурн (1314) шотландские копейщики буквально растоптали превосходящие силы английских лучников, подарив своей стране годы спокойной жизни.

«Все мы вышли из гоголевской „Шинели“... Про рыцарей Королевского ордена Шотландии вполне можно было бы сказать — они вышли из белого плаща храмовников.

Как и члены Ордена Милиции Иисуса Христа — еще одного влиятельного продолжателя «тамплиерского дела». Его название извлек из наследия незабвенного Бернара Клервосского король Португалии Диниш I Справедливый. Его монарший «ник» вполне соответствует истине — во всяком случае, правитель Португалии с самого начала не поверил обвинениям против тамплиеров. А они, как известно, сыграли особую роль в португальской истории: в свое время все тот же аббат Клервосский хлопотал о признании папой независимости страны. За это правители Португалии оказывали Ордену весьма существенную материальную помощь.

Но теперь, после разгрома, Орден более всего нуждался в поддержке моральной. Последнее, в обстановке всеобщего давления, казалось особенно трудным. Папская булла, «*Regnas В Coelis*», решительно наказывала главам всех католических стран предать Орден суду — и Диниш почти два года вел процесс над многострадальными рыцарями. Судя по всему, разбирательство шло недостаточно бойко — во всяком случае, папа в 1310 году напишет: «Епископы и легаты, неблагоразумно пренебрегли... средствами получения правды; поэтому мы явно наказываем, чтобы они применили пытки против тамплиеров, и тогда правда будет полностью получена».

Но правда состояла в том, что в том же 1310 году был издан эдикт между Португалией и соседней Кастилией. Он гласил — рыцари Храма невиновны во всех приписываемых им преступлениях. Новая Папская булла сообщила о конфискации собственности тамплиеров — Диниш наотрез отказался передавать ее кому бы то ни было. Эти территории не принадлежат Ордену, а всего лишь предоставлены им в пользование, — утверждал он. Все крепости, замки и храмы — собственность Португальской короны. Более того, вскоре король Диниш подал прошение о создании нового Ордена, который продолжит дело подвергнутых гонениям храмовников... Парадоксально, но несколькими годами позже, 14 марта 1319 года, Папа Иоанн XXII издаст буллу, «*Ad ea exquibis*», в которой не просто поддержит новое рыцарское образование, но и станет его опекуном.

Первым магистром был избран Дон Жил Мартинш, до этого бывший главой Ордена Святого Бенедикта Ависского. При нем число «милиционеров» увеличилось в поистине геометрической прогрессии — с 69 до 1300. Как и их предшественники, они сделали символом равносторонний кроваво-красный крест. Правда, его немного изменили, поместив в центр серебряную спираль. Именно этот крест еще издавна бросался в глаза тем, кто ожидал и провожал корабли в эпоху Великих открытий. И не удивительно — ведь и большую часть флота, и опыт судовождения португальские рыцари получили от тамплиеров.

Подобно своим французским братьям, «милиционеры» Диниша принимали обеты бедности, безбрачия и послушания. Вначале штаб-квартира Ордена располагалась в средневековом городе Каштру Марин в Алгарве. Однако в 1357-м, в правление Педру I, когда реконкиста уже давно завершилась и мавры были вытеснены с Пиренеев, Орден переместился в Томар, бывшую резиденцию тамплиеров. Это произошло во время правления Дона Нуно Родригеша — шестого магистра Ордена.

Храмовники обосновались на этих землях давно. Еще в середине XII века им была передана крепость Сераш близ Томара вместе с прилегающими к ней землями. Увы, Сераш лежал в руинах, поэтому было решено построить новое укрепление. Первый камень заложили 1 марта 1160 года — эта дата и считается днем основания города.

Тридцатью годами позже марроканский эмир с огромным войском, при поддержке андалузских королей, штурмовал Томар. Шесть дней продолжались атаки мавров, пока

наконец они сумели преодолеть первый ряд стен. Казалось, победа близка, но защитники сражались, как львы, и выбили врага. Бой был настолько яростным, что южные ворота крепости с тех пор называются Воротами Крови... Еще одно испытание ожидало Томар в 1810-м, когда его осадил Наполеон. На этот раз цитадель не устояла — быть может, оттого, что в рядах ее защитников давно не было бесстрашных тамплиеров... Древний монастырь солдаты Бонапарта превратили в барак. Но и по сей день то, что осталось от него, — самый яркий архитектурный шедевр Португалии.

На портале, созданном в стиле мануэлино (причудливая смесь поздней готики, ренессанса и политической символики Запада и Востока), причудливо извиваются диковинные листья, улыбаются круглолицые херувимы. Внутри — пятиугольная церковь с восемью колоннами. Santa Maria do Olivél была построена в Португалии, чтобы стать родительским Храмом всех новых церквей, которые мореплаватели возводили в Африке, Азии и Новом Свете. Большое окно на переднем фасаде украшено витражом с восьмиконечным крестом тамплиеров. В Santa Maria do Olivél покоится магистр Гуалдим Паис — тот, кто сделал Томар областью тамплиеров. Церковь, как утверждают, создана по образу и подобию Храма Святой Гробницы в Иерусалиме и слегка похожа на мечеть. «Приглушенным эхом Византии в ярко-красном и золотом» назвал ее кто-то из поэтов...

В западном крыле монастыря собирались на совет члены Ордена. Именно там находятся величайшие образцы мануэлинских каменных гравюр. Вокруг окна причудливой формы — тщательно выгравированная символика: узлы и канаты, моряки и мореходные инструменты, паруса и кораллы... Неудивительно, что в 1983 году монастырь был причислен ЮНЕСКО к величайшим шедеврам мирового культурного наследия.

Последним избранным Великим магистром Ордена был Дон Лопу Диаш де Соуза. В 1417 году он отошел в мир иной, и король Жуан I попросил папу передать должность главы рыцарей своему третьему сыну, принцу Генриху. С той поры Орден Христа начали возглавлять члены португальской королевской семьи.

Рыцарством инфант Генрих (дома его называли Энрике) грезил с детства. Но бессмысленные забавы его вдохновляли мало. Когда отец предложил Энрике и его братьям организовать в столице Португалии невиданный доселе турнир, на который будут приглашены все лучшие воины Европы, принц решительно воспротивился. Ведь на его гербе не зря был начертан девиз: «Талант к добрым свершениям». Юношей владела идея принести веру в Иисуса всем заблудшим душам — во имя их собственного спасения. Едва ему исполнилось двадцать, он убедил короля предпринять поход против мавританского порта Сеута. Он стоял на другом берегу Гибралтарского пролива, всего в паре сотен миль от Португалии. Именно здесь отсиживались пираты, набегов которых так боялись моряки. Но принц думал не о мести — а о волшебном обращении мусульман.

Король Жуан, в отличие от сына-идеалиста, имел на Сеуту иные виды: удачная операция обезопасила бы морской путь в Средиземноморье. Он лично возглавил эскадру. Поход 1415 года начался с дурного предзнаменования — солнечное затмение на мгновения погрузило корабли в зловещий мрак... Однако черным мыслям вскоре суждено было развеяться — легенда гласит, что накануне решающей схватки сама Дева Мария с мечом явилась мореплавателям. И когда португальские корабли атаковали порт с моря, захваченные врасплох мавры в панике бежали...

За проявленную доблесть отец посвятил сына в рыцари. Энрике были торжественно вручены ключи от нового форпоста португальцев на африканском берегу. А еще через

пять лет принц был назначен магистром Ордена Иисуса Христа. Незадолго перед этим ему исполнилось двадцать шесть.

Здесь, в Сеуте, молодой магистр впервые увидел несметные богатства заморских купцов. Самоцветы, восточные ковры, благоуханные специи... От освобожденных христиан, что годами томились в крепости, он услышал невероятные истории о далеких землях. В Сеуте же обнаружили карты, куда более точные, чем те, которыми до сих пор пользовались португальские моряки. Энрике перечитал о путешествиях все, что сумел отыскать. Среди книг была рукопись венецианца Марко Поло — о морском пути в Индию, о неведомой стране Эфиопии, оплоте христианской веры на севере Африки. Энрике — вскоре ему дадут прозвище «Мореплаватель» — задумал во что бы то ни стало достичь этих берегов...

Небольшой португальский городок Сагриш в одночасье сделался местом паломничества моряков, астрономов, картографов со всей Европы. Именно здесь неутомимый Генрих основал обсерваторию и мореходную школу. В нее мог поступить любой, кто был способен творить и мыслить. Благо средств Ордена вполне хватало на любые самые дерзкие начинания.

Португальские корабли один за другим уходили в плаванье к неведомым землям. Вскоре были колонизированы Канары, затем Мадейра и Азорские острова. Дальние экспедиции открыли Португалии новые рынки, доходы государства быстро росли. Вместе с ними продолжала расти и власть главного рыцаря Христа. В 1456 году папа Каликст III предоставил Ордену духовную юрисдикцию на всем расстоянии от Мыса Бойадор до Гвинеи и далее — до Индии. Теперь великий приор мог собирать налоги и в этих областях...

Между прочим, загадочный Бойадор почти десять лет служил могилой португальским мореходам. Самая южная точка архипелага казалось непроходимой. За ней плескались неведомые водные просторы, которые Энрике назвал Морем Тьмы, и земли, считавшиеся «местом, где водятся драконы»... Сумма награды тому, кто сможет преодолеть роковой мыс, увеличивалась — а вместе с ней множилось и число жертв Бойадора. Подводные скалы по-прежнему загоняли моряков в смертельную ловушку... Только в 1434 году отважному капитану Жилю Ианишу удастся обогнуть ее, выйдя далеко в открытый океан.

Когда в Португалии был коронован старший брат Энрике — Дуарте, принца провозгласили единовластным правителем Мадейры и всех вновь открытых заморских территорий. Но все средства, включая казну Ордена, отважный мореплаватель вкладывал в новые экспедиции к неведомым берегам. На материке закладывались новые верфи, строились корабли. По инициативе Энрике была снаряжена экспедиция Васко да Гамы. Васко и сам, кстати, был рыцарем Христа. А Христофор Колумб являлся зятем некоего Перестрелло, занимавшего в Ордене значительную должность. Как знать — быть может, именно по тамплиерским лоцманским картам отправилась на открытие Америки «Санта Мария»...

А вот самого португальского принца можно было назвать мореплавателем лишь условно. Никто не знает точного ответа на вопрос, почему он сам не принимал участия в своих экспедициях. Но факт остается фактом — 13 ноября 1460 года Энрике скончался, так ни разу по-настоящему и не вкусив моря...

Орден возглавил его сын Фернао. Далее на этой должности сменилось несколько принцев и королей. Но настоящую революцию совершил в начале XVI века Мануэль I. Это он,

дабы вдохнуть в Орден новые силы, направил письмо в Рим с просьбой разрешить рыцарям-монахам жениться. Папа Александр VI издал, как водится, соответствующую буллу. Задумка сработала — если во время коронации Мануэля Орден насчитывал всего лишь восемьдесят командорств, то вскоре их было почти полтысячи, с ежегодным доходом в полтора миллиона ливров! Преемник Мануэля Жуан III увеличил Орден еще на 990 братьев.

Именно при короле Жуане власть над Орденом Христа была навсегда передана королевскому дому. Он же окончательно отделил его военную ложу от духовной, приказав построить в Томаре монастырь. Отныне все священники должны были вести уединенный образ жизни и носить монашеское облачение. Новички после годового испытательного срока принимали весьма суровые обеты. Дороги рыцарей и святых братьев навсегда разошлись...

После того как Португалия стала республикой, полномочия магистра Ордена перешли к ее президенту. Сейчас он известен как «Высший Орден Христа» — но в нем нет ни одного действующего рыцаря. Последний из них — король Бельгии Бодуэн Альберт Карл Леопольд Аксель Мария Густав Сакс-Кобургский скончался 31 июля 1993 года.

А Орден Христа известен теперь не только как рыцарская организация, но и как высокая награда. Ее знак — латинский крест красной эмали с золотым ободком и треугольными концами, на который наложен белый крест чуть меньшего размера. Знак венчает корона.

Любопытно, что этой наградой жалуют своих граждан руководители сразу двух государств — Португалии и Ватикана. Но именно Папскому Ордену 7 февраля 1905 года Его Святейшеством Пием X было присвоено наименование Верховного. Обладание им требует абсолютной верности понтифику — тем непостижимее факт, что кавалером ордена стал, в свое время, прусский канцлер князь Отто фон Бисмарк.

В наши дни Верховный орден Христа вручается лишь по особым случаям — правящим монархам и главам государств католического вероисповедания — *motu proprio* (по усмотрению) понтифика. Его Святейшество не вручает орден лично. Вечером, накануне визита главы государства в Ватикан, кардинал-госсекретарь доставляет знак ордена в его резиденцию. Награжденный обязательно надевает ордена перед встречей с папой. Та к 3 июля 1987 года архиепископ Джованни Коппа передал высокую награду Его Преосвященному Высочеству фра Анджело ди Мойна ди Колонье, семьдесят седьмому князю и гротмейстеру Мальтийского ордена — накануне его частной аудиенции у папы Иоанна-Павла II. Фра Анджело получил знак высшей рыцарской доблести за полгода до своей смерти...

Для кавалеров ордена установлена церемониальная парадная одежда. Она сшита из алой ткани с белым верхом и богатым золотым шитьем на воротнике, груди и обшлагах. Бриджи до колен из белого шелка, шелковые туфли с золотыми пряжками, шляпа с белоснежным плюмажем, золотыми шнурами и кистями. Шпага украшена золотом и перламутром. Весьма экстравагантный наряд — видимо, поэтому его ношение не является обязательным. Хотя, на мой взгляд, глава любого современного государства смотрелся бы в нем весьма неплохо.

Ну а в Португалии орден Христа — сугубо гражданская награда. И так знакомо звучит его древний девиз: «Не нам, не нам, а имени Твоему»...

«Из крестоносной псарни прибыл тать...» (Тевтонский и ливонский ордена)

... На острове посреди озера Гальве возвышается замок Тракай. Стены красного кирпича безмятежно отражаются в прозрачных зеркальных водах... Говорят, когда умер первый владделец замка, литовский князь Витаутас, озеро три дня и три ночи было кроваво-алым. А еще рассказывают, что крепость эта оказалось неприступной для врага — за всю историю никому так и не удалось ее завоевать. Небывало богат был замок — даже седла у княжеских коней сделаны из чистого золота! Сам московский князь Василий I дивился, получив такие в подарок...

Долгие годы — до самой смерти — проработал здесь сторожем некий Антони. Это сейчас в замке-музее установлена новейшая охранная система. А когда-то, сменяя друг друга, работали здесь всего два сторожа. В сумерках обходили они каждый зал, каждую галерею. Гулко отдавались под сводами шаги...

Когда вечером не было дежурства, Антони укладывал спать свою дочь, маленькую Галину. И вместо сказок ей частенько приходилось слушать рассказы о таинственном Тракайском замке и его невидимых обитателях...

«Однажды летним вечером небо затянулось черными тучами, поднялся сильный ветер. Во дворе замка что-то сильно скрипело. Я вышел во двор и увидел, что ворота замкового двора открыты, а ветер болтает их из стороны в сторону. Странно — я хорошо помнил, что закрывал ворота...

Тогда я решил проверить и входные ворота. Они тоже оказались распахнутыми. Такого просто быть не могло — за многие годы не было случая, чтобы я не закрыл на ночь все засовы!

Только достал из кармана ключ от входных ворот и вставил его в замок, как прямо перед собой над пенящимися волнами озера увидел белое свечение. Чтобы лучше рассмотреть его, я подошел к самой воде. О, ужас: свечение постепенно превратилось в огромную, белую, неподвижную, парящую над черными волнами озера голову в рыцарском шлеме...

Хотел я, было, бежать, но ноги словно приросли к берегу. Повернулся к замку и увидел столб света, а в нем — контуры другого рыцаря в длинном одеянии, с поднятым мечом. Вместо лица белое пятно... Не иначе как сам князь Витаутас: уж больно похож...

Вдруг столб света стал медленно рассеиваться, и фигура князя плавно опустилась на землю и через открытые ворота вплыла в замок. И страх, охвативший меня, мигом куда-то исчез. Решил я пойти за привидением.

Да вдруг почувствовал, что меня одолевает сон. Едва успел добраться до своей каморки — и заснул мертвым сном. Лишь на рассвете разбудил меня стук во дворе: это уборщицы гремели ведрами и щетками. Сначала подумал — приснилось, но плащ-то мокрый, словно я только что с улицы пришел...

Вышел во двор — все спокойно. Буря стихла, повсюду лужи, небо ясное, солнышко светит. Вдруг, глядь — а в замке-то ключ торчит! Подошел к озеру и вижу — в зарослях тростника моя шапка, вся мокрая, непонятно как здесь оказавшаяся...

Больше ни разу голова эта мне не являлась. Но я так решил — видно, Великий князь Витаутас и впрямь отрубил голову своему лютому врагу — тевтонцу и бросил ее в воду. Вот она и всплывает, стоит лишь разыгаться сильной грозой. А озеро так и зовется Гальве — „голова...“»

...В 1291 году последние крестоносцы ушли из Святой Земли. Где теперь бороться с «язычниками» во имя Господа? В какие земли направиться в поисках рыцарской славы? Твердая рука в железной перчатке вытянула указующий перст на север. Точнее, на северо-восток, туда, где обитали загадочные голубоглазые пруссы и летты — будущие литовцы. «...Люди весьма доброжелательные. Они протягивают руку помощи тем, кто подвергся опасности на море или испытал нападение пиратов. Тамошние жители очень низко ценят золото и серебро, а чужеземных шкурок, запах которых донес губительный яд гордыни в наши земли, у них в избытке... Тамошние жители употребляют в пищу мясо лошадей, используя в качестве питья их молоко и кровь, что, говорят, доводит их до опьянения. Обитатели тех краев голубоглазые, краснолицы и длинноволосы.

Можно было бы указать многое в нравах этих людей, что достойно хвалы, когда бы только они уверовали во Христа, проповедников которого ныне жестоко преследуют...» — писал хронист Адам Бременский, побывавший в конце XI века на прибалтийских землях.

Как видно, рыцари из Западной Европы захаживали в эти края и раньше. В истории европейских государств Балтийское море играло заметную роль. Благодаря ему тесными узами были связаны Германия, Дания, Швеция, Польша, Россия, Финляндия. По его берегам раскинулся поистине благодатный край. «Вся страна изобилует множеством дичи — оленей, диких быков и коней, медведей, вепрей, свиней и иных всяких зверей, — писали германские первопроходцы-миссионеры. — Там множество масла от коров, молока от овец, жира от баранов и козлов, обилие мёда, пшеницы, конопли, всякого рода овощей, фруктовых деревьев».

Однако до поры до времени настоящей Меккой для освободителей Гроба Господня была Палестина... Час пробил, когда пала Акра — последний оплот крестоносцев в Святой Земле. «Дранг нах остен» — поход на восток был неизбежен. Польша, Скандинавия, Голландия, Фландрия, Лотарингия, Франция, Англия, Шотландия дружно устремились в сторону Прибалтики. В авангарде выступали немецкие рыцари. Именно они с незапамятных времен вели здесь захватнические войны на востоке — большая часть германских княжеств и королевств образовалась на бывших землях славян. Недаром кто-то метко подметил, что Германия — не что иное, как огромное славянское кладбище...

Исторические хроники донесли до нас леденящие душу подробности средневекового немецкого геноцида. Вот король Генрих I Птицелов, в первой половине X века взявший городок Гану, приказывает: всех взрослых жителей перебить, а детей превратить в рабов... Вот Оттон I, провозглашённый императором Священной Римской империи, повелевает увечить пленных: им вырывают языки, выкалывают глаза. В октябре 955 года на берегу моря была сложена гора из семисот трупов, которую венчал череп князя Тога. Пустые черные глазницы, устремленные вдаль, казалось, видели мрачное будущее этих земель...

«Наши немецкие князья так нас гнетут, наши налоги и рабство так велики, что нам ничего не остаётся, как живыми лечь в гроб. Ежедневно нас тиранят до полусмерти. Как вы хотите, чтобы мы исполняли обязанности, налагаемые на нас новой религией, когда нас ежедневно вынуждают к бегству? Если бы только нам найти место, куда скрыться...» — слова одного из языческих вождей, обращенные к католическому епископу, — самый подходящий эпиграф к кровавой летописи немецкой экспансии на восток.

Великому противостоянию Тевтонского ордена и народов восточной Европы суждено будет затянуться на века. «Окончена прусская война, начинается литовская война», — сообщает хроника. Только против Великого Княжества Литовского Орден предпримет более трехсот походов...

...Непроходимы жмудские леса. В топких болотах вязнут ноги одетых в железо коней, непреодолимым препятствием встают на пути рыцарей реки. Вот почему походы на Литву совершались обычно зимой, когда ударяли морозы. Но, прежде чем ступить на заветную землю, надо было пройти морским путем по Балтике. Предпринять такое путешествие могли лишь знатные сеньоры. Вот почему, в отличие от предыдущих Крестовых походов, эти были уделом исключительно дворянства. Один за другим здесь перебывали германские родственники Великого магистра фон Книпроде, представители немецкого рода фон Эльнер, фламандского фон Гистель... Дважды навестил жмудские леса граф Дерби — будущий английский король Генрих IV. Его превзошел Вильгельм IV, граф Голландии и Геннегау, совершивший опасный вояж целых три раза. Трижды участвовал в походах и рыцарь Дитрих фон Эльнер — в 1348-м вместе со шведским королем Магнусом он штурмовал крепость Орешек на Неве, а затем выступил с тевтонцами на Литву...

На надгробных плитах многих рыцарей того времени — полустертые тексты, подобные тому, каким почтили после кончины французского дворянина Жана де Рубо, кавалера ордена Золотого Руна: «Был в сражениях против неверных в Венгрии, в Тунисе, на Кипре и дважды в Пруссии». Посещение последней было в те времена для настоящих рыцарей поистине делом чести. Ведь во время этих походов можно было не только получить духовное спасение, но и показать рыцарскую удаль. А повезет — еще и заполучить неплохие трофеи... Тех, кому средств на путешествие не хватало, финансировали тевтонцы. В этом случае захватить военную добычу было для «гостя» (так именуют вооруженного паломника тевтонские хроники) делом чести — кредит, выданный Орденom на дальнюю дорогу, необходимо возвращать. Любопытно, но странная война, больше напоминавшая грабительские набеги, временами казалась более эффективной, чем кровопролитные битвы или многодневные осады. Можно было разорить город — и, не дав противнику опомниться, напасть снова... «Гости» подходили для таких целей как нельзя лучше. Проведя в землях неверных предписанный обетом год, они возвращались в Мариенбург или в Кенигсберг. Здесь рыцарей ожидали вещи, куда более приятные, чем война, — турниры, охота, всевозможные увеселения. Что-то вроде куртуазных рыцарских забав при дворе короля Артура с его знаменитым Круглым столом... Женщин на увеселения не приглашали — известен лишь один эпизод присутствия на танцевальном вечере некоей дамы, которая его и открывала. Но это скорее исключение, чем правило. Зато Орден покровительствовал искусствам: жонглеры и шуты, певцы и музыканты до утра развлекали присутствующих. Записи о щедрых выплатах сохранили казначейские книги. Нередко артистов для празднеств привозили с собой и сами гости из Европы — многие крестоносцы отправлялись в поход со своими лучшими музыкантами и певцами. Трудно было даже представить, что все это происходит на земле монашеского Ордена — настолько далеки от монастырского аскетизма были эти приемы!..

Между тем, сам Орден все основательнее укреплялся на прибалтийских землях. «Из крестоносной псарни прибыл тать, пес, разжиревший от литовской крови!» — это о них, тевтонцах, скажет несколько веков спустя романтик Адам Мицкевич. Правда, «псами-рыцарями» они станут еще позже, с легкой руки советских переводчиков, работающих над одной из статей Карла Маркса. Одна неверная буква — и «рыцарские союзы» (Ritter — «рыцарь», Bund — «союз»), превратятся в «рыцарских собак» (Hund по-немецки означает «собака»)...

Впрочем, литовским крестьянам эта ошибка вряд ли показалась бы такой уж крамольной. Дьявол во многих литовских сказках — немец в черных одеждах. Ничего удивительного — в борьбе с язычниками тевтонцы использовали поистине «дьявольские» средства, которые церковь официально запрещала. На границах литовских территорий они создавали искусственные пустыни, «огнем и мечом» опустошая землю, полностью истребляя местных жителей... Одна из самых страшных страниц тех лет — оборона города Пиленай в феврале 1336 года. «...В воскресенье они окружили крепость Пуллен, или Пуллевен, несколько дней, один за другим, штурмовали её со всей силы, — рассказывает хроника. — Литовцы мужественно защищались; их, могущих держать оружие и меч, там было около четырех тысяч из всех соседних окрестностей. Услышав о приближающихся братьях Ордена, с женщинами, детьми, животными, богатством и пожитками вбежали в замок, как в надёжное прикрытие. Войско Ордена жаждало добычи, поэтому оно сделало всё, что было возможно, чтобы взобраться на стены крепости; со своей стороны, литовцы были готовы дожидаться последнего, нежели сдаться со своей крепостью и попасть в руки врага, особенно из-за религии, которой они не терпели, так что легче было им умереть. Это они в этот раз по-настоящему нечеловеческим способом выполнили и доказали. Когда они увидели, что не могут больше удерживаться, и что их башни и заграждения из-за постоянной и непрекращающейся атаки проломаны, а в некоторых местах вообще разрушены, они разожгли большой костёр, бросили туда всё богатство и пожитки, потом задушили женщин и детей, после этого начали убивать один другого. Большая часть согнула шею вождю, чтобы он одного за другим рубил. Также здесь была одна старая язычница, которая своим топором отрубила головы ста мужчинам; они по собственному желанию приняли смерть из её рук. В конце концов, когда ворвались враги, она тем же топором отрубила голову себе. Братья Ордена не без слёз и боли могли наблюдать большую часть этого страшного зрелища. Поэтому их войско ещё быстрее спешило, чтобы спасти ещё оставшихся от меча и огня. Когда они уже смогли спастись, остался только вождь со своими слугами, которые ещё немалое время храбро защищались в одном укреплении, из них большинство было убито, и мало кто отдался в плен. Вождь Маргирис, как большой сильный великан, нечеловечески защищался и отрубил не одну голову, прежде чем захотел отказаться от своей. Когда уже больше не мог, он быстро выпрыгнул в тёмный подвал, где спрятал свою жену, и мечом разрубил её пополам. После этого то же оружие вонзил себе в живот, что оттуда кишки вылезли, упал к жене и отпустил несчастную душу. Крепость была сожжена, разрушена до основания и сровнена с землёй...»

И все же, несмотря на яростное сопротивление, количество новообращенных христиан постепенно росло.

Впрочем, сделавшись христианином, уважающий себя летт продолжал столь же сильно ненавидеть немцев, как и его сосед-язычник «...Когда хоронили литовца или прусса, плакальщики пели над ним: „Ступай, горемыка, из этого скорбного мира в лучший, где не хитрые немцы будут властвовать над тобой, а ты над ними...“» — пишет Мицкевич. Немцы были не только хитры, но и жестоки. Двигаясь на восток, рыцари возводили все больше замков и крепостей. Вчерашних крестьян силой сгоняли в гарнизоны, лишая возможности работать на собственных полях и фермах. Молодых сотнями вербовали в солдаты — и плохо вооруженные пехотинцы погибали в бою первыми... Любое восстание против правления рыцарей кроваво подавлялось. Его участников ожидала либо зверская казнь — либо пожизненное рабство. Быть может, именно поэтому крестоносцы, как полагают многие исследователи, не слишком сильно усердствовали в вопросе обращения язычников — правоверный уже не мог быть рабом. А раб — прекрасное приобретение; он может трудиться до седьмого пота на черной работе, его можно отдать в уплату долга или продать... В результате, и десятилетия спустя после официальной христианизации этого

края многие новообращенные католики продолжали тайком посещать священные рощи предков.

...В современной детской книге о Тракайском замке рассказывается, как в подземном ходе, что тянется под озером Гальве, мальчик и девочка встречаются с ужасными монстрами. Перепуганные насмерть дети бросились наутек. И вдруг — о чудо! — крылатые чудовища превратились в братьев-рыцарей Тевтонского ордена. «Дойдя до ниши, где спрятались девочка и мальчик, крестonosцы остановились. Как по команде, все рыцари обернулись к детям и присели на одно колено. Испуганные и удивленные дети жались к стене. Тогда из ряда коленопреклоненных воинов встал один, видимо, старший, и обратился к ним:

— Спасибо, что спасли нас! Мы — рыцари-крестonosцы. Мы совершили много преступлений, ибо убивали и грабили ваш народ. Один из литовских жрецов проклял нас, чтобы мы за свои злые поступки не имели покоя после смерти. Он превратил нас в слепых крылатых чудовищ и загнал в это подземелье... Благодарим вас!

Бряцающая доспехами, призраки рыцарей поднялись и... исчезли. Только вверх устремились легкие облака и скрылись в открывшемся своде тоннеля, проходящего под озером Гальве...»

Давайте же и мы перенесемся на несколько веков назад, в то время, когда литовский жрец еще не произнес своего страшного проклятия. Ну а братья-тевтонцы и не помышляли о завоевании балтийских земель, настоящими хозяевами которых им так и не суждено будет стать...

«...За ним следует ухаживать прилежно...»

«Среди великих явлений немецкого средневековья особенное место занимает Немецкий орден, — писал в 1935 году историк Эрих Машке. — Это единственный Орден, построивший на основе общины собственное государство. История не знала другого подобного братства, которое подчинялось бы столь суровым законам, образу прочную структуру, которое следовало бы лишь своему обету, в ущерб иным союзам, и сохраняло бы верность единственной идее — основания и созидания государства... Появившись в наднациональном пространстве, Орден по-настоящему развернулся именно в ареале жизни немецкого народа. И государство, которое он создал, было истинно германским, хотя сам Орден был порожден общеевропейскими задачами».

Действительно, если среди иоаннитов и тамплиеров были «дети разных народов», то Тевтонский орден был образованием сугубо национальным. Чтобы вступить в него, нужно было обязательно говорить по-немецки. Хотя формально в уставе это правило отсутствовало, но выполнялось неукоснительно — насчет правил у германских рыцарей вообще было строго. Каждое их действие регламентировал свод строгих правил, в основу которых лег знаменитый рыцарский устав аббата Клервосского. Они вместе спали на простых лежаках, вместе ели в столовой, имели денег лишь на самые необходимые нужды. Доспехи тевтонцев были просты и практичны. «Тяжело в ученье — легко в бою» — с утра до вечера они занимались военной подготовкой, чистили амуницию, тренировали лошадей.

Сама история создания Ордена вполне традиционна. Его предтечей стала больница, основанная немецкими паломниками где-то между 1120 и 1128 годами. Увы, после падения Иерусалима во время второго Крестового похода она была разрушена. Казалось, Орден умрет, так по-настоящему и не родившись, — но тут грянул третий Крестовый

поход. В нем принимало участие большое количество выходцев из Германии, во главе которых стоял сын краснобородого императора Фридриха Барбароссы — тоже Фридрих, но Швабский.

Легенда гласит, что однажды, проходя по морскому берегу близ Акры, он увидел большую палатку, сшитую из паруса стоящего рядом корабля. Заинтересовавшись, герцог приоткрыл полог. Его взору предстали десятки раненых и больных, за которыми ухаживали люди, облаченные в белые одежды с черными крестами на груди. Оказалось, что это паломники из Бремена и Любека, которые не в силах были больше смотреть на страдания своих соотечественников. Пилигримы пожаловались, что госпитальеры не слишком охотно помогали немцам, отдавая предпочтение французам. Уже на следующий день герцог объявил о создании нового немецкого госпиталя и утвердил медицинскую форму — белый плащ с черным крестом. «... После размещения больного в госпитале за ним должно ухаживать прилежно, и к больным должно относиться сострадательно и любовно заботиться о них, согласно суждению врачей, и каждый день им должно давать пищу перед тем, как братия садятся за стол, и по воскресениям Послания и Евангелия должно читать им и окроплять их Святой Водой и братии должно в шествии следовать к ним...» — строки из устава станут для братьев милосердия своеобразной «Клятвой Гиппократата».

Прямого отношения к Иерусалиму новая больница не имела, но вдохновленные германцы все же использовали имя священного города в названии своего детища. Его нарекли Госпиталем святой Марии в Иерусалиме, и вскоре Римский папа Климент III утвердил новое учреждение как духовный Орден, входящий в уже существующий Орден иоаннитов. Папская булла, увидевшая свет 6 февраля 1191 года, закрепила его название — «Орден тевтонцев при госпитале святой Марии в Иерусалиме». А незадолго до этого, в январе, скончался от тяжелой болезни Фридрих Швабский — на руках тех самых пилигримов, которых он столь активно поддержал. Случается, что смерть основателя становится и для его дела началом конца, — но кончина герцога лишь вдохнула в Орден новые силы. Дело в том, что умирающий завещал ему почти все свое имущество, включая несколько больших зданий в Акре. Когда 12 июля 1191 года крепость, наконец, пала, члены братства тут же справили новоселье... В результате через пять лет германцы имели в Святой Земле шесть собственных центров и вооруженные силы, вполне сопоставимые с госпитальерскими. Богатство Ордена неукоснительно росло, и вскоре все вокруг были вынуждены признать: не столь многочисленные Тевтонские рыцари обладают огромной властью. При этом их дух, от кончиков башмаков до макушки шлема, оставался настолько германским, что в орденской верхушке очень скоро возникла крамольная мысль об отделении от иоаннитов. Что ж, немецких крестоносцев вполне можно понять. Если раньше абсолютное большинство паломников составляли французы, то начиная с времен второго Крестового похода именно немцы составляли едва ли не половину воинства. Они больше не желали быть крошечным подразделением госпитальерского Ордена, не оказывающим ровным счетом никакого влияния на его политику. Да и возможность занимать ответственные посты была для амбициозных немцев не последним аргументом.

5 марта в храме Акры состоялась церемония реорганизации Ордена — из духовного он превратился в духовно-рыцарский. Весь цвет собрался на торжество — магистры госпитальеров и тамплиеров, светская и духовная знать Иерусалима. Председательствовал на высоком собрании знаменитый Иннокентий III. Блестяще образованный и необычайно деятельный молодой папа (ему не было и сорока) сразу же решил поддержать немецкий почин. Излишняя самостоятельность храмовников и госпитальеров не слишком радовала Понтифика. Пусть немецкий Орден станет своего рода противовесом этой силе — и вот уже в феврале 1199 года утвержден его устав. Произошло все практически молниеносно

— учитывая тот факт, что тамплиеры ожидали юридического оформления своего статуса около десяти лет, а иоанниты — и вовсе тридцать пять. Папская булла определила задачи Ордена: защита паломников, лечение больных, борьба с врагами церкви — все вполне в духе времени. Орден подчинялся Папе Римскому и императору Священной Римской империи.

Главной движущей силой Ордена считались братья-рыцари. Простолюдинам дорога к этому почетному званию была закрыта. Лишь отпрыски знатных феодальных семей, не моложе четырнадцати лет, имели шанс пройти обряд посвящения — для этого необходимо было лишь документально подтвердить свое благородное происхождение. Первоначально это сумели сделать лишь сорок человек — они и составили костяк нового Ордена.

Протокол приема был не слишком затейлив. Для начала кандидат был обязан пять раз ответить «нет» на одни и те же вопросы. Не являешься ли ты членом другого ордена? Не женат ли ты? Нет ли у тебя скрытых физических недостатков? Не должник ли ты? Не крепостной ли? За этим следовало пять «да»: готов ли ты сражаться в Палестине; в других странах; заботиться о недужных; по первому зову выполнять то, что умеешь? И, наконец — готов ли ты соблюдать устав Ордена?

Дальше звучал обет: «Я, такой-то, приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и благой Деве Марии и тебе, брат такой-то, магистр Тевтонского ордена, и твоим преемникам согласно Уставу и Статутам Ордена и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти...» Конечно, до монахов-аскетов, с их умерщвлением плоти, первым тевтонцам было далеко, но и вольности, свойственные, скажем, рыцарству испанскому, в Ордене не допускались. Братья клялись каждый день не менее пяти часов проводить в молитвах, не участвовать в турнирах и в охоте, сто двадцать дней в году соблюдать строжайший пост. Во время поста пищу разрешалось вкушать лишь раз в день, против обычных двух. Посол прибалтийских язычников, как-то раз посетивший орденский замок, с удивлением сообщил соплеменникам: «Крестоносцы, как и их боевые кони, питаются травой!» За нарушение поста, а также за клевету и рукоприкладство по отношению к мирянину, рыцари подвергались суровым телесным наказаниям и даже могли быть отправлены на тяжелую работу вместе с рабами. Ну а самой страшной карой был запрет носить знаменитый белый плащ с черным крестом — этот позор можно было смыть только кровью...

В структуре братства не было ничего особенно оригинального. Магистр (титул Гроссмейстера появится позже) избирался, как и в других Орденах. Его представитель — командор — которому подчинялись священники, управлял делами в его отсутствие. Маршал командовал войсками и был ответствен за их экипировку. Госпитальер отвечал за больных и раненых, драпиер — за строительство и обмундирование, казначей — за имущество и финансы. Каждый год на эти должности заступал новый человек, дабы избежать злоупотреблений. Но была и еще одна причина тому, что чиновничьи должности были для братьев-рыцарей лишь временным развлечением. Орден всегда оставался в первую очередь военной организацией — уникальной кастой профессиональных воинов, для которых командный опыт являлся не более чем дополнением к их бойцовским качествам.

Исключение из прочих составлял магистр, который, как правило, покидал свой пост, лишь испустив последний вздох. Первый магистр Ордена Генрих фон Валпот был родом из Рейнской области. Это он разделил братьев на два класса: рыцарей и священников. Последние, как ни странно, играли в духовной корпорации весьма незначительную роль.

Их задача состояла в отправлении церковных служб; они должны были причащать раненых и больных, а также следовать за рыцарями на войну в качестве медиков. Ни о какой просветительно-духовной миссии и речи не шло — даже орденскую хронику XIV века явно писал брат-рыцарь, а не святой отец. В общем, таковых в конвентах и было-то немного — дабы «нагнать» количество, в предписанный уставом минимум зачисляли даже церковных служек!

И все же рыцари молились — истово, опустившись на колени. Обветренные в походах губы шевелились в такт, шепча слова общей молитвы. Именно в ней воплотился подлинный образ Тевтонского ордена, и, будучи внимательно прочитанной, короткая молитва раскрывает его суть лучше, чем подробнейшая исследовательская статья:

«Братья, молитесь Господа Бога, дабы утешил Святое Христианство своей благодатью и своим миром и защитил его от всякого зла. Молитесь Господу нашему за отца нашего духовного Папу, и за императора, и за всех наших вождей, и прелатов христианских, мирских и духовных, которых Господь использует на службе своей. И также за всех духовных и светских судей, чтобы они могли дать святому христианству мир и так хорошо судили бы, что божий суд миновал бы их.

Молитесь за Орден наш, в котором Господь собрал нас, дабы даровал Он нам милость свою, чистоту и духовную жизнь, дабы избавил нас и все другие Ордена от всего, что недостойно хвалы и противно Его заповедям.

Молитесь за Гроссмейстера и командоров, что управляют землями нашими и людьми, и за всех братьев, имеющих чин в Ордене нашем, дабы служили они Ордену так, чтоб не отдалил их от себя Господь.

Молитесь за братьев наших, чина не имеющих, чтобы они могли проводить свои дни с пользой и усердием, в трудах, так чтобы и они сами, и те, кто имеет чин, были бы полезными и набожными.

Молитесь за тех, кто впал в смертный грех, чтобы Господь помог им в милости своей и они избегли вечного проклятия.

Молитесь за земли, что лежат подле земель язычников, чтобы Господь пришел к ним с помощью, со своей мудростью и силой, чтобы вера в Бога и любовь могли распространиться там и они смогли противостоять всем своим врагам.

Молитесь за друзей и сторонников Ордена и за тех, кто творит добрые дела и жаждет совершать их, дабы Господь вознаградил их.

Молитесь за всех тех, кто оставил нам наследство свое или дары, чтобы ни в жизни, ни в смерти не отдалил их Господь от себя. И молитесь особо за герцога Фридриха Швабского и брата его, короля Генриха, который был Императором, и за почтенных бюргеров Любека и Бремена, что основали Орден наш... И поминайте также умерших братьев и сестер наших... и пусть каждый поминает души отца его, матери, братьев и сестер. Молитесь за всех верующих, дабы дал Господь им вечный мир. Да пребудут они в мире. Аминь!»

... Чуть позже в Ордене появился третий класс — сержанты. Они не приносили обетов. Сержантов набирали главным образом из лиц неблагородного происхождения, встречались среди них даже поляки и пруссы. В мирное время они составляли гарнизоны

замков, а в случае войны дружно вставали «под копьё». Таких «полубратьев» в Ордене было куда больше, чем настоящих братьев, — ведь на каждого рыцаря по статуту полагалось восемь помощников. Их можно было узнать сразу — по плащам серо-синего оттенка, на которых обычно красовались только три части креста.

Итак, новое духовно-рыцарское братство набирает силу. Новые комтурства и госпитали растут, как грибы после дождя. 1199 год — комтурство в Швейцарии, 1200 — госпиталь в Тюрингии, 1202 — госпиталь в Южном Тироле, 1204 — комтурство в Праге... Перешагнув границы, Орден уверенно оккупировал континент. География особенно расширилась при четвертом магистре Германе фон Зальце, уроженце города Мейсена, который чуть позже прославится как родина знаменитого фарфора. Благодаря фон Зальце влияние Ордена простиралось от Нидерландов к Италии и Сицилии, от Франции и Швейцарии до Пруссии. Безусловно, гроссмейстер не собирался отказываться от священной войны за Гроб Господень — впрочем, и устав ему этого не позволил бы. Но интуиция подсказывала, что судьба его Ордена лежит не в палестинских пустынях. Слишком уж велико было здесь влияние храмовников и иоаннитов. Да и число паломников, рвущихся с оружием в руках в Святую Землю, сокращалось год от года. Полным крахом обернулся для крестоносцев третий Крестовый поход — так стоило ли рваться в далекие земли, где уже сложили голову сотни братьев по вере?

Новый тевтонский магистр решил поискать счастья поблизости от милой его сердцу Германии. И это несмотря на то, что в начале его правления по Европе было разбросано не более десятка комтурств. Три-четыре госпиталя, меньше сотни рыцарей — не такое уж и завидное наследство... Но, как учит нас старая сказка про Кота в сапогах — важно, как наследством распорядиться. Ловко лавируя между Римским папой и императором Священной Римской империи, он обеспечивал Ордену покровительство обоих. Число рыцарей росло, а вместе с этим — богатство и могущество Ордена. За время его правления Орден получил более 32 папских привилегий — и около 15 имперских. По масштабу личности Герман фон Зальца вполне сопоставим с такими общепризнанными «столпами», как Раймунд дю Пюи и Гуго де Пайен. Недаром будущие историки Ордена считали своим подлинным отцом именно Фон Зальцу. Это его воле и дальновидности обязано братство своим грядущим процветанием. Благодаря ему тевтонцы навсегда войдут в триаду великих Орденов. Те же братствам, в которых личности такого масштаба не нашлось, суждено было либо прозябать в неизвестности, либо исчезнуть с лица Земли...

Надо сказать, что фон Зальца был не только умен, но и отважен. Золотой крест из рук короля Иерусалима — знак признания заслуг главнокомандующего при штурме Дамьетты в 1219 году. Три месяца рыцари штурмовали крепостную башню, выстроенную прямо посреди Нила. После многочисленных бесплодных попыток они «взяли одно из своих парусных судов и посадили в него триста человек. Тогда они дождались ветра и таким образом отчалили, и двигались по реке, идя к горе, опасаясь столкнуться со скалами и разбиться. Но когда они оказались близ горной цепи, люди из города и из башни встретили их камнеметами и катапультами и так атаковали их, что рулевые растерялись и не справились с парусным судном, и оно поплыло без управления. Течение реки подхватило его и понесло к городу... Те, кто находился на нем, увидав сие, спустили парус и бросили якорь и очутились посреди реки. Сарацины навалились на них сверху... и оказалось их там добрых две тысячи человек, и когда оттесненные вниз под палубу увидели, что ускользнуть невозможно, они пожелали умереть на службе у Господа, истребляя его врагов. Тогда они взяли топоры и дробили дно корабля, отчего Он пошел ко дну, и утонуло более ста сорока христиан и более полутора тысяч сарацин...» Зарисовка из старой хроники как нельзя лучше показывает, что творилось в те дни у крепости.

Башня все-таки была взята. Египетский султан Аль-Адиль, находившийся в Дамаске, получив это известие, умер от горя. Однако защитники самой Дамьетты не сдавались. Многие рыцари, отчаявшись взять крепость, покинули войско. Но другие — и среди них доблестные тевтонцы — упорно продолжали осаду. Когда в окруженном городе начался голод, новый султан Аль-Камиль предложил крестоносцам снять блокаду. За это он сулил им Иерусалимское королевство и — мир на тридцать лет вперед. Рыцари гордо отказались. И в ночь на 5 ноября 1219 года Дамьетт пала...

Но, геройствуя в Святой Земле, мудрый гроссмейстер продолжал поглядывать в сторону Европы. Он хорошо понимал, что господство крестоносцев в Палестине не вечно. Оставалось умело направить их энергию в русло, близкое рыцарской идеологии — выгодное, в первую очередь, немцам. Направлением «главного удара» он выбирает Германию. С 1209 года именно здесь оседают деньги Ордена, строятся комтурства, возводятся храмы, вербуются новые братья. В Венеции — всего в паре шагов от Германии Фон Зальце основывает новую штаб-квартиру, юридически не подчиненную прежней резиденции в Акре. Теперь гроссмейстеру куда легче контролировать ситуацию в Европе. При этом никто не заподозрит его в том, что он отринул интересы Святой Земли, — ведь долгий путь паломников начинается именно в Венеции...

Итак, блестящий дебют разыгран. Новая линия священной войны проляжет по европейскому континенту. Либо на юг — где давно уже ждут своего часа погрязшие в расколе схизматики. Либо северо-восток, где до сих пор поклоняются своим языческим идолам жители Пруссии и Литвы. А там уж рукой подать и до православной Руси... Гроссмейстер строил смелые планы, а жизнь, между тем, вносила свои коррективы. В 1221 году король Венгрии Андрей пригласил тевтонских рыцарей разместиться на границе Трансильвании, где Византийской империи досаждали воинственные гунны. Вроде бы, южное направление одерживало верх — но венгерскому королю Андрею запросы немецких миссионеров в латах показались чрезмерными, и он потребовал от рыцарей покинуть его земли.

Молниеносная рокировка — и вот уже объявлен Крестовый поход против прусских язычников. Плацдармом для борьбы должна была стать Польша. Пруссы издавна досаждали этой стране, совершая опустошительные набеги, опустошая и разоряя Поморье и Мазовию. Пограничная Кульмская земля была превращена в пустыню — в руинах лежали двести пятьдесят церквей, горели часовни и монастыри... Чтобы остановить варваров, необходимо было наладить постоянную охрану границы. Польский князь Конрад Мазовецкий даже создал для этой цели собственный рыцарский Орден — Добринский или Добжинский (Добжин — маленький городок на берегу Вислы). Магистром стал он сам, а помимо местной шляхты в Орден было нанято полтора десятка германских рыцарей.

В 1237-м Конрад предпримет попытку укрепить Орден, пожаловав ему замок Дрогичин на восточном берегу Буга. Правда, некоторые полагают, что Конрад «пожаловал» рыцарям то, что никогда ему не принадлежало (во всяком случае, хроники умалчивают о том, что Дрогичин был владением Мазовецкого князя). Но — дело сделано, и рыцари Дрогичина, близ которого сходились польские, русские и прибалтийские владения, встал на их защиту, как от набегов язычников, так и от посягательств русских схизматиков. Именно последние под предводительством Даниила Галицкого нанесут полякам решающий удар, наголову разбив Орден и отвоевав Дрогичин. После этого судьба добринцев теряется во мгле веков. По мнению одних, они примкнули к Ордену иоаннитов в Зоннебурге. По мнению других — осели в одном из монастырей тамплиеров в Мекленбурге. Та к или

иначе, конец этого «жукольного» Ордена оказался бесславленным, а сам он — абсолютно беспомощным. Несмотря на рыцарскую защиту, положение Польши всё ухудшалось, и Конрад пребывал в отчаянии. Похоже, у него просто не осталось сил сопротивляться напору пруссов. Как-то раз их отряд, подойдя к замку, в котором князь пировал со знатными панями, потребовал от него лошадей и одежду. Конрад, не смея отказать, обобрал своих гостей и отослал их имущество врагам...

Неожиданный выход подсказал князь Генрих Бородатый. Он предложил обратиться к тевтонцам. И вот, в 1226 году Орден получил приглашение от мазовецкого князя осесть на двадцать лет в Кульмской земле для «умиротворения и христианизации» местного населения. За помощь во владение магистра должны были отойти города Кульм и Добрин. Герман фон Зальца предложением заинтересовался, князю посочувствовал, но, помня о провале орденской миссии в Венгрии, соглашаться не спешил.

Но не только Конрад пытался продвинуть немецких рыцарей в Пруссию. Папа Гонорий III и император священной Римской Империи Фридрих II тоже всеми правдами и неправдами поощряли Орден на этот поход. На землях неверных должны взойти «ростки добродетели во имя славы божьей, и даст сие обильные плоды»... Судя по всему, эти плоды стали падать в орденскую «корзину» еще до начала похода. Во всяком случае, дав-таки согласие и получив от Конрада Кульмские земли, фон Зальца тут же обратился к императору Фридриху с просьбой закрепить их за Орденом навечно. Фридриха нимало не смутил тот факт, что эта земля ему не принадлежала. И в 1226 году император направил гроссмейстеру Золотую буллу. Свиток был действительно скреплен золотой печатью. Он не только утверждал сделку с Конрадом, но и априори отдавал во владение Ордена любые земли, захваченные им в будущем. Именно на этих землях должно было появиться тевтонское государство на прусской земле — государство, в котором роль короля отводилась Великому магистру.

Для решения столь амбициозных задач необходимо было наращивать «мускулы». В общем-то, число самих рыцарей-тевтонцев было невелико. На помощь пришли братья по «бундес-вере» — многие германские государства отправили в Пруссию свои лучшие силы. Маркграф Генрих Мейсенский, подарив два военных корабля «Пилигрим» и «Фриделанд», сам, во главе рыцарского отряда, выступил в поход. Его примеру последовали маркграф Бранденбургский, ландграф Тюрингский, епископ Мерзебургский и другие германские феодалы. Как мы помним, пилигримы в латах прибывали обычно в начале весны, когда на Балтийском море открывалось судоходство. А спустя год отбывали обратно, с тем чтобы на их место встали новые бойцы — в отличие от ближневосточных, этот Крестовый поход не прекращался ни на сутки.

Была и другая разница. Несмотря ни на что, римские папы отнюдь не ставили знака равенства между Палестиной и Прибалтикой. Все-таки, одно дело — защита Гроба Господня и совсем иное — обращение язычников где-то «на севере диком»! Так, в послании, отправленном Гонорием III в ответ на прошение князей Гнезненского архиепископства, загоревшихся желанием вместо Палестины отправиться в соседние прусские земли, четко указано, что судьба Святой Земли несравненно важнее дела крещения пруссов. А когда в первой половине 1216 года немецкий феодал Альберт фон Орламюнде решил-таки посетить Ливонию, то он не смог отыскать и десятка рыцарей, не успевших уже дать обет отправиться освободить Гроб Господень. Графу пришлось апеллировать к папе — тот благословил поход, но отметил, что все же «большому благу не стоит предпочитать меньшее».

Правда, по свидетельству хрониста Генриха Латвийского, еще первый ливонский епископ Мейнгард ухитрился добиться от Целестина III буллы, в которой «гостям» Балтии было обещано полное отпущение грехов — но сам документ, увы, не сохранился. Подобную буллу получил от Иннокентия III в 1199 году и рижский епископ Альберт. Рыцарские действия в Ливонии, вроде, одобрены — но ни слова о том, что они приравнены к походам в Святую Землю. Более того, папа полагал, что ехать в Ливонию могли лишь рыцари из ближайших к ней Саксонии и Вестфалии. И это, кстати, не снимало с них обязательства посетить-таки Восток. Исключение делалось для больных и неимущих — но с ними, как говорится, каши не сваришь...

А каша в Ливонии заваривалась весьма крутая. Согласно вездесущей энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «первое появление немцев в Ливонии относится к началу второй половины XII века... Сношения немцев с туземцами имели сначала характер исключительно торговый; первые наскоро сколачивали свои лавочки и выставляли в них разную мелочь. Торговля была меновой. Те из немцев, которые оставались в Ливонии, поддерживали деятельные сношения со своими соотечественниками; немецкая колонизация принимала все более и более широкие размеры. С торговлей вскоре соединилась и миссионерская деятельность Мейнгарда в конце XII века. Он был первым епископом Ливонии (1186–1196); столицей его был Иксуль (Икескола). Новая епископия находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало в Ливонии большие препятствия со стороны язычников-туземцев. Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир.

В 1188 году Мейнгард строит первую церковь и укрепляет Иксуль. Неоднократно обращался он за помощью к римскому папе; Целестин III обещал ему свое покровительство, проповедовал Крестовый поход против ливонских язычников, обещал всем участникам в походе полное отпущение грехов, но из этого ничего не вышло. Более успешной была сначала деятельность второго епископа Ливонии, Бертольда (1196–1199). В 1198 году большое крестоносное войско высадилось у устьев Двины и успешно повело борьбу с язычниками. В следующем году счастье изменило немцам: они были разбиты, епископ пал. Немцы жестоко отомстили туземцам за его смерть. Водворение христианства выпало на долю третьего епископа Ливонии, настоящего основателя ливонского государства, Альберта фон Буксгевден или Аппельдерн (1199–1229). Вооруженный апостол ливов, как называли Альберта, заручился помощью и дружбою датского короля Канута и вступил на ливонскую территорию, имея в одной руке меч, в другой распятие. Ему без особенного труда удалось смирить ливов. Весною 1201 года он основал новый город — Ригу; первым жителям ее он даровал преимущества и перенес туда епископский стол...»

Надо сказать, что за скупым сообщением о том, что ливы были усмирены епископом Альбертом «без особого труда», стоят его колоссальные усилия. Все свободное от церковных дел время он посвящал «рекрутскому набору». К его огорчению, прибывавшие на помощь ливонцам отряды были не столь уж и многочисленны. Исключением было лишь первое появление Альберта в Ливонии — тогда он привез с собой почти две с половиной тысячи рыцарей. В другие же годы удавалось завербовать лишь несколько сотен крестоносцев — так хроника Генриха Латвийского сообщает, что в 1201-м «епископ... возвратился в Ливонию с пилигримами, каких сумел собрать»... Помощь местных князей, уже обращенных в христианство, тоже проблемы не решала. При малейшей опасности плохо обученные воины бежали с поля боя, как зайцы жмудских лесов. Нет, для покорения язычников нужна была надежная военная сила. И вот, как мы читаем в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «... для утверждения и распространения христианства и немецкой культуры на востоке Балтийского моря Альберт основал здесь

духовно-рыцарский Орден, названный Орденом меченосцев. Рыцари нового Ордена давали клятву безбрачия, послушания папе и епископу и обязывались всеми силами распространять христианство. Во главе Ордена становился магистр, или мейстер; следующую иерархическую ступень составляли комтуры, или командоры, ведавшие военное дело, сбор десятины, светский суд, наблюдение за орденскими землями и вместе с магистром составлявшие капитул. Отношения магистра и епископа были вначале самые дружественные; в отсутствие одного другой замещал его должность. Но при ближайших преемниках Альберта между двумя властями возникает соперничество и борьба...»

Так на свет появились «Братья Христова рыцарства» или попросту — меченосцы. На их рыцарских плащах красовались два скрещенных меча острием вниз — как символ несокрушимой мощи. Справедливости ради заметим, что орден основал не сам Альберт (он в это время как раз находился в Германии), а замещавший его священник Теодерих. «Предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения церкви среди неверных он учредил некое братство рыцарей Христовых, которому господин папа Иннокентий дал устав храмовников и знак для ношения на одежде — меч и крест, велел быть в подчинении своему епископу...»
«Мщение и смерть магистру...»

Сейчас и представить странно, что Рига, знаменитая вязью своих старых зданий с островерхими крышами, далеко не всегда была каменной. Когда-то на одной из ее деревянных улиц неподалеку от деревянной церкви святого Петра жил ее основатель — епископ Альберт. Дом его также был сверху донизу сделан из дерева.

Собственно, в городе имелось лишь одно здание из камня — замок рыцарей Ордена меченосцев...

Первое упоминание об участии меченосцев в военных операциях против язычников относится к 1205-му — вместе с епископской дружиной они разбили литовский отряд. В следующем году, собираясь в поход на ливов, Альберт вновь «созвал братьев-рыцарей» под свои знамена. Четвертого июня в схватке при Гольме особенно отличился некий Арнольд, первым бросившийся в атаку. В 1207-м меченосцы участвовали в разгроме литовцев у Ашерадена, в 1208-м — при Сельбурге... Меч, зажаты в одной руке, явно перевешивал крест, зажаты в другой. Впрочем, и сами язычники не отставали от рыцарей — эсты, ливы, летты налетали на селения друг друга, грабили и жгли, уводили в рабство женщин... Хроника Генриха Латвийского описывает зловещий случай: как-то раз эсты вторглись в землю ливов, привязали одного из вождей к шести и стали вращать его у костра, аки барашка на вертеле, требуя рассказать, где несчастный схоронил свое золото...

Полно, до заповедей ли тут Божиих! Врага надо бить его же оружием — и братья-рыцари дружно топтали всех, кто оказался у них на пути. Казнили без разбора, обдирали без совести, брали в заложники... А меченосец, которому поручено было судить пленных, требовал с них откупа, похлеще, чем пушкинская старуха у золотой рыбки! И так же остался «у разбитого корыта», когда товарищи по оружию обнаружили в сундуке предприимчивого судьи несколько килограммов чистого серебра...

«Страна соседняя и неведомая Европе до XII века открывается германцами, выброшенными бурей на берега Двины. Рассказы о ней возбуждают страсть к обращению в христианство... Пожизненные поместья, даванные Орденом в награду личной храбрости, за услуги и заслуги, мало-помалу закладами, покупками и льготами, то

давностию, то силой становятся наследственными... Епископы тягались с рыцарями, как удельные князья... Междоусобия не перестают, кровь льется, набеги русских и впадения рыцарей в их границы пустошат оба края, ничтожат соседние племена... Крепости переходят из рук в руки, везде трупы, развалины, слезы от утешенья, вопли от грабежа...» — несколько веков спустя писатель и будущий декабрист Александр Бестужев много путешествовал в тех краях. «Буллы Ватикана, как театральные перуны, гремели, никого не пугая и не поражая. Должно, однако же, отдать справедливость Папам, столь часто клеветанным, что они под проклятиями запрещали делать рабами новообращенных христиан в Ливонии, как и в Америке, и все напрасно. Свои выгоды были ближе к сердцу рыцарей, чем увещевания Папы...»

Романтическому сердцу самого Александра Александровича, судя по всему, была особенно близка несчастная судьба ливонских крестьян, притесняемых безжалостными рыцарями. Во всяком случае, за последние четыре года перед арестом (как мы помним, декабристы отправятся «будить Герцена» в 1825-м) он создает четыре «Ливонских повести» — «Замок Нейгаузен», «Ревельский турнир», «Замок Эйзен» и «Замок Венден». Древняя орденская крепость Венден, бывшая резиденция Великих магистров, особенно его заинтересовала. В мае 1821 года, отправившись из Петергофа в заграничный поход и проезжая через Лифляндскую губернию, он специально побывал в Цесисе, где стоят развалины венденского замка. «...Итак, я увижу столичный город древнего ливонского рыцарства, искони знаменитый битвами, осадами, усеянный костями храбрых, запечатленный кровью основателя. Винно-фон-Рорбах, первый магистр меченосного Ордена, построил Венден, первый замок в Ливонии. Любуясь величавыми его стенами, он не мыслил, что они скоро обратятся в его гроб...»

Та к начинается повесть. На титульном листе подзаголовок — «Отрывок из дневника гвардейского офицера. Мая 23, 1821 года». Но мы не станем излагать сюжета книги — тем более что история эта произошла на самом деле и вписала, пожалуй, самую зловещую картину в хронику Ливонского ордена. О чем же повествует хроника?

...В Ливонию из крошечного германского городка Сузат прибыл рыцарь Вигберт Серрат. Юноша благочестивый и смиренный, превыше всего он желал служить Господу, как предписывали данные им обеты. Серрата направили в крепость Венден.

То, что он там увидел, повергло рыцаря в настоящий шок. Что именно его огорчило — притеснение ли несчастных ливов, царившая среди братьев коррупция или их звериная жестокость — неизвестно. Факт остается фактом — Вигберг бежал из Вендена, мечтая встретиться с епископом Альбертом, дабы тот перевел его в Ригу. Но на лихих конях по его следу бросились меченосцы, схватили беглеца, заковали в цепи и бросили в каменную башню... Кстати, его темница сохранилась и поныне — там даже летом не больше восьми градусов, и экскурсанты, поживаясь, стремятся поскорее выбраться наружу. Та к бы и погиб наш «Мальчиш-Кибальчиш» — да за него неожиданно вступился сам епископ.

Беглеца отправили в Ригу. После долгой беседы с ним магистр Винно фон Рорбах снял-таки обвинение в дезертирстве. Стало быть, жалобы молодого человека показались ему не лишены оснований. А вот что дальше делать — магистр не знал. Слишком серьезны были обвинения — начни их расследовать, и придется весь Орден привлечь к ответу! В общем, дело решили замять. И замаяли бы — но не таков был наш рыцарь. Он считал, что, потворствуя грабителям и убийцам, Винно порочит саму Пресвятую Деву. Он, как правоверный христианин, не в силах был с этим мириться! И Вигберт задумал кровавую месть. Однажды, когда братья отправились на богослужение, он передал магистру фон Рорбаху и главному священнику Рижского замка Иоанну, что хочет открыть им страшную

тайну. Мол, узнал он ее случайно в Венденском замке, и от этой информации зависит судьба всего Ордена. Магистр и святой отец тут же направились в келью рыцаря. Едва за ними затворилась дверь, Вигберт выхватил секиру, которую всегда носил с собой, — и в мгновение ока главу меченосцев постигла участь несчастного Берлиоза. Вторым ударом рыцарь покончил с Иоанном.

Поэтический взгляд Александра Бестужева увидел эту сцену несколько по-другому. Его Серрат сам пробирается в комнату магистра, чтобы совершить месть. Под покровом ночи бросается он в крепостной ров и гребет что есть силы, пытаясь уйти от преследовавшей его стражи... «Но рыцарь выплыл и, вонзая кинжал в пазы, уже взбирается на стену, лепится по неровностям камней, и вот висит под верхним поясом. Силы ему изменяют, нога скользит, еще миг — и он оборвется; но он уже наверху.

Проснись, Рорбах, или час твой близок! Ужели не слышишь крика ласточки над окном твоим? Не слышишь граiania ворон, тучей поднявшихся с башен замка?

Нет! Пагубный сон теснит магистра в объятиях. Оконницы вырваны с петель, холодный воздух свекает пыль с завесы, и пламя лампы трепещет, шаги убийцы звучат, — но он спит, и железная перчатка Вигберта упала на плечо его прежде, чем открыл он глаза свои; открыл — и веки, будто свинцовые, снова закрылись. В волнении ужаса и надежды ему кажется бледное лицо Серрата будто в сновидении или в мечте; но зловеший голос, как звук судной трубы, возбудил и омертвил его разом.

— Мщение и смерть магистру! — прогремел Серрат, стаскивая его с постели. — Смерть, достойная жизни! Напрасно блуждаешь ты взорами окрест — помощь далека от тебя, как от меня состраданье. Отчего ж трепещешь ты, подлый обидчик, воин среди поселян, бесстрашный с своим капелланом? Для чего пресмыкаешься, гордец, перед врагом презренным? Меня не смягчат твои просьбы, не поколеблют угрозы, — ты не вымолишь прощения! Да и стоит ли его тот, кто дважды лишил меня чести, а детей моих — доброго имени. Пусть я умру на плахе убийцею; зато щит мой не задернется бесчестным флером на турнирах и мой сын, не краснея за трусость отца, поднимет наличник для получения награды. Ты презрел вызов мой, не хотел честно преломить копья с обиженным, — узнай же, как платит за обиды Серрат!

С сим словом ринулся он на магистра; но отчаяние зажгло в нем мужество, и ужасный вопль огласил своды. Смело схватил он грозящее лезвие и сдал Серрата мощными руками. Цепеня от ярости, грудь на груди смертельного врага, рыцари душат друг друга. Мечь воспламеняет Вигберта, страх смерти сугубит силы магистра, — они крутятся, скользят и падают оба! Идут, идут спасители — оружие гремит, крики их раздаются по коридорам; с треском упали двери, воины магистра с мечами и факелами ворвались в комнату... но уже поздно! Кровь Рорбаха оросила помост — преступление свершилось!..»

Рассказывают, что рыцарю все же удалось покинуть келью и забежать в замковую церковь — возможно, он надеялся, что Пресвятая Дева, во имя которой он исполнил свой страшный приговор, защитит его... Но братья навалились и выволокли убийцу из храма. Очень скоро суд приговорит его к ужасной казни — колесованию. Последнее, что услышит Вигберт перед смертью, будет хруст его собственных костей...

Впрочем, страшный урок меченосцы оставили без внимания. Нравы, царившие в Ордене, по-прежнему были далеки от рыцарского идеала. И со временем Орден превратился в настоящее «гуляй-поле», анархическую вольницу, не признающую никаких законов. Епископ Альберт им больше не указ. Доблестные рыцари сами решают, на кого и когда

идти «на вы». Как пишет Генрих Латвийский, Альберт «весьма негодовал» по поводу их постоянных нападений на коренных жителей, чрезмерно «раздражающих» язычников. Но воинственные братья и думать не хотели о мире. Особенно неистовствовал венденский комтур Бертольд, само имя которого наводило ужас на врагов. Когда эсты в 1215 году, «с большим войском» осадившие замок Аутине, прознали, что на помощь защитникам направляется отряд Бертольда, они опрометью бежали, бросив лагерь и все, что в нем было...

Зверства меченосцев достигли таких масштабов, что в один прекрасный день Альберт лично благословил рижан на бунт. Горожане пошли на штурм замка — и взяли его. Комтура, хорошенько оттащав за бороду, убили — а с крепостью поступили так, как парижане с ненавистной Бастилией. Лишь столетие спустя в Риге будет построен новый замок — но не для Ордена, а для архиепископа.

Те м не менее, к 1229 году меченосцами были завоеваны Эстония, часть Курляндии и Ливония. Под именем Ливонии и объединились земли — как владение Ордена, единое и неделимое.

Тысяча двести двадцать девятый стал знаковым годом в истории меченосцев. В этом году умер Альберт. Магистр Волквин, воспользовавшись этим, решил окончательно свергнуть докучающую ему опеку рижских епископов. Он горел желанием заменить ее союзом с куда более сильными соседями — рыцарями Тевтонского ордена. Меченосцы нуждались в этом, как никогда: Орден был измотан и унижен целым рядом крупных поражений. Однако от предложения объединиться Герман фон Зальца отказался.

Меченосцы проявили настойчивость. И в 1235 году Зальца все же отправил в Ливонию своих командоров Еренфрида фон Нойенбурга и Арнольда фон Нойндорфа — чтобы «прощупать обстановку». Вскоре они вернулись, а с ними — трое просителей от ливонских рыцарей. Людвиг фон Оттинген, наместник гроссмейстера Пруссии, в отсутствие магистра собрал капитул. На вопросы об обычаях, владениях и намерениях Ордена сами ливонцы отвечали уклончиво. Зато тевтонские командоры не жалели красок, расписывая поведение меченосцев, — «ибо им не понравилась их жизнь, они хотели жить по-своему, не соблюдая устав...» Рыцари были названы людьми упрямыми и непокорными, считающими личную корысть важнее общего блага. А в конце, выдвинув перст в сторону гостей, Еренфрид фон Нойенбург добавил: «А эти, да еще четверо мне известных, хуже всех там». Гробовое молчание воцарилось в зале — и голосование решили отложить до прибытия Великого магистра.

Однако, судя по всему, этот союз был предрешен свыше. В 1236 году в битве при Сауле меченосцы потеряли треть своего войска, включая и самого магистра Волквина. О том, где проходило сражение, до сих пор спорят историографы двух прибалтийских стран. Латыши считают, что речь идет о Вецсауле, через который пролегал путь из Литвы в Ригу. Литовцы убеждены, что битва произошла у Шяуляя. Несмотря на разногласия, обе стороны не забывают подчеркнуть тот факт, что в составе трехтысячной армии меченосцев были две сотни псковичей. Судя по всему, устав от чрезмерной опеки новгородцев, они искали в Риге союзника — а нашли смерть на поле брани...

Захватчики попали в засаду. Это произошло настолько неожиданно, что рыцарская кавалерия даже не пыталась контратаковать. Большая часть воинов полегла в непроходимой топи литовских болот. Лишь каждый десятый псковитянин вернулся домой.

После этого поражения уцелевшим меченосцам уже нечего было терять. Снарядили посла в Рим — чтобы поведал папе о жалком состоянии Ордена. Слезно умолял он о соединении с тевтонцами — и был услышан. Папа постановил: быть гроссмейстеру Тевтонского ордена сюзереном меченосцев. А им, раз квартируют в Ливонии, отныне называться Ливонским — Орденом святой Марии немецкого дома в Ливонии. Первым Великим магистром его станет Герман фон Балк, а на груди рыцарей отныне рядом с мечами будет красоваться черный немецкий крест.

Именно Ливонским рыцарям будет суждено навсегда войти в историю мирового кинематографа благодаря фильму Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»...
«И бысть ту сеча зла...»

«...Священник их, мало обращая внимания на нападения... взошел на замковый вал и, пока другие сражались, молился Богу, играя на музыкальном инструменте. Услышав пение и пронзительный звук инструмента, язычники, не слышавшие этого в своей стране, приостановились и, прервав битву, стали спрашивать о причине такой радости...» — читаем в древней летописи. Что ж — у каждого поколения свои «страшилки». И хотя я появилась на свет куда позже, чем знаменитый киношедевр, «Александра Невского» в детстве смотрела не раз. И очень боялась этого католического монаха в черном, который сопровождал «псов-рыцарей» со своим походным органом. Он был похож на средневекового колдуна — и хотя я точно знала, что победа будет за нами, его мрачный вид всякий раз внушал неясную тревогу. А вдруг все-таки наколдует победу немцам?.. Да и сам образ органиста был донельзя достоверен. Уже став взрослой, я вычитала где-то, что монах перекочевал в картину из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. Орденский летописец поведал нам о том, как тевтонский священнослужитель по имени Генрих (кто знает — может, он и был автором записок?), «пока другие сражались, молился Богу, играя на музыкальном инструменте». Специально для фильма была построена точная копия старинного портативного органа.

Впрочем, судя по всему, ливонские головорезы вовсе не нуждались в дополнительных стимулах для поднятия боевого духа. Перед великим походом магистр наставлял их: «Вам предстоит биться с язычниками, особенно с русскими еретиками — самым опасным и сильным нашим противником. Ибо руссы имеют склонность помогать и эстам, и литовцам, и ливам. Мы должны сокрушить их. И мы добьемся этого своим мечом. Действовать надо без пощады, чтобы никто не посмел поднять оружие против рыцарского воинства... В 1240 году незванные католические «братья» вторглись на Русь и захватили территорию к востоку от реки Наровы, «повоевавша все и дань на них возложиша». На землях, прилегающих к Финскому заливу, они создали крепость Копорье — важный плацдарм, позволявший контролировать торговые пути по Неве. И, дерзко вторгшись в самый центр русских владений, захватили новгородский пригород Тесово.

Теперь они беспрепятственно грабили новгородских купцов в тридцати верстах от города. Богатый край постепенно превратился в пустыню: «Не на чем и орати по селам», — сообщает летописец. «Орати» означает «пахать», но вопль отчаяния и впрямь стоял в те дни по всей русской земле. «Ни одному русскому не дали уйти невредимым. Кто защищался, тот был взят в плен или убит. Слышны были крики и причитания: в той земле повсюду начался великий плач...»

Вскоре пал древний Изборск. Тогда рыцарям «противу... выиде весь град» — Псков. Но и псковское ополчение потерпело поражение — почти тысяча убитых, бесчисленное множество пленных. Преследуя ополченцев, тевтонцы подступили к городу. С ними был и князь Ярослав Владимирович, сын псковского правителя, еще в 1232 году изгнанный за

какие-то грехи новгородцами. Бежавшего приютило Дорпатское (ныне — Тарту) епископство. Разумеется, роль отставного князя была Ярославу не по душе, и он, с упорством, достойным лучшего применения, подбивал новых союзников выступить против русичей. За помощь в возвращении княжеского трона местному епископу была обещана ответная помощь в борьбе с Литвой. А тут еще поступили обнадеживающие вести из бывшей вотчины отца Ярослава — часть горожан во главе с боярином Твердило Ивановичем обещала поддержку опальному правителю.

И вот немцы уже под стенами Пскова. Горит посад, полыхают окрестные села. «...И зажгоша посад весь, и много зла бысть, и погореша церкви... много сел попустиша около Пскова. Истояше под городом неделю, но города не взяша, но дети поимаше у добрых муж в тали, и отъидоша прочее». Рыцари готовились к штурму — но его не последовало. Слово Твердило Ивановича и впрямь оказалось твердым: он сдал Псков немцам. «Великим плачем» наполнилась псковская земля. Помните жуткий эпизод из того же старого фильма? Закованный в железо рыцарь бросает в огонь рыдающего ребенка... И хотя я всякий раз крепко зажмуривала глаза, жалобный плач еще долго стоял в ушах. Разумеется, как настоящий октябренок, я и слыхом не слыхивала о библейском избиении младенцев. А вот Эйзенштейн, разумеется, Библию читал, и мрачная тень царя Ирода зловеще маячила «между кадров» фильма. Упоминания о сожжениях встречаются и в древнерусской «Повести о Довмонте». Там рассказывается, как тевтонские инквизиторы заживо сжигали монахов, а также женщин и детей, искавших убежища в монастырских стенах: «Изгониша немцы посад у Пскова марта в 4-й день, черноризиц и убогих избиша, и жены, и дети, и монастыри немцы пожгоша...»

Оставив в захваченном городе двух рыцарей и небольшой гарнизон, ливонцы отправились дальше — на Новгород. «Укорим словенский язык себе» — подчиним русский народ! Положение осложнялось еще и тем, что в том же 1240 году Крестовым походом двинулись на Русь шведы. Их предводитель ярл Биргер, зять короля и фактический правитель страны, вошел в Неву на кораблях. В Новгород, где правил князь Александр Ярославич, полетело дерзкое послание: «Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здесь и пленю твою землю». В Ладожское озеро, оттуда по Волхову на Новгород — честолюбивый швед уже зрил себя на княжеском троне... Но юный новгородский князь был не менее честолюбив. Говорят, еще в раннем детстве он читал «Александрию» — книгу о подвигах Александра Македонского. А потом, чтобы стать вторым Александром, княжич исправно учился — «вседше на коня, в бронех, за щитом, копьем биться». В десять лет вместе с дядькой он поднимал на рогатину медведя, а когда подрос, участвовал в походах отца. В общем, что такое славный бой, он знал не понаслышке. Не медля ни дня, Александр выступил навстречу неприятелю. В темноте русские войска подошли к устью Ижоры и напали на шведов. Говорят, князь лично «самому королю възложи печать на лице острым своим копием». Шведы бежали вниз по течению Невы, а отважный князь получил свое второе имя — Невский...

Но в руках ливонцев по-прежнему оставались Псков и Копорье, откуда до Новгорода рукой подать. Вот почему Александр решает нанести первый удар на копорском направлении. Короткий переход — и русское войско овладело крепостью. «И изверже град из основание, а самих немец изби, а иных с собою приведе в Новгород, а иных пожалова отпусти, бе бо милостив паче меры, а вожан и чюдцу переветников извеша»... Правый фланг воинства новгородского, «водьская пятина», был в безопасности. А неутомимый полководец снова в походном седле. В марте 1242 года он уже под Псковом. На помощь спешит его брат Андрей Ярославич с «низовыми» войсками — и вот орденские наместники в оковах отправлены в Новгород. Семьдесят знатных братьев и много простых рыцарей полегло в том бою...

Но тевтонцы отнюдь не планируют сдаваться. Мейстер Ливонии Андреас фон Фельвен, брызгая слюной, приказывает готовить расправу: «Пойдем на Александра и победивше руками имам его!» В Дорпатское епископство стекаются рыцари «со всеми бискупы (епископами) своими, и со всем множеством языка их, и власти их, что ни есть на сей стране, и с помощью королевою». В «один громающий кулак» собрались немецкие рыцари, эсты и войско короля шведского. Весной 1242 года из них формируется разведывательный отряд — прощупать силу русских войск. Двадцатью километрами южнее Дерпта он наголову разбивает русский «разгон» под началом Домаша Твердиславича и Керебета — им доверил разведку Александра Ярославич... Те, кто уцелел, вернулись к князю. Темнее тучи сделался он. «И поиде, — сообщает летописец, — на землю немецкую, хотя мстити кровь христианскую». Русская рать выступила на Изборск.

А в ставке орденского командования ликовали. До утра не смолкали победные гимны, звенели кубки, горели огни. Победа над небольшим отрядом русских окрылила ливонского мейстера. Он принимает решение дать русским сражение — и сам встает во главе войска, выступившего из Дерпта на юг. Та к закованные в броню рыцари сделали первый шаг по направлению к Чудскому озеру.

Сражение на Чудском озере оценивают по-разному. Для кого-то она вырастает до масштабов эйзенштейновской «битвы века», кто-то видит ее как ничего не решающую пограничную стычку. Некоторые исследователи и вовсе задаются вопросом: «А был ли мальчик?» Версия о том, что побоище — не более чем красивая легенда, действительно существует. А между тем, о нем сохранилось куда больше свидетельств, чем о той же Невской битве. Почти современная сражению запись в Новгородской Первой летописи старшего извода, описание в «Житии Александра Невского»: «И наехаша на полкъ Немци и Чюдь и прошибошася свиньею сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемь и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, еюже ради новгородци кровь свою прольяхша, техъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру; а Немци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на семи версть по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди бещисла, а Немець четыреста, а пятьдесят руками яша и приведоша в Новъгородъ. А бишася месяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыя Богородица, в субботу». Псковская летопись добавляет: «...и Чюди много победи, имъ же несть числа, а иных вода потопи»...

Для русских летописцев битва на Чудском — почти героический эпос. Свидетелям со стороны «нападения» она видится несколько по-другому. По мнению автора немецкой «Рифмованной хроники», итоги сражения были куда более скромными: «С обеих сторон убитые падали на траву. Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении. У русских было такое войско, что, пожалуй, шестьдесят человек одного немца атаковало. Братья упорно сражались. Всё же их одолели. Часть дорпатцев вышла из боя, чтобы спастись. Они вынуждены были отступить. Та м двадцать братьев осталось убитыми и шестеро попали в плен».

Тевтонскому летописцу вторит калининградский историк и архивист Анатолий Бахтин, более двадцати лет изучавший события по хроникам и летописям. «Сама хроника битвы была фальсифицирована, — полагает он. — Не было там умопомрачительного столпотворения воюющих сторон, не было и массового ухода людей под лед. В те времена доспехи тевтонцев по своему весу были сопоставимы с вооружением русских ратников. Те же кольчуга, щит, меч. Только вместо традиционного славянского шишака головы братьев-рыцарей защищал ведробразный шлем. Не было в те времена и латных лошадей.

Ни в одной из существующих хроник невозможно отыскать рассказ о треснувшем льде Чудского озера, об ушедших под воду участниках сражения.

Еще одна откровенная мистификация, которая оказала медвежью услугу, — это количество участников сражения. В составлении русских летописей того времени наверняка принимали участие имиджмейкеры, которые, для того чтобы признать значимость победы или объяснить причины поражения, не утруждали себя педантизмом. Количество воинов в те времена указывали одним словом „бещисла“, то есть несметное количество. Эта формулировка дала повод псевдоисторикам в советские времена увеличить на порядок количество участников битвы на Чудском озере. Как анекдот, звучали нереальные и необоснованные цифры: восемнадцать тысяч со стороны русских, пятнадцать — со стороны Ордена. Между тем историческим фактом является то, что большинство рыцарей Тевтонского ордена в тот период проливали свою и чужую кровь в Палестине за Гроб Господень, а в целом Орден состоял примерно из двухсот восьмидесяти братьев-рыцарей. Та к что непосредственно на лед Чудского озера вышли биться не более двух десятков тевтонцев».

Тайной является и само место Ледового побоища. Из летописей было известно, что оно произошло на льду Чудского озера «у Вороньего Камня, на Узмени» и что разбитых немцев гнали оттуда семь верст «до Соболического берега». Казалось бы, три вполне точных географических ориентира. Но оказалось, что Вороньих Камней около Чудского озера больше десятка, а никакого Соболического берега и вовсе нет. Узнали только, что деревня Мехикорма когда-то называлась Узменкой — но точно такое же имя носил и узкий пролив между Чудским и Псковским озерами, и даже южная оконечность Чудского озера, в наши дни называемая озером Теплым.

Та к что же подразумевал летописец?

В шестидесятых годах прошлого столетия к Чудскому озеру была отправлена научная экспедиция под руководством Г. Н. Караева. Ученым удалось выяснить, что среди небольших островов один носит название Вороньего. Причем окрестные жители называют его Вороньим Камнем! Дело в том, что прежде этот островок составлял единое целое с ближайшим островом Городец — там-то и стоял высокий утес, известный под названием Вороньего Камня.

А еще оказалось, что в озере водится рыба соболек. Весной она кишмя кишит у западного берега, там, где в озеро впадает река Эймаыга, — рыбу и сейчас там ловят. Та к был обнаружен Соболический берег, до которого от Вороньего Камня ровно семь верст, как и сказано в летописи.

Казалось бы, вывод очевиден — битва «имела место» у восточного берега озера близ современного острова Городецкий. Но в девяностых годах группа археологов выдвинула новую теорию — побоище вообще произошло не на льду, а на суше, в треугольнике между нынешними селами Таборы, Кобылье городище и Козлово. Откуда иначе здесь появились захоронения средневековых воинов?.. Яростные споры продолжаются и сейчас. Но лично мне милее классическая версия. Уж очень красиво и таинственно звучит название — Вороний Камень...

...Узнав, что навстречу движется огромный отряд ливонцев, новгородское войско повернуло («вспятися») на озеро, «немцы же и чудь поидоша по них». Новгородцы двинулись к Чудскому озеру, чтобы отразить обходный маневр немецких рыцарей. Здесь, у острова «Воронья Камени», встали лагерем русские ратники. Александр решил дать бой.

«Воя великого князя Александра исполнишаяся духа ратна, бяху бо сердце их аки львом», они готовы были «положити главы своя»...

Еще и еще раз осматривал Александр позицию. За спиной — поросший густым лесом берег с крутыми склонами. Правый фланг защищен водным участком — Сиговицею. Сюда, в воду, теплую от ключей, зимой в изобилии собираются сиги — а лед бывает очень тонок... Не случайно жители приозерья всегда объезжают это место стороной. Стоит загнать сюда врага — ни один не уйдет живым! Камнем потянут на дно железные латы... Наконец, на левом фланге — высокий береговой мыс, откуда широко кругом видно.

Перед битвой Александр помолился в церкви Святой Троицы, получил благословение. Выйдя из храма, произнес: «Суди Боже, и разсуди прю мою от языка валеречива: помози, Господи, яко же древле Моисеови на Амалика и прадеду моему, князю Ярославу, на окаянного Святополка...» Вставало солнце, алыми лучами рассекая белоснежную гладь льда. Темными рядами застыли пешцы. Щиты сомкнулись, образуя непроходимую стену, оцетинились длинные копья. Впереди построились лучники, на флангах — конные. Занималось утро 5 апреля 1242 года.

Но вернемся к тевтонцам. Как мы помним, автор «Рифмованной хроники» за каждым немецким участником сражения закрепляет шестьдесят русских. Для большинства исследователей это выглядит всего лишь неубедительной попыткой оправдать собственное поражение. По подсчетам военных историков, ландмейстер фон Фельвен вывел на лед Чудского озера 10–12 тысяч воинов. Кроме ливонцев, там были отряды Дорпатского епископства и многочисленные датчане во главе с сыновьями короля Вальдемара II. Закованным в броню крестоносцам противостояло пятнадцатитысячное войско Александра. Это было ополчение, набранное из посадских людей, — лишь малую часть составляла профессиональная княжеская дружина.

Рыцари прекрасно знали, как надо действовать против пехотных ополчений. Подобно мощному тарану, они разбивали строй надвое. Дальше расколотое войско дробилось на мелкие группы и уничтожалось по частям. Боевое построение крестоносцев — клин, или, как пишет летописец, «великая свинья», известно нам со школьной скамьи. «Острие» клина составляли всего пять-десять человек, в каждом последующем ряду — на два рыцаря больше. Это была элита — самые опытные, тренированные и хорошо вооруженные воины. С флангов их прикрывали два ряда таких же отборных рыцарей. За клином, как хвост за кометой, тянулись отряды оруженосцев и кнехтов-ополченцев. Убойная сила при таком построении была обеспечена.

Но, как известно из другого замечательного старого фильма — у каждого свои недостатки. Были они и у рыцарской «свиньи». После нанесения удара хаос наступал не только в рядах противника. Сохранить боевой порядок зачастую не удавалось и самим крестоносцам — слишком уж громоздким и жестким был строй. Ни о какой гибкости маневра не шло и речи. Эти слабые стороны противника хорошо знал Александр Ярославич.

Обычным боевым порядком русских войск в те времена были три полка: в центре — «чело», по флангам — полки «правой и левой руки». Все три выстраивались в линию. Но новгородский князь решил поломать эту схему. Он выстроил на поле боя настоящие клещи. Раздвинувшись, они должны были охватить противника и, сжав, переломить ему хребет. Основные силы — конницу — Александр разместил на флангах, а в центре, щит к щиту, стояло новгородское ополчение. Ему предстояло принять на себя первый удар. Сам

князь со своей дружиной укрылся в засаде — чтобы в нужный момент ударить ненавистной «свинье» в тыл.

Все произошло, как и замыслил Александр Ярославич. Едва из-за горизонта выкатилось круглое солнце, железный рыцарский клин двинулся в атаку. Русские лучники осыпали врага ливнем стрел. Закованным в латы тевтонцам они не причинили вреда, но рядом с крестоносцами наступала чужь — и эсты падали, как подкошенные, один за другим... Русские лучники, теснимые вражеской конницей, пятились к рядам пехоты — и вот клин врубился в пешую рать: «И немцы, и чюдь пробишася свиньей сквозь полк...» Крестоносцы уже готовы были торжествовать победу, но неожиданно впереди вырос непреодолимый для конницы крутой берег. А сзади, не видя этого внезапного препятствия, напирала остальная... Тут-то и сомкнулись знаменитые русские клещи. Слева и справа на ливонцев обрушились оба крыла русского войска, а с тыла, совершив обходной маневр, ударила княжеская отборная дружина.

«... Смешались в кучу кони, люди...» Окруженных рыцарей крючьями стаскивали с лошадей, а самих коней выводили из строя острыми ножами-засапожниками, спрятанными за голенищем. На земле неповоротливый крестоносец становился легкой добычей — подняться без посторонней помощи он не мог. Первыми дрогнули кнехты, следом обратились в бегство рыцари. Вот и Сиговица — хрупкий лед затрещал под многопудовой тяжестью... Первыми шли ко дну самые знатные: их доспехи были увесистей всех. «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди, и бе труск от копии ломления, и звук от мечнаго сечения, якоже озеру помрзшу двинутьись, и небе видети леду, покры бо ся кровию...» Остатки бежавшего в беспорядке войска новгородцы преследовали до противоположного берега. А потом пятьдесят неприятельских гордых «нарочитых воевод» пешком брели за конями победителей до самого Новгорода...

Летом того же года «орденские братья» прислали в Новгород послов с поклоном: «Есмя зашли мечем Псков, Водь, Лугу, Латыголу, и мы ся того всего отступаем, а что есмя изоимали в полон людей ваших, а теми ся розменим, мы ваших пустим, а вы наших пустите, и псковски полон пустим». Орден отказывался от всех притязаний на русские земли — и мир был заключен. Крестоносцы больше угрожали западным границам Руси.

Ледовое побоище — первый в истории случай, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевым бою войском, состоящим, по большей части, из пехоты. Но это — тема для теоретиков военного искусства. А Русская Православная Церковь заслуженно чтит подвиг православного воинства, разгромившего агрессоров в решающей битве. Житие Святого Благоверного князя Александра Невского сравнивает победу в Ледовом побоище с библейскими священными войнами. «И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью Божией, и обратились враги в бегство, и гнали их воины Александровы, словно неслись они по воздуху», — повествует древнерусский летописец.

Ну а что касается фильма — оказывается, «Александр Невский» долгие годы пролежал «на полке». Причиной тому послужило нежелание Иосифа Сталина портить отношения с Германией. И что же открыло ему дорогу на экран? Ну, конечно, начало Великой Отечественной войны.

«Верните мне сына моего...»

Задолго до прихода «псов-рыцарей» в недрах земли, которую станут называть Пруссией, жили-были маленькие бородатые человечки — барздуки. Иногда они вылезали на поверхность и раскидывали под кудрявой бузиной скатерть-самобранку. Сами собой

появлялись на ней мягкий хлеб да веселое хмельное пиво. Край этот носил тогда имя Самбия, что означает на давно уже мертвом языке не то «община», не то «братство», не то — «простой народ»...

Первые представители «простого народа» появились здесь еще в III тысячелетии до нашей эры. И то понятно, благодатный был край: леса, в которых зверья без счета, песчаные косы, уходящие в море... Опустив в него корзину — и она тут же заполнится сельдью, угрями, осетрами да семгой. Последней ловилось столько, что ее разрешено было продавать лишь дважды в неделю, чтобы не сбивать цену. Говорят, однажды (когда на этих берегах уже «прописались» тевтонцы) вместе с семгой в рыбацкую сеть попался водяной в одежде епископа. Взглянуть на диво-дивное собрались рыцари со всей округи. Морской епископ ничего не ел — и тлел на глазах. Через пару дней его решили отпустить в море. Водяной перекрестился, низко поклонился и ушел на дно...

...Давным-давно жители этих мест были совсем не похожи на современных прибалтов. Темноволосые смуглые арии, благородные воины, добрались сюда из северной Индии и Ирана. Мастерски лепили они сосуды из глины, украшая их оттисками витых шнуров. Причудливые орнаменты стерегли содержимое горшков от злых сил... А еще, как и пруссы, арии поклонялись богу молний. Звался он у них Индрой, и символом бога был огромный дуб, растущий на вершине холма...

Потом сюда пришли кельты. С той поры представители местных племен стали носить гривны — тяжелые шейные украшения, которые кельты называли «торквес». Их надевали лишь по особым случаям, каковых выпадало два-три раза за всю жизнь...

Однажды облаченные в торквес самбы отправились к вещим воинам Брутену и Видевуту с просьбой возглавить их народ. Видевут стал королем, Брутен — наместником богов, властелином живых душ. Время от времени Брутен или Криве-Кривайтис (так его стали называть соплеменники) созывал подданных на священную гору к бессмертному дубу. Прямо к звездам взметались искры жертвенного костра. Через него бросали куски мяса только что заколотого козла. Пока мясо жарилось — каялись в грехах да лупцевали друг друга что есть мочи. А потом пировали, потягивая священные напитки: молоко и мед...

После боевой вылазки место козла занимал плененный враг. Вайделоты, хранители огня, сжигали его дотла — вместе с конем и воинским снаряжением. На том же костре обращалась в пепел и треть захваченной добычи. Ополчение самих пруссов было вооружено, в основном, дубинами. Они свято верили, что оружие им ни к чему, ибо боги не допустят их поражения. И до поры до времени боги им помогали — юный вояка Потримптс, покровитель молний Пэркунис, седобородый хозяин смерти Патолс. И невдомек им было, что после распятия и воскресения Христа прошло уже более тысячи лет... Жители Самбии по-прежнему обожествляли таинственную силу природы — землю и солнце, гром и огонь, цветущую липу и даже безобразных жаб. Еще бы — ведь они твердо знали, что после смерти непременно воплотятся в одно из этих существ...

Последний языческий ритуал, который зафиксировали хроники, состоялся аж в 1520 году. Тогда к берегам давно уже христианской Пруссии направлялись корабли из Польши, которая вела перманентные боевые действия с крестоносцами. Не желая новой схватки, народ всем миром отправился к колдуну Вальтину Суплиту. Тот потребовал привести к нему быка, да прикатить бочку пива. Целую ночь в присутствии мужчин он жег внутренности и кости жертвенного животного, отчаянно жестикулируя и читая молитвы. А утром суда поляков неожиданно развернулись и отправились домой — по какой-то необъяснимой причине эти берега показались им сущим адом на земле.

Разумеется, на самом деле это было далеко не так. Особое северное очарование Прибалтики и сейчас пленяет наше воображение. Как и застывшая древняя смола — янтарь, который добывали здесь с незапамятных времен. Желтые кругляши самбам выносило море. Долгое время «глэзум», как они их называли, рассыпями валялся на берегу — пока красоту камня не оценили римляне. Они-то и проложили великий Янтарный путь в древнюю Самбию — и нарекли ее поэтическим именем Глэзария... При Нероне в столицу империи было доставлено столько морского самоцвета, что вся арена Колизея была выложена им. Боевое снаряжение гладиаторов и даже носилки, на которых уносили убитых, — все было янтарным. Сами самбы поначалу из янтаря ничего не мастерили. Просто собирали, относили на рынок и с удивлением обнаруживали, что за него дают неплохую цену. Торговля шла настолько успешно, что сведения о поселениях древних пруссов даже попали в сочинения арабского географа Идриси. Он называл это место Гинтийар, от «гинтарс» — янтарь: «большой, цветущий город, находящийся на вершине неприступной горы, где жители укрепились от нападения викингов...»

Но явился враг страшнее викингов. Спустя годы право на торговлю янтарем присвоит себе тевтонцы. Чудодейственные свойства, которые приписывали камню, станут приносить им баснословные барыши. Всякий стремился купить украшение, способное избавить от душевного расстройства или мигрени, сердечной болезни или подагры. Измельчая лучезарную смолу в порошок, лекари готовили целебные снадобья, а за кражу янтаря карали с особой строгостью.

На ночь выход из порта в реку, по который шли торговые суда, перекрывали два огромных древесных ствола. Как и пруссы, немецкие рыцари торговали необработанным камнем. Лишь изредка мастера — исключительно для личных и дипломатических нужд орденской «верхушки» — создавали шедевры, равных которым не было во всей Европе. Среди них — знаменитая янтарная комната Петергофского дворца. Ее в XVIII веке подарил Петру Великому прусский король Фридрих Вильгельм I.

Впрочем, негоже нам скакать через столетия. Вернемся в те времена, когда Александр Ярославич еще не похоронил ливонцев подо льдом Чудского озера, а в Пруссии в помине не было никакого короля. Но Крестовый поход на север уже был объявлен — и вот ранней весной 1230 года на границе Польши и Пруссии появился тевтонский магистр Герман фон Балък, призванный возглавить вторжение. Вместе с ним прибыл маршал ордена Дитрих фон Бернхайм, а также группа отборных рыцарей со своими оруженосцами.

Разумеется, пруссы об их приезде ничего не знали. Как-то раз один из их отрядов, переправившись через Вислу, привычно принялся грабить польские земли. Получив донесение разведки, братья-тевтонцы, давшие слово защищать поляков от варварского разбоя, кинулись в погоню. Увидев за спиной группу вооруженных до зубов рыцарей, пруссы очень удивились — и в растерянности отступили. Но... Хороший прусс — мертвый прусс, и маленький отряд стал первой жертвой этой войны. Война не на жизнь, а на смерть — невиданные доселе грабежи, кровавые оргии и казни станут обычной практикой для обеих сторон. В результате к концу XIII века едва ли не половина коренных обитателей Пруссии будет уничтожена...

В 1230 году Орден построил на Кульмской земле замок Нешаву, где разместились первые сто рыцарей-«миссионеров». Год спустя они перейдут на правый берег Вислы и, сломив сопротивление прусского племени памеденов, возведут в устье реки замок Торн. Его руины и сейчас красуются неподалеку от Старого города. А рядом с ратушей стоит памятник, на котором написано по-латыни: «Николай Коперник, торунянин, сдвинул

Землю, остановил Солнце и Небо». Первые торуняне — тевтонские рыцари — были далеки от столь высоких целей. Единственное, во что они по-настоящему верили, — исключительность орденской миссии. Без покорения ненавистных язычников само их существование теряло смысл. Они воевали не в силу обязательств и не за деньги — за идею. На подвиги тевтонцев благословлял сам Господь, и за такого сюзерена они готовы были драться до конца. Вечная война, в которой все средства хороши, а злодеяние, совершенное во имя исполнения «миссии», вполне может быть оправдано. Впрочем, в этом тевтонцев вряд ли можно назвать оригинальными — ведь о том, что никакое дело, совершенное во имя Ордена, не является грехом, сказал еще незабвенный Бернар Клервосский...

Воинами рыцари были отменными. Готовые по первому сигналу обнажить мечи, они служили пожизненно. Универсальные солдаты, чем-то напоминающие роботов-андроидов из современных голливудских блокбастеров, они могли равно драться конными и пешими, штурмовать и обороняться. В перерывах между походами они постоянно оттачивали мастерство. Прибавим к этому жесточайшую дисциплину — и вот вам секрет их головокружительных успехов на Балтике. Между прочим, именно из прусского воинства вышли родоначальники многих русских дворянских фамилий — Романовы, Шереметевы, Яковлевы... Были среди них поистине блестящие офицеры — но это уже совсем другая история.

Тактика Ордена в Пруссии до боли напоминала тактику крестоносцев на Ближнем Востоке. Из вновь отстроенных замков братия нападала на соседние земли. За долгие годы все было отработано до мелочей. С границы уже освоенной территории рано поутру отправлялась вооруженная группа. Едва солнце начинало клониться к закату — всадники спешили. Здесь закладывалась следующая крепость.

Обыкновенно кампания по освоению новых территорий разворачивалась летом — на зиму рыцари возвращались по домам. Прусские племена бились отчаянно, но поделаться ничего не могли. Вслед за памеденами пали пагудены, затем эрмландцы. А в 1238-м воины Христовы во главе с Дитрихом Бернхаймом напали на опорный пункт пруссов — Хонеду. Два года держалась крепость — высокий каменный вал, обмазанный глиной, да частокол в два ряда. Между бревнами — слой мелких камней и земли. Во время штурма на вал лили воду, чтобы глина, которая связывала камни, становилась скользкой. Из-за частокола защитники городища могли видеть все, что происходит снаружи. Похоже, сама родная земля помогала защитникам — топкие болота, дремучие леса да воды Фришес Хафф, ныне именуемого Калининградским заливом... Но настал день, когда из-за голода они больше не могли сопротивляться. Тогда в Хонедде вспыхнул мятеж, и пруссы зверски убили своего вождя — Кодруна...

Хонедда пала — крестоносцы тут же взялись за топоры. На глазах выросли укрепления из дерева, затем на их месте зодчие возвели неприступный каменный замок. Первыми строителями у тевтонцев были монахи. А позже за дело взялись артели вольнонаемных каменщиков. Они хранили тонкости своего мастерства в строжайшей тайне. Только современным исследователям удалось разгадать некоторые их секреты. В нижнюю часть стен укладывались известняковые глыбы и неотесанные камни. Когда кладка достигала человеческого роста, начинали строить из кирпичей ручной формовки — значительно крупнее и прочнее нынешних. Туда, где сушились кирпичи, часто забегали дикие звери, залетали птицы, оставляя отпечатки лап. До сих пор эти следы, словно магические обереги, красуются на крепостных стенах...

В честь Германа фон Балька новый замок назвали Бальгой. Суров и величествен он был. Дом Конвента нависал над заливом на высоте 25 метров. Высокие узкие бойницы, длинные галереи с амбразурами... Под полом первого этажа находилось помещение, подобное которому есть только в замке Ордена Монфорт в Сирии, — квадрат с центральной колонной, на которую опираются ребра четырех сводов. Два глубоких рва окружали Бальгу, непоколебимой твердыней стояла крепостная стена. Выход закрывался подъемными воротами из дуба. Ни разу этот замок так и не был взят. На его стенах сохранились имена магистров Тевтонского ордена. Все они написаны красной краской, и только имя Ульриха фон Юнгингена — черной: именно он был ответствен за позор под Грюнвальдом...

В XVIII–XIX веках, когда земли Пруссии станут активно заселять иммигранты из чужих земель, дом Конвента превратят в каменоломню. Не пощадят и старинное кладбище с надгробиями из гранита, мрамора и даже обсидиана. Что же — строительный материал был необходим переселенцам. Туристам будущего останутся лишь рвы с подъемными мостами, крутые береговые откосы да деревья, чуть позже привезенные сюда из Южной Америки, Японии и Скандинавии... В 1945-м их нашьпигует свинцом — немцев, прижатых к заливу, расстреливали из тяжелых орудий четыре дня кряду... Огонь корректировался с помощью аэростата, поднятого над Бальгой. Сорок девять тысяч немецких солдат навсегда полегли в эту землю... А когда после войны здесь решат создать лесопильный завод, стволы деревьев будут ломать даже самые мощные пилы. И по сей день древние поля и холмы буквально пропитаны тоннами взрывоопасных материалов — по непонятной причине разминирования в крепости проводить не стали. Несмотря на это Бальга, словно магнит, до сих пор притягивает к себе искателей сокровищ. Поговаривают, что во время войны немцы завозили сюда ящики с неизвестным содержимым. За крепостной стеной ящики навсегда исчезали в разветвленной системе подземных ходов и колодцев...

Последний раз организованные поиски проходили здесь в восьмидесятых годах прошлого века. Когда один из участников экспедиции погиб, подорвавшись на mine времен Второй мировой, поиски были приостановлены. Но аура тайны и сейчас витает над развалинами Бальги, вписавшей одну из первых глав в историю Прусского государства.

...Уже через неделю после того, как пала Хонедта, тевтонцы заложили новый замок и назвали его Бранденбург (выходцев из этого славного немецкого города в Ордене было немало). Постепенно Пруссия покрывалась паутиной крепостей — всего их будет ровно сотня. Вокруг замков возникают поселения, которые обживают колонисты, спешащие сюда из всех уголков Римской империи. Разоренные территории заново обживаются. За расселением вновь прибывших зорко следит орденский лектор. Он же ответствен и за то, как будут осваиваться распределенные участки земли.

Казалось, Пруссия покорена — приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Но не такого мнения были сами пруссы. Они словно ждали нужного момента, чтобы подняться против своих поработителей. И он настал. В начале сороковых годов XIII столетия на крепком теле тевтонского Ордена появилась брешь. Все началось с того, что русские разбили шведских крестоносцев в Неве. Одновременно Чингисхан опустошил Польшу, Чехию и Венгрию — в битве при Легнице полегло немало тевтонцев. И в довершение — сокрушительное поражение ливонских рыцарей на льду Чудского озера...

Тут-то пруссы и нанесли удар. Формально поводом к восстанию явилось нарушение Орденом договора, по которому представители коренных народов имели право участвовать в управлении делами своих земель. Но из этой искры разгорелось пламя

настоящей войны. Восставшие заключили союз с князем Свентопелком (Святополком) Поморским, который когда-то энергично содействовал укреплению Ордена в Пруссии. К счастью для вчерашних язычников, он быстро понял, что скрывалось за миссионерскими помыслами тевтонцев. Был у него в этом деле и личный интерес — помешать захватить дельту Вислы, что серьезно угрожало бы целостности Гданьского Поморья. С 1242 года начинается борьба Святополка с Орденом. Ей будет суждено затянуться на десять лет.

«Сын дьявола... исполненный вероломства и обмана», Святополк начал перехватывать немецкие суда в нижнем течении Вислы. А летом, вторгшись в Пруссию, устроил такую бойню, что «вся почти Пруссия окрашена была христианской кровью». Устояло лишь несколько крепостей, за стенами которых и укрылись рыцари. Оттуда они нанесли несколько контрударов.

Молниеносным кровопролитным штурмом была захвачена резиденция Святополка — замок Сартовице. Пять дней поморцы пытались отбить замок — тевтонцы стояли насмерть... Вслед за Сартовице был взят Вышеград. Но противник продолжал теснить — и теперь уже тевтонцам пришлось просить помощи у мазовецких князей. Рать поляков двинулась на Поморье, и Святополк запросил мира. В залог мирного договора он даже передал немцам своего старшего сына Мстивоя. Но тут же и нарушил княжеское слово, вторгшись в самое сердце орденских владений — Кульмскую землю. Как скошенная трава, полегли рыцари у Рейзонского озера — потери были столь огромны, что, по словам хрониста, женщинам после этого разрешено было выходить замуж за рабов, «дабы совсем не погибло дело веры»...

Справедливости ради отметим, что восставшие пытались решить дело не только огнем и мечом. На лионском соборе 1245 года их представители потребовали у Папского престола, чтобы католическая церковь перестала поддерживать небогоугодное дело немецких крестоносцев. Однако церковь не вняла их просьбам. Два года спустя огромное рыцарское войско прибыло в Пруссию. Одновременно Орден сумел поднять против Святополка его младших братьев Самбора и Ратибора. Пришлось поморскому князю в очередной раз заключать с немцами перемирие. «Разменной монетой» в нем опять стал отданный в заложники Мстивой. Святополк потребовал возвратить ему сына, но немцы наотрез отказались. Тогда воинственный князь в третий раз поднялся против них. Снова стоном наполнилась Кульмская земля. По словам летописца, немецкие рыцари стали даже подумывать об уходе из Пруссии — но тут вмешался папа, потребовавший от славянского князя, чтобы он сложил оружие. Святополк был непреклонен: ни папа, ни император не заставят его прекратить войну — «Верните мне сына моего, если желаете иметь мир со мной!» В планы немцев, однако, это не входило. Вместо этого они вторглись в Поморье и «на протяжении девяти дней и ночей так его опустошили, что не осталось ни одного угла, в каком бы они не побывали с грабежом и поджогами». Несколько дней полыхал знаменитый Оливский монастырь, а рыцари «ушли с большой добычей». И все-таки в 1248 году Мстивой наконец был освобождён. Святополк заключил с Орденом мирный договор.

Соглашения удалось достичь и с вождями большинства восставших племен. 7 февраля 1249 года помощник гроссмейстера Генрих фон Виде и прусские повстанцы в замке Христбург подписали бумагу. Пруссы обещали впредь не воевать против Ордена и участвовать во всех его походах. В обмен на это всем обращенным в христианство Папа римский даровал свободу и право становиться священниками — а феодалам даже и рыцарями! Отныне пруссы могли подавать в суд, а также наследовать, приобретать и менять собственное имущество. Правда, заключая сделку, следовало оставить Ордену залог, чтобы продавец не сбежал к язычникам. Если у кого-то не было наследников, его

земля переходила в собственность Ордена (кстати, законным наследником считался только ребенок, рождённый от церковного брака). Почетной обязанностью пруссов стало строительство кирх (для каждой местности было определено необходимое их число). Они также обязались каждую церковь обеспечить восемью убами земли, платить десятину и в течение месяца поголовно креститься. Кара за отказ от обряда была более чем строгой — у родителей некрещеного ребёнка конфисковывалось все движимое и недвижимое имущество. А взрослых, не окунувшихся в купель, навсегда выгоняли из мест, где живут правоверные христиане.

Такие «трофеи» вынесли из пламени десятилетней войны пруссы. Добыча тевтонцев была куда более овеществленной. Но среди добра, награбленного в богатых поморских замках, был некий артефакт, значение которого измерялось для суровых немецких рыцарей отнюдь не мерами золота. После взятия Сартовице из тьмы времен снова появляется таинственная голова — подобная той, которой посвящено столько страниц в истории Ордена тамплиеров...

Санта Барбара

...Много лет назад хаузомтур прусского города Эльбинга, носивший труднопроизносимое имя Тиле Дацигер фон Лорих, заказал себе диптих с изображением Святой Варвары. И, любуясь на творение замечательных мастеров, всякий раз проникался уверенностью в том, что теперь-то уж непременно попадет в царствие небесное. Столь почитаемая им Святая изображена на складной иконе дважды. На внутренней стороне правой створки — рыцарь, поклоняющийся Богородице с Младенцем. Его сопровождает целый сонм Святых — Варвара, Катерина, Маргарита, Доротея, а также апостолы Петр и Павел.

На внешней створке воин вновь преклоняет колена перед Богородицею. Только теперь рядом с ними одна лишь Святая Варвара. Перед ее светлым ликом и совершал свои ратные подвиги владетель иконы. А она вела его и хранила... Лишь когда комтур отойдет в мир иной, походный алтарь передадут в орденскую казну. Теперь им сможет любоваться сам гроссмейстер. Но защитница рыцарей Варвара не сумеет защитить самое себя. После Грюнвальдской битвы 1410 года священный складень как обычный трофей захватят поляки...

Как известно, рыцари всегда поклонялись Прекрасной Даме. Но кто мог стать таковой для воинов-монахов? Разумеется, лишь та, кто не облачена грешной плотью. К женщинам земным братья испытывали не слишком много почтения. Из уст в уста ходила поговорка, советовавшая крестьянину, у которого есть дочери, хорошенько запирать двери при их появлении... Иное дело — недостижимый идеал, вдохновляющий и манящий. Он заставлял сердца суровых тевтонцев биться быстрее — в конце концов, даже закованные в железо, они оставались мужчинами. Вот почему в свои небесные покровители они принимают лишь женщин. Исключение составил разве что Георгий-Победоносец — видимо, его сверкающие доспехи не могли оставить рыцарей равнодушными.

Разумеется, Прекрасной Дамой «номер один» для них была Дева Мария. Но ее равно почитали и братья из других Орденов. Та к в жизнь тевтонцев входят другие Девы — и первой в их чередѣ стоит Святая Варвара.

Сложно сказать, почему именно ее выбрали для поклонения тевтонцы. «Штатные обязанности» Святой напрямую никак не связаны с их похождениями в северных землях. В Житии, составленном одним из братьев-священников, говорится, что ее «призывают против непогоды или молнии». Конечно, климат в Пруссии не идеален, и дожди здесь не

редкость, но вряд ли именно это стало причиной культа. А это был самый настоящий культ — наряду с упомянутым уже «Житием...», Святой Варваре была посвящена и целая глава в «Хронике земли Прусской» некоего Петра из Дусбурга, и даже поэма, которую сочинил будущий великий магистр Лютер фон Брауншвейг. Младший из шести сыновей герцога Альбрехта Великого, он единственным из них вступил в Тевтонский Орден — два других его брата примкнули к госпитальерам и тамплиерам. Начав с простого ризничего, обходительный и благородный Лютер сделал поистине блестящую карьеру — а его литературный дар был под стать организаторским и военным талантам. К сожалению, большинство его сочинений утеряно — до нас дошла лишь история о Святой Варваре. История несчастной девушки была необыкновенно трогательна. Красавица жила на территории современной Сирии в IV веке. Жестокий отец заточил девушку в темницу, чтобы сохранить нетронутой ее добродетель, и лишь изредка выпускал на волю. Но этого было достаточно для того, чтобы неверная дочь увлеклась христианством. Ее приговорили к смертной казни, и разгневанный родитель лично отсек ей голову. Непростым путем эта голова попала в польское Поморье, где и хранилась в замке Святополка — Сартовице. Во время штурма княжеская резиденция была захвачена — а вместе с ней и герма Святой Варвары. Кстати, к этому эпизоду был причастен и дед Лютера фон Брауншвейга.

«...В самом деле, в то ужасное опустошительное время в земле Кульмской и Прусской был некий маршал, по имени Теодорих Бернсхейм, — читаем в «Хрониках земли Прусской». — Человек весьма религиозный и рассудительный, он на тайном совете требовал, что названной землей никоим образом не смогут владеть дольше, если не завоюют замок Сартовице, в котором был указанный князь, ибо он был для братьев и других христиан наибольшим вредом. Маршал же поделился своей тайной совета среди других четырех братьев. Неким тайным решением тщательно обсудили, как в указанный замок тайным образом в ночное время, если будет на то Господня воля, со своими вторгнуться и разрушить, быстро готовились к тому, чтобы в ночь блаженной Варвары совершить неожиданную атаку... Уповая на Господа и некоторым образом воодушевленные небесами, той ночью блаженной Варвары в многообещающем деле преуспели, не зная ничего о ее реликвиях, были ли они в этом замке или каком-нибудь другом месте. Наставшей ночью перед праздником блаженной Варвары названный маршал со своими братьями, а также взяв с собой двадцать четыре мирских мужа, чьих сердца коснулся Бог, в эту самую ночь Варвары еще задолго до восхода при великой поддержке проникли в замок, когда все спали. Когда обитатели замка очнулись, число которых было L (пятьдесят), все мужи, опытные во всех видах оружия, жестко вторглись в ряды... Сражались они до третьего часа дня. Тогда бог всемогущий пожелал своим мученикам воздать, даровал победу братьям, чтобы всех, кто был в замке, они убили, кроме тех, кого схватили, и других, кто смогли убежать из погибающего замка, захватив замок со всем его имуществом. И пока из-за сокровищ тут и там прочесывали замок, беглецы и домочадцы покинули его...

Рыцари достигли какой-то закрытой подземной кладовой, в которой незамедлительно обнаружили среди прочего некий ларец, прекрасно сделанный, покрытый железом и дважды запечатанный печатью Святополка. Алчно открыв его, обнаружили в нем в окружении серебряных пластинок голову блаженной Варвары со свежими шрамами и небольшой надписью в следующих словах: «Это — голова блаженнейшей Варвары девы и мученицы». Притом голову брата с огромной радостью приняли, воспевая Богу, блаженной вечно девственной Марии и блаженной Варваре за такой дар и такую победу, в которой они нуждались.

Услышав и увидев это, некая благородная женщина (матрона), бывшая среди пленников этого замка, сказала маршалу и остальным: «Действительно радоваться и веселиться вы в

силах, ибо теперь ваше желание исполнено, и не вашими заслугами, как вы верите, но божьим промыслом и помощью блаженной Варвары, что вам, насколько я могу судить, помогла любезно». Ее они спросили: «Откуда знаешь это?» Она ответила: «Я была особенно благочестива к блаженной Варваре, чью ныне голову вы держите. Вот почему этой ночью я явственно видела во сне, что она сама подходила будто ко мне и затем отступала от меня. Приходя один раз и второй, наконец, появившись передо мной в третий раз, сказала: «Здравствуй, избранная моя подруга, ныне отправляюсь послушать мессу в кульмском граде». И так близко ко мне подошла, что, проснувшись, я упала с постели, на которой я лежала, и, поднявшись с земли, в дрожи, последовала за ней до гостевой спальни, что было очевидно, желая саму за руку схватить и держаться, она тот час же перед моими глазами исчезла. В тот же момент я вышла из комнаты и увидела вас и стала громко кричать и звать: «Сын, плохо ты оберегал нас и замок, вот — тевтонцы, враги наши, которые нас захватили».

Итак, братья, услышав это, еще больше поблагодарили бога, укрепляя замок оружием и стражей, принятая указанная дарованная добыча, в качестве святой головы, прямо к городу Кульмскому ободренные они дошли милосердно. Чьи горожане с уставными и мирскими клириками, встречавшие их, почтительно приняли голову блаженной Варвары, ее в Кульме, что ныне зовется старым замком с набожной радостью. В нём вплоть до сегодняшнего дня, среди верных приближенных, под надежной охраной под почетным долгом неизменно находится, постоянно сверкая новыми и необычными чудесами...»

Как видно из хроники, братья ничего не знали о хранящихся в замке святых мощах. Потому в их обретении они видели некий знак «свыше» — что-то вроде награды «за проявленные мужество и героизм». Именно здесь, под стенами Сартовице, мученица Варвара и стала их любимой святой. Ее благосклонность к рыцарям была очевидна. Чем иначе объяснить, что именно после взятия замка произошел коренной перелом в войне? И герма со всевозможными почестями была переправлена в Пруссию. В 1413 году, путешествуя в тех краях, знатный «пилигрим» из Европы Жильбер де Лянуа, отметил особое почитание места, где хранились мощи...

И еще одна история о Святой Варваре.

... Три аббата-цистерцианца направлялись на генеральный капитул. Их путь проходил через лесную чащу. Сумрачно и страшно было монахам, казалось, за каждым деревом таится опасность... Шли они быстро, стараясь как можно быстрее миновать лес. Но вдруг один из аббатов, Иоанн, услышал, как его кто-то зовет. Братья свернули на голос — никого. И тут они вновь услышали жалобные мольбы. Опустили глаза — перед ними лежала окровавленная отрубленная голова. В ужасе замерли святые братья — не иначе как дьявольские козни! Но голова объяснила, что отсек ее острый меч разбойников. И, так как смерть наступила без исповеди и причастия, грехи не позволили бы душе попасть на небеса. Только благодаря заступничеству Святой Варвары, которую всю жизнь почитал бывший обладатель головы, ему было разрешено дожидаться исповеди... Монахи причастили беднягу. Душа его в образе белой голубки отправилась напрямиком в царствие небесное... А Варвара по-прежнему опекает тех, кому суждена внезапная смерть — на поле брани или от руки предателя.

Что ж — подобный конец был не редкостью среди тевтонцев.

«...А братья со своими людьми ушли в мире...»

С недавнего времени на «лобном месте» Калининграда, рядом с областной Думой, высится трехтонный валун диаметром полтора метра. Нашли его в Чкаловском лесу

местные историки-краеведы. Говорят, что был он заложен при строительстве Кенигсберга в основание орденского замка. В прошлом веке замок был разрушен — восстановить его планируют только сейчас. После того как в самом сердце города вырастут крепостные стены, реликвию возвратят на прежнее место. А пока стоит он «нерукотворным памятником» тому, кому предписывают честь основания города, — чешскому королю Оттокару Пшемислу II. Это его герб — корона и крест — глубоко впечатан в шероховатую поверхность древнего камня...

Отряд под предводительством Оттокара ворвался в Самбию огненным вихрем. Да и могло ли быть по-другому, если за меч взялся внучатый племянник самого Фридриха Барбароссы? Кстати, у двадцатипятилетнего короля Богемии борода была не хуже, чем у деда, и так же горела на солнце жарким пламенем. И в битве он был не менее горяч. Подобно стопудовому тарану, теснил он пруссов, загоняя их все дальше и дальше, в глубь лесов и болот. Там, где останавливался со своим войском грозный монарх, вырастали замки. Первым стал Меденау — земляной вал, окруженный частоколом. И по сей день кажется, будто пятнадцатиметровую насыпь возвели вчера... Следом появился Варген — единственное сохранившееся деревянное тевтонское укрепление. Варгенау — так пруссы называли ручей неподалеку — был перекрыт плотиной. Искусственное озеро надежно предохраняло замок от вражеских поползновений. Несколько лет назад искатели водолазы-любители спускались на дно обмелевшего теперь водоема. Говорят, под водой вдоль плотины стоят четыре военных немецких грузовика, сброшенных в воду во время отступления. А вот рыцарских сокровищ нет и в помине.

Если судить по размерам крепости, в ней зимовали не меньше пяти тысяч рыцарей разом. Набирались сил после лихих боев, а чтобы согреться, жгли окрестные прусские поселения, да потешались, глядя на то, как мечутся на снегу насмерть перепуганные самбы... Перезимовали — и ушли навсегда, никогда больше так и не посетив основанную ими крепость... Но, как это случается в истории, трагедия нередко оборачивается фарсом. Много веков спустя в Варгене организуют «Ярмарку дураков» — «Наренмаркт». В середине XIX века толпы кенигсбергцев станут приходить сюда, чтобы, накупив разноцветных свистулек и трещоток, отправиться пешком в город, оглашая окрестности развеселыми звуками...

История возникновения самого Кенигсберга необычна. В 1255 году король Оттокар с братьями-рыцарями захватил прусское городище Твангсте над Прегелем. Через него по реке проходил Великий Янтарный путь. Чистые и светлые воды Прегеля издревле несли в себе какую-то тайну. Древние греки полагали, что именно он есть не что иное, как Кронус — река времени и забвения... По прусскому преданию, здесь утонула жена племянника Верховного жреца, которому тот отдал священные земли у Хроно и Халибо — то бишь у Балтийского моря. Несчастную звали Преголла — отсюда и пошла название Прегель. А до этого река называлась Скара — «изогнутая». Потом пруссы нарекли ее «Претора» — «бездна». То ли потому, что она была глубока, как море — кое-где глубина достигает двадцати двух метров — то ли оттого, что не понимали, куда она все-таки течет: то ли в небеса, то ли в пропасть...

Рядом с Твангсте крестоносцы возвели деревянный замок. Когда-то давно, в пустынях Сирии, Тевтонский орден владел крепостью Монт Рояль — Королевская гора. Увы, в ходе войны с «неверными» форпост был навсегда утерян. Новую крепость тоже нарекли Королевской горой. Только звучало это на немецкий манер — Кенигсберг. Утверждают, что сам Оттокар указал место, где надо заложить первый камень. Указал — и отбыл на родину. Через пять лет после основания Кенигсберга за разгром венгров и половцев он получит прозвище Железный. Государство Железного Короля станет сильнейшим в

Европе, а сам он едва не сядет на престол Священной Римской империи — да будет предательски убит... Но нам нет сейчас дела до бесславной кончины Оттокара. Нам интересно другое — будущую столицу Пруссии и самый западный город России заложил славянский король.

Годы спустя деревянная крепость превратилась в грозный замок с башней, что, по свидетельству очевидцев, застила солнце. Здесь выбирали гроссмейстеров, короновали королей, встречали русских царей и французских солдат — кого «за здравие», а кого и «за упокой». Под защитой крепких стен росли города. Сначала появился Альштадт. Клеточки на плане города заполнялись быстро. Каждая из них — новый двор. Заштрихована последняя клетка на плане — город построен. Тут на улицах появлялся всадник с длинным копьём наперевес. От основания до острия — расстояние между домами; заденет копьё стену — придется хозяину ее ломать или платить штраф...

В 1300-м в деревянном соборе отслужили первую мессу. Ландмайстер Конрад фон Тирберг вручил альштадцам грамоту об основании города, долгие годы служившую им Конституцией. И, едва смолкли праздничные трубы, рядом был заложен Лёбенихт. Он расположился далеко от реки, поэтому его жителям волей-неволей пришлось заниматься ремеслами и возделывать землю. В «городе мастеров» появились первые гильдии солодильщиков, сапожников, кузнецов, землепашцев... Возник даже союз нищих — заплатив налог, они могли спокойно просить милостыню.

Укрепления Лебенихта были невысоки — младший брат могущественного Альштадта. Но — «бог любит троицу», и в 1327 году возник третий город. Его называли то Прегельмюнде, то Нойштадт — однако в историю он вошел под именем Кнайпхоф, по названию острова, на котором появился. Кнайпхов был настоящим купеческим поселением. Папа Александр IV еще в XIII веке предоставил торговые привилегии Ордену, и новый город тут же вошел в торговый Ганзейский союз. В одночасье был построен порт со складами — ластади, оборудованными по последнему слову средневековой механики. Склады стоят и по сей день. Древесина, смола, хмель, сало, соль, олени и медвежьи шкуры — Пруссии было чем удивить соседей. Одна только Россия потребляла пятую часть всей селедки, добываемой в здешних водах. А из России сюда везли лен, пеньку, древесину — любому товару расторопные прусские купцы находили применение.

Собственной церкви в городе не было, и набожные жители вскоре затеяли строительство Кафедрального собора. Его посвятили Деве Марии и Святому Адальберту, первому крестителю Пруссии, которого язычники принесли в жертву своим божествам. Через пятьдесят лет храм распахнет двери для первых прихожан. Не такой уж долгий срок, если учесть, сколько времени возводились в те годы церкви и в более богатых городах. Собор простоит невредимым до 1944 года...

В XVII веке полноводная и беспокойная речка затопила остров Кнайпхоф, да так, что в Кафедральном соборе воды было по щиколотку. Чтобы стихийные бедствия не докучали горожанам и они всегда имели чистую питьевую воду, в 1382 году крестоносцы начали строить Ландграбен — «кривые каналы». Это сооружение даже сегодня поражает воображение.

Вначале для него были использованы русла рек и ручьев. Потом тевтонцы стали расширять систему каналов, доведя ее протяженность до нескольких сотен километров. Самым старым участком является водная артерия, отходящая от пруда Школьный —

бывший Мюльфельдетайх. Вода текла напрямик в Кенигсберг. Она была настолько чистой, что ее можно было пить прямо из русла, не опасаясь за здоровье.

Двенадцатикилометровый канал Виррграбен («крутые канавы») также снабжал столицу Пруссии питьевой водой. Сегодня воду в реке Голубая, которая прежде звалась Виррграбеном, можно назвать голубой с большой натяжкой. Сложно сказать, какова она на вкус — ведь для этого надо решиться ее попробовать. А сырая вода в сегодняшнем Калининграде едва ли соответствует санитарным нормам.

Между прочим, система каналов была нужна тевтонцам не только для питья, но и для водного сообщения между крепостями. Не зря их обычно строили около воды. А чтобы в замке не было сырости, рыцари даже организовали специальное «управление мелиорации». Каждое поселение обязано было следить за чистотой близлежащих водоемов. Если надсмотрщики Ордена замечали, что кто-то сливал в воду нечистоты, карали по всей строгости. На провинившиеся поселки налагали солидные штрафы, а отдельных «браконьеров» могли и плетью наказывать... Любопытно, что, когда в XVII веке строительство каналов подходило к концу, работами, которые начинали братья-монахи, руководила женщина по имени Луиза Катарина Трухзес. С тех пор север Пруссии стал доступен для речного судоходства. Невероятно, но факт — система безотказно функционирует уже более шестисот лет! Кенигсберг-Калининград снабжается водой по руслам, прорытым еще крестоносцами, — правда, теперь жители исправно кипятят некогда кристально чистую воду.

Несколько веков три города развивались самостоятельно: у каждого свой совет, свой приход, свои школы и торговля. И все-таки наступил момент, когда отношения между ними стали настолько тесными, что оставалось только законодательно оформить союз. В 1724 году три города были официально объединены в один. Он получил название, придуманное еще королем Оттокарром, — Кенигсберг. По столь торжественному случаю была выпущена бронзовая медаль. На ней четыре изображения: молодой человек с мечом в руках — могучий Альштадт, женщина в бусах — роскошный Кнайпхоф, борогатый старик с морковкой — плодородный Лёбенихт. Четвертый персонаж — маленький мальчик с камнем в руке — символизировал окраину Кёнигсберга — Закхайм, где жили только пьяницы и хулиганы.

В том же году, когда возник объединенный Кенигсберг, в семье Кантов на свет появится мальчик. Будущего отца немецкой классической философии крестят Иммануилом в Кафедральном соборе Девы Марии. В шестнадцать лет Кант поступит в кенигсбергский университет — на какой факультет, до сих пор тайна для его биографов...

Но то будет уже в восемнадцатом, просвещенном веке. А в веке тринадцатом жители этих мест и не помышляли о том, что когда-нибудь их потомки будут гордиться своим городом как центром наук и изящных искусств. Ими владели совсем иные чувства. Главным из них оставалась ненависть. Кровавой поступью продолжали марш по прусской земле тевтонцы. Не желали склонять голову свободолюбивые самбы. 20 сентября 1260 года вспыхнуло Великое восстание. Как огонь по сухому вереску, распространилось оно на все прусские земли. Плечом к плечу встали против завоевателей Самбия, Земландия, Эрмландия, Погезания, Бартия... Одна Померания оставалась верна Ордену. Пыхтели немецкие усадьбы, церкви, замки. Держались лишь стратегические форпосты немцев — Торн, Кёнигсберг, Кульм, Бальга. Судя по всему, пруссы оказались неплохими учениками. Не раз они торжествовали победу над братьями-рыцарями: 22 января 1261 года — под Кёнигсбергом, 13 июля 1263-го — при Лебау... Помимо сорока рыцарей и несчетного количества пехотинцев-кнехтов в этом бою сложил голову сам вице-магистр Гельмерих...

Дивонис Локис, Ауктума, Гландас, Глапас — о бесстрашных вождях повстанцев ходили легенды. Но настоящим «Спартаксом» стал Геркус Мантас из Натангии.

Генрих Монте Натангенский, как его обычно называют, получил воспитание в Магдебурге. Там он и крестился — но зов предков оказался слишком силен. Генрих вернулся к языческой вере. Отринув религиозные взгляды крестоносцев, он, тем не менее, перенял от них много практических знаний. Как выстраивать боевой порядок, как мастерить осадные орудия — вся тактика и стратегия рыцарей была ему знакома. Его «лесные братья» часто возводили неподалеку от неприятельских укреплений временные деревянные крепости, блокируя пути, по которым шли обозы с продовольствием. Цель была одна — взять неприятеля измором. Иногда, правда, немецким гарнизоном удавалось выйти из окружения. Пруссы преследовали беглецов с поистине звериной жестокостью. Так, при попытке прорваться пали почти все защитники Крейцбурга. «...Братья с дружиной своей после многих славных битв, совершенных здесь, когда у них кончились припасы, незаметно ночью ушли из замка, — читаем в «Хрониках земли Прусской». — Когда это узнали пруссы, они погнались за ними и всех, кроме двух братьев, предали мечу...»

А вот гарнизону крепости Визенбург улыбнулась удача. «Этот замок осаждался пруссами почти три года, и поставили они три камнемета, которыми ежедневно штурмовали замок. Наконец братья, быстро похитив один из них, доставили в замок и долго им оборонялись. Вскоре после, когда у них иссякли припасы, братья со своими оруженосцами, покинув замок, незаметно ушли, в год от Рождества Христова 1263, держа путь в княжество Мазовию. Когда об этом стало известно, Диван, бывший тогда вождем бартов, погнавшись за ними со многими оруженосцами, не мог настичь их, ибо их уже усталые кони отказались идти; он, взяв с собой тринадцать человек на более быстрых конях, повел их за собой, и когда они приблизились, то нашли братьев, уже обессилевших от голода и не в силах сражаться от усталости, и он мощным ударом обрушился на них и в первой схватке убил троих. Прочие, обороняясь, тяжело ранили упомянутого Дивана, и тогда он прекратил битву, а братья со своими людьми ушли в мир».

Число преследователей — чертова дюжина — не столько символично, сколько показательно. В те годы количество защитников крепостей, как, впрочем, и нападающих, нередко исчислялось десятками. Маленькие сражения большой войны, в которой, впрочем, и слезы, и кровь были вполне настоящими...

Четыре года удерживали замок защитники Бартенштейна. «Во время осады в замке Бартенштейн было четыреста братьев и прочих оруженосцев, а пруссы соорудили три укрепления вокруг замка, в которых постоянно находилось тысяча триста отменных воинов. Но в упомянутом замке Бартенштейн был один человек по имени Милигедо, который был таким смелым, что, убив его, пруссы сочли бы, что убили половину осажденных. Посему они совещались, как бы хитростью заманить и убить его, и, измышляя разные хитрые способы, они начали следующим образом. Устроив сперва засады, они послали одного человека, доблестного воина, на посрамление военной силы осажденных, как Голиафа — полков сыновей Израиля. Он воскликнул громким голосом, сказав: «Если есть кто-нибудь в замке, кто дерзнет вступить в поединок со мной, пусть выходит!» Услышав это, Милигедо, испросив разрешения братьев и получив его, вышел и погнался за ним. Но, когда он увидел, что, выйдя из засады, появилось огромное полчище врагов, он, убив того, бежал в лес и тайными путями вернулся в замок Бартенштейн. Не раз и так, и этак подступались они к нему, так что, в конце концов, обманув, убили его... От смерти этой была великая радость в народе прусском и, напротив, великая скорбь

охватила братьев. Но чтобы обратить их радость в скорбь и печаль, братья повесили на виселице, поставленной у ворот замка, тридцать прусских заложников, которых они держали в плену. Отчего случилось, что, когда пруссы увидели сыновей и сородичей своих повешенными, заплакали и они тоже горьким плачем...»

На исходе четвертого года в крепости закончились припасы. Перед тем, как покинуть ее, осажденные несколько дней не показывались на стенах. Пруссы, решив, что рыцарей уже нет в Бартенштейне, приблизились к замку. И тут на них обрушился такой град стрел и камней, что все поле в мгновение ока было покрыто убитыми... «Наконец после бесконечных стычек и битв один благочестивый брат воззвал к Богу, чтобы он явил ему, что надлежит делать при таких обстоятельствах. Глас небесный ответил ему: «Иуда и Иерусалим! Не бойтесь и не ужасайтесь. Завтра выступите, и Господь будет с вами; будьте стойкими; вы увидите, что помощь Господа с вами». Услышав это, на другой день братья, разделившись и разделив дружину свою на две части (одна из них пошла в замок Кёнигсберг, другая — в Эльбинг) и захватив святые мощи и оставив в замке одного брата, старого, дряхлого и слепого, который не мог идти с ними, ушли. А этот брат, что остался в замке, как обычно, каждый канонический час подавал колоколом сигнал. Наконец, когда он не мог долее скрываться, враги подобрались к замку и, когда увидели, что никто не сопротивляется им, вошли и, убив брата и сохранив для себя замок, вели из него многие сражения с братьями».

В эти же годы отряд наместника Тевтонского ордена Дитриха Лиделау предпринял поход к восточным рубежам Пруссии. Год за годом крестоносцы отесняли ненавистных язычников туда, где темнели непроходимые леса, сохранившиеся с Ледникового периода. Рыцари захватили прусскую крепость Саминис Вике — «Каменное жилище», но, под натиском ополчения, грудью вставшего на защиту своих земель, вынуждены были отступить...

В следующий раз крестоносцы появятся здесь только через полвека. И десять лет будут безуспешно пытаться укрепиться в этих местах. Даже строительство крепости не прекратит постоянных набегов литовцев на земли, которые Орден считал своими. Деревянный Инстербург перестроят в камне — но литовцев и это нисколько не смутит. В 1369-м их князь Кейстутис напал на Инстербург столь внезапно, что стражники едва успели поднять мост... Еще через шесть лет сын Кейстутиса воинственный Свидригайло все же спалил Инстербург. Восстановив крепость, тевтонцы сделают ее совершенно неприступной...

Именно здесь, в Инстербурге, была уничтожена последняя в Пруссии ведьма — так гласит древняя сага. В ней рассказывается о девочке-сироте по имени Верона, которую взяла на воспитание семья местного кузнеца. Со временем малышка превратилась в красивую девушку, мимо которой не мог спокойно пройти ни один мужчина. Немало разрушилось крепких семей, и неизвестно, что бы ожидало город — да старейшины решили расправиться с Вероной. Они прорубили лед на реке и утопили коварную деву в проруби. С тех пор она стала появляться в крепости каждую ночь — и уводить по одному молодому мужчине. Утром несчастного находили повешенным на окраине города... На этом сага обрывается — но, судя по всему, какой-то способ избавиться от напасти был все-таки найден.

...Одна за другой крепости оказывались в руках повстанцев. К счастью для тевтонцев, портовые Мемель, Бальга, Эльбинг, Торн и Кульм по-прежнему держались. Особенно тяжелой была осада Кенигсберга. Чтобы отрезать его от моря, пруссы навели мост на реке Прегеле, «...а на каждом конце моста — прочное укрепление наподобие башни, и так

можно было бы отбирать все, что ни отправлялось по реке в замок Кёнигсберг. Когда братья в упомянутом замке, уже полумертвые от голода, узнали об этом, они, предпочтя погибнуть в сражении, чем так жалко умереть от голода, отправились во всеоружии на судах, и, когда приблизились к месту и уже встали на якоря, подул сильный ветер и быстро понес их к мосту, что было сделано провидением Божиим, и, подойдя к мосту, они обнаружили на нем в укреплениях по концам его много вооруженных людей; находившиеся на мосту и в укреплениях оказывали им мужественный отпор; и завязалась между ними такая жестокая битва, какой никогда не было видано в этом веке между немногими бойцами. Наконец послал им Бог помощь и защиту свыше, чему, несомненно, следует верить, ибо человеческой силе было почти невозможно противостоять такому множеству, так что, когда враги бежали, братья до основания разрушили и уничтожили мост и укрепления. В этом сражении некий брат Гевехард, выходец из Саксонии, преследуя некоторых бежавших пруссов, одному из них одним ударом меча отсек голову; а тот, раненный этим ударом, не упал тут же на землю, но без головы пробежал с остальными еще небольшое расстояние и лишь потом упал. Братья и прочие видевшие чрезмерно удивились этому, уверяя, что никогда еще такого не видывали...»

Главы «Хроники земли Прусской» похожи на кадры старого кинофильма. И пленка выцвела, и звук не тот — а мы все равно следим, замороженные, как из глубины веков встают непримиримые враги, тевтонцы и пруссы...

Об авторе хроники известно немного. Из его послания Великому магистру Вернеру фон Орзельну, предваряющего книгу, известно, что был Петр из Дусбурга орденским священником. Все остальное — лишь домыслы да предположения. Никто не знает, как он вступил в Орден; как оказался в Пруссии; в каком монастыре жил. Не исключено, что местом его пребывания был Кенигсберг. Во всяком случае, в грамоте от 26 декабря 1327 года комтур города Готфрид фон Хеймберг, подтверждая получение шестисот марок от епископа Самбии Иоганна, среди свидетелей называет священников Петра и Гюнтера. Исследователи полагают, что первый вполне мог быть автором знаменитой летописи.

Другие историки полагают, что Петр создавал свой труд в Мариенбурге, в резиденции Великого магистра, на суд которого он и отдал свое сочинение. Судя по всему, ему была предоставлена возможность рыться в нескончаемых архивах Ордена, откуда и перекочевали на страницы героической летописи описания битв и осад, щедро сдобренные средневековой мистикой и чудесами. «Труд, завещанный от Бога», был завершен в 1326 году.

...Меж тем осажденный Кенигсберг взывал о помощи. Прибывшие из Германии на судах отряды графов Юлиха и Берга были наголову разбиты пруссами. Только три года спустя, когда на подмогу осажденным прибыла целая армада рыцарей во главе с герцогом Брауншвейгским и ландграфом Тюрингским, осада была снята. Тевтонский орден молниеносно перешел в наступление. Предводители повстанцев (в их числе и непобедимый Генрих Монте Натангенский) были схвачены и казнены. Другой военачальник, вождь племени зудавов, Скуманд увел своих людей в Литву... Совсем скоро он вернется, примет христианство и признает власть Тевтонского ордена. Его примеру последуют и другие прусские вожди. Самые стойкие из них присягнут на верность Ордену в 1283 году, навсегда занеся его в скрижали истории как год окончательного покорения Пруссии Тевтонским орденом.

Та к и появилось на карте средневековой Европы новое государство, которое позднейшие исследователи назовут «гораздо лучше управляемым и значительно более развитым, чем современные ему Германия и Польша». А что до пруссов — их племенная верхушка

плавно перетечет в состав германского дворянства. Потомки голубоглазых язычников, перемешавшись с тевтонцами, образуют новую прусскую народность, говорившую уже на немецком языке. Ну а в нашем сознании слово «пруссский» навсегда будет связано не с янтарем и хлебосольными боролатыми гномами, а с военной агрессией и муштрой.

Легенды Мальброка

... Только что окончилась служба в Высоком замке Мальборка. Магистр Вернер фон Орсельн неспешно выходил из костела. Вдруг из толпы метнулась чья-то тень. Взметнувшийся клинок был неумолим и точен. Бездыханное тело магистра беззвучно оползло вдоль стены...

В тевтонском государстве это убийство наделает много шума. Злоумышленника схватят — им окажется рыцарь из богатой семьи, снискавший изрядное число нареканий по службе от командиров. Его отправят на высший суд, к папе римскому. Тот признает, что рыцарь невменяем.

Но для Вернера фон Орсельна все это уже не будет иметь равным счетом никакого значения. Его погребут здесь же, в замке, в усыпальнице Великих магистров. Срок его служения Ордену оборвет рука коварного убийцы. Собственно, из-за дворцовых заговоров редко кому из магистров удавалось дожить до убеленной седины старости. Их правление продолжалось по два-три года — при том, что устав определял его как пожизненное. Если в Новгородском княжестве за неудачный военный поход вече могло легко отправить князя в отставку, то в тевтонский магистр покидал свой пост только в гробу. Увы, глухие стены Мальброка не так уж и редко становились свидетелями подобных печальных церемоний...

... В прусских хрониках укрепления тевтонцев называются красивым словом — иладия... Трудно и вообразить, что за этим поэтичным созвучием скрывается неприступная цитадель, способная в минуты опасности ошетиниться тысячами стрел и копий. Тевтонцы знали толк в строительстве крепостей. В основе каждой лежал квадрат — так делали римляне, а они не знали поражений. Высокие стены и глубокий ров были для обитателей замков надежной защитой. Между двумя соседними был один день пути — около двадцати километров. С главной башни можно было видеть несколько ближних крепостей. Стоило к стенам одной приблизиться противнику — с помощью специальных сигналов связисты предупреждали об опасности остальных. Та к же передавались и приказы. Если на части тевтонских земель хозяйничал враг — сообщения шли в обход захваченных территорий. Благодаря отлично отлаженной системе оповещения тевтонцы почти всегда появлялись в нужное время и в нужном месте, одерживая верх над куда более многочисленным противником.

Разумеется, в замках рыцари не только оборонялись от неприятеля, но и просто жили. Ночевать они могли только внутри его стен — так гласил распорядок. А днем молились, упражнялись в боевых искусствах, сажали овощи, варили пиво, разводили лошадей. Конь для тевтонцев был не просто средством передвижения, а предметом роскоши. Его стоимость доходила до восемнадцати марок — и это в те времена, когда буйвол стоил всего полторы марки, а корова — и вовсе три четверти! Кроме большой «рыцарской» лошади разводили еще и «швайке», низкорослую прусскую лошадку. Много лет спустя семье англичан со знакомой всем фамилией Симпсоны удастся скрестить «швайке» с английской лошастью. Новая тракененская порода и по сей день считается одной из лучших в Европе. Симпсонов за труды удостоят в Пруссии дворянского звания, а по стране еще долго будут ходить легенды о жеребце по кличке Бахус, которого в 1872 году заводчики продали за тридцать две тысячи марок...

Но родоначальниками коневодства в Пруссии были, тем не менее, не англичане, а тевтонцы. К 1400 году они создали более тридцати конезаводов. Один из двенадцати членов конвента каждой крепости специально отвечал за обеспечение гарнизона лошадьми. Под его началом трудилось несколько ветеринаров. Еще один человек следил за изготовлением подков — все же в Ордене насчитывалось ни много ни мало четырнадцать тысяч коней, а конских ног, соответственно, еще в четыре раза больше.

Учиться братья-рыцари не любили — «каталог» редких библиотек был весьма скуден. Псалтырь, хроники, жития обычно читались по вечерам вслух орденскими священниками. На страницах найденных в замках книг практически нет пометок, которые было тогда принято делать. Судя по всему, все, что не было практично, не слишком занимало воинственных тевтонцев. Искусства и науки были не для них. Даже проект основания в Пруссии университета, выдвинутый в XIV веке, был отринут орденскими чиновниками. Иное дело — прогрессивная система обработки пашни или новая конструкция портовых кранов...

В замке, о котором пойдет речь, тоже было немало новшеств. В его внутреннем дворе орденские умельцы соорудили колодец с хитрым подъемным механизмом. Он обеспечивал гарнизон питьевой водой. Стратегический запас зерна мог храниться годами благодаря специальной вентиляции. Сама система стен, башен, ворот, каналов и мостов была продумана столь хитро, что гарнизон из нескольких сотен человек мог обороняться от целой армии. Бойницы сужались уступами таким образом, что у стрелков был максимальный обзор. Все они были сделаны выше человеческого роста, чтобы влетающие в них стрелы не могли ранить тех, кто находился в комнате. В стене одного из залов и сейчас торчит пушечное ядро — послание от осаждавшего Мальброк польско-литовского войска. Оно попало в окно во время заседания военного совета и просвистело через комнату, едва не сбив единственную колонну, поддерживающую свод. Но никого из присутствующих ядро не задело...

Особой гордостью средневековых «инженеров» была система отопления. В огромных каменных помещениях крепостей мало домашнего уюта, промозглые и сырые комнаты нагреть сложно. А в этом замке не только полы, но и потолки были «с подогревом». Гигантские печи, устроенные в подвале, разветвлялись сетью дымоходов. Эта «теплоносная система» пролегла везде — под полом, в стенах, над потолком... Чтобы в нее не попал угарный газ, были сооружены специальные заслонки. Мощные валуны в девяти печах, нагреваясь, аккумулировали тепло. Всю зиму температура воздуха в помещениях замка была постоянной — может быть, этому мы отчасти обязаны тем, что он прекрасно сохранился? В келье магистра выходы отопления находились прямо под кроватью. А вот в соседней комнате атмосфера была куда более бодрящей. Гораздо большая по размеру, она была снабжена таким же числом отопительных отверстий. Секрет прост — помещение предназначалось для охраны, и рыцари должны были постоянно бодрствовать, поддерживая огонь в камине, чтобы не замерзнуть... Сон на посту отменялся еще и потому, что в караульных помещениях напрочь отсутствовали какие бы то ни было сидения. Та к что проклинать магистра за подобные условия труда стражники могли только стоя. Но делать это было опасно — в стене начальственной кельи были сделаны незаметные отверстия, чтобы глава Ордена мог беспрепятственно слышать разговоры подчинённых. Была в его келье и крошечная потайная дверь — не больше, чем та, что скрывалась за нарисованным очагом в коморке Папы Карло. Магистр мог, сделав вид, что заперся для молитвы, неожиданно обнаружиться совсем в другом месте...

Мальброк (или Мариенбург, как называли его тевтонцы) возвышается на правом берегу реки Ногат, на высоком холме. Рядом — река, вокруг — топкие болота, через которые трудно пробраться неприятелю. Самая большая кирпичная крепость в мире, оккупировавшая двадцать с лишним гектаров, непоколебимо стоит уже семь столетий. Вначале четырехсторонний замок был предназначен для заседаний конвента. С северной стороны к нему прилежала укрепленная территория — предзамок. В центре двора высился донжон. Именно в нем с 1280 года стал жить орденский магистр. Тогда крепость ничем не отличалась от прочих пограничных укреплений Пруссии. Но символическое название — замок Марии — по определению не могло не придать ему особенную значимость в судьбе Ордена, который назывался Орденом Святой Марии в Иерусалиме...

В 1309 году под железной пятой рыцарей пало Гданьское Поморье. Тогда же столица Ордена была перенесена в Мальборк. Она начала стремительно расти, и вскоре грандиозный оборонительный ансамбль состоял уже из трёх частей. Массивная громада, в которой располагался конвент, — Верхний Замок. Все четыре его крыла были перестроены. В старейшем, северном, увеличили крепостную капеллу — теперь к ней примыкала многосторонняя пресвитерия. Расширился и Зал конвента. Его стены были расписаны в изумрудных тонах. Зелёная краска в те времена изготавливалась из очень редких морских моллюсков и была фантастически дорогой — подобную роспись стен мог позволить себе только очень богатый и могущественный Орден. Кстати, во время заседаний монахи, сидящие в молельне, расположенной по соседству, должны были громко петь псалмы. С одной стороны, благодаря их благочестивому пению святые способствовали принятию правильных решений, а с другой — никто в соседних комнатах не мог подслушать, о чём идет речь на совете...

Поистине роскошно было убранство костела. Изящные скульптурные изображения, великолепная настенная роспись — все говорило о том, что ты вступаешь под стрельчатые своды главного орденского храма. Подле костёла была выстроена высокая колокольная башня. На звоннице оборудовали наблюдательный пункт. Там, где прежде был предзамок, — вырос Средний Замок с Дворцом Великих магистров. Сам же предзамок переехал ниже, на речной откос — теперь его называют Нижним Замком. Крепость могла выдержать самый грозный натиск. Несколько колец каменных стен окружали ее. Ворота и переходы были укреплены по последнему слову оборонительной техники тех лет. Была здесь и тюрьма. Казематы для простолюдинов находились под землей. Для знатных заключённых была оборудована отдельная камера. Ходили слухи, что убежать из нее невозможно. Но однажды произошел случай, о котором долго вспоминали. Захваченному в плен великому князю литовскому Кейстуту приносил пищу тюремщик по имени Адольфо. Он и сам был родом из Литвы — когда-то его ребенком взяли в плен, дали латинское имя. Работал он добросовестно, и о его происхождении все постепенно забыли. Менялись магистры, но Адольфо исправно продолжал обслуживать заключенных. И как-то раз, когда в замке шло пиршество, он помог Кейстуту бежать. Стоит ли говорить о том, сколь жестоко расправились с ним грозные обитатели Мальброка...

Замок был не только грозен, но и красив. Его башни и башенки, зубцы и бойницы, шпили и подвесные мосты наполнены особым рыцарским гламуром. Особенно великолепен он в солнечный день, когда изящный силуэт полыхает всеми оттенками красного на фоне голубого неба... По крепостным стенам сейчас бегают белки. А можно спуститься в ров и побродить среди могильных плит, обломков статуй и барельефов. Здесь мрачновато и тянет думать о вечном. Возможно, именно такие мысли посещали когда-то и братьев-рыцарей. Прекрасное место для подобных дум — стоящая особняком башня Гданиско. Когда-то она служила туалетом. В каменном полу был проделан ряд дырок, а воды канала,

протекавшего под башней, уносили нечистоты. Современные исследователи обнаружили механизм, с помощью которого из соседнего с кабинками помещения открывался люк в полу. Стоило неуголному зайти сюда по нужде — механизм приводился в действие, и несчастный падал в бурный поток...

По уставу замка, башня Гданиско была еще и последним рубежом обороны. Узкая и длинная галерея, ведущая к ней, при необходимости уничтожалась. Приставить осадные лестницы из канала было невозможно. А вот зачерпнуть ведром на веревке проточную воду для питья — вполне. Та к осаждённые могли бы продержаться несколько дней до подхода помощи — даже если бы весь замок был взят. Проверить, так ли это, тевтонцам не удалось — при них все осады заканчивались ещё под стенами крепости. Впервые она покорила шведам уже в XVII веке, когда появилась новая осадная артиллерия. А весной 1945 года наши войска смогли выбить из него немцев только после того, как «катюши» сравняли с землей половину крепостных укреплений...

Было в Мальброке и еще одно неприступное место — сокровищница. Дверь на втором этаже, ведущую в нее, можно было открыть только одновременным поворотом трёх ключей. Один хранился у магистра, второй — у казначея и последний — у маршала Ордена. Те м не менее, известен случай, когда на городском рынке появились монеты из серии, отчеканенной специально для орденской казны. Вскоре был обнаружен лаз, проделанный в сокровищницу, из кухни, расположенной на первом этаже. Чье мясо бурлило в тот день в котлах на огне — доподлинно неизвестно. Но только поваров-казнокрадов с той поры больше никто не видел...

Да, поистине причудливы были нравы обитателей Мальброка!.. Говорят, в 90-х годах XIV века здесь был даже дом терпимости — во всяком случае, сведения о побочных детях Великих магистров история сохранила. Целомудренные идеалы основателей Ордена действительно были для рыцарей тех лет скорее идеалами, нежели нормой. Уже не монахи, а профессиональные воины, каждый из которых, помимо личного вооружения и доспехов, владел и предметами роскоши. Да и само рыцарское снаряжение отделялось весьма богато. Многие запреты были отринуты. В начале XV века специальная церковная комиссия констатировала: братья пренебрегают постами, отказываются в мороз посещать заутреню без меховой одежды, развлекаются охотой и турнирами... Поведение, совершенно не достойное слугителей Господа, коими они по статусу являются!

Разумеется, ритуал приема в Орден остался неизменным — все то же бесчисленное количество «да» и «нет», монашеские обеты. Но образ жизни вновь обращенных братьев был далек от предписаний устава. Видимо, поэтому от молодых дворян (вот уж аскеты из аскетов!) не было отбоя. Пришлось даже ужесточить требования к кандидатам — теперь для вступления в Орден требовали доказательств немецкого и дворянского происхождения до четвертого колена — как по линии отца, так и по линии матери. Неплохо было заручиться и рекомендациями уважаемых членов Ордена или влиятельных князей. Что ж, такой ажиотаж не удивителен, ведь отпрыскам знатных германских родов плащ крестоносца обеспечивал неплохую карьеру...

Впрочем, достаточно нам морально разлагаться за стенами замка. Те м более что, покончив с непокорными пруссами, Орден вовсе не собирался вкладывать мечи в ножны. Новым объектом для нападений стала Польша. В те годы, когда столица тевтонцев торжественно переезжала в Мальброк, было захвачено Восточное Поморье с Данцигом, вскоре — Добжинские земли и Куявия. В 1328-м Ливонский орден передал братьям по вере Мемель и его окрестности. Вскоре судьба Польши постигла и Литву. Литовско-Русское государство в те годы занимало огромную территорию с выходом к Балтийскому

морю. В ее состав входили Полоцк, Елец, Великие Луки, Смоленск, Ржев — лакомый кусочек для алчных тевтонцев!

Новая кампания, как и прусская, шла с переменным успехом. Литовцы отчаянно оборонялись, а нередко совершали и ответные вылазки против ненавистного врага. В конце января 1348-го войско Ордена (то ли восемьсот человек, то ли сорок тысяч) вторглось в Аукштайтию и разграбило её. Когда крестоносцы возвращались с добычей, на них напали литовцы. Но вскоре, подобно ливонцам на Чудском озере, они уже бежали по скованной льдом реке Стрева... Еще одно крупное сражение произошло в Самбии, когда 17 февраля 1370 года литовцы заняли крепость Рудау. На следующий день к ее стенам подошло войско Тевтонского ордена под командованием знаменитого гроссмейстера Винриха фон Книпрوده. Кровью окрасилась земля вокруг замка, несколько тысяч леттов полегло в той битве — и с ними самогиты, русские и татары... Боевой штандарт великого литовского князя Олгерда стал трофеем крестоносцев.

Более всего на свете Олгерд любил литовскую землю. А еще своего сына — Владислава Ягайло, рожденного от тверской княжны Ульяны Александровны. Умирая, он взял со своего брата жмудского князя Кейстута слово: великокняжеский престол достанется только Ягайло. У Кейстута было шесть сыновей. Среди них — тот самый Витаутас, чей призрак являлся по ночам сторожу Тракайского замка. Отец мечтал о том, что именно он станет великим литовским князем. Но — не решился нарушить слова, данного брату в присутствии литовских панов и русских бояр. Он своими руками надел на голову Ягайло великокняжескую шапку и набросил на его плечи горностаевую мантию... Несколько лет спустя Ягайло сполна отблагодарит своего дядю, захватив его в плен вместе с женой Бирутой и сыном Витаутасом. В Кревском замке Кейстут то ли сам наложит на себя руки в припадке отчаяния, то ли будет задушен по приказу племянника... Рассказывали, что Ягайло приказал утопить и Бируту — лишь Витаутасу удалось спастись. Он бежал к Великому магистру Тевтонского ордена, чтобы не на жизнь, а на смерть начать борьбу с проклятым братом. Орден в этой борьбе будет поддерживать то одного, то другого, но более всего — себя, и вскоре под его «опекой» окажутся Жемайтийские земли...

А честолюбивый Ягайло обратит свой взор к западу. Без тени сомнения примет он крещение. И 18 февраля 1386 года новоиспеченный католик, король Владислав II вступит в законный брак с польской королевой Ядвигой I. Отныне Польша и Литва — единое государство. Правда, вопрос о том, был ли Ягайло польским королем — или только венценосным супругом — обсуждался учеными еще в XIX веке. Но факт остается фактом — двести лет на польском троне восседали представители династии Ягеллонов...

Обретя истинную веру, Ягайло взялся за массовое крещение соотечественников. Одновременно он помирился со своим многострадальным кузеном, и Витаутас, наконец, сел на княжеский престол. Казалось бы, после крещения Литвы у Ордена больше нет повода для агрессии. И 12 октября 1398 года великий князь Витаутас и гроссмейстер Конрад фон Юнгинген на острове Салине, что в устье Невежиса, заключили перемирие. В обмен на поддержку великий князь отдавал тевтонцам Жемайтию и половину Судувы. Увы, в те времена добрая ссора была лучше худого мира. В 1401-м восставшие жемайтийцы выгнали со своих земель немецких рыцарей. Снова взялись за мечи братья-рыцари, снова полетел по литовским селениях «красный петух»... Войну остановило лишь вмешательство Святого Престола — в 1403-м Папа римский Бонифаций IX запретил Ордену воевать с Литвой.

А год спустя польский король Ягайло, литовский князь Витаутас и немецкий гроссмейстер Конрад фон Юнгинген заключили новый мирный договор, по которому

Орден отказывался от всех претензий на литовские земли. Единственной областью, которой управлял вместе с Литвой и Польшей, была Жемайтия.

«Призрак» христианства больше не бродил по Европе. Он основательно поселился в ней, обрастая плотью и кровью. Само существование Тевтонского ордена, казалось, теряло смысл — ведь обращать в веру Христову было больше некого. Конечно, Орден был еще силен — у него оставалась Пруссия, на территории которой проживало больше двух миллионов человек. Но рядом была куда более могущественная Польша — и это не давало Великим магистрам покоя. Необходимо было искать союзника — и вскоре таковой был найден. Им стал венгерский король Сигизмунд Люксембургский. В 1392 году между ним и Тевтонским орденом был заключен договор о совместном ведении войны против Польши и Великого княжества Литовского. Предполагалось, что после победы — а в ней «псы-рыцари» ни на минуту не сомневались — Орден получит Жемайтию, Белую и Литовскую Русь, Полесье, Мазовецкое княжество, псковские и новгородские земли. Сигизмунд обрел южную Польшу, Волынь и Подолье.

Говорят, хочешь мира — готовься к войне. Похоже, воинственные тевтонцы никогда не искали мира, втягивая в огненную круговерть вооруженных конфликтов всех, кто вольно или невольно оказывался на их пути...

А тут еще в 1409-м восстали жемайтийцы. По приказу Витаутаса напали они на рыцарские земли, жестоко расправляясь с крестоносцами. Тевтонские послы, как сообщает хроника, тотчас обратились к Ягайле: «Отчего, мол, твой литовский брат отнял у нас землю жемайтийскую, хотя открытой грамотой сам записал ее в вечный дар Ордену? А наместников перебил или захватил в плен с позором и срамом?..»

Поляки лишь усмехнулись: «Перестань, магистр, страшить нас, что пойдешь войной на Литву, так как, если ты решишь это сделать, то не сомневайся, что лишь только ты нападешь на Литву, наш король вторгнется в Пруссию».

Арбитром в споре Польши и Ордена взялся выступить чешский король Вацлав. Его решение должно было быть оглашено в Праге 9 февраля 1410 года. Ни Ягайло, ни Витаутас не сомневались, что оно окажется в пользу Ордена. Пороховая бочка на северо-востоке Европы готова была вспыхнуть в любой момент...

... Каждый вечер с наступлением темноты возле замка в Мальборке начинается представление, посвященное душевным терзаниям рыцаря Конрада фон Валленрода. Актеров нет — только вспышки и звуки. Голоса теряются в громе разрывов. Их гром нарастает, готовый поглотить все живое, потопить в крови, растоптать, не зная пощады...

«Силен и славен» был могущественный клан Валленродов! Сколько существовал Орден — столько и воевали его представители на прибалтийских землях. Но не из этого рода происходил Конрад — хотя и пытался всю жизнь это доказать. Кёнигсбергская хроника указывает: «Он был сыном церковного служителя». Увы, хроники того времени, часто отрывочные, неизбежно должны быть дополнены домыслами — разумеется, такими, которые не будут противоречить исторической правде...

Доподлинно известно, что долгое время Конрад был советником Великих магистров. Говорят, получив приглашение на свадьбу Ягайло с принцессой Ядвигой, он пришел в неопишемую ярость: спустился в подземелье Мариенбурга и собственноручно перебил несколько десятков пленных литовцев... Любые преступления блекли перед жестокостью Валленрода. Однажды, разбив ополчение маленького городка Вентспилс, он на коне,

закованном в броню, ворвался в толпу безоружных жителей. А устав избивать беззащитных, приказал женщин предать поруганию, а затем повесить рядом с детьми и стариками...

В 1390-м Валленрод сам был избран Великим магистром. Первым же распоряжением он покарал одного епископа, который не раз возмущался зверствами его людей. Отдав приказ отрубить правые руки всем епископским крестьянам, он первым приступил к его исполнению. Его жертвами стали личные слуги святого отца...

Вскоре до гротмейстера-палача дошел слух о том, что Ягайло признал за Витаутасом право владеть Литвой. О, с каким наслаждением повелел он расправиться с оставшимися в Мальброке женой и сыновьями нового князя! Дикие оргии творили его рыцари: мужчин предавали мучительным казням, женщин насиловали, а после сжигали заживо. Сам Папа римский высказал своё возмущение подобной жестокостью. Неизвестно, сколько человек пало бы еще от безжалостной руки — но, к счастью для литовцев, в 1394 году Валленрода настигла внезапная кончина. Обстоятельства его смерти столь же туманны, сколь и история его рождения. Считается, что в одной из стычек он был ранен ржавым серпом и вскоре скончался от заражения крови. Как повествует хроника, «он умер в помешательстве, без последнего миропомазания, без пасторского благословения». Посетила ли его в последний час Святая Варвара — остается только гадать. А вот этот факт известен совершенно точно. Перед смертью по приказу магистра его брат Генрих фон Валленрод перебил всех томившихся в подземелье Мальброка литовцев. Сделать это лично ему не достало сил...

Пройдет совсем немного времени — и Генрих фон Валленрод сложит голову в роковой для тевтонцев Грюнвальдской битве. Что ж — от Мальброка всего полчаса езды до Грюнвальда.

«Не дай бог, чтобы я оставил это поле!..»

В ночь на 15 июля грянула буря. К утру ветер стих, но моросящий дождь продолжал идти. Ягайло стоял на холме. Где-то за спиной дотлевали вражеские селения. Впереди, в мокро посверкивающей летней зелени роще, пряталось его войско. Серое небо, стесненное тучами, отражалось в водах озера Любен... Здесь, на высоком холме над озером, он повелел раскинуть шатер часовни. Только что закончилось утреннее богослужение. Он еще раз вознес молитву за успешный исход сражения с ненавистным врагом. Что ж — откладывать начало битвы более не имело смысла...

«...Между тем, когда король уже хотел надеть шлем на голову и ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов... Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей во избежание оскорблений. Магистр Пруссии Ульрих послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще дерзостные поручения... Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату два меча как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дальше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоих отрядов, то магистр Пруссии Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, на сколько ты хочешь, от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы...»

Владислав Ягайло, молча выслушав столь заносчивую речь, принял мечи из рук герольдов... И съехал вниз. Тысяча шляхтичей ожидала его, чтобы перед битвой пройти обряд посвящения... Обет давали один — победить или умереть. Прозвучал короткий приказ войску привязать к правой и левой руке по пучку соломы.

Знаете ли вы про Варфоломеевскую ночь? Ну, разумеется, знаете. И наверняка помните о том, что в Париже, в 1572-м, чтобы отличаться от французов-протестантов, французы-католики будут привязывать к шляпам клочки сена — подобно тому, как делали это на грюнвальдском поле польские рыцари. На средневековых картах нет чёткой границы между орденскими землями и соседними Польшей и Литвой. Тевтонские и польские замки расположены вперемешку. Та к и на поле брани — различить своих и чужих было невозможно. Среди захваченных орденских знамен немецкие составят абсолютное меньшинство — остальные окажутся бело-красными, польскими. Славянская речь звучала на поле боя с обеих сторон. Во времена, когда у пушек дальность стрельбы не превышала четырехсот метров, а основным видом оружия были мечи и копья, противники прекрасно слышали друг друга. Потому-то и требовались дополнительные знаки различия.

Те м временем небо прояснилось. Зазвучали трубы, воинский хор стройно задтянул старую боевую песню. Крестоносцы дали залп из бомбард, но каменные ядра, перелетев через ряды поляков, не причинили им вреда. Начинаясь бой...

...Еще полгода назад, в декабре, Витаутас и Ягайло встретились в Бресте. Прежние обиды были окончательно забыты — голос крови и общие политические интересы взяли верх. План летнего похода на крестоносцев обсудили в деталях. На совет был приглашен и хан Джелаледдин, сын Тохтамыша, которому подчинялось немалое золотоордынское войско. За участие его конницы в битве Витаутас обещал после войны помочь хану вернуть отцовский престол, захваченный одноглазым Тимуром.

И вот в последних числах мая в Гродно стали стягиваться литовские полки. Отсюда тронутся они к истокам Нарева, чтобы, пройдя сквозь мазовецкие земли, встретиться на Висле с польскими отрядами. Каждый город, каждая деревня снарядили воинов на смертный бой.

Великое княжество Литовское выставило сорок хоругвей: воинских соединений, над каждым из которых развевалось собственное знамя. Их численность была разной — от шестидесяти до шестисот копий. Копье — боевая единица из трех воинов: рыцарь, оруженосец и лучник. Случалось боярам победнее сражаться и в одиночку — но всякий стремился окружить себя верными людьми, поскольку именно от них зависела безопасность в бою...

С Витаутасом пришла и отчаянная конница хана Джелаладдина. Татарские предания гласят, что было в ней сорок тысяч всадников. Мнения исследователей расходятся: одни считают, что в походе участвовало около тридцати тысяч татар, другие — что не более пятнадцати. Третьи и вовсе называют цифру в одну-две тысячи. Опираясь на косвенные свидетельства, будем считать, что все же их было не менее пяти. Понятно, что смуглоликий хан жаждал победы. Но о его возвращении на трон Золотой Орды почти столь же сильно мечтал и Витаутас. Мирные границы с татарской империей, в случае прихода туда Джелаладдина, превращали Великое княжество в сильнейшую державу. Только для этого вначале необходимо было разгромить Орден. И Витаутас кинул в битву

все свои полки: двадцать тысяч конных, несколько тысяч пеших, тысячи три обозных и коноводов. В литовском войске было и тридцать шесть русских хоругвей.

Примерно такое же войско привел его брат Ягайло.

Кроме поляков, литовцев, русских и татар в состав союзного войска входили жемайтійцы, армяне, волохи и наемники из чехов, моравов, венгров. Отрядом чехов командовал Ян Жижка — позже он станет в своей стране национальным героем. Разноплеменная армия, вооружение и выучка которой по все статьям проигрывали громящему совершенству тевтонцев. Их войско, несомненно, было одним из сильнейших в Европе. Точная численность самих членов Ордена на грюнвальдском поле, к сожалению, неизвестна. Обычно говорят о восьмистах братьях-рыцарях и шести с половиной тысячах кнехтов. Их поддерживали ополченцы — поляки и пруссы, проживавшие на захваченных землях. Удивительно, но во время сражения последние бились со своими братьями по крови не на жизнь, а на смерть. И не удивительно — многим знатым пруссам было за что благодарить своих немецких покровителей. Еще Петр из Дусбурга писал об этом так: «Кто бы(из пруссов) ни обратился к вере Христа, оставив идолопоклонство, братья милостиво обращаются с ним, и вот как. Если он происходит из рода нобилей, то ему даются земли в свободное владение и в таком количестве, что он может жить приличествующе положению своему...» Именно представители прусских «вольных» обязаны были служить Ордену — и, надо сказать, делали это с честью.

Кроме светских дворян, воинскую повинность в Ордене несли четыре прусские епископства. Со школьной скамьи памятная скороговорка — «Вассал моего вассала — не мой вассал» — именно здесь превращалась в руководство к действию. Те, кто проживал на землях епископов, не считались орденскими вассалами. В случае войны каждый из них должен был двинуть в бой собственную хоругвь. Та же почетная обязанность была возложена и на каждый прусский город. Начальная военная подготовка была едва ли не любимейшим занятием бюргеров. Все представители сильного пола, способные носить оружие, стремились попасть в так называемые стрелковые сообщества — что-то вроде элитных клубов боевых искусств. Феерические праздники, которые они проводили, напоминали турнир лучников из мультфильма о Робин Гуде. Судя по всему, не прочь они были при случае подраться и «по-серьезке». Во главе таких отрядов стояли ратманы — чиновники городской администрации.

Плечом к плечу с ними сражались наемники — те, кто профессионально ставил против звонкой монеты собственную жизнь. Они готовы были воевать столь долго, сколько им платили. На каких полях обнажать клинки — им было, по большому счету, все равно. Сколько окажется в армии нанятых воинов — зависело исключительно от состояния кошелька сюзерена.

У Тевтонского ордена проблем с деньгами не было. Собственно, это и спасет Орден после грюнвальдского разгрома — крестоносцам не составит труда увеличить плату своим наемникам, дабы они не разбежались. А вскоре наемные отряды и вообще потеснят привычные рыцарские войска. Увы, в Тринадцатилетней войне с Польшей (1454–1466) это сыграет с тевтонцами злую шутку — наемные гарнизоны с легкостью сдавали крепости врагу...

Впрочем, на грюнвальдском поле германские и чешские конные арбалетчики покажут себя вполне достойно. Как и «корабельные парни» — балтийские корсары. Балующая в северных морях, захватывая острова и корабельные конвои, она замахнулась было и на орденские земли, проникнув по рекам в сердце Ливонского ордена и напав на Дерпт...

Тевтонцам удалось пресечь амбициозные планы пиратов — и получить в их лице сотни отменных воинов. Кстати, численность наемников известна нам доподлинно — братья вели образцовые бухгалтерские книги. В начале лета 1410-го в рядах немецкой армии числилось 3712 наемников. Всего в бою при Грюнвальде над войском крестоносцев развевалась пятьдесят одна хоругвь.

...Грюнвальд, Танненберг, Жальгирис... В общем — Зеленый Лес, в котором так замечательно удалось укрыться союзным войскам. До сих пор не утихают споры о том, почему многоопытные в военных науках тевтонцы решили дать бой на собственной территории. Ударь они по войскам Польши и Великого княжества еще на Висле — и наверняка победа была бы за ними.

Но Орден позволил противнику пересечь границу. Принимая это решение, Великий магистр еще не знал, пойдут ли Ягайло и Витаутас общим фронтом. Вполне возможно, он рассчитывал истребить их по одному. А когда осознал, сколь велика опасность, оказалось, что неприятель уже движется к бродам на Дрвенце. За ними был прямой путь в глубь орденских земель... Ульрик фон Юнгинген решил, что решающее сражение будет здесь, — и опять промахнулся. Броды, ошетинившись частоколами и арбалетами, ждали врага — а враг, хорошо понимая, что поражение в этом месте неминуемо, просто свернул, решив обойти Дрвенцу у истоков...

Неслыханная дерзость! Надо во что бы то ни стало остановить «братьев-разбойников» — теперь это дело чести. Путь, по которому двигались польско-литовские войска, должен пройти через деревню Грюнвальд. Здесь и будет бой — тот самый, «последний и решительный»...

Немцы оказались в этих местах на день раньше. Их обоз расположился подле селения, а отряды заняли боевые позиции между соседними Танненбергом и Людвиково. Поле, которому суждено обогреться кровью одной из величайших битв в истории средневековья, лежало к югу. Обычная равнина с грядами невысоких холмов да узкими оврагами... На рассвете за лощиной показался враг. Поляки зашли с левой стороны озера, литовцы — с правой. Несколько дней тому назад король Владислав Ягайло произвел смотр войск — и остался доволен. Сразу после смотра был взят и первый немецкий замок Лаутенбург. На следующий день его судьбу разделил Гильбенбург. Разграбив город, войско союзников двинулось дальше к озеру Любен... Зындрам, командовавший поляками, выслал несколько разъездов в сторону деревни. Выбравшись на опушку, разведчики замерли: всего в полуверсте стояли закованные в железо немецкие рыцари.

Крестоносцы тоже видели противника. Вопреки всем законам, он расположился в лесу и как будто не собирался покидать укрытия. Ульрих срочно собрал совет. И вот уже Владислав Ягайло принимает из рук гарольдов два меча. Начинается боевое перестроение войск...

Поляки и литовцы вытянулись на два километра, тремя линиями. Правый фланг — русские, литовцы и татары. Левый — поляки. Рядом с новогрудцами стала волянь, а за ней — волковысцы. Они прямо-таки рвались в бой, памятуя о том, как треклятые немцы напали на их город в Вербное воскресенье... Крестоносцы тоже вначале построились в три линии. Но после, дабы удлинить свой фронт, встали в две. Впереди, под прикрытием арбалетчиков — окованные железом бомбарды. На правом фланге находилось двадцать хоругвей под командованием Лихтенштейна, на левом — пятнадцать знамен Валленрода (того самого, что без жалости истребил пленных литовцев в подвалах Мальброка). В резерве — отряды самого Ульриха фон Юнгингена.

Пара мгновений — затишье перед бурей. Спустя несколько часов братья-рыцари будут торжествовать победу. В клочья разорвать разнудавшегося врага, могучим «девятым валом» прокатиться по полю битвы, сметая все на своем пути... Первыми дрогнули татары.

Их сабли без смысла чиркали о доспехи, стрелы отскакивали, не причиняя вреда. А от длинных рыцарских мечей не было спасенья... «Поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль... Было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда копья были переломаны, доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями...»

В бой пошли вторая и третья линии литовско-русского войска — на помощь отступавшим татарам. Но и они были смяты железной волною. Только три смоленских полка Юрия Мстиславского оставались на поле боя, но их теснили шесть хоругвей Валленрода... Целый полк poleg на сырую землю, а два других с яростью пробились к правому флангу поляков и прикрыли его.

«... Сойдясь друг с другом, оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом. И так как ни то, ни другое войско не поддавалось назад, с сильнейшим упорством добиваясь победы, то нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье или кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка, обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско. Войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение; и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску... Когда крестоносцы стали теснить, литовское войско вынуждено было снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство.

Великий князь Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстояние многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены...

Александр же Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги...

Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают.

После того, как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польскими и прусскими войсками. Между тем, как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом... под вражеским натиском рушится на землю...»

Вот она, победа! И рыцари, прорвавшиеся к вражескому обозу, ринулись за добычей. Но тут непролазным частоколом выросли впереди тысячи пеших ратников, с цепями, кистенями, рогатинами. Такого боя крестоносцы еще не видели. Их били, как зверей — наотмашь валя шипастыми шарами лошадей, дробя закаленные огнем доспехи... Вот уже и знамя вражье поднято и водружено на место...» Польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен».

Пленных рыцарей сотнями сгоняли к польской и литовской стоянкам — за них можно было испросить неплохой выкуп. Всю ночь возвращались преследовавшие беглецов полки. А на рассвете, когда хоругви построились, увидели, сколь многих не хватает в рядах... Цифры неумолимы — пятая часть тех, кто ступил на грюнвальдское поле, остался на нем навсегда. А Орден, который еще утром был одним из самых могущественных государств Европы, к вечеру превратился в очередного колосса на глиняных ногах...

Поляки и литовцы предали земле убитых — и двинулись к Мальборку. Сколь стремительно шли к Грюнвальду — столь медленно передвигались теперь. Сто километров преодолевали более недели. Это позволило крестоносцам наладить защиту своей столицы. Через полтора месяца бесплодной изнурительной осады войска Витаутаса первыми отправились зимовать на родину. А вслед за ними сняли блокаду и поляки.

...Рассказывают, что, когда поражение стало неминуемо, приближенные Ульриха фон Юнгингена предлагали ему бежать. Он остался непреклонен: «Не дай Бог, чтобы я оставил это поле, на котором погибло столько мужей, — не дай Бог». Конечно, он не мог не видеть, что битва проиграна. И все-таки — это казалось невозможным. Невозможно, чтобы его отборные рыцари, которые рубились, как никогда прежде, были бессильны под вражьем напором... Один за другим, как подкошенные, падали они; казалось, земля уже хлюпает кровью под копытами тяжелых коней. Он и сам всюду орудовал мечом, ожидая, что еще мгновение — и все повернется вспять: это его воины погонят ненавистных поляков, их черной кровью смывая свой нечаянный позор... И вдруг все стихло. Сверкнуло что-то — то ли шишак золоченого шлема, то ли срез боевого топора — и душа Великого магистра навек соединилась с теми, кто столетия до него воевал за Гроб Господень в выжженных зноем пустынях Палестины...

В орденских хрониках записано: Великий магистр Ульрик фон Юнгинген погиб от руки татарского хана Багардина. Ирония судьбы — его убийцей стал язычник. Впрочем, так ли важно, чья рука сжимала разящую сталь? На известной картине «Грюнвальдская битва» Яна Матейко не видно, раскосы ли глаза человека, наносящего Великому магистру смертельный удар. Он просто одет в красное — средневековую униформу палача.

15 июля 1410 года приговор Ордену был приведен в исполнение.

После Грюнвальда

Приговор был окончательным — Орден медленно, но верно превращался в вассала польской короны.

Первое, что проделал коварный Ягайло, после того как летние ливни смыли кровь с грюнвальдского поля, — отказался освободить пленных. Выкуп, который он требовал, — пятьдесят тысяч флоринов — не предвещал Ордену ничего хорошего. Как, впрочем, и мирный договор, заключенный 27 сентября 1422 года около озера Мельн в лагере литовских и польских войск. Карта северо-востока Европы была основательно перекроена: Орден окончательно отказался от Занеманья, Жемайтии, Нешавских земель и Поморья. В его владении оставались лишь земли по правому берегу Немана, Мемельский край, Кульмская и Михалавская земли. Огромное государство съезжилось, как путник на холодном балтийском ветру. Похоже, удача окончательно отвернулась от тевтонцев — многочисленные военные стычки с Литвой, Польшей и Чехией оканчивались не в пользу рыцарей, налоги в стране росли, а вместе с ними — и недовольство орденской властью. В 1440 году светские рыцари и горожане, объединившись в так называемый Прусский союз, подняли народ на восстание. Долой тиранов! Отныне все прусские земли будут находиться под покровительством польского короля Казимира. За несколько недель восставшие овладели важнейшими городами и замками Пруссии и Поморья. Казалось, Орден вот-вот рассыплется в прах — однако война затянулась надолго. Только через тринадцать лет негибимые тевтонцы признали свое поражение. Торуньский мир, заключенный 19 октября 1466 года, отобрал у них Померанию, Кульмскую землю, Эльбинг, Вармию. За Орденom сохранилось приблизительно шестьдесят городов и крепостей, но сердце немецкого рыцарства — Мариенбург — перестало биться. Гроссмейстер Генрих фон Рихтенберг перебрался в Кенигсберг. Здесь, в новой столице, он окончательно признает власть польского короля.

А вскоре на историческую арену выйдет знаменитый еретик Мартин Лютер с его «бесом» «Тевтонской ярости», о которой позже так пронзительно напишет Дмитрий Мережковский. «...Вся европейская цивилизация едва не сделалась в первой Великой Войне, и если суждено быть Второй, то, вероятно, сделается жертвой этой, свойственной германскому племени, разрушительной силы. Лютер, как все великие люди, народен и всемирен, а в добре и во зле только народен, или, как мы говорим недобрым словом о недобром деле, — „национален“. И в этом величайшем зле своем — „Тевтонской ярости“ — он чистейший тевтонец-германец...

Это зло для него тем опаснее, что он считал его добром. „Лучше всего я говорю и пишу во гневе... Чтобы хорошо писать, молиться, проповедовать, мне надо рассердиться“... „Я, Мартин Лютер, буду сражаться молитвами, а также, если нужно, кулаками“... Правило опасное: от Лютера к Гитлеру — от молитвы к кулаку».

Впрочем, до Гитлера было еще далеко. А Лютер для начала призвал рыцарей презреть вековые обеты. Первым внимет его призыву епископ Самбии, занимавший пост главного канцлера Пруссии. Проповедь, произнесенная им на Рождество 1523 года, станет для рыцарей Рубиконом, на другом берегу которого начиналась совсем иная жизнь. В эту реку не замедлит ступить гроссмейстер Альбрехт фон Гогенцоллерн. Принятие им лютеранства и последующая женитьба станут жирной точкой в истории орденского государства. В 1525-м он въедет в Краков в белом плаще с черным орденским крестом — и несколько дней спустя подпишет с Польшей мир уже не как гроссмейстер Тевтонского ордена, а как герцог Пруссии.

А 10 апреля на старом рынке Кракова коленапреклоненный Альбрехт поклянется в верности королю Польши Сигизмунду Старому. Отрубленная голова в рогатом рыцарском шлеме навсегда опустится на дно Тракайского озера...

...Фамилия Гогенцоллерн (по-немецки Hohen-zollern) похоже на словосочетание «Высокая гора Цоллерн». Найти эту гору в Германии проще простого. Надо выехать из Штутгарта в юго-западном направлении — и через полсотни километров вы окажетесь в городке Хехингер. Здесь всякий укажет вам гору, на которой около 1000 года кто-то из фон Цоллернов, ровесников киевского князя Владимира Красно Солнышко, поставил фамильный замок.

Альбрехт фон Гогенцоллерн, выходец из этого знатного рода, был до мозга костей человеком светским. При нем в прусском герцогстве забурлила свежая кровь. Десятками тысяч въезжали в него переселенцы — в основном протестанты из Франции и Голландии. Альбрехт наделял их землями и деньгами. Он вообще не чурался меценатства. Архитекторы, скульпторы, поэты, мастера янтарных дел, приглашенные ко двору, были весьма довольны щедрой оплатой своего таланта. По приказанию герцога художники один за другим отправлялись в Европу — портреты августейших особ составили в его дворце целую галерею.

Маршировать на плацу было больше не в моде. В моде было учиться. В 1544 году герцогом была издана грамота, провозглашавшая основание в Кенигсберге университета. Преподавание на трех «высших» факультетах (теологическом, юридическом, медицинском) и одном «низшем» — философии велось на немецком, польском и латыни. В первый год набрали не больше трех сотен студентов — прусская молодежь по традиции предпочла германские учебные заведения. Неутомимый Альбрехт решил раз и навсегда пресечь эту традицию: согласно его указу, выезд на учебу за границу отныне был чреват конфискацией имущества. Ах, этот злополучный «тевтонский бес»! Видимо, по его наущению в главном учебном заведении страны нерадивых преподавателей пороли розгами. Но, несмотря на это, в Кенигсберг стекались лучшие профессора Европы. Здесь были созданы все условия для плодотворной работы. И учителя, и студенты беспрепятственно пользовались личной «Серебряной библиотекой» главы государства, расположенной в его замке. Стоит ли удивляться, что очень скоро кенигсбергский университет стали неофициально называть Альбертиной...

При Альбрехте в Кенигсберг был приглашен проповедник, доктор теологии Андреас Осиандр. Досужие языки поговаривали, что теолог был связан с дьяволом. Иначе чем объяснить, что, будучи сказочно богат, он не оставил после себя ни гроша? Кто-то пустил слух, что в могиле рядом с алтарем одной из церквей Альтштата тело богослова лежит лицом вниз... Прихожане боялись заходить в кирху — и Альбрехт отдал приказ вскрыть гроб. Утверждают, что он оказался пустым, и это окончательно подкосило герцога. Альбрехт умер в 1566 году — в один день со своей женой Анной Марией. Их похоронили все в том же Кафедральном соборе, в котором когда-то был крещен маленький Иммануил Кант...

Ну а что же наш Орден, главой которого продолжал считаться правитель Прусского герцогства? К этому времени порядки в нем существенно изменились. Теперь братья-монахи (а позже появились и сестры-монахини) существовали автономно от рыцарей. Последние более не обязаны были проживать в монастырях. Кроме того, Орден стал трехконфессиональным — лютеранам и кальвинистам были даны равные с католиками права.

Конец XVI века открыл новую австрийскую страницу в истории тевтонцев. В 1589 году сороковой гроссмейстер Генрих фон Бобенхаузен передал право управления делами Ордена своему заместителю эрцгерцогу Австрии Максимилиану. А вместе с этим — 63 тысячи флоринов, сто пятьдесят лошадей, сотню пеших солдат и по несколько рыцарей от каждой области. Жалкие остатки бывшего могущества! Еще более бедственным стало положение Ордена после наполеоновских войн. Единственными его владениями остались те, что размещались на территории Австрии, — одиннадцать командорств да женский монастырь. К этому времени помимо гроссмейстера в Ордене состояло всего четыре рыцаря. Требовалась срочная реанимация, в противном случае Орден вообще грозил исчезнуть с лица земли... И вот декретом от 8 марта 1834 года австрийский император объявил Орден «автономным религиозным и военным институтом» под его личным королевским покровительством. Чтобы вступить в него, необходимо было доказать свое рыцарское происхождение на шестнадцать поколений вглубь! Орден лично распоряжался своими владениями и финансами. Это же право распространялось и на рыцарей — но вот получить подарок стоимостью более чем триста флоринов можно было лишь с разрешения гроссмейстера. Ну как тут не вспомнить обет бедности, который давали когда-то палестинские «медбратья», — тем более что главной миссией Ордена вновь становились забота о больных и эвакуация раненых. К середине XIX века он окончательно превратился в религиозно-лечебную организацию. Плащи и доспехи воспринимались теперь не иначе как дань исторической памяти... Исключение составлял, пожалуй, «Железный крест» — орден, учрежденный в Пруссии в 1813 году. Он и по сей день украшает военную технику бундесвера. Как две капли воды похожий на черные кресты первых тевтонских рыцарей, крест словно вобрал в себя всю их историю. Парадокс — но именно протестантская Пруссия и разрушила древний христианский Орден...

...В веке XX у него появятся совсем другие наследники. В 1908-м Германия разродится таинственной масонской организацией под названием «Германенорден». Новые тевтонцы, в отличие от своих средневековых тезок, будут исповедовать неоязычество и воинствующее антихристианство. Именно в этом новом германском ордене, Великим магистром которого стал в 1932 году Адольф Гитлер, будут разработаны основы национал-социализма, принесшего Европе столько горя и слез...

В числе оккупированных стран окажется и Австрия. И, оттенив пасторальные тирольские пейзажи черными крестами, «рыцари» Третьего Рейха станут жестоко преследовать священников Ордена настоящего — как и тех пруссаков, предки которых когда-то были тевтонскими братьями... «Стоит ли приводить исторические примеры, если они не могут быть примерами для подражания? Между тем, таким примером для подражания, символом вечного смысла является для нас сегодня создание Немецкого ордена и орденского государства в Пруссии. В истории ничто не повторяется, и подражать истории невозможно. Но то, что вот-вот обретет форму в наше время, глубоко сродни тому Немецкому ордену по сути своей и назначению. Солдат и чиновник нынче снова одно. Снова из единения людей рождаются государство и народ. Снова миром правят идеи Ордена: германскому государству необходимо — путем строжайшего отбора и глубочайшего сплочения — создать правящий класс, чтобы, надежно скрепленный кровью и общим делом, он поднялся рядом с вождем и народом до уровня служилой и военной аристократии, пополняясь грядущими поколениями, и был в будущем гарантией жизни и величия народа. Таково политическое требование нашего времени, и ему отвечает лишь один исторический символ — Немецкий орден: офицерский корпус, служащий прусскому государству, руководящий политический класс, общность людей, объединенных одной идеей. С тех пор, как перестало существовать прусское государство, ни одному поколению не был он так близок, как нашему. Наше время, более других, нуждается в осмыслении этого исторического феномена. Вот почему так нужна эта

история — история государства, созданного Орденом, и его Великих магистров», — гласит предисловие к монографии о Тевтонском ордене, изданной в годы нацистского режима. Чем завершился новый «Дранг нах остен» — думаю, никому напоминать не надо.

В наши дни символ Тевтонского ордена — латинский крест в черной эмали на черно-белой ленточке. Его штаб-квартира находится в Вене. Вместо рыцарей в железной броне в Ордене состоят сестры милосердия. На их попечении — больница в Каринтии и частный санаторий в Кельне. «...Мы также желаем, чтобы строго соблюдалось следующее правило: везде, где есть госпиталь, брат, которому Мастер или заместитель Мастера доверил заботу о больных, должен заботиться об их душах равно как о телах и стараться служить им смиренно и преданно...» Та к записали в своем уставе германские паломники, соорудившие на берегу южного моря полевой лазарет из обломков кораблей. Что ж — древний устав продолжает работать.

Под музыку мечей и кастаньет (Ордена испании)

Разумеется, и другие страны Европы были охвачены тотальным вирусом рыцарства. Одним из таких мест была Испания. Очень скоро Пиренейский полуостров перестал быть для тамплиеров и госпитальеров только потенциальным источником доходов и новых солдат. Еще в 1143 году граф барселонский уговорил храмовников принять участие в Реконкисте — а к середине столетия к ним присоединились и госпитальеры. Пример оказался настолько заразительным, что в Испании тут же возникло несколько собственных военно-монашеских Орденов. Их названия звучат как музыка кастаньет — Калатрава, Сантьяго-де-Компостела, Монтегаудио, Алькантара, Санта-Мария-де-Эспанья... Их уставы и структура были созданы по примеру «старших братьев» — но задачи во многом определялись настроениями испанских королей, традиционно покровительствовавших орденам. Как правило, такое покровительство распространялось сразу на несколько военно-монашеских организаций — возможно, именно поэтому ни один испанский Орден не стал чересчур могущественным. Правители искали в них поддержки не только в борьбе с «неверными», но и со своими христианскими монаршими соперниками — но, быстро распространившись по всей территории полуострова, Орден в этих конфликтах, как правило, соблюдал нейтралитет. Им так и не удалось перешагнуть границы Пиренеев. Время от времени выдвигались предложения о возможных действиях испанских рыцарей в Северной Африке, Святой Земле и даже Прибалтике, но этим планам так и не суждено было осуществиться.

Несколько лет назад, путешествуя по Испании, я оказалась в этих местах. Река Тахо напомнила мне роскошную декорацию из средневекового фэнтези. Впрочем, ее и разглядеть-то непросто — каменные скалы отвесно обрываются вниз, образуя глубокое узкое ущелье, из которого поднимается туман. А может, он опускается с неба, осеняя эти затерянные места какой-то особой благодатью... Судя по всему, похожие чувства испытали в 1156 году некие рыцари из Саламанки. Они искали место для строительства крепости, которая защищала бы их от мавров, — и встретили отшельника по имени Амандо. Бывший крестоносец графа Генриха Бургундского, удалившись от мира, построил в этих местах скит. Он предложил рыцарям возвести укрепление именно на этом месте. Командовал ими дон Суэро Фернандес Барьентос вместе со своим братом Гомесом. Их авторитет был столь велик, что очень скоро под началом братьев собралось много замечательных своею храбростью кабальеро. Они-то и вошли в гарнизон новой крепости. По совету того же отшельника, которому, видимо, не давали спать спокойно его прошлые подвиги, они приняли решение учредить военный Орден по образу и подобию госпитальеров и тамплиеров.

Цистерцианский монах Ордоньо разработал устав. Целью нового братства значилась защита христианской веры — и вскоре к воинам присоединились служители церкви. Рыцари постились четырежды в неделю, спали одетыми, хранили молчание в храме и в трапезной. Их одежда состояла из костюма белой шерсти, шерстяной накидки с небольшим капюшоном и плаща черного цвета с багряно-красным крестом. В перерывах между сражениями рыцари проводили время в молитвах.

Через десять лет дон Суэро погиб в сражении с маврами. Именно к этому времени относится первое официальное упоминание об Ордене, носившем тогда имя Сан-Хулиана де Перейро. Его упоминает король Леона и Галисии Фернандо II, передавший братству кое-какие земли. А 29 декабря 1177 года Орден был утвержден папой Александром III. Дону Гомесу Фернандесу Барриентосу было пожаловано звание приора, а чуть позже — магистра.

Его преемником стал некий Бенедикт Суарец, при котором Ордену было передано несколько небольших укреплений на юге леонского королевства. Рыцари исправно несли службу на границах с владениями мавров. Тогда-то они и стали называться Орденом Алькантары — по имени города на берегу Тахо. Подле Алькантары ее пересекает старинный мост, *santaga*. Шесть его каменных арок построены еще во времена римского императора Трояна. Посреди моста — шестидесятиметровая триумфальная арка, на берегу — небольшой храм.

Алькантара долгое время была «яблоком раздора» между христианами и маврами. Впервые отбитая в 1167 году у «неверных» королем Фернандо II, она вскоре вновь покорила неукротимому Юсуфу, третьему из династии Альмохадов. В 1213-м крепость была окончательно освобождена от мусульман уже сыном Фернандо II, Афонсо Леонским. Он передал город под защиту рыцарей Калатравы, но те сочли, что Алькантара слишком удалена от их кастильских владений. Испросив разрешения короля, они передали ее рыцарям Сан-Хулиана де Перейро. Магистр Калатравы Мартин Фернандес де Квинтана заключил со своим коллегой из ордена Сан-Хулиана Нуньо Фернандесом пакт о передаче последним Алькантары и всех владений Ордена Калатравы в Леоне. Второй штаб-квартирой Ордена стало командорство Магазелла.

Так, отказавшись защищать Алькантару, рыцари Калатравы невольно вдохнули в Орден, рожденный над водами Тахо, новую жизнь. Надо сказать, что и сами они появились на свет благодаря подобному отказу. Когда в 1150 году король Альфонсо освободил Калатраву и отдал приказ переделать главную мечеть в церковь, охрану города он решил поручить тамплиерам. Однако после смерти монарха мусульмане настолько распоясались, что доблестные храмовники спешно передали Калатраву королю Кастилии Санчо III — что называется, от греха подальше. Ситуация складывалась не из приятных — рухнула Калатрава, и арабская угроза Толедо станет вполне реальной. Совет дворян, который собрал король Санчо, проходил в гробовом молчании. Как гром среди ясного неба, прозвучала на нем пламенная речь монаха из Бургоса, по имени Диего Веласкес (не путать с автором знаменитой «Венеры с зеркалом»). Он попросил короля Кастилии поручить ему защиту города от мусульман — и хотя это казалась сумасшествием, получил «добро».

Парадокс, но годы спустя, после того, как тамплиеры починут в бозе, папа передаст все их кастильское имущество именно Калатраве. Но то будут уже годы орденского могущества. А пока... Пока рыцари быстро заставили арабов считаться с ними. Их душою по-прежнему был Диего Веласкес. Он так и стал магистром — официально учредить эту должность рыцари решили лишь после его смерти. Первым магистром Калатравы стал некий дон Гарсия. Это же имя носил и последний магистр ордена, прекратившего свое

существование в XV веке. Кстати, Калатравы тоже было две. Первую сравнивал с землей отважный арабский командир Альманзор, пылающий ненавистью к рыцарям. Вторая появилась у подножия гор Сьерра-Морена — в городе Сальватиерра рыцари основали новый монастырь, который назвали Калатрава в память о славной крепости в Гвадиане...

Но вернемся в Алькантару, куда съезжаются молодые люди со всей Испании — несмотря на то, что требования к тем, кто желал вступить в Орден, были куда жестче, чем в том же братстве Калатравы. Кандидат обязан был не просто иметь два поколения благородных предков — все четыре семьи его бабушек-дедушек должны были владеть крупными поместьями. Вот каким увидел современник по имени Педро Баррантес Мальдонадо Орден: «Большая часть людей Алькантары — рыцари, гидальго и оруженосцы, мало простых людей. Многие дворяне из древних и славных родов, чем они очень хвалятся. Рыцари весьма изысканы в общении и учтивы».

Столь благородные рыцари просто обязаны были демонстрировать миру чудеса храбрости. Вот как запечатали это хроники: «Когда магистр Ордена находился в Эсихе с тридцатью рыцарями, к нему явился мавр, заявивший, что хочет перейти в христианство и предлагает захватить замок Пруна. Магистр долго не колебался и принял предложение. Новый христианин показал место, где рыцари смогли проникнуть в город. Они стремительно ворвались в крепость и перебили всех защитников, а после смогли удержать замок до подхода войск короля».

Увы, несмотря на отвагу рыцарей на поле брани, отношения внутри самого Ордена не всегда отличались благородством. Его казна и владения росли и — и вместе с ними росли амбиции рыцарской верхушки. Борьба за пост магистра Ордена нередко оканчивалась вооруженным противостоянием — прямое нарушение устава, требовавшего обнажать оружие исключительно против мавров. Разумеется, нечто подобное имело место и в других испанских военных Орденах, но в братстве Алькантары это достигло апогея...

В 1318 году несколько кабальеро и клириков были вынуждены даже обратиться с жалобами на своего магистра Руиса Васкеса к магистру Ордена Калатравы Гарсиа Лопесу де Падилье. Тот, обладая правом инспекции, прибыл в Алькантару с двумя аббатами-цистерцианцами. Магистр Васкес наотрез отказался принять «ревизора». Он просто запер ворота замка — и в кровопролитном сражении пало много славных рыцарей с обеих сторон... Едва утих шум битвы, стороны апеллировали к капитулу Ордена цистерцианцев. В результате непокорный магистр был низложен, а на его место избрали Суэро Переса де Мальдонадо. Руис Васкес не подчинился этому решению, и смута в Ордене продолжилась. В борьбу вступили сразу три кандидата. Гонсало Нуньеса поддерживал король Кастилии и Леона Афонсо VII, Суэро Переса де Мальдонадо — цистерцианцы, великого командора Лопеса — сами рыцари Алькантары. Правда, дон Мальдонадо вскоре при таинственных обстоятельствах умер — преемником стал его брат Руис Перес. Цистерцианцы буквально уговорили его добиваться магистерства. На войне все средства хороши — и вскоре рыцари Сантьяго во главе с Пересом уже стояли под стенами Алькантары. Лишь вмешательство самого короля уредило пыл воинственного кандидата. Руис признал выводы «независимой комиссии» магистра Калатравы, которая рекомендовала его отставку.

Вскоре магистром был избран королевский кандидат Гонсало Нуньес.

Прекрасный стратег и отважный воин, он, как свидетельствует краткая запись в хрониках, «повел себя недостойно с любовницей короля». Что скрывается за этими словами — наверное, не узнает уже никто. Доподлинно известно одно — разгневанный Афонсо,

желая наказать магистра, приказал ему прибыть в Мадрид. Вместо этого магистр начал спешно укреплять замки Ордена. К его несчастью, когда магистр был объявлен изменником, рыцари отвернулись от него. Нуньес был обезглавлен, тело его сожжено, а прах развеян по ветру...

В середине XIV века на трон Кастилии и Леона сел Педро Жестокий. Это прозвище король получил не зря — всех, кого он подозревал в измене, тут же казнили. Особенно сильно он ненавидел своих братьев — Фадрике и Энрике. Первого он пригласил к себе в Севилью, где приказал убить прямо перед воротами дворца... Но наибольший гнев внушало кастильцам его обращение с собственной женой. Обвенчавшись с французской принцессой Бланкой Бурбонской, он уже через два дня вернулся к своей любовнице Марии де Падилья. Бланка была брошена в темницу в Толедо. Условия ее заключения были столь ужасны, что взбунтовавшиеся горожане освободили королеву. Педро хотел предать Толедо огню и мечу — но взять город ему не удалось. Тогда коварный монарх попросил у Бланки прощения. Едва королева вернулась в Севилью, ее заключили в крепость, где она и была убита по королевскому приказу в 1361 году...

Этот приказ стал последней каплей. Народ поднял восстание, которое возглавил Энрике Трастамара — оставшийся в живых брат Педро. Кровавая распря охватила половину Европы. Король, нуждаясь в поддержке духовно-рыцарских Орденов, сменил нескольких магистров Алькантары — пока Орден не возглавил Мартин Лопес де Кордоба, королевский казначей. Однако когда Энрике вторгся в Кастилию, местная знать, включая членов Орденов, разделилась на два полярных лагеря. 3 апреля 1367 года они сошлись не на жизнь, а на смерть в битве при реке Нахере (Najera). С одной стороны — войска Педро и Черного Принца, сына короля Англии Эдуарда III, рыцаря, взявшего в плен при Пуатье самого короля Франции. С другой — воины Энрике Кастильского, укрепленные французскими наемниками. Братья Ордена Алькантары стояли друг против друга с обеих сторон...

Французские войска первыми пошли в атаку, чтобы прорвать английский строй. Но англичанам удалось обхватить их фланг. Одновременно нападению подвергся и фланг кастильского обоза. Окруженные рыцари отчаянно сражались, но противник превосходил их числом... Король Энрике оказался в самой гуще сражения. Но его штандарт упал, франко-кастильские ряды смешались и стали отступать. Их единственной надеждой оставался мост через Нахеру. Кто бежал к нему, кто прыгал в реку, которая скоро стала красной от крови... Английские лучники осыпали беглецов дождем стрел. Только ночь спасла кастильскую армию от полного уничтожения — но семь тысяч пехотинцев и шестьсот конных рыцарей полегли на поле брани... Среди них было немало и братьев Алькантары.

Разбитый, Трастамара бежал в Арагон. Но очень скоро, получив денежную помощь от короля Франции, закупил оружие, нанял солдат, выкупил многих французов и кастильцев, взятых в плен у Нахеры. К весне 1368 года Леон, Мадрид и вся северная Кастилия были в руках Энрике. Видя, что этого натиска не остановить, Дон Педро, презрев все божеские законы, вступил в союз с мавританским королем Гранады. Мавры ревущей черной лавиной обрушились на Кордову. Горожане сопротивлялись, но в нескольких местах рухнули стены. Мавры уже собирались ворваться в город, когда женщины, обезумев от страха, побежали по улицам, со слезами моля мужчин спасти их детей от зверств неверных...

Вопль отчаяния придал воинам новые силы. Черные знамена мусульман были сброшены со стен — и город остался спасенным. Напуганные яростью сопротивления мавры

несколько дней спустя ушли, и Педро остался в одиночестве. Вскоре он будет низложен — а его брата коронуют, как Энрике II.

Теперь у кастильцев остался один лютей враг — мавры. В 1394 году магистр Алькантары Яньес де Барбудо возглавил крестовый поход в Гранаду. Но королевство Насридов было отлично защищено от вторжений. Его окружали высокие горы, в которых порой было не найти даже ручейка. Коварные мавры, которые чувствовали себя здесь как дома, ловко отрезали войска наступающего противника от источников снабжения. Войска магистра были окружены и уничтожены — поистине невосполнимый удар для ордена!.. Гранада падет лишь столетие спустя, и к ее освобождению приложат руку рыцари Алькантары и Калатравы...

Но героизм на поле боя не был препятствием для интриг внутри самих Орденов. С 1355 по 1371-й в них сменилось больше пятнадцати магистров, многие из которых были коварно убиты. Распри продолжались и в следующем веке. В 1472 году магистр Ордена Алькантары Гомес де Касерес неосторожно оскорбил некоего Альфонсо де Монрой за свадебным столом. Тот в ярости ударил обидчика, за что был немедленно арестован. Каким-то образом брат Альфонсо сумел бежать в Алькантару. Гомес последовал за ним. Полторы тысячи всадников и две с половиной тысячи пехотинцев не спасли магистра — он попал в засаду и был убит. Де Монрой заступил на его место, но некоторые братья не захотели с этим смириться. Племянник покойного де Касереса Франсиско де Солис хитростью заманил новоиспеченного магистра в свое приорство, арестовал и провозгласил магистром себя. Самопровозглашенный магистр руководил недолго — год спустя герцогиня Пласенсийская добилась папского разрешения на то, чтобы Орден возглавил ее сын Хуан де Зуньига. Вскоре из заточения бежал Альфонсо де Монрой, и «магистрская чехарда» началась по новой. В итоге верх одержал Зуньига, которого поддерживали король Фердинанд и королева Изабелла. А в 1494 году он отказался от своего звания в пользу короны — и Его Величество Фердинанд получил папскую буллу, даровавшую ему магистерство Ордена Алькантары. Хозяйство ему досталось вполне приличное — 38 командорств с годовым доходом почти в 50 тысяч дукатов. Отныне полный контроль над Орденом был обеспечен. И полвека спустя Карл V уже официально подчинил управление испанскими Орденами монаршему дому.

К началу XVII столетия в ордене Алькантары состояло 127 рыцарей. Вместе с братьями из других Орденов они образовали особый орденский полк, который входил в состав испанской армии до начала XX века.

В 1931 году рыцари Алькантары были окончательно распущены — однако сей факт не был признан каноническим правом. И усилиями дон Хуана, графа Барселонского, отца короля Хуана Карлоса I, Орден был возрожден в 1978 году.

...В то время как вся Кастилия ликовала по поводу воцарения короля Энрике, другая монаршая особа, Пьер Лузиньян, принц де Пуатье Антиохийский основал свой собственный Орден. Правда, произошло это еще в 1347 году, в бытность его графом Триполийским. Но он продолжал оставаться магистром, и сев на трон Кипрского королевства. Увы, архивы Ордена давно обратились в пыль — единственный его след мы обнаруживаем в дневнике пилигрима XIV века, скрупулезно запротоколировавшего свод обетов и требований, которые предъявлялись к желающим стать рыцарем... Этот след приводит нас к рыцарским надгробиям, коих немало сохранилось по всей Европе. Симон де Сарребрюк и Антуан Тонис, Никола да Эст и Фридрих фон Гогенберг — все они покоятся с миром в землях Нидерландов, Швейцарии и Германии. На потемневших от времени могильных плитах едва виднеется полустертый меч...

... Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом
Его лицо и плоть его; а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на «да» и «нет»,
На зло и на добро...

Отрывистые, как удары рыцарского меча, строки Максимилиана Волошина вполне могли бы стать эпиграфом к жизни Пьера I, столь же отважного, энергичного и дерзкого, как и его русский тезка, несколько веков спустя прорубивший «окно в Европу». Им восхищались Фруассар и Машо, Петрарка и Чосер. Пьер был вторым из четверых сыновей Гуго IV, правителя Кипра, носившего также титул короля Иерусалима. Небольшой остров в Средиземном море был буквально пропитан духом Святой Земли. Само островное королевство создано во время Третьего Крестового похода — и с той поры служило пристанищем для тех, кто бежал от карающей десницы «неверных». Приток франкоязычных беженцев особенно усилился после падения Акры. Идея борьбы с сарацинами витала в воздухе — и мальчик не мог ею не заболеть. Стихотворная хроника Машо «La prise d'Alexandrie» утверждает, что вскоре после смерти старшего брата Ги Пьер, сделавшись наследником кипрского трона, имел видение. Сам Иисус Христос явился ему — и потребовал возратить Святую Землю под власть христиан. Вскоре семнадцатилетний принц принял обеты крестоносца и основал Орден — «для привлечения рыцарей доброго нрава к обретению Земли Обетованной, а также бывалых солдат, нуждающихся в спасении своей души»... Романтичный юноша назвал его Орденом Меча.

О, этот обоюдоострый меч — вечный символ божественной мудрости и правды! Он облечен магической властью повергать в прах силы тьмы. С его помощью архангел Михаил поверг Люцифера — а за много веков до этого Персей спас прекрасную Андромеду. Библейские херувимы с огненными мечами охраняют врата рая, рукоятку меча познания сжимает в руках Вишну — «Подобно тому, как меч рассекает узлы, так и разум достигает самых укромных уголков буддийской мысли...» Закаляя это грозное оружие, смертные использовали тайные знания — и мечи приобретали сверхъестественную силу. О них слагались саги и легенды — так появился Экскалибур короля Артура. Положив на меч руку, произносили клятвы. Нарушивший их находил смерть — так, отделяя душу от тела, меч разъединял небо и землю. Но рукоять, пересекаясь с лезвием, образует крест, вот почему меч — еще и символ союза. Вот почему им жаловали, принимая в рыцарское братство...

Но весь этот культурный пласт вряд ли был осилен принцем Пьером, когда он с пылающим взором рассказывал о своих замыслах дворянам-пилигримам, делавшим на Кипре передышку по дороге в Святую Землю. Многие, заразившись его энтузиазмом, вступали в новый Орден. Прием проходил тайно — «дамокловым мечом» висел над принцем запрет отца даже думать о походе на мусульман.

Но, как известно, тайное всегда становится явным. И когда первая попытка Пьера достичь Европы для провозглашения нового крестового похода потерпела фиаско, отец попросту посадил его под замок. На какое-то время Орден прекратил существование — но, едва

укрепившись на троне после смерти родителя, неутомимый Пьер занялся его возрождением. Он пригласил к себе пикардийского рыцаря Филиппа де Мезье (поговаривали, что в свое время именно он и подкинул молодому человеку идею Ордена) — и сделал его своим канцлером. Приближен ко двору был и кармелит Пьер Томас, папский легат на Востоке — с его проповедями крестовых походов могли сравниться разве что пламенные речи самого кипрского короля.

Пьер «сотоварищи» назначили дату нового Крестового похода. Первый день марта 1364 года должен был навсегда войти в скрижали истории. А за два года до этого друзья отправились по королевским дворам Европы — в «рекламный» тур в поддержку столь богоугодного начинания. Авиньон рукоплескал рыцарям меча! Новый папа Урбана V официально провозгласил Крестовый поход, а французский монарх Иоанн Добрый милостиво согласился его возглавить. Было получено также одобрение польского короля Казимира Великого, его племянника Лайоша Великого из Венгрии, австрийского герцога Рудольфа IV. Последней на пути кипрского короля была Венеция. Придворные летописцы свидетельствуют, что он остановился у влиятельного аристократа Федерико Корнато в роскошном византийском дворце на Гранд канале — причем радушный хозяин не только стал рыцарем Ордена Меча, но и пожертвовал на поход 60 тысяч дукатов.

Но большинство членов «большой семерки» средневековья остались глухи к призывам Пьера. Тем не менее, экспедиция началась — правда, чуть позже, чем было намечено, — в 1365-м. Девятого октября под ударами рыцарских мечей пала Александрия — но, увы, новых крестоносцев интересовали лишь грабежи. Пьер вынужден был отступить.

О захвате богатейшего города Африки говорила вся Европа — но к дальнейшим экспедициям принца Лузиньяна так никто и не присоединился. Пьер был горько разочарован тем, что идея всей его жизни канула в Лету. Даже несколько успешных набегов на побережье Сирии не принесли ему утешения — и в 1367 году Филипп де Мезье приступил к написанию статута нового Ордена под названием Рыцарей Страстей Иисуса Христа. А два года спустя Пьер I был убит. Ни его юный сын, ни последующие короли Кипра не выказывали более интереса к идее Крестовых походов. А Орден Меча жил — до тех пор, пока в 1489 году Венецианская Республика не принудила королеву Катерину Корнато (ее предок когда-то принимал у себя короля Пьера), вдову последнего кипрского короля, отказаться от короны в пользу дождей. Вместе с кипрской монархией прекратил свое существование Орден.

...Его знаки известны лишь по описаниям и надгробиям. Одно мы знаем точно — рыцари Меча носили на груди золотую цепь, звенья которой были выгнуты в виде буквы «S». Это означало «silence» — «молчание»...

...Так постепенно в тишину небытия канул феномен военно-монашеских Орденов. Рожденные на волне Крестовых походов, они стали своего рода локомотивом, вытянувшим на себе неповоротливый состав Средневековья.

Не будь этой движущей силы — не было бы ни Ренессанса, с его культом человеколюбия, ни Просвещения, с его тягой к свободной мысли. Разумеется, братья-рыцари были частью режима — и, в этом смысле, не избежали его ошибок. В сущности, они были обречены на вымирание вместе с ним — подобно тому, как в свое время планету покинули динозавры. Могучий ледник Великой французской революции окончательно смел их с лица земли, напрочь отринув тот факт, что первые аккорды антиклерикальных гимнов будущего сыграли именно обуянные гордыней «Христовы братья». Они сделали это, сами того не ведая, — как, сами того не ведая, заложили основы единой и неделимой Европы. Недаром

Ordre по-французски — и «орден», и «порядок». Рыцари-монахи упорядочивали жизнь христианского мира, заставляя его двигаться в ритме копыт своих боевых коней. Это бытие было разумным — настолько, насколько позволяло сознание жителей Средневековья, привыкших смотреть на мир сквозь призму рыцарства.

Крупнейший «рыцаревед» всех времен и народов Йохан Хейзинга пишет об этом: «Все те категории, которые мы обычно применяем для понимания истории, тогда совершенно отсутствовали, и все же люди того времени, как и мы, ощущали необходимость обнаружить в ней некий порядок. Им требовалось придать форму своему политическому мышлению, и вот тут-то и явилась идея рыцарства. Стоило это придумать, и история превратилась для них во внушительное зрелище чести и добродетели, в благородную игру с назидательными и героическими правилами».

На этом, собственно, и «аминь» — пусть монахи в доспехах покоятся с миром под каменными плитами древних монастырей. А «призрак рыцарства» еще долго будет бродить по Европе, воплотившись в новой для себя ипостаси светских Орденів.
«Никто не тронет меня безнаказанно» (Светские ордена Европы)

... Недавно, бродя по старым улочкам Стокгольма, мы наткнулись на витрину, которая буквально приковала к себе мою пятилетнюю Сашку. За стеклом красовался огромный деревянный замок с затейливыми башенками и подъемными мостами. Его населяли храбрые рыцари и прекрасные принцессы, крылатые феи и белоснежные единороги. Они застыли в причудливых позах, словно исполняя немую сцену из какого-то увлекательного спектакля — подобного тому, что подарило нам позднее Средневековье. В качестве подмостков выступала тогда вся Европа. А действующими лицами и исполнителями были рыцари «новой волны», похожие на своих праотцев из монашеских Орденів, как яркая буффонада на суровую реальность жизни. Еще незабвенный Святой Бернар, идейный отец тамплиеров, с едкой иронией писал о мирском рыцарстве:

«Вы рядите своих лошадей в шелка и окутываете свои кольчуги каким-то тряпьем. Вы разрисовываете свои копыта, щиты и седла, инкрустируете свои удила и стремена золотом, серебром и драгоценными камнями. Вы пышно наряжаетесь для смерти и мчитесь к своей гибели бесстыдно и с дерзкой заносчивостью. Эти лохмотья — доспехи ли это рыцаря или женские наряды? Или вы думаете, что оружие ваших врагов остановится перед золотом, пощадит драгоценные камни, не разорвет шелк? К тому же нам часто доказывали, что в битве необходимы три условия: чтобы рыцарь был проворным в самозащите, быстрым в седле, стремительным в атаке. Но вы, напротив, причесываетесь, как женщины, что мешает видеть; вы опутываете свои ноги длинными и широкими рубахами и прячете свои изящные и нежные руки в просторные и расширяющиеся рукава. И вырядившись таким образом, вы сражаетесь за самые пустые вещи, такие как безрассудный гнев, жажда славы или вождение к мирским благам...»

Нечто подобное пишет Хейзинга: «Каким бы ни было рыцарство во времена Крестовых походов, сегодня все уже согласны с тем, что в XIV или в XV веке оно представляло собой не более чем весьма наигранную попытку оживить то, что давно уже умерло, некий вид вполне сознательного и не слишком искреннего возрождения идей, утративших всякую реальную ценность»...

Впрочем, несмотря на свою театральность, рожденные при монарших дворах светские рыцарские союзы были вполне способны потягаться с самими своими создателями. В их руках были замки и крепости, богатство и власть. Первенцем исследователи считают Братское рыцарское общество во имя Святого Георгия. Его основал в 1320-х годах Карл I

Роберт Анжуйский, король Венгрии. Братство по всем признакам напоминало светский Орден — но такого названия не носило. Понятие *la orden* ввел Альфонс XI, породивший кастильский Орден Ленты. В это время рыцарские придворные корпорации растут по всему континенту как грибы. Иметь собственный Орден стало считаться хорошим тоном в королевских домах Европы. Самые могущественные государи вставали во главе рыцарских корпораций, щедро одаривая их не только привилегиями, но и знаками отличия. Именно поэтому ученые считают светские Ордена высшей формой ливрейной организации (от латинского *liberare* — раздавать).

Основным знаком отличия был цвет — выбранный господином, он повторялся в костюмах его свиты. Плащи и повязки, вымпелы и штандарты — все должно быть выполнено в единой гамме, указывающей на принадлежность данного союза. Те же цвета использовались при украшении помещений во время торжеств — так что рыцарские сборища до боли напоминали современные вечеринки со строго прописанным дресс-кодом.

Но амбициозным главам Орденев казалось недостаточным пометить своих доблестных рыцарей цветом. Над их убранством явно трудились лучшие костюмеры Средневековья. Они покрывали одежду кавалеров многократно повторяющимися знаками, создавали вычурные подвески и цепи, звенья которых воспроизводили девиз господина. Таков был знак Ордена Плодов Дрока, основанного Святым Людовиком по случаю его бракосочетания с Маргаритой Прованской — прямо после венчания состоялся обряд посвящения первых рыцарей. Пьер Льюи пишет, что рыцарская цепь являла собой «ветви или плоды дрока, раскрашенные эмалью согласно натуральному цвету, переплетенные с золотыми цветами лилии, которые были заключены в ромб так, что рисунок был ажурным...» На цепи висел крест, похожий на лилию, с девизом «*Exaltas humiles*» («Ты возносишь смиренных»). Этот благородный цветок считался эмблемой французских королей с 496 года, когда, согласно легенде, король франков Хлодвиг получил ее в дар от ангела.

Словно в пике утонченным французам, их вечные соперники-британцы выбрали для своих геральдических эскерсисов непритязательный сорняк, каких полным-полно растет по всему побережью. Впрочем, много лет назад именно чертополох — любимое лакомство грустного ослика Иа — сослужил им добрую службу. Как-то раз к шотландскому берегу подошла ладья датов — могучих и жестоких викингов, много лет грабивших мирные кельтские поселения. Деревенские жители, отправив гонца к местному воеводе, укрылись в лесу. На закате кельтская дружина вошла в обезлюдевшую деревеньку. Вдалеке на берегу пылали костры — там расположились на ночлег морские разбойники. Утомленные долгим переходом воины тоже уснули, уверенные, что враг нападет только утром...

Но коварство датов не знало предела. Они только прикинулись, что спят, и под покровом ночи подкрались к домам. Чтобы шаги их были беззвучны, они шли босиком. И вдруг один воин вскрикнул от боли — в пятку вонзились острые колючки — в темноте притаился кустик чертополоха. Услышав дикий вопль, кельты тут же проснулись — и прогнали врага. Благодарные сельчане зажарили в честь своих избавителей целого быка — а в Шотландии с той поры чертополох считается талисманом, приносящим удачу. Видимо, за это волшебное свойство древний король Ахий выбрал спасительный сорняк в качестве символа своего рыцарского Ордена. Дело было в еще 809 году — именно поэтому в его официальном названии значатся два слова — «наидревнейший и наиболее благороднейший». Орден Чертополоха и по сей день является высшим Орденом Шотландии — а на гербе Великобритании с 1702 года красуется изображение этого

скромного растения. Несмотря на то что девиз «Nemo me impune lacessit» («Никто не тронет меня безнаказанно») знает каждый британец — он начертан на ребре монеты в один фунт стерлингов, — это необычайно закрытый Орден. Лишь семнадцать человек, один из которых — Ее Величество Королева Елизавета II — надевают по особо торжественным случаям золотую цепь с вплетенными в нее листьями чертополоха.

Другой Орден, учрежденный в 1362 году Амадеем VII, графом Савойским, так и назывался — Орден Цепи. И, право, было за что! Его рыцарей украшала затейливейшая шейная цепь, состоящая из «савойских узлов», перемежающихся розами, с таинственной надписью «F. E. R. T.». Дешифровщики «от истории» много лет бьются над смыслом этих четырех букв. Самая распространенная версия — «Fortitudo Eius Rhodum Tulit» («Его мужество спасает Родос») — в память о победе при Родосе Амадея VI, отца основателя Ордена. Есть и другие варианты — «Foedere Et Religione Tenemur» («Приверженный закону и религии») или «Fortitudo Eius Republicam Tenet» («Его сила защищает государство»). Но оригинальнее всех оказался Папа Пий IX. Возмущенный «несправедливым растаскиванием» имущества церкви, он много раз направлял протесты итальянским монархам — и, в конце концов, трактовал девиз Ордена Цепи как «Frappez, Entrez, Rompez Tout!» («Ударил, вошел, все сломал!»)

Кстати, звенья самой цепи переплетаются весьма своеобразно. Роза — неувядающий символ девства Марии; ну а «савойский узел» иначе называют «узлом любви». Именно такое плетение, созданное из собственных волос, дарили возлюбленным местные дамы. Получил подарок и герцог, недолго думая превративший скромный знак любви в символ собственного могущества. Так и появился золотой знак Ордена — три причудливо сплетенных «савойских узла», которые крепились к цепи.

Не менее оригинальную подвеску выбрал для своих рыцарей Людовик Орлеанский, брат Карла VI. В их перевязи прятался золоченый дикобраз, призванный обращать свои иглы против Бургундии. Геральдический девиз «Cominus et eminus» («Близко и издалека») напоминал о странной способности, которую приписывали животному — не только пронзать врагов острыми иглами, но и метать их на расстоянии, подобно стрелам. Разумеется, союз «ершистых» рыцарей носил название Ордена Дикобраза.

Еще один «зоологический» Орден — Слона — являет собой белую эмалевую фигурку с синей попоной, на которую водружены боевая башня и мавр с копьем. Сверху — крест из пяти бриллиантов, снизу — инициалы правящего монарха. Возникший еще во времена Крестовых походов под впечатлением о встрече с ушастым исполином, он до сих пор считается высшим из датских рыцарских Орденов. А сам слон — средоточие благородства, мудрости и силы — признан официальной эмблемой Дании. «Magnanimi Pretium» — «Награда великодушного» — может быть вручена лишь датчанам, оказавшим особые услуги королевской семье, а также главам иностранных держав. Со времен Второй мировой войны только четыре лица, не входивших в эту категорию, стали обладателями усыпанного алмазами альбиноса: сэр Уинстон Черчилль, фельдмаршал виконт Монтгомери Аламейнский, генералы Дуайт Эйзенхауэр и Шарль де Голль.

Впрочем, слон — он и в Дании слон, пусть даже и королевский. Судя по дошедшим до нас сведениям, создатели средневековых Орденов отличались куда более изощренной фантазией. Среди них — герцог Жан де Бурбон, основавший 1 января 1415 года в Париже Братство Железных Оков. Восемь знатных рыцарей и восемь оруженосцев поклялись каждое воскресенье носить орденский знак — позолоченные железные оковы на левой ноге. Даже подсвечник перед иконой Божьей Матери был сделан в виде цепей узника. Денно и ночью должна была гореть свеча в часовне — до тех пор, пока не найдутся

шестнадцать человек, которые примут вызов членов братства биться «не на жизнь, а на смерть».

Обет этот представляется весьма странным; впрочем, ему далеко до того, который принимали благородные кавалеры и дамы из Ордена Воздыхателей и Воздыхательниц, созданного в начале XIV века в Пуату. Летом им предписывалось жечь камин и сидеть подле них, кутаясь в меховые одежды, а зимою не носить ничего, кроме обычного платья: ни шляп, ни перчаток, ни муфт, ни платков. В морозы они устилали землю зеленой листвой и оплетали дымоходы ветвями. Укрываться по ночам дозволено было лишь тонкой тканью. Впрочем, у членов этой диковинной секты были иные способы согреться — если один из них приходил в гости к другому, устав требовал от хозяина незамедлительно предоставить в распоряжение гостя дом и жену — а самому отправляться к нему с ответным визитом. Нарушивший законы гостеприимства рыцарь покрывал себя величайшим позором. Несмотря на столь горячие нравы, многие, как свидетельствует шевалье де ла Ту р Ландри, умирали от простуд: «Немало подозреваю, что сии Воздыхатели и Воздыхательницы, умиравшие подобным образом и в подобных любовных забавах, были мучениками любви»...

Совсем иное отношение к противоположному полу демонстрировали члены Рыцарского братства Белой дамы на зеленом поле, которое учредил Маршал Бусико, сын бургундского герцога Иоанна Бесстрашного. Один из самых известных рыцарей своего времени, он участвовал в нескольких Крестовых походах (на его счету — взятие Адрианополя и Бейрута) и, будучи пленен при Азенкуре, умер в Лондоне. До сих пор тайна, почему этот бравый вояка решил, временно переквалифицировавшись в Дон Кихота, основать Орден для защиты незамужних дам и девиц. От каких именно «ветряных мельниц» их следовало защищать, история умалчивает, но куртуазные забавы, канцоны во славу Прекрасной Дамы, подвиги во имя благородной любви стали для рыцарей бело-зеленого братства едва ли не делом жизни.

Образцы высокой нравственности являли миру и рыцари Ордена Страстей Господних, созданного, подобно великим Орденам прошлого, для борьбы с иноверцами. Из их четырех обетов два — бедности и послушания — нам хорошо знакомы. Что же касается целомудрия, упоминание о нем вряд ли нашло бы массовый отклик в сердцах граждан позднего Средневековья. Его деликатно заменили на требование супружеской верности, что вполне сочеталось с четвертым обетом, прежде нам неизвестным, — *summa perfectio*, личное совершенствование.

Для достижения идеала любые средства были хороши: так первым в Орден был принят поляк, который в течение девяти лет ел и пил только стоя. О создателе Ордена Филиппе де Мезьере говорят всякое. Кто-то считает его чернокнижником и магом — а кто-то идеалистом и почти революционером. Впрочем, как обладатель второй древнейшей профессии (хроникер XIV века вполне сродни современному репортеру) он, судя по всему, был личностью разносторонней. Во всяком случае, в свой Орден Филипп намеревался, как это случалось во времена Крестовых походов, принимать и «тех, кто молится», и «тех, кто сражается», и «тех, кто пашет». Брошенное им зерно прорастет несколько веков спустя, когда под покровительством Наполеона Бонапарта появится единственная в своем роде награда для всех сословий — «Орден Почетного Легиона». А пока воины, священники, крестьяне и ремесленники «едины и нерушимы» вставали против турок...

...Но, пожалуй, никто не питал ненависти к османам так сильно, как Миколош Обилич, сербский рыцарь.

С идеей убить султана Мурада он отходил ко сну вечером и поднимался утром. Как-то раз, собрав вокруг себя двенадцать рыцарей, он создал Орден и нарек его именем Дракона Святого Георгия. Праведным гневом пылали новоиспеченные братья. Им суждено было пронзить извивающееся чудовище. А чтобы защититься от его ядовитых укусов, придумали щит — солнце с двенадцатью лучами, да начертали на шлемах силуэт дракона...

Предания о Миколоше Обиличе много веков переходили из уст в уста. И сейчас каждый серб поведаст вам, что творилось при слиянии Лабы с Ситницей, в дни, когда здесь кипели жаркие баталии... Вот памятник султану Мураду — маленькая мечеть, в которой, по преданию, хранится его сердце. Неподалеку — три камня, лежащие на расстоянии 25 метров друг от друга. Здесь рухнул как подкошенный верный Миколошев конь, и рыцарь, опершись на копьё, как на шест, ушел от преследователей тремя гигантскими прыжками... Маленький пригорок усеян надгробиями: это могилы турок, павших от руки героя... Но главный подвиг Миколоша был впереди. 15 июня 1389 года, в день, когда разразилось сражение на Косовом поле, проник он в расположение османов, прикинувшись дезертиром. И, пробравшись в палатку султана, вонзил ему в сердце карающий кинжал... Свершилось — Святой Георгий поразил дракона! Увы, отведенная ему роль оказалась ролью террориста-смертника — Миколош был схвачен и казнен сыном Мурада Баязидом I.

Вместе с ним мученическую смерть приняли остальные рыцари. Только один из двенадцати выжил — Штефан Лазаревик, наследник сербского принца Лазаря, который пал на Косовом поле. И, разумеется, когда венгерский правитель Сигизмунд (по совместительству — глава Священной Римской империи) в 1408 году воссоздал Орден Дракона, Штефан примкнул к нему одним из первых... До самой кончины носил он на шее знак — дракон, свернувшийся в кольцо, открыл пасть и развернул крыльями. Его хвост обвит вокруг шеи, а между ними — алый крест на серебряном поле... Штефана и похоронили в подвеске — чтобы предстал перед Господом в полном рыцарском обличье.

Между прочим, «дракон» по-румынски «Дракул». И прозвище, которое носил кровожадный трансильванский граф Влад III Цепеш, перешло к нему от отца, вступившего в элитарный Орден. Влад II относился к рыцарским обязанностям столь серьезно, что отдал приказание отчеканить силуэт дракона даже на монетах. Нанесение на них изображения считалось делом сакральным, и при дворе поговаривали о том, что рыцари тайно поклоняются дракону-дьяволу... Удивительным образом эти слухи долетели до наших дней — Орденем Дракона назвали свою организацию молдавские сатанисты, творившие черные дела в Приднестровье...

...Если Филипп де Мезьере и Миколош Обилич полагали, что все беды — от турок, то французский король Иоанн II Добрый «врагом номер один» считал англичан. Его «Орден Рыцарей Богоматери благородного Дома» (из-за вышитой на плаще черной восьмиконечной звезды его еще называли Орденом Звезды) был учрежден для того, чтобы всеми силами бороться с недругами из Туманного Альбиона. Даже в том случае, если противник окажется в десять раз сильнее, рыцари не имели права удаляться от поля боя более чем на четыре арпана (мера площади примерно в полгектара). Если же враг продолжал преследование, у кавалеров ордена Звезды было два выхода — умереть или сдаться в плен. Доблестные рыцари остались верны своей клятве. Около сотни из них сложили головы в битве при Пуатье, отказавшись спастись бегством под смертельным огнем английских лучников. До конца остался в строю и сам Иоанн II, несколько лет спустя умерший в английском плену...

Но какими бы причудливыми ни были обеты, одно правило оставалось неизменным: рыцарь имеет право состоять лишь в одном Ордене. Французский монарх Людовик XI был даже вынужден обвинить герцога Карла Смелого в государственной измене за то, что тот согласился быть почетным членом английского Ордена Подвязки. Но одному герою стать кавалером сразу трех Орденов все-таки удалось. Правда, произошло это по воле Александра Дюма — а звали этого рыцаря граф де ла Фер. В одной из частей знаменитой трилогии он повергает в изумление самого кардинала Мазарини тем, что появляется перед ним, будучи «одет в черное платье, скромно вышитое серебром. Он носил знаки Подвязки, Золотого Руна и Святого Духа — трех высших Орден; соединенные вместе, они бывали только у королей или у артистов на сцене...»

Любите ли вы благородного Атоса так, как люблю его я? Если да, то уверена, что вы согласитесь — его награды заслуживают отдельного рассказа.
«Позор тому, кто дурно об этом подумает» (Орден Подвязки)

...Английская армия отступала, и позора было не избежать. Каждый шаг по направлению к Фландрии отзывался в сердце короля Эдуарда щемящей болью. Но остановиться, чтобы дать французам решительный бой, слишком рискованно — настолько неравны силы. Решение сражаться пришло неожиданно — когда несколькими милями севернее Соммы, подле деревни Креси-ан-Понтьё, перед ним неожиданно распахнулось широкое поле. Над дорогой, которой пройдут французы, высился плавный склон. Справа — речушка Ме, слева — густая зеленая рощица. Армию выстроили тремя «войсками». Центром будет командовать он сам, Эдуард III. На флангах размещались лучники, смыкаясь посередине буквой V. Ее острие было направлено в сторону врага. Весь день напролет пехотинцы копали перед своими позициями неглубокие ямы — ловушки для рыцарских коней. И тут — какая удача — грянул ливень! Размокшая земля станет их союзником, превратив закованных в кольчуги французских рыцарей в неповоротливую груду железа.

Французы показались к вечеру. Увидев перед собой стройные ряды противника, Филипп VI отдал приказ сплотиться и двинуть вперед арбалетчиков. Не дожидаясь, пока они откроют огонь, Эдуард поднял вверх копье, к острию которого была привязана голубая ленточка, оторванная от его походного костюма. В атаку! Генуэзцы открыли стрельбу — но тут же отступили под градом метровых английских стрел. Тогда прямо по их головам вперед пошли тяжелые рыцари. Копыта скользили в жидкой каше, и тот, кто упал с коня, так и оставался лежать на земле... А сверху сыпались и сыпались стрелы — по меньшей мере, пятнадцать французских атак захлебнулось в адском огне. Пятьсот тысяч стрел выпустили в тот вечер доблестные лучники, оставив на поле горы трупов. Полторы тысячи рыцарей, двадцать тысяч пехотинцев — против двухсот убитых англичан... Но потери будут подсчитаны позже. Победой английской армии над почти втрое превосходящими силами противника будет восхищаться вся Европа. А военные историки будущего назовут ее началом конца эпохи рыцарства — ведь, начиная с битвы при Креси, на передний план выйдет легковооруженная пехота.

Те м не менее, именно это сражение, по одной из версий, дало начало, пожалуй, самому известному рыцарскому Ордену Англии. Если посмотреть на гербовый щит страны, можно легко обнаружить, что он опоясан голубым ремешком с пряжкой — именно такой поднял король Эдуард на острие копья. На ремешке надпись: «Noni soit qui mal u pense» — «Позор тому, кто дурно об этом подумает». Справедливости ради, этот девиз плохо сочетается с историей, якобы имевшей место на поле Креси. Куда более подходящей можно считать иную версию — словно специально созданную для любителей куртуазной рыцарской культуры...

...Эдуард III еще только готовил поход на Францию. По всем лучшим дворам Европы объявил он о созыве рыцарского турнира. Грезивший подвигами отважных рыцарей короля Артура и желая превратить предстоящий турнир в демонстрацию собственной военной мощи, Его Величество даже приказал сделать пристройку к Виндзорскому замку. В ней должен был разместиться легендарный Круглый стол — точь-в-точь такой, за каким собирались его кумиры. Увы, к столь замечательному проекту пришлось вернуться уже после войны. В 1348-м пристройка к замку, наконец, была сооружена. И грянул бал, которому навсегда будет суждено войти в историю Британии. Эдуард кружился в танце с Джоан Кент, графиней Солсбери — и вдруг к его ногам упала подвязка. Небесно-голубая, расшитая шелком и усыпанная драгоценными камнями, она беззащитно лежала на роскошном паркете. Графиня закрыла лицо руками, по залу пробежали смешки — но король, галантно подняв подвязку, повязал её на рукав. «Noni soit qui mal y pense» — «Позор тому, кто дурно об этом подумает»... Говорят, именно в это мгновение королевскую голову посетила идея создать Орден Подвязки и сделать произнесенные на балу слова его девизом.

Чуть позже, в соборе Святого Георгия, покровителя воинства, Эдуард собрал своих самых преданных людей. К сожалению, записи, которые пролили бы свет на то, как именно проходило посвящение, погибли в огне. Единственное, что сохранилось, — счёт за оплату двадцати четырёх рыцарских мантий, украшенных голубыми ленточками. Они были заказаны самим королём и доставлены во дворец в сентябре 1351 года. Но, судя по всему, именно тогда были выработаны принципы, которые станут общими для всех светских Орденов Европы — сюзерен своей властью принимает в Орден новых членов и может сделать это в качестве награды; число рыцарей должно быть ограничено; все члены, кроме главы Ордена, равны. Каждый из них должен был носить знак принадлежности к Ордену и особую орденскую одежду, а также иметь собственный замок. Что до последнего пункта — лишь девять первых кавалеров Подвязки (включая самого Эдуарда) могли похвастаться принадлежностью к высшему свету. Прочие пятнадцать были славны единственно своей храбростью, проявленной при Креси...

В русских документах об английских «рыцарях» упоминается со времен Ивана Грозного. Его послу Осипу Непее даже посчастливилось попридти в качестве почетного гостя на орденском празднике 23 апреля 1557 года — когда прямо на торжественном богослужении проводилось посвящение в рыцари. А вот Петр I отклонил честь стать кавалером знаменитого Ордена, предпочтя учредить по его образу и подобию национальный русский Орден Андрея Первозванного. Зато рыцарями Подвязки стали Александр I, Николай I и Александр II. Принадлежавшая Александру I звезда русского Андреевского ордена охвачена изображением подвязки.

Кстати, именно она и по сей день служит знаком принадлежности к Ордену. Мужчины носят ее на левой ноге ниже колена, а женщины, дабы избежать конфуза графини Солсбери, — на левой руке выше локтя.

«Я обладаю и иного не желаю» (Орден Золотого Руна)

...Для бога и людей презренны

Идущие, поправ закон,

Путем обмана и измены —

К отважных лику не причтен

Руно колхидское Язон,

Похитивший изменой лишь.

Покражу все ж не утаишь...

Строки поэта Алена Шартье выучил наизусть при дворе герцога Бургундии уже, наверное, каждый. Но почему Филипп выбрал в качестве символа своего Ордена именно овечье руно? Не оттого ли, что торговля шерстью во Фландрии принесла ему неплохие барыши? Поговаривали, правда, будто бы один из предков Филиппа пытался когда-то повторить путь знаменитого аргонавта. Попав в плен в Колхиде, он все-таки ухитрился бежать и вслед за Язоном дошел до конца. Но ведь Язон, похитивший шкуру барана, — отнюдь не пример добродетели и вряд ли может служить примером для благородных рыцарей...

Филипп лишь слушал да посмеивался. Рыцарский орден был его давней мечтой. «Великий герцог Запада», как он любил, чтобы его называли, вообще любил все красивое. Для него творили свои шедевры Ханс Мемлинг и Ян ван Эйк, в придворных мастерских создавались великолепные гобелены и предметы роскоши. В Брюсселе хранилась его «Бургундская библиотека» — редкая по тем временам коллекция манускриптов с великолепными иллюстрациями. Осталось одно — отправиться в новый Крестовый поход на золотой восток... Чуть позже он даст обет отвоевать Константинополь, недавно рухнувший под натиском турок. На грандиозные торжества будет выписан слон, несший на спине изображение Святой Церкви в траурном убранстве. А пока он, уподобив себя Язону, путешествующему на Восток за Золотым Руном, займется воплощением своего юношеского желания — стать рыцарем собственного Ордена. Основанный в честь его свадьбы с возлюбленной Изабеллой Португальской, он, несомненно, поможет процветанию его владений, раскинувшихся от Фландрии до Швейцарии.

Это будет его Орден. Он сам придумал его знак — Золотое Руно, подвешенное к цепи, в которой кремни с языками красного пламени перемежались с огнивами, геральдическим символом Бургундии. На них изобразили битву Язона с драконом, охранявшим священную шкуру. Кстати, первый из оруженосцев носил имя Огниво. Прочие имели столь же звучные имена: Настойчивость, Смиренная Просьба, Сладостная Мысль... Рыцарские ритуалы были торжественны и строги — они были обязаны ходить к мессе, располагаться во время ассамблей в креслах каноников, поминать усопших кавалеров по церковному чину. На изогнутой орденской ленте красовалась латинская надпись: «Награда не уступает подвигу». Второй девиз гласил: «Сначала удар, потом вспыхнет пламя». Третий девиз вышивался на орденской алой мантии: «Я обладаю и иного не желаю».

Что до стихов... Весьма скоро, в пику недвусмысленным строкам Шартье, придворный хроникер Мишо Тайеван напишет:

Не для того, чтоб прочим быть под стать,
Не для игры отнюдь или забавы,
Но чтобы Господу хвалу воздать
И чая верным — почести и славы...

А чтобы окончательно стихли досужие разговоры, канцлер Ордена Жан Жермен, епископ Шалонский, займется поисками «идейного обоснования» названия нового Ордена. Оно будет найдено очень быстро — шерсть, которую расстелил Гедеон и на которую выпала небесная роса. Та к украденное древнегреческим героем руно превратится в символ тайны непорочного зачатия Девы Марии, а сам Орден получит второе имя — «Знак Гедеона».

Гийом Филастр, следующий канцлер, продолжит изыскания своего предшественника. Он обнаружит в Священном Писании еще четыре руна! «Лучшие люди» — Иаков, Иов, царь Давид, царь Моавитянский упоминались в связи с «овечьей» тематикой. Пестрые овцы Иакова сами собой превратились в воплощение высшей справедливости, которой и был

призван служить Орден. Филастр не раз повторит Карлу Смелому: «Ваш отец учредил сей Орден отнюдь не напрасно, как говорят некоторые».

Чтобы доказать это, Карл всерьез задумался об объединении европейского рыцарства. Кто знает — быть может, создание единой Европы произошло бы на несколько веков раньше, воплотись его идеи в жизнь. Увы, дело ограничилось тем, что Карл обменялся с английским королем Эдуардом IV Йорком знаками Орденов Золотого руна и Подвязки. А с его смертью, в связи с отсутствием мужского наследника, гроссмейстерство и вовсе перешло к австрийскому эрцгерцогу (позже — императору) Максимилиану Габсбургу, сочетавшемуся законным браком с дочерью Карла Смелого — Марией. Их сын Филипп женился на Хуане Безумной, наследнице Кастилии и Арагона — и управление Орденом перешло к испанской ветви Габсбургского Дома.

Однако, в 1712 году разразилась война за Испанское наследство. Австрийский Габсбург Карл VI, захватив Мадрид, вывез оттуда архивы Ордена Золотого Руна. Зачем они понадобились воинственному Карлу, остается загадкой — вероятнее всего, для него Орден стал своего рода символом обладания Нидерландами. Казначейство было перенесено в Вену, где и остается по сей день. Поньне существуют и два Ордена Золотого Руна — возглавляемые австрийским и испанским монархами, они не устают оспаривать законность друг друга... Что ж — у сильных мира сего свои привычки. А нам остается лишь радоваться, что эта борьба носит куда более мирный характер, нежели битва Язона с драконом, уже много столетий кипящая на славном Ордене...

«Орден Мыльни»

Знаете ли вы, что общего между Рональдом Рейганом и генералом Барклаем-де-Толли, памятник которому стоит в самом центре Петербурга у Казанского собора? Оба они — кавалеры Ордена Бани — высшей награды Британии. В эту приятную компанию можно добавить и Светлейшего Князя Воронцова, и президента Франции Франсуа Миттерана, и даже румынского лидера Николае Чаушеску. Правда, его титул почетного Рыцаря Большого Креста, спустя десять лет после присвоения, Ее Величеством королевой Елизаветой II был аннулирован...

А, собственно, при чем здесь баня? Все объясняется просто. В средние века, чтобы стать рыцарем, необходимо было совершить омовение — в доказательство того, что человек чист в помыслах и готов преодолеть любые трудности ради благородной цели. Легенда утверждает, что Орден был учрежден Генрихом IV во время его коронации — а первыми рыцарями Ордена стали тридцать шесть «хороших и верных товарищей», охранявших короля повсюду, в том числе и во время купания. Обряд ритуального омовения они провели вместе с будущим монархом.

С 1399 года такие коллективные рыцарские купания проводились в английском городке Бат (Bath) — когда-то здесь находились римские термы, а к тому времени остались только их развалины. Отсюда и название, на русском языке вплоть до XIX века звучавшее как «Орден Мыльни». Его знак являл собой золотой овал, окруженный лучами со словами девиза: «Tria Juncta In Uno» («Трое — едины»: Англия, Шотландия и Ирландия). В центре, меж тремя коронами — золотой скипетр с уже хорошо знакомыми нам розой и чертополохом.

Впрочем, официальный статус Орден Бани получил лишь 11 мая 1725 года при короле Георге I. А в 1815-м он был реорганизован — у него появилось несколько степеней отличия. Произошло это после битвы при Ватерлоо, ведь большинство отличившихся в

ней британцев не имело высоких чинов. Для них был изготовлен специальный эмалевый знак Ордена.

С этого момента орденом стали награждать не только военных, но и гражданских лиц — впрочем, на практике он до сих пор жалуется исключительно «за боевые заслуги». Причем, дается не часто и потому является одним из наиболее уважаемых британских орденов.

Орденский знак для военных — золотой мальтийский крест с маленькими шариками на концах. Между его лучами — четыре британских льва в зарослях из розы и чертополоха, к которым добавился ирландский трилистник. Две лавровые ветви зеленой эмали перевязаны голубым бантом с надписью по-немецки: «Ich Dien» («Я служу»). «Гражданский» знак, как и много лет назад, выполнен в виде золотого овала.

О закрытости британцев давно уже ходят легенды — и милым их сердцу орденом, как правило, награждаются подданные Британской короны. Однако из любого правила есть исключения — и с давних пор граждане других стран могут быть посвящены в почетные члены Ордена сверх установленной «нормы». Первым русским «банщиком» стал 30 августа 1815 года уже упомянутый Михаил Барклай-де-Толли. А вскоре к нему присоединился еще один герой войны с «Буонапартом» — русский генерал-фельдмаршал, а по совместительству Главнокомандующий союзной армией, чистокровный англичанин герцог Артур Уэлсли Веллингтон. Какой он рыцарь — британский или русский — в конце концов, не столь уж и важно...

А в июне 1945-го Большой рыцарский крест Ордена Бани был вручен маршалу Георгию Жукову. Константин Рокоссовский стал кавалером Командорского креста. Вместе со всем советским народом британцы торжествовали великую победу. Но, как это часто бывает в истории, то, что одних возносит на пьедестал, других сбрасывает в бездну. Именно такая участь постигла легендарного казака-партизана, генерала Белой Армии Андрея Шкуро, который еще в 1919-м был награжден орденом Бани. Генерал Хольман, вручая награду, произнёс: «Этот высокий орден жалуются вам Его Величеством за ваши заслуги в борьбе с большевизмом как мировым злом». Увы, случилось так, что в годы Второй мировой одержимый той же идеей Шкуро помогал германскому командованию. И в 1945 году именно англичане выдали генерала Сталину, не посмотрев на то, что уже много лет его грудь украшал прославленный рыцарский орден. Говорят, что Шкуро в знак протеста сорвал его с себя — и бросил к ногам английского офицера...

...Ну а традиция купания кавалеров перед вручением награды сохранилась до сих пор. Правда, во избежание кривотолков, теперь их лишь слегка окропляют водой.

...Прославленный чародей Мерлин все свое волшебное искусство употребил на сооружение Круглого стола. Вокруг него он расположил тринадцать седалищ. Одно — для короля Артура, одиннадцать — для его достославных рыцарей. Тринадцатое всегда пустовало. Однажды сел на него дерзкий сарацин; разверзлась под ним земля, и адское пламя поглотило гордеца. С той поры невидимая рука писала на спинке кресла имя того, кому надлежало его занять... Случалось, кто-то из отважных рыцарей погибал в бою. Желая занять его место за столом должен был превзойти предшественника в добрых деяниях — иначе не видать ему артурова круга. Если же он, как это принято говорить, «соответствовал» — король вводил его за руку в зал, и тогда слышалась райская музыка, а воздух наполнялся благовониями. Это был единственный «тест», который рыцари Круглого стола предлагали пройти своему новоиспеченному брату.

Как мы убедились, на долю настоящих, а не книжных рыцарей выпадало испытаний значительно больше. Основную часть «воинства христово» составляли отнюдь не романтические герои, а рядовые служаки. В ежедневных их заботах было значительно важнее накормить коня или починить доспехи. А на куртуазные вздыхания или ритуалы досужих чудаков-волшебников времени оставалось немного. Ни баллады Кретъена де Труа, ни мифическое братство короля Артура абсолютно не волновали того, кто по долгу службы был призван менять повязки увечным в иерусалимском госпитале или сторожить крошечную крепость где-нибудь на польско-литовской границе. Это была его жизнь, и, как во всякой жизни, в ней существовали и подлость, и предательство, и геройство, и горькие потери. Что ж, как красиво написал кто-то из исследователей — «каждому свой Ронсеваль, у каждого свой Ганелон». История показала, что далеко не все их поступки были рыцарскими по сути. «Очевидно, что политическая и военная история последних столетий Средневековья... обнаруживает весьма мало рыцарственности и чрезвычайно много алчности, жестокости, холодной расчётливости, прекрасно осознаваемого себялюбия и дипломатической изворотливости», — писал Хейзинга. Эти же слова, с известной долей допущения, можно отнести и к тому времени, когда рыцарские братства только зарождались. Далеко не все, кто входил в них, были «белыми и пушистыми», но так уж сложилось, что в те столетия именно они формировали элиту, готовую взять на себя ответственность и за судьбу страны, и за судьбу веры. Исторические сюжеты — прекрасная основа для героического эпоса, но так ли уж важен сюжет там, где главенствует сверхидея, которая способна собрать под свои знамена миллионы? В этом смысле рыцарство заслуживает уважения хотя бы тем, что его представители превыше всего ценили не земные блага, а то, «выше жизни и смерти, пронзающее, как свет», духовное естество, за которое и на костер не страшно...

Что же до рыцаря без страха и упрека — он действительно существовал. Та к прозвали француза Пьера дю Тюрайля Баярда, совершившего несметное число подвигов. Как-то раз он в одиночку удерживал мост, который пытались взять две сотни всадников — и снискал такое уважение врагов, что, когда попал в плен, был немедленно отпущен без всякого выкупа. Впрочем, и свои его уважали — после битвы при Мариньяно только что отметивший совершеннолетие Франциск I пожелал, чтобы в рыцари перед лицом всего французского войска его посвятил не кто иной, как Баярд.

Пьер и умер как подобает настоящему рыцарю. Когда к нему, смертельно раненному, подошел один из врагов, чтобы выразить сочувствие, Баярд ответил: «Не обо мне вы должны сожалеть, но о себе самом, поднявшем оружие против короля и отечества...»

Что ж, на его месте вполне мог бы оказаться любой из тех, кому посвящена эта книга, — если, конечно, он был Рыцарем.

Оглавление

Полная история рыцарских орденов в одной книге

Предисловие

«...Отныне и впредь носят на своей груди крест...» . (Мальтийский орден)

Львы Родоса

«Нет, нам просто не повезло»

От Валетта к Валетте

«Губерния Российской империи»

Острожское наследство лучше, чем острог...

«Кавалеры с презрением отвергли бы бесчестный сей договор...»
«Мне кажется, что у меня шея свернута...»
«Теперь мы сами нуждаемся в бесплатной похлебке...»
Тайна Ренн-ле-Шато . (Орден тамплиеров и орден христа)
Два всадника на одном коне
«Извергающий»
«...Они в одиночку способны были выступить против тысячи...»
Пятница, 13-е
Проклятие Великого магистра
Мертвая голова
«Тамплиеры среди нас»
«Он уйдет и не вернется...»
Список Шинона
Португальские милиционеры
«Из крестоносной псарни прибыл тать...» . (Тевтонский и ливонский ордена)
«...За ним следует ухаживать прилежно...»
«Мщение и смерть магистру...»
«И бысть ту сеча зла...»
«Верните мне сына моего...»
Санта Барбара
«...А братья со своими людьми ушли в мире...»
Легенды Мальброка
«Не дай бог, чтобы я оставил это поле!..»
После Грюнвальда
Под музыку мечей и кастаньет . (Ордена испании)
«Никто не тронет меня безнаказанно» . (Светские ордена европы)
«Позор тому, кто дурно об этом подумает» . (Орден Подвязки)
«Я обладаю и иного не желаю» . (Орден Золотого Руна)
«Орден Мыльни»